ScienceFiction

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

Так давно не было действительно крутой космической оперы!
Джордж МАРТИН

ДЖЕЙМС КОРИ

Пробуждение Левиафана
Джеймс Кори

Аннотация
Джеймс Кори. ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА
Благодарность
Пролог. Джули
Глава 1. Холден
Глава 2. Миллер
Глава 3. Холден
Глава 4. Миллер
Глава 5. Холден
Глава 6. Миллер
Глава 7. Холден
Глава 8. Миллер
Глава 9. Холден
Глава 10. Миллер
Глава 11. Холден
Глава 12. Миллер
Глава 13. Холден
Глава 14. Миллер
Глава 15. Холден
Глава 16. Миллер
Глава 17. Холден
Глава 18. Миллер

Глава 19. Холден
Глава 20. Миллер
Глава 21. Холден
Глава 22. Миллер
Глава 23. Холден
Глава 24. Миллер
Глава 25. Холден
Глава 26. Миллер
Глава 27. Холден
Глава 28. Миллер
Глава 29. Холден
Глава 30. Миллер
Глава 31. Холден
Глава 32. Миллер
Глава 33. Холден
Глава 34. Миллер
Глава 35. Холден
Глава 36. Миллер
Глава 37. Холден
Глава 38. Миллер
Глава 39. Холден
Глава 40. Миллер
Глава 41. Холден
Глава 42. Миллер
Глава 43. Холден
Глава 44. Миллер

Глава 45. Холден
Глава 46. Миллер
Глава 47. Холден
Глава 48. Миллер
Глава 49. Холден
Глава 50. Миллер
Глава 51. Холден
Глава 52. Миллер
Глава 53. Холден
Глава 54. Миллер
Глава 55. Холден
Эпилог. Фред

Аннотация

Человечество успешно колонизировало Солнечную систему. Марс, Луна и Пояс Астероидов уже заселены, но звезды по-прежнему таят немало опасностей.

Водовоз «Кентербери», транспортирующий лед из колец Сатурна к станциям Пояса Астероидов, во время очередного рейса засекает сигнал бедствия от корабля «Скопули». Прибыв на место, экипаж «Кентербери» не обнаруживает на его борту ни одной живой души. Хуже того, спасательная миссия неожиданно превращается в гонку на выживание. Капитан Джеймс Холден и уцелевшие члены его команды становятся обладателями смертоносной тайны.

А на станции Церера в Поясе Астероидов детектив Миллер начинает поиски пропавшей девушки. Расследование приводит сначала к «Скопули», а дальше — к Джеймсу Холдену. Исчезновение Джули Мао становится ключом к разгадке чудовищного преступления, заказчики которого не постесняются развязать полномасштабную войну между Землей

и Марсом, чтобы достичь своих целей.

Джеймс Кори
ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

Посвящается Джейн и Кэт, научившим меня мечтать о космических кораблях.

Благодарность

Эту книгу, как иного ребенка, мастерила целая деревня. Я хотел бы выразить глубокую благодарность своим агентам, Шауне и Дэнни, и редакторам, Донг Вону и Даррену. Также полезны на ранних стадиях работы над книгой были Мелинда, Терри, Эмили, Ян, Джордж, Стив, Уолтер и Виктор из писательской группы «Критическая масса» в Нью-Мехико и Кэрри, читавшая первые наброски. Дополнительная благодарность Яну, помогавшему разобраться с математикой и не ответственному ни за какие ошибки в моем понимании таковой. За мной огромный долг Тому, Сэйк-Майку, Не-Сэйк-Майку, Портеру, Скотту, Радже, Джефу, Марку, Дэну и Джо. Спасибо, ребята, за бета-ридинг. И наконец, особая благодарность авторам «Футурамы» и Бендер Бендинг Родригез, нянчившим ребенка, пока я писал.

Пролог
Джули

«Скопули» захватили восемь дней назад, и Джули Мао наконец приготовилась умереть.

Чтобы дойти до точки, ей понадобились все восемь дней заключения в шкафу-кладовой. Первые два она провела без движения, в уверенности, что вооруженные люди, кинувшие ее сюда, не шутили. Несколько часов сразу после абордажа корабль, на который ее перевели, не включал тяги, так что она плавала в шкафу, тихонько отталкиваясь от стен и скафандров, разделявших с ней тесное пространство. Когда корабль пришел в движение, тяга придала вес ее телу. После этого она тихо стояла, пока судорога не свела ноги, потом села, свернувшись в позе эмбриона. Она мочилась в тренировочные штаны, не беспокоясь ни о теплой щиплющей влаге, ни о запахе и думая только, как бы не поскользнуться на мокром пятне, оставшемся на полу. Шуметь было нельзя. Застрелят.

На третий день жажда вынудила ее действовать. Кругом шумел корабль. Низко, на краю

слышимости, гудели реактор и двигатель. Непрестанно слышалось шипение гидравлики и стук стальных запоров, когда открывались и закрывались герметичные переборки между палубами. Топали по металлической обшивке тяжелые башмаки. Она выждала, пока остались только отдаленные звуки, сняла с крюка скафандр и уложила его на пол. Настороженно вслушиваясь, медленно разобрала скафандр и извлекла контейнер с водой. Вода успела застояться: видно, костюм целую вечность не использовался и не проходил профилактики. Но она за два дня не выпила ни глотка, и теплая маслянистая вода из резервуара скафандра была для нее словно лучший в мире напиток. Ей пришлось изо всех сил удерживать себя, чтобы не выглотать все разом, не напиться до рвоты.

Когда ей снова захотелось помочиться, она вынула из скафандра мешок с катетером и облегчилась в него. Потом села уже не на пол, а на мягкий скафандр и устроилась так удобно, что получилось задуматься, в чьи руки она угодила: флот ли это Коалиции, пираты или кто похуже. Временами она засыпала.

На четвертый день одиночество, голод, скука и наполнившиеся почти до краев контейнеры мо-

чеприемников наконец толкнули ее на попытку контакта. Она слышала приглушенные крики боли. Где-то рядом избивали или пытали ее товарищей по команде. Если привлечь внимание похитителей, возможно, они просто бросят ее к остальным. Это будет хорошо. Побои она перетерпит. Это невеликая цена за возможность снова увидеть человеческие лица.

Шкаф располагался рядом с внутренней дверью шлюза. Во время полета сюда редко заглядывали — впрочем, она не знала, какой распорядок принят на этом корабле. Она обдумывала, что им сказать, как напомнить о себе. Разобрав наконец приближающиеся шаги, она решила было завопить, чтобы ее выпустили. И с удивлением услышала сухой хрип в горле. Она сглотнула, попробовала выжать языком немного слюны и сделала новую попытку. В горле опять слабо заклокотало.

Люди находились прямо за дверью. Тихо звучал чей-то голос. Джули размахнулась, чтобы ударить в дверь кулаком, и в этот момент разобрала слова.

— Нет. Пожалуйста, нет. Пожалуйста, не надо.

Дэйв. Ее корабельный механик. Дэйв, который собирал вырезки из старых комиксов и знал

миллион шуточек, молил тихим прерывистым голосом.

«Нет, пожалуйста, не надо», — говорил он.

Заскрипели гидравлические запоры воздушного шлюза. Удар по металлу — что-то зашвырнули внутрь. Шипение отсасываемого воздуха.

Когда закончился цикл шлюзования, люди ушли от ее двери. Она не стала стучать.

Они дочиста выскребли корабль. Захват флотом внутренних планет считался нежелательным вариантом, но к нему они были готовы. Данные, касающиеся АВП, скрыли под видом записей обычного судового журнала с ненастоящими метками времени. Информацию, слишком секретную, чтобы доверить компьютеру, капитан уничтожил. Когда нападающие проникнут на борт, все будет выглядеть совершенно невинно.

Всего этого не понадобилось.

Их не спрашивали о грузе и приписке. Захватчики вели себя по-хозяйски, капитана Даррена отшвырнули пинком, как собаку. Остальные — Майк, Дэйв, Ван Ли — сразу подняли руки и вели себя смирно. Пираты, работорговцы или кто они там выволокли их с родного грузовичка и втолкнули в стыковочную трубу, не дав даже на-

деть скафандров. Только тонкий слой майлара[1] отделял их от жестокой пустоты — и надежда, что майлар не прорвется, не то прощайте легкие.

Джули тоже не сопротивлялась, пока эти ублюдки не стали ее лапать и сдирать одежду.

Она пять лет занималась джиу-джитсу при низкой гравитации, а сейчас они находились в ограниченном пространстве и в невесомости. Она натворила дел. Даже было начала думать, что победа за ней, но возникший невесть откуда кулак в тяжелой перчатке ударил ее в лицо. После этого все стало расплываться. Потом был шкаф и «пристрелите ее, если станет шуметь». Четыре дня она не шумела, пока внизу избивали ее друзей, а потом выбросили одного из них из шлюза.

Через шесть дней все затихло.

Обрывки яви сменялись обрывками бреда, и она лишь смутно отмечала, как понемногу пропадают звуки шагов, голоса, низкий гул реактора и двигателя. Вместе с тягой исчезла и сила тяжести, и тогда Джули, вывалившись из сна, в котором вела свою старую гоночную шлюпку, обнаружила, что плавает над полом, и ее мышцы, сперва возмущенно вопившие, понемногу

---

[1] Примечания: 1

Полиэфирный пластик, более прочный, чем полиэтилен. Лавсан. — *Прим. переводчика.*

расслабляются.

Она толчком направила себя к двери и прижалась ухом к холодному металлу. Паника обуяла ее, пока она не расслышала тихое гудение воздушного фильтра. В корабле еще была энергия и воздух, но двигатели не работали, не открывались двери, никто не шагал по палубам и не разговаривал. Может, команду собрали на совещание. Или они устроили вечеринку на другой палубе. Или все были в машинном зале, занимаясь серьезной поломкой.

Целый день она прислушивалась и ждала.

На седьмой день кончилась вода. В пределах слышимости за двадцать четыре часа она не уловила ни звука. Она сосала пластиковую трубку, выломанную из скафандра, пока не выжала чуточку слюны: тогда она закричала. Она докричалась до хрипоты.

Никто не пришел.

На восьмой день она была готова умереть. Больше суток она обходилась без воды, последний мочеприемник наполнился четыре дня назад. Она уперлась плечами в заднюю стенку шкафа, а ладонями — в боковые. И что было силы лягнула обеими ногами. От судороги, последовавшей за первым ударом, она потеряла сознание. Внутри у

нее все вопило.

«Глупая девчонка, — сказала она себе. — Это обезвоживание. И восьми дней без движения хватило, чтобы началась атрофия мышц. Надо было хоть разминаться».

Она размассировала сведенные мускулы, потянулась, сосредоточившись, как бывало в спортивном дожо.[2] Когда тело стало слушаться, снова ударила ногами. И еще. И еще, пока по краям двери не стал просачиваться свет. И еще раз — теперь дверь прогнулась и висела на трех петлях и клапане.

И еще один, последний, удар, от которого клапан выбило из паза, и дверь распахнулась.

Джули выбросило из шкафа. Она заранее вскинула руки над головой и приготовилась принять угрожающий или испуганный вид — смотря по ситуации.

На всем уровне не было ни души: дверь шлюза, шкаф, в котором она провела восемь дней, еще полдюжины кладовых. Всюду пусто. Она нашла в инструментальном наборе скафандра магнитный ключ, подходящий для разбивания черепов, и двинулась к трапу, ведущему на ниж-

---

[2] Примечания: 2
Зал для занятий джиу-джитсу.

нюю палубу.

Потом на уровень ниже, еще ниже. Каюты команды в строгом, почти военном порядке. Хозсклады — здесь были признаки борьбы. Медотсек — пустой. Торпедный отсек — никого. В кабине связи не оказалось дежурного, энергия отключена, дверь заперта. Палуба за палубой, помещение за помещением без признаков жизни. Что-то случилось. Утечка радиации. Ядовитый газ. Что-то, вынудившее их к эвакуации. Она задумалась, сумеет ли в одиночку пилотировать корабль.

Но если они эвакуировались, она должна была слышать их у шлюза?

Она добралась до последнего палубного люка, ведущего в машинный зал, и остановилась, потому что этот люк не открылся автоматически. Красный огонек на панели замка показывал, что вход запечатали с той стороны. Она снова задумалась о радиации или крупной аварии. Однако если дело в этом, зачем запираться изнутри? И сколько она прошла встроенных счетчиков на стенах? Ни один не предупреждал об опасности. Нет, это была не радиация, а что-то другое.

И здесь не наблюдалось порядка. Она увидела кровь. Разбросанные контейнеры и инструменты. Что бы ни случилось, это случилось здесь.

И кончилось за запертой дверью. У нее ушло два часа, чтобы с помощью сварочной горелки и инструментов из механической мастерской вскрыть люк в машинный зал. Гидравлика отказала, пришлось отжимать его руками. Из отверстия ударил теплый влажный воздух, он пах госпиталем без антисептиков. Меднистый, тошнотворный запах. Стало быть, камера пыток. Она найдет внутри друзей, избитых или разрезанных на куски. Джули взяла ключ на изготовку и решила, что, прежде чем ее пристрелят, успеет разбить хотя бы одну голову. И поплыла внутрь.

Машинный зал был огромным, с соборными сводами. В центре его возвышался ядерный реактор. Что-то с ним было не так. Она ожидала увидеть приборные табло, обшивку, мониторы, а вместо них реактор покрывало нечто вроде жидкой грязи, вытекавшей из сердечника. Джули медленно, придерживаясь одной рукой за трап, подплыла ближе. Незнакомый запах забивал все.

Грязь, запекшаяся на реакторе, обладала структурой, какой она никогда не видела. Ее, подобно венам или трахеям, пронизывали трубки. Некоторые из них пульсировали. Значит, не грязь.

Живая плоть.

Маленький выступ качнулся к ней. В сравнении с целым он казался не больше пальца, мизинца. Это была голова капитана Даррена.

— Помоги, — сказал он.

Глава 1
Холден

Сто пятьдесят лет назад, когда мелкие разногласия между Землей и Марсом привели их на грань войны, Пояс Астероидов был дальним фронтиром с гигантским запасом минеральных богатств, недоступных для экономически выгодной разработки, а о внешних планетах и мечтать не приходилось. Тогда Соломон Эпштейн смастерил слегка модифицированный ядерный двигатель, пристроил его к корме своей яхты с командой из трех человек и запустил. В хорошую оптику и сейчас можно увидеть корабль, уходящий на субсветовой скорости в великую пустоту. Самые лучшие, самые долгие похороны в истории человечества. К счастью, схему он оставил в домашнем компьютере. Двигатель Эпштейна не подарил людям звезды, но открыл доступ к планетам. А кроме того — к Поясу.

«Кентербери» — длиной в три четверти километра, шириной в четверть, слегка напоминающий очертаниями пожарный гидрант и почти пустой внутри — перестроили из колонистско-

го транспорта. Некогда он был битком набит людьми, провиантом, схемами, механизмами, жилыми пузырями и надеждами. Теперь на лунах Сатурна обитало около двадцати миллионов человек. «Кентербери» доставил туда почти миллион их предков. И сорок пять миллионов на луны Юпитера. Одна из лун Урана хвастала пятью тысячами населения и была самым дальним форпостом человеческой цивилизации — во всяком случае, до тех пор, пока мормоны не закончат строительство корабля, рассчитанного на несколько поколений, и не отправятся на нем к звездам и к свободе от ограничений рождаемости. И еще был Пояс Астероидов.

Если спросить вербовщика АВП, когда тот подвыпил и настроен экспансионистски, он скажет, что в Поясе сто миллионов населения. Спросите переписчика с внутренних планет — и получите около пятидесяти миллионов. Как ни смотри, население было велико и потребляло много воды.

Так что теперь «Кентербери» и другие транспорты принадлежали компании «Чисто-Прозрачно» и курсировали от колец Сатурна к Поясу и обратно, таская лед. И будут таскать, пока не развалятся на куски.

Джим Холден находил это поэтичным.

— Холден?

Он повернулся к ангарной палубе. Над ним возвышалась старший механик Наоми Нагата. Без малого два метра роста, копна курчавых волос собрана на затылке в черный хвост, на лице что-то среднее между усмешкой и злостью. Она, как все астеры, имела привычку не пожимать плечами, а поводить кистями рук.

— Холден, ты слушаешь или в окно засмотрелся?

— Есть проблема, — отозвался Холден. — И, поскольку ты очень-очень хороший механик, ты с ней справишься, несмотря на недостаток денег и материалов.

Наоми рассмеялась.

— Значит, не слушал.

— Вообще-то нет.

— Ну, суть ты все равно ухватил. Атмосферный двигатель «Рыцаря» не годится для посадки, пока я не заменю клапаны. Ну как — проблема?

— Спрошу старика, — сказал Холден. — Хотя когда мы последний раз использовали шлюпку в атмосфере?

— Ни разу, но по правилам нам положено иметь атмосферный челнок.

— Эй, босс! — заорал через весь отсек механик-

землянин Амос Бартон и помахал в их сторону мясистой лапой. Он обращался к Наоми. Пусть капитан корабля — Макдауэлл, пусть его старший помощник — Холден, но боссом для Амоса была Наоми и только Наоми.

— Что там? — заорала в ответ Наоми.

— Поврежден кабель. Не подержишь этого гада, пока я достану запасной?

Наоми оглянулась на Холдена, спрашивая глазами: «Мы закончили?» С ехидной четкостью отдала честь и отошла от него — высокая и тонкая под промасленным комбинезоном.

Семь лет в земном флоте, пять лет работы в космосе со штатскими, а он так и не привык к неимоверно длинным и тонким костякам астеров. Детство, проведенное в поле тяготения, раз и навсегда сформировало его взгляд на вещи.

У центрального лифта Холден на мгновение задержал палец над кнопкой навигационной палубы — хотелось увидеть Аду Тукунбо, ее улыбку, губы, волосы, надушенные ванилью и пачулями, — но нажал все же кнопку госпиталя. Прежде дело, потом удовольствия.

Медтехник Шед Гарвей согнулся над лабораторным столом, обрабатывая культю левой руки Кэмерона Пая. Месяц назад Паю прищемило

локоть тридцатитонной ледяной глыбой, двигавшейся на скорости пять миллиметров в секунду. Обычная травма у народа, занимающегося рискованной работой по нарезке и транспортировке айсбергов в невесомости, и Пай принял ее с профессиональным фатализмом. Холден склонился над плечом Шеда, глядя, как техник выковыривает медицинских жучков из омертвевших тканей.

— Как дела? — спросил он.

— Вроде неплохо, сэр, — ответил Пай. — Сохранилось несколько нервов. Шед как раз рассказывал, как хорошо приживется протез.

— Если удастся контролировать некроз, — вмешался медик, — и мы не дадим ране затянуться до возвращения на Цереру. Я смотрел страховку — Пай прослужил достаточно долго, чтобы хватило на протез с обратной связью, тактильными и температурными сенсорами и программой мелкой моторики. На внутренних планетах изобрели биогель для регенерации конечностей, но наши медицинские страховки его не оплачивают.

— Ну и на хрен внутряков с их волшебными мазюками. Предпочитаю честный астерский протез всему, что эти ублюдки разводят в своих лабораториях. Может, стоит им намазаться, и станешь таким же засранцем, — сказал Пай и тут

же добавил: — Ох, я не в обиду вам, старпом.

— Я и не обижаюсь. Рад, что тебя починят, — ответил Холден.

— Расскажи ему, Шед, — попросил Пай с озорной ухмылкой. У Шеда запылали уши.

— Ну, я слышал от других ребят с протезами, что, пока они приживаются, их трогать — все равно, что трогать чужой член.

Холден на секунду оставил это сообщение висеть в воздухе. Уши у Шеда стали совсем багровыми.

— Рад слышать, — наконец сказал Холден. — А некроз?

— В ране есть инфекция, — объяснил Шед. — Жучки ее контролируют, и вообще-то воспаление в данном случае только на пользу, лишь бы не дать ему распространиться.

— Он будет готов к следующему рейсу? — спросил Холден.

Пай впервые помрачнел.

— Да уж ясно, буду! Я всегда готов, сэр. Это ж моя работа!

— Возможно, — поправил Шед. — Зависит от того, как примется протез. Если не к ближайшему рейсу, так к следующему.

— Ни хрена, — перебил Пай. — Я и с одной рукой

буду лучше рубить лед, чем половина сопляков, что у нас на борту.

— Опять же рад слышать. — Холден спрятал улыбку. — Держись.

Пай возмущенно фыркнул. Шед выковырнул еще одного жучка. Холден вернулся к лифту и теперь уже не колебался.

Навигационная рубка «Кентербери» не производила особого впечатления. Экраны во всю стену, какие мерещились Холдену, прежде чем он поступил на флот, действительно существовали на больших кораблях, но их ставили скорее из эстетических соображений, чем по необходимости. Ада сидела перед парой экранов чуть больше монитора ручного терминала, в углах мелькали показания работы реактора и двигателей, данные системы бежали по правому краю. Уши Ады скрывали толстые наушники, и из них почти неслышно гудели басы. Если «Кентербери» зафиксирует отклонение от нормы, она получит предупреждение. И об ошибке системы тоже. И о том, что капитан Макдауэлл покинул командный пост. Тогда она успеет отключить музыку и к его приходу примет деловитый вид. Среди тысячи черточек, привлекавших Холдена в Аде, было и умение наслаждаться жизнью. Он подошел

сзади, аккуратно освободил одно ее ухо из-под наушников и сказал:

— Эй.

Ада улыбнулась и сняла наушники, оставив их болтаться на шее на манер ожерелья.

— Старший помощник Джеймс Холден. — Ее нигерийский акцент подчеркивал преувеличенную официальность обращения. — Чем могу быть полезна?

— Раз уж вы спрашиваете, — в тон отозвался он, — я как раз подумывал, что хорошо бы пригласить кого-нибудь к себе в каюту после третьей смены. Устроить романтический ужин из той дряни, что сварганят на камбузе. Музыку послушать.

— Винца выпить… — подхватила она, — правила нарушить. Мысль недурна, только я сегодня не в настроении для секса.

— Я не о сексе. Поедим, побеседуем.

— А я — о сексе, — сказала она.

Холден опустился на колени у ее кресла. Тяга давала одну треть *g*, так что в этой позе ему было удобно. Усмешка на лице Ады стала мягче. Монитор загудел. Она бросила взгляд на экран, ткнула в клавишу пуска и опять повернулась к Холдену.

— Ада, ты мне нравишься. То есть мне нравится

быть с тобой, — сказал он. — И я не понимаю, почему нам нельзя посидеть вместе в одежке.

— Холден, миленький, брось это, а?

— Что бросить?

— Не пытайся сделать из меня невесту. Ты славный парень, у тебя классная задница, и ты хорош в койке. Но это не значит, что мы обручены.

Холден опустился на пятки и поймал себя на том, что хмурится.

— Ада. Мне этого мало, мне нужно кое-что еще.

— А вот этого не будет, — сказала она, взяв его за руку. — И хорошо, что не будет. Ты здесь старший помощник, а я — временный работник. Еще рейс, может, два, и я уйду.

— Я тоже не цепями прикован.

В ее смешке послышались одновременно ласка и недоверие.

— Сколько ты прослужил на «Кенте»?

— Пять лет.

— Никуда ты не денешься, — сказала она. — Тебе здесь удобно.

— Удобно? — повторил он. — «Кент» — дряхлая ледяная баржа. Работу дерьмовее найти можно, но пришлось бы постараться. Вся команда состоит либо из жутких недоучек, либо из людей, здорово напортачивших на последней работе.

— Но тебе здесь удобно. — Ее взгляд стал жестче. Она прикусила губу, глянула на экран, подняла глаза вверх.

— Я этого не заслужил, — сказал он.

— Нет, — согласилась она. — Слушай, я же говорю, что сегодня не в настроении. Паршиво себя чувствую. Мне надо выспаться. Завтра я буду добрее.

— Обещаешь?

— Я даже приготовлю тебе обед. Извинения приняты?

Он скользнул вперед, поцеловал ее в губы. Она ответила — сперва из вежливости, потом теплее. Ее ладонь легла было ему на затылок, но Ада тотчас отстранилась.

— Слишком уж хорошо ты этому научился, — проворчала она. — Теперь тебе пора идти. Исполнять обязанности и тому подобное.

— Ладно, — ответил он и не двинулся с места.

— Джим, — сказала она и включила систему общего оповещения.

— Холден, в рубку! — Голос капитана Макдауэлла прозвучал гулко и невнятно. Холден ответил неприличным словцом. Ада рассмеялась. Он прижался к ней теснее, чмокнул в щеку, затем повернулся к центральному лифту, про себя по-

желав капитану Макдауэллу чирьев на видном месте за чертовски несвоевременный вызов.

Рубка была немногим больше каюты Холдена и вдвое меньше камбуза. Если бы не довольно широкий экран, необходимый здесь из-за близорукости капитана и его недоверия к коррекционной хирургии, помещение сошло бы за заднюю комнатушку бухгалтерской конторы. Воздух пахнул чистящим средством и слишком крепким чаем мате. Когда Холден вошел, капитан шевельнулся в кресле. Потом откинулся назад и через плечо указал на установку связи.

— Бекка! — рявкнул он. — Скажи ему!

Дежурный офицер связи Ребекка Байерс походила на потомка топора и акулы. Черные глаза, острые черты лица, губы такие тонкие, что их, почитай, вовсе не было. На борту ходили слухи, что она подрядилась на эту работу, чтобы сбежать от суда за убийство бывшего мужа. Холдену она нравилась.

— Аварийный вызов, — сказала она. — Принят два часа назад. Подтверждение опознавательного сигнала только что получено с Каллисто. Это не фальшивка.

— Эх, — вздохнул Холден и добавил: — Дерьмо. Мы ближе всех?

— Единственный корабль на несколько миллионов кэмэ.

— Ну-ну. Ясно, — сказал Холден.

Бекка перевела взгляд на капитана. Макдауэлл хрустнул пальцами и уставился на дисплей. Свет от экрана окрашивал его лицо зеленым.

— Рядом на карте астероид, не принадлежащий к Поясу, — сказал он.

— Да ну? — удивился Холден. — Не могли же они в него врезаться. Там миллионы километров для маневра.

— Может, кому-то понадобилось на горшочек, вот и завернули к нему. Нам известно только, что эти тупицы где-то там, трубят в аварийный сигнал, и мы ближе всех. Следовательно…

Закон Солнечной системы не допускал двойных толкований. В среде, столь враждебной, как космос, помощь и взаимовыручка были отнюдь не вопросом выбора. Аварийный сигнал сам по себе обязывал ближайший корабль задержаться и оказать помощь — впрочем, это не означало, что закон всегда исполнялся.

«Кентербери» шел с полным грузом. Целый месяц они потихоньку разгоняли миллион с небольшим тонн льда. Так же, как маленький айсберг, раздробивший руку Паю, затормозить

их было непросто. Никуда не денешься от искушения объявить о необъяснимой поломке рации, стереть запись в журнале и следовать закону великого бога Дарвина.

Впрочем, если бы Макдауэлл решил поступить именно так, он не вызвал бы Холдена. И не заводил бы разговор там, где его могла слышать вся команда. Холден понимал, что у него на уме. Капитан решил сделать вид, что проигнорировал бы сигнал, если б не Холден. Ворчуны похвалят капитана за то, что он хотел сохранить в целости доход от рейса. А Холдена будут уважать за то, что он твердо соблюдает правила. Но в любом случае оба — и капитан, и Холден — окажутся виноваты в том, что поступили, как требует закон и простая человеческая порядочность.

— Придется остановиться, — сказал Холден и неуклюже добавил: — Ладно, может, разживемся каким барахлишком.

Макдауэлл барабанил пальцами по экрану. Из динамика прозвучал голос Ады, тихий и мягкий, словно она стояла рядом.

— Капитан?

— Рассчитайте торможение этого корыта, — приказал тот.

— Сэр?

— Насколько сложно будет причалить к CA-2216862?

— Мы останавливаемся на астероиде?

— Скажу, когда вы исполните приказ, штурман Тукунбо.

— Есть, сэр. — Холден услышал несколько щелчков. — Если развернуться прямо сейчас и гореть свечкой два дня, можно сблизиться на пятнадцать тысяч километров, сэр.

— Не уточните ли, что значит «гореть свечкой»? — спросил капитан.

— Придется уложить всех в амортизаторы.

— Еще бы. — Макдауэлл вздохнул и почесал в косматой бороде. — И еще лед помнет корпус, и ремонт обойдется в пару миллионов, если повезет. Староват я для таких дел, Холден, честное слово.

— Верно, сэр. Староваты. И я давно облизываюсь на ваше кресло, — ответил Холден. Макдауэлл ухмыльнулся и сделал неприличный жест. Ребекка фыркнула. Макдауэлл повернулся к ней.

— Сообщите на маяк, что мы идем. И дайте знать на Цереру, что задерживаемся. Холден, как наш «Рыцарь»?

— Для полета в атмосфере надо заменить несколько деталей, но пятьдесят тысяч кэмэ в

вакууме продержится.

— Уверены?

— Так сказала Наоми, значит, так оно и есть.

Макдауэлл поднялся, развернув тело в два с четвертью метра роста, тонкое, как у земного подростка. Для человека его возраста, никогда не жившего в гравитационном колодце,[3] предстоящее ускорение, вероятно, окажется адом. Холден ощутил жалость, но не дал ей воли, чтобы не смущать капитана.

— Вот что, Джим. — Макдауэлл понизил голос так, что его мог слышать только Холден. — Мы обязаны остановиться и сделать попытку, но не обязаны лезть из кожи, ты меня понял?

— Мы уже остановились, — сказал Холден, и Макдауэлл похлопал по воздуху широкой, похожей на паука ладонью. Один из множества жестов, изобретенных астерами взамен мимики и пожатия плечами, невидимых под скафандрами.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Но, если покажется, будто там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой.

---

[3] Примечания: 3

Гравитационным колодцем называется область, где ощущается влияние тяготения небесных тел. Здесь употребляется в смысле «на поверхности крупных планет».

— И оставить их следующему кораблю, который окажется поблизости?

— И уцелеть, — сказал Макдауэлл. — Приказ. Понял?

— Понял, — ответил Холден.

Щелкнув, ожила система общего оповещения, и Макдауэлл принялся объяснять команде положение дел. Холдену показалось, что он слышит стон на всех палубах. Он подошел поближе к Ребекке.

— Ладно, что там у нас за разбитый корабль?

— Легкий грузовик. Приписан к Марсу. Портом назначения указан Эрос. Называется «Скопули»…

Глава 2
Миллер

Детектив Миллер откинулся на пенопластиковом стуле, мягко улыбаясь девушке и одновременно пытаясь уловить смысл в ее рассказе.

— …А потом все — ух! Полно крутяков, ор и мочиловка, — тараторила девица, размахивая руками. — Думала, просто пляски, только вот Буми вроде как не знал и в уме не держал, аминь. Понимаешь, кве?[4]

Хэвлок, стоявший у двери, дважды моргнул. На лице коротышки читалось нетерпение. Вот почему он никогда не станет старшим детективом. И поэтому же он вечно продувает в покер.

Миллер хорошо играл в покер.

— Еще как, — отозвался Миллер. В его голосе прорезался акцент нижних уровней. Он лениво повел рукой, повторяя жест девушки. — Буми, он не ждал. Пропустил удар.

— Ага, пропустил удар, хрен такой, — повторила девица, словно затверживая стих из Писания.

---

[4] Примечания: 4
Что это *(искаж. исп.).*

Миллер кивнул, и она кивнула в ответ — точь-в-точь пара птиц в брачном танце.

Съемная нора состояла из трех помещений, раскрашенных в бежевый с черными пестринками, — кухни, ванной и жилой комнаты. Выдвижная койка в комнате ломалась и чинилась столько раз, что уже отказывалась убираться. Здесь, вблизи центра вращения Цереры, искусственная гравитация почти не ощущалась. Воздух пропах старыми белковыми дрожжами и грибами. Местная пища — стало быть, тот, кто сломал девице койку, не платил за обед. А может, заплатил, а девица предпочла потратить средства на героин, алкоголь или МСК.[5]

В любом случае это ее дело.

— Дальше кве? — спросил Миллер.

— Буми пш-ш — как воздух из шлюза, — хихикнула девица. — Аж башкой вдарился, понял?

— Понял, — согласился Миллер.

— Теперь все крутые новые. Выше крыши. Я завязала.

— А Буми?

Девушка медленно, с башмаков и до узкополой шляпы, оглядела его. Миллер хмыкнул. И слегка

---

[5] Примечания: 5
Видимо, имеется в виду мескалин.

оттолкнулся от стула, так что при здешней низкой гравитации его приподняло в воздух.

— Он объявится, я спрашивал, кве си? — сказал детектив.

— Комо но, — согласилась девица. «Почему бы и нет».

Туннель за дверью был бы белым, если б не слой грязи. Шириной в десять метров, туннель полого поднимался в обе стороны. Светодиодные лампы даже не пытались притвориться солнечным светом. Примерно в полукилометре отсюда кто-то так расколотил стену, что проглядывала коренная порода, а починить никто еще не собрался. Может, и не соберутся. Так глубоко, к самому центру вращения, туристы не спускаются.

Хэвлок шел к их кару,[6] высоко подпрыгивая на каждом шагу. Он редко захаживал на уровни с низкой гравитацией, и здесь ему было не по себе. Миллер всю жизнь прожил на Церере, но и его, правду сказать, кориолисова сила малость покачивала.

— Итак, — начал Хэвлок, набрав код места назначения, — ты повеселился.

— О чем это ты? — спросил Миллер.

---

[6] Примечания: 6
Здесь: открытая электрическая тележка.

Загудел, оживая, электромотор, и кар покатился по туннелю, поскрипывая пенопластиковыми шинами.

— Показал землянину, как говорят на внешних мирах, да? — спросил Хэвлок. — Я и половины не понял.

— Нет, это не астеры морочили землянина, — объяснил Миллер. — Тут разница между бедняками и образованными людьми. Хотя я и вправду малость позабавился.

Хэвлок рассмеялся. Он умел принимать шутки в свой адрес без обид. Оттого ему так хорошо давались командные игры: футбол, баскетбол, политика.

Миллер в эти игры играть не умел.

Церера, портовый город Пояса и внешних планет, с диаметром двести пятьдесят километров, могла похвалиться десятью тысячами километров коридоров в несчетных слоях. Чтобы раскрутить ее до 0,3 *g*, лучшие умы инженерно-производственного концерна «Тихо» трудились полпоколения — и до сих пор изрядно гордились собой. Сейчас на Церере было больше шести миллионов постоянного населения, а тысяча кораблей, причаливавших ежедневно, увеличивала его и до семи.

Платина, железо и титан с Пояса. Вода с Сатурна, овощи и мясо из обогреваемых зеркалами теплиц Ганимеда и Европы, прочая органика с Земли и Марса. Гелий-3 с обогатительных станций Реи и Япета. Через Цереру текла река богатства и могущества, невиданных за всю историю человечества. А там, где процветает торговля, не обходится без преступности. Где есть преступники, там будет и служба безопасности, чтобы держать их в рамках. Люди вроде Миллера и Хэвлока, чья работа — гонять на электрокарах по широким пандусам, чувствуя, как уходит из-под них искусственная гравитация вращения, и расспрашивать дешевых шлюх о событиях той ночи, когда рэкетир Буми Чаттерджи перестал собирать дань для общества «Золотая Ветвь».

Штаб-квартира службы безопасности «Звездная Спираль» — полицейских сил и военного гарнизона станции Церера — располагалась на третьем от поверхности уровне, занимала два квадратных километра и была прокопана на такую глубину, что Миллер мог, не выходя со

службы, подняться на пять уровней.[7] Хэвлок остался, чтобы сдать кар, а Миллер прошел в свой кабинет, загрузил запись допроса и стал прогонять ее заново. Он добрался до середины, когда на плечи ему навалился партнер.

— Что-нибудь разобрал? — спросил Хэвлок.

— Не так уж много, — ответил Миллер. — На Буми налетела шайка ничейных местных головорезов. Иной раз мелкие сошки вроде Буми сами нанимают таких, чтобы дать им героический отпор. Создают себе репутацию. Это она и назвала «плясками». Ребята были подходящего калибра для таких дел, только вот Буми вместо того, чтобы разыграть крутого ниндзя, смылся и не возвращается.

— И что дальше?

— А дальше ничего, — сказал Миллер. — Вот этого я и не понимаю. Кто-то вышвырнул сборщика «Золотой Ветви», а реакции никакой. Я хочу сказать — ладно, Буми был шестеркой, но…

— Но если кто-то проглотит шестерок, большие люди получат меньше денег, — кивнул Хэвлок. —

---

[7] Примечания: 7

Поскольку центробежная сила увеличивается с расстоянием от центра вращения, на станции, где гравитация создается вращением, понятию «низ» соответствует направление от центра, а «верх» — к центру станции.

Так почему же «Золотая Ветвь» не восстановила гангстерскую справедливость?

— Мне это не нравится, — сказал Миллер.

Хэвлок рассмеялся:

— Астеры. Маленькая странность, а вам уже мерещится, будто рушится экосистема. Если у «Золотой Ветви» не хватает сил постоять за себя, это только к лучшему. Они преступники, не забыл?

— Ну да, — вздохнул Миллер, — но, что бы ни говорили об организованной преступности, она, по крайней мере, организованная.

Хэвлок присел на пластиковый стульчик рядом с Миллером и вытянул шею, чтобы заглянуть на экран.

— Ладно, — сказал он. — А как понимать «пропустил удар»?

— Боксерский термин, — пояснил Миллер. — Значит, получил удар, откуда не ждал.

Компьютер пискнул, и из динамика послышался голос капитана Шаддид.

— Миллер? Вы на месте?

— Хм, — промычал Хэвлок. — Это не к добру.

— Что? — резко переспросила Шаддид. Она так и не сумела отказаться от предрассудков по поводу происхождения Хэвлока с одной из внутренних планет. Миллер вскинул ладонь,

останавливая партнера.

— Здесь, капитан. Чем могу помочь?

— Зайдите ко мне, пожалуйста.

Миллер встал, а Хэвлок перебрался в его кресло. Они не обменялись ни словом. Оба понимали: раз капитан Шаддид не пригласила обоих, Хэвлока она видеть не хочет. Еще одна причина, по которой ему никогда не стать старшим детективом. Миллер оставил его в одиночестве просматривать запись, разбираясь в нюансах класса и положения, происхождения и расы. Работы ему тут на всю жизнь.

Кабинет Шаддид был обставлен в мягком стиле, по-женски. На стенах — настоящие тканые ковры, из встроенного воздушного фильтра веет ароматом кофе и корицы — это обошлось вдесятеро дешевле самих продуктов. Капитан небрежно относилась к форме, волосы, в нарушение корпоративных правил, носила распущенными по плечам. Если бы Миллера попросили ее описать, ему на ум пришли бы слова: «маскировочная окраска». Она кивнула на стул, и он сел.

— Что узнали? — спросила она, глядя при этом на стену за его спиной. Не издевалась, просто завязывала разговор.

— Похоже, с «Золотой Ветвью» то же самое, что

с парнями Сохиро и Локи Грейги. Они еще на станции, но… не при делах, я бы сказал. Пустили всё на самотек. Меньше бандитов осталось на виду, меньше насилия. Я потерял из поля зрения с полдюжины не самых мелких фигур.

Ему удалось добиться внимания.

— Убиты? — спросила капитан. — АВП наступает?

Альянс Внешних Планет был постоянным пугалом для службы безопасности Цереры. АВП, блюдя традиции Аль Капоне и ХАМАС, ИРА и «Красного Марса», добился любви тех, кого поддерживал, и внушал страх всем, кто оказывался у него на пути. Эта организация — то ли общественное движение, то ли нарождающаяся нация, то ли террористическая сеть — была начисто лишена уважения к закону. Капитан Шаддид недолюбливала Хэвлока, потому что тот вынырнул из гравитационного колодца, но она хоть соглашалась с ним работать. АВП вышвырнул бы его из шлюза. А люди вроде Миллера заслуживали только пули в голову, притом непременно пластиковой — чтобы не повредить воздуховоды.

— Не думаю, — сказал Миллер. — Войной тут не

пахнет. Тут… черт возьми, сэр,[8] не понимаю я, что за чертовщина. Тут крупные ставки. Рэкет на спаде, меньше игр без лицензий. Купер и Харири закрыли публичный дом с несовершеннолетними шлюхами на шестом, и никто не слышал, чтобы они открыли его в другом месте. Болтаются кое-где отморозки, но в целом все выглядит замечательно. Только вот попахивает странным.

Она кивнула, но уже снова смотрела в стену. Ее интерес пропал так же быстро, как появился.

— Ну, забудьте об этом, — сказала она. — У меня кое-что есть. Новый контракт. Только для вас. Без Хэвлока.

Миллер скрестил руки на груди.

— Новый контракт? — медленно повторил он. — В смысле?

— В смысле, «Звездная Спираль» принимает контракт на услуги дополнительно к поддержанию порядка на Церере, и я, как менеджер корпорации, передаю его вам.

— Я уволен? — спросил он.

Капитан Шаддид болезненно поморщилась.

— Это дополнительная работа, — сказала

---

[8] Примечания: 8

Обращение «сэр» к начальнику женского пола, применяющееся при строго официальной форме общения, видимо, следует понимать как развитие традиций политкорректности.

она. — Вы остаетесь на прежней должности. Просто, кроме того… Слушайте, Миллер, мне это нравится не больше, чем вам. Я не выпихиваю вас со станции. Я не отказываю вам в основном контракте. Это просто услуга, которую кто-то на Земле оказывает акционеру.

— Мы теперь оказываем услуги акционерам? — спросил Миллер.

— Вы оказываете, — отрезала Шаддид. Мягкого примирительного тона как не бывало. Ее глаза стали темными, как мокрый камень.

— Ну что ж, — произнес Миллер, — значит, придется оказать.

Капитан Шаддид протянула ему ручной терминал. Миллер извернулся, достал свой и принял узколучевую передачу. Что бы в ней ни было, Шаддид не допускала ее в общую сеть. На экране появился новый файл, помеченный как «ДЖМАО».

— Они ищут пропавшую дочь, — пояснила капитан Шаддид. — Ариадна и Жюль-Пьер Мао.

Имена казались знакомыми. Миллер потыкал в экран пальцем.

— Торговое предприятие «Мао — Квиковски»?

— Оно самое.

Миллер тихо присвистнул.

«Маоквик», может, и не входила в десяток крупнейших корпораций Пояса, но уж точно числилась в первой полусотне. Она возникла из юридической фирмы, имевшей отношение к легендарному провалу с облачными городами Венеры. Деньги, полученные от тянущегося десятилетиями судебного процесса, они вложили в расширение и диверсификацию фирмы, большей частью в межпланетные перевозки. Теперь станция корпорации была независимой, плавала между Поясом и внутренними планетами с царственным величием океанского лайнера древних морей. Уже тот факт, что Миллер знал о них так много, означал, что людей вроде него фирма могла купить и продать, не моргнув глазом.

Его только что купили.

— База у них на Луне, — сказала капитан Шаддид. — Со всеми правами и привилегиями земного гражданства. Но они много занимаются здешними транспортировками.

— И недосмотрели за дочкой?

— Паршивая овца, — сказала капитан. — В колледже замешалась в группу под названием «Дальние Горизонты». Студенты-активисты.

— Фронт АВП, — подсказал Миллер.

— Связаны с ним, — поправила Шаддид. Мил-

лер пропустил уточнение мимо ушей, однако в нем проснулось любопытство. Он задумался, на какой стороне окажется капитан Шаддид, если АВП таки выступит. — Семья замяла дело. У них двое старших детей, которым принадлежит контрольный пакет акций, так что, если Джули нравилось носиться в пустоте и называть себя борцом за свободу, им это не мешало.

— Однако теперь они ее ищут, — заметил Миллер.

— Да.

— Что изменилось?

— Они не сочли нужным объяснить.

— Ясно.

— По последним сведениям, она работала на станцию Тихо, но квартиру снимала здесь. Я нашла ее помещение через сеть и заперла. Пароль у вас в файле.

— Понял, — сказал Миллер. — Каковы мои обязанности?

— Найти Джули Мао и доставить домой.

— То есть похитить, — сказал он.

— Да.

Миллер пялился на экран терминала, перещелкивал файлы, почти не глядя. Внутри у него затягивался странный узел. Он шестнадцать лет

проработал на безопасность Цереры и с самого начала не обольщался иллюзиями. Штука заключалась в том, что на Церере не было законов — но была полиция. И грязи у него на руках накопилось не меньше, чем у капитана Шаддид. Случалось, люди вываливались из шлюзов. Случалось, из сейфов пропадали улики. Речь шла не о том, справедливо это или несправедливо. Главное, чтобы это оправдывало себя. Когда проводишь жизнь в каменном пузыре, и пищу, воду, даже воздух тебе доставляют из мест столь отдаленных, что не во всякий телескоп разглядишь, приходится учиться гибкости. Но похищениями они прежде не занимались.

— В чем проблема, детектив? — спросила Шаддид.

— Ни в чем, сэр. Я займусь этим делом.

— Не тратьте на него слишком много времени, — сказала она.

— Да, сэр. Что-нибудь еще?

Жесткий взгляд капитана Шаддид смягчился, словно она снова надела маску. Она улыбнулась.

— С партнером у вас все хорошо?

— Хэвлок в порядке, — сказал Миллер. — Когда он рядом, люди по контрасту думают обо мне лучше. Это приятно.

Ее улыбка стала самую малость искреннее. Ничто не сближает начальника с подчиненным больше, чем капелька единодушия в расовых вопросах. Миллер почтительно кивнул и вышел.

Его нора была на восьмом уровне, в ответвлении жилого тоннеля ста метров шириной с пятьюдесятью метрами ухоженного зеленого парка посередине. Сводчатый потолок основного тоннеля освещался скрытыми светильниками и был выкрашен в голубой цвет — по словам Хэвлока, такой же, как летнее небо Земли. Жизнь на поверхности планеты, где масса пронизывает все кости и мышцы, а воздух не удерживается ничем, кроме гравитации, представлялась быстрым способом сойти с ума. Но голубое небо выглядело приятно.

Кое-кто, по примеру капитана Шаддид, ароматизировал воздух. Конечно, не только кофе и корицей. В норе Хэвлока пахло свежим хлебом. Другие предпочитали ароматы цветов или семиферомоны. Кандес, бывшая жена Миллера, любила запах какого-то «Земного Ландыша», от которого ему всегда вспоминались уровни утилизации отходов. Теперь Миллер оставил чуточку усиленный запах самой станции. Восстановленный воздух, побывавший в миллионах легких.

Вода из крана, лабораторной чистоты, но в недавнем прошлом — моча, дерьмо, слезы, кровь, и она станет ими снова. Круг жизни на Церере был так мал, что не составляло труда разглядеть край. Миллеру это нравилось.

Он налил себе стакан мохового виски — местного церерского напитка из модифицированных дрожжей, — сбросил ботинки и лег на пенопластиковую кровать. Он как сейчас видел неодобрительную гримасу Кандес и слышал ее вздох. Мысленно он виновато пожал плечами и занялся работой.

Джульетта Андромеда Мао. Он прочел биографию, сведения об учебе. Талантливая гонщица. В файле нашлась фотография ее в восемнадцать лет в модном вакуумном скафандре без шлема: симпатичная девушка с тонкой фигурой лунной жительницы, с длинными черными волосами. Она улыбалась так, словно вся вселенная посылала ей воздушный поцелуй. Подпись гласила, что она заняла первое место в чем-то под названием «Пэрриш/Дорн 500К». Он быстро нашел справку. Какая-то гонка, участвовать в которой могли позволить себе только по-настоящему богатые люди. Ее шлюпка — «Бритва» — побила прежний рекорд и два года удерживала новый.

Миллер попивал виски и гадал, что могло случиться с девушкой, достаточно богатой и влиятельной, чтобы прилететь сюда на собственном корабле. От участия в престижной гонке до похищения и отсылки домой в коконе — долгий путь. А может быть, и нет.

— Бедная маленькая богачка, — обратился к экрану Миллер. — Паршиво, наверно, на твоем месте.

Он закрыл файлы, тихо, сосредоточенно допил виски и уставился в пустой потолок. Стул, на котором сиживала Кандес, расспрашивая его, как прошел день, нынче стоял пустым, но он все равно представлял ее на обычном месте. Теперь, когда никто не втягивал его в разговор, он лучше понимал жену. Ей было одиноко. Теперь он это видел. Воображаемая Кандес закатила глаза.

Через час, разогрев кровь выпивкой, он сварил миску настоящего риса с фальшивыми бобами — дрожжи и грибы сойдут почти за что угодно, лишь бы хватило виски. Миллер открыл дверь своей норы и поел, глядя на движение в тоннеле. Вторая смена втекала в станции «трубы» и вытекала из них. Ребятишки, жившие через две норы от него, — восьмилетняя девочка с четырехлетним братишкой — встретили вернувшегося отца

объятиями, визгом, жалобами друг на друга и слезами. Голубой потолок светился отраженным светом: неизменный, неподвижный, внушающий уверенность. По тоннелю пролетел воробей, завис в воздухе. Хэвлок уверял, что на Земле они так не могут. Миллер бросил воробью ненастоящий боб.

Он заставлял себя думать о Мао, но, по правде сказать, ему не было до нее дела. С организованной преступностью на Церере творилось что-то странное, и он чувствовал себя чертовски неуютно.

А что Джули Мао? Она не имеет отношения к делу.

Глава 3
Холден

После добрых двух суток торможения у Холдена ныли колени, спина и шея. Черт, и ступни тоже. Он пролез в рабочий шлюз «Рыцаря» одновременно с Наоми, поднявшейся по трапу из грузового отсека. Она улыбнулась и одобрительно оттопырила большие пальцы.

— Спасательный мех[9] установлен, — сказала она. — Реактор греется. Готовы к вылету.

— Хорошо.

— Пилот нашелся? — спросила она.

— Алекс Камал сменился, он с нами и полетит. Жаль, что не Валка. Как пилот он Алексу не ровня, зато не так разговорчив, а у меня голова болит.

— Мне Алекс нравится. Он пассионарий, — сказала Наоми.

— Не знаю, что такое «пассионарий», но если это Алекс, он меня утомляет.

Холден уже поднимался по трапу в операторскую кабину. Отразившаяся в блестящей черноте

---

[9] Примечания: 9
Мех — от «механизм».

отключенных экранов Наоми усмехнулась ему в спину. Он не мог понять, как это астеры, тощие как карандашики, с такой легкостью оправлялись от перегрузок. Подозревал, что дело тут в десятилетиях практики и естественном отборе.

В кабине Холден пристегнулся к командной консоли, и амортизирующий материал мягко обнял его тело. После половины *g*, на которой Ада прошла остаток пути, пена была кстати. Он позволил себе тихонько застонать. Резко щелкали переключатели из пластика и металла, рассчитанные на большие перегрузки и долгие десятилетия. «Рыцарь» отозвался созвездием индикаторов диагностики и еле слышным гулом.

Несколько минут спустя Холден оглянулся и увидел поднимающуюся над люком лысеющую макушку Алекса Камала; следом за ней показалась его веселая круглая физиономия, по-прежнему смуглая, несмотря на годы корабельной жизни. Выросший на Марсе, Алекс был сложен плотнее астеров, но тоньше, чем Холден, и все же его скафандр натягивался на выпуклом брюшке. Когда-то Алекс служил в марсианском флоте, но, видно, давно забросил армейскую привычку держать себя в форме.

— Приветик, старпом, — протянул он. Холдена

раздражала ковбойская тягучесть в речи жителей долины Маринера. Ковбои и на Земле-то сотни лет как повывелись, а уж на Марсе, где трава росла только под куполами, лошадей можно было увидеть разве что в зоопарке. Долину заселяли индусы и китайцы с небольшой примесью техасцев. Как видно, выговор последних оказался заразителен. Теперь все они говорили так. — Как наш боевой конь?

— Пока все гладко. Нам нужен полетный план. Ада переведет нас в относительную неподвижность через… — он прочитал показания табло, — сорок минут, так что поторопись. Хотелось бы вылететь, сделать дело и вернуть «Кент» на курс к Церере, пока он не заржавел.

— Роджер,[10] — отозвался Алекс, забираясь в кабину.

В шлеме у Холдена щелкнуло, и голос Наоми произнес:

— Амос и Шед на борту. Мы здесь готовы.

— Хорошо. Ждем расчет курса от Алекса и отправляемся.

Экипаж челнока был минимальным: Холден — командир, Алекс — чтобы доставить их на ме-

---

[10] Примечания: 10

«Роджер» — общепринятый сигнал окончания связи в американской армии, здесь употребляется в смысле «принято» или «подтверждаю».

сто и обратно, Шед — на случай, если выжившим понадобится помощь. И еще Наоми и Амос, чтобы подобрать бесхозное имущество, если выживших не окажется.

Довольно скоро Алекс доложил:

— Ну вот, босс, нас ждет примерно четыре часа на летающем чайнике. Используем около тридцати процентов общей массы, но бак у нас полный. На все задание одиннадцать часов.

— Принял. Спасибо, Алекс, — ответил Холден.

«Летающим чайником» на флотском жаргоне называлось движение на маневровой тяге с использованием перегретого пара от реакторной массы. Включать ядерный двигатель поблизости от «Кентербери» было опасно, да и незачем для такого короткого перелета. Реактивные двигатели, изобретенные до Эпштейна, обладали куда меньшей эффективностью.

— Прошу разрешения на выход из конюшни, — сказал Холден, перещелкнув тумблер связи на мостик «Кентербери». — Докладывает Холден. «Рыцарь» готов к вылету.

— Отлично, Джим, отправляйтесь, — отозвался Макдауэлл. — Ада как раз останавливается. И осторожней там, ребятки. Челнок стоит дорого, да и Наоми мне всегда была по душе.

— Роджер, капитан, — ответил Холден и, переключившись обратно на внутреннюю связь, просигналил Алексу: — Давай, выводи нас.

Холден откинулся в кресле и стал слушать, как поскрипывает при финальном маневре «Кентербери». Сталь и керамика издавали звуки столь же громкие и зловещие, как борта морских кораблей. И как суставы землянина после перегрузок. Холден сочувствовал кораблю.

Конечно, на самом деле они не останавливались. В пространстве не бывает настоящей неподвижности — можно только выйти на одну орбиту с другим объектом. Сейчас они следовали за CA-2216862 в его веселом тысячелетнем путешествии вокруг Солнца.

Ада дала им зеленый свет, и Холден, откачав воздух из ангара, открыл шлюз. Алекс вывел их из дока на белом конусе перегретого пара.

Они направлялись к «Скопули».

CA-2216862 оказался скалой полкилометра в поперечнике, отбившейся от Пояса и захваченной мощным притяжением Юпитера. В конечном счете астероид нашел собственную неторопливую орбиту вокруг Солнца в пространстве между Юпитером и Поясом — пустынном даже по космическим меркам.

При виде «Скопули», приткнувшегося к боку астероида и удерживаемого его ничтожной гравитацией, Холдену стало зябко. Даже при полете вслепую, с выключенными датчиками, вероятность случайного столкновения бесконечно мала. Это все равно что налететь на полукилометровый дорожный барьер на шоссе шириной в миллионы километров. Холден почувствовал, как волосы у него на загривке неприятно зашевелились.

— Алекс, держись в двух кэмэ, — произнес он. — Наоми, что скажешь об этом кораблике?

— Очертания корпуса соответствуют данным регистрации. Это определенно «Скопули». Не излучает ни в электромагнитном, ни в инфракрасном. Только спасательный маячок. Похоже, реактор заглушён. Должно быть, вручную, а не аварийно, потому что утечки радиации тоже не отмечено, — сказала Наоми.

Холден посмотрел на картинку, переданную оптикой «Рыцаря», и на объемное изображение, созданное отражающимся от корпуса лучом лазера.

— А как насчет той штуки, что похожа на дырку в обшивке?

— Ну, — сказала Наоми, — ладар[11] говорит, что это и есть дырка в обшивке.

Холден нахмурился.

— Ладно, задержимся на минутку, проверим еще раз окрестности. Что там на оптике, Наоми?

— Ничего. Большая антенна «Кента» увидела бы и мальчишку, швыряющегося камнями на Луне. Бекка говорит, вокруг на двадцать миллионов кэмэ никого.

Холден отстучал сложный ритм по подлокотнику своего кресла и приподнялся, насколько позволяли ремни. Ему стало жарко, и он направил ближайшее сопло циркуляции воздуха себе в лицо. От испаряющегося пота защипало кожу на голове.

«Если покажется, будто там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой». Так ему было приказано. Он оглядел изображение «Скопули», дыру в борту.

— Ладно, — наконец проговорил он. — Алекс, подойди на четверть кэмэ и держись так. К корпусу подъедем на мехе. Да, и не давай чайнику остывать. Если на том кораблике прячется что-то нехорошее, я хочу, чтобы мы могли рвануть с ме-

---

[11] Примечания: 11
Ладар — световой (лазерный) радар.

ста и заодно расплавить в шлак все, что окажется за нами. Роджер?

— Понял, босс. «Рыцарь» будет готов рвануть как испуганный кролик, пока не поступит других распоряжений, — ответил Алекс.

Холден еще раз осмотрел панель управления, поискал предостерегающие красные огоньки, которые дали бы ему повод вернуться на «Кент». Но все огни горели спокойным зеленым светом. Тогда он отстегнулся и оттолкнулся от кресла. Дотянувшись ногой до стены, направил себя к трапу и спустился головой вперед, придерживаясь за ступени.

В командном отсеке Наоми, Амос и Шед еще лежали в амортизаторах. Холден, ухватившись за трап, перевернулся, чтобы не смотреть на команду вверх ногами. Они принялись отстегиваться.

— Ну вот, положение таково. В «Скопули» дыра, и кто-то оставил его плавать у этого булыжника. В поле зрения никого, так что, может, они давно ушли. Наоми, ты поведешь спасательный мех, а нас троих возьмешь на буксир. Шед, ты останешься на мехе, если мы не обнаружим раненых, что вряд ли. Мы с Амосом попадем внутрь сквозь дыру и пошарим там. Если увидим что-то, хоть немного похожее на ловушку, сразу возвращаем-

ся. Наоми доставит нас к «Рыцарю», и мы тут же смоемся. Вопросы есть?

Амос поднял мясистую руку.

— Может, нам лучше вооружиться, старпом? На случай, если там затаились какие пираты.

Холден усмехнулся:

— Если затаились, значит, приятели улетели без них. Но если тебе так спокойнее, бери пушку.

О том, что и ему самому будет спокойнее, если здоровенный механик-землянин захватит пистолет, он говорить не стал. Пусть думают, что командир уверен в себе.

Холден офицерским ключом отпер оружейный сейф, и Амос взял себе крупнокалиберный автомат, стреляющий самодвижущимися снарядами без отдачи — сконструированный специально для невесомости. Старомодные пули были надежнее, но при нулевом тяготении действовали как маневровые двигатели. Отдача обычного пистолета запросто могла выбросить стрелка из поля притяжения такого камешка, как CA-2216862.

Команда выплыла в грузовой отсек, где их ждал мех — яйцевидная клетка с паучьими ногами. Каждая из четырех конечностей заканчивалась когтем манипулятора и скрывала набор инструментов для резки и сварки металла. Задняя пара

могла вцепиться в корабельную обшивку или любую другую опору, а две передние в это время занимались бы ремонтом или разрубали обломки крушения на транспортабельные куски.

— Надеваем шляпы, — скомандовал Холден, и они помогли друг другу надвинуть и закрепить шлемы. Каждый проверял свой скафандр и скафандр одного из соседей. Когда откроется створка шлюза, поздно будет выяснять, все ли правильно застегнулись.

Пока Наоми возилась с мехом, Амос, Холден и Шед закрепили буксировочные концы своих скафандров на металлической клетке его корпуса. Наоми включила отсос воздуха, выждала и открыла переборку. Из всех звуков в шлеме Холдена остались только шипение и шуршание помех в рации. Дыхательная смесь в скафандре припахивала лекарством.

Наоми вышла первой и направила мех к астероиду, двигаясь на выбросе азота из сопла. Остальные потянулись за ней на трехметровых буксирах. На лету Холден оглянулся на «Рыцаря»: тяжеловесный серый клин с конусом двигателя на широком конце. Люди, создававшие устройства для перемещения в пространстве, думали об эффективности, а не о красоте. Холдена это всегда

чуточку огорчало. Даже здесь могло бы найтись место прекрасному.

«Рыцарь», казалось, уплывал прочь, становился все меньше, а сам Холден будто повис в неподвижности. Иллюзия исчезла, когда он обернулся к астероиду и обнаружил, что они падают прямо на него. Он открыл канал связи с Наоми, но та в полете напевала что-то без слов — верный знак, что хотя бы она была спокойна. Он ничего ей не сказал, но оставил связь включенной, чтобы слышать, как она мычит себе под нос.

Вблизи «Скопули» выглядел не так уж плохо. Кроме зияющей и борту дыры, других повреждений не было заметно. Корабль явно не врезался в астероид. Его просто бросили настолько близко, что микрогравитация постепенно притянула его вплотную к камню. По мере приближения Холден щелкал камерой шлема и передавал картинки на «Кентербери».

Наоми зависла в трех метрах над дырой в боку «Скопули». Амос по каналу общей связи присвистнул.

— Это не торпедой пробито, старпом. Проломили взрывчаткой. Видишь, как погнуло металл по краям? Взрывной заряд прилепили прямо к корпусу.

Амос был хорош не только как механик, но и как специалист ни хирургически точным взрывам; он раскалывал плавающие вокруг Сатурна айсберги, превращая их в пригодные для погрузки глыбы льда. Это была дополнительная причина включить его в команду «Рыцаря».

— Итак, — заговорил Холден, — наши друзья со «Скопули» остановились, позволили кому-то взобраться к себе на корпус и прилепить взрывчатку, чтобы вскрыть их и выпустить воздух. Кто-то видит в этом смысл?

— Никакого, — откликнулась Наоми. — Нет тут смысла. Ты все еще хочешь попасть внутрь?

«Если покажется, будто там что-то не так, не разыгрывай героя. Собирай игрушки и бегом домой».

Но разве он мог ожидать чего-то другого? Ясно, что «Скопули» не в порядке. Конечно, с ним что-то не так. Странно было бы *не увидеть* ничего странного.

— Амос, — сказал Холден, — достань на всякий случай свою пушку. Наоми, ты не могла бы расширить для нас пробоину? Только будь осторожна. Чуть что не так — отступаем.

Наоми подвела мех ближе. Выброс азота казался легким облачком в холодной ночи. Вспыхнули

сварочные аппараты, металл раскалился докрасна, запылал белым, потом голубым. Беззвучно развернулись манипуляторы меха — как лапы насекомого, — и Наоми начала обрезать края. Холден с Амосом спустились на корпус, прилепившись магнитными подошвами. Холден ногами ощутил вибрацию, когда Наоми отвалила кусок обшивки. Почти сразу погасла сварка, и Наоми принялась обдувать края противопожарной установкой меха, чтобы охладить их. Холден показал Амосу большой палец и очень медленно спустился в дыру.

Отверстие, пробитое почти точно посередине корпуса, вело в камбуз. Дотянувшись подошвами до стены, он почувствовал, как хрустят под ними прихваченные морозом крошки. Тел не было видно.

— Давай, Амос. Команды пока не видать, — позвал по рации Холден и отодвинулся в сторону. Амос показался почти сразу. Он сжимал в правой руке оружие, а в левой — мощный фонарь. Белый луч заиграл по стенам разбитого камбуза.

— Куда теперь, мастер?

Холден соображал, барабаня пальцами по бедру.

— В машинный зал. Хочу разобраться, почему

не работает реактор.

Они перебирали руками по трапу, двигаясь к корме. Все герметичные переборки между палубами были открыты — дурной признак. При аварии они закрывались автоматически, тем более когда обнаруживалась утечка атмосферы. Если они открыты, значит, ни на одной палубе корабля не осталось воздуха. Неудивительно, но все же разочарование. Они быстро прошли насквозь маленький корабль, задержавшись в механической мастерской. Дорогостоящие части двигателя и инструменты были на месте.

— Пожалуй, это не ограбление, — рассудил Амос.

Холден не спросил: «А что же тогда?» — но вопрос повис между ними.

Машинный зал был идеально чистым, холодным и мертвым. Холден дал Амосу осмотреться, и тот добрых десять минут просто плавал над реактором.

— Кто-то проделал все процедуры отключения, — сказал Амос. — Взрыв не затронул реактора, его заглушили позже. Я не нахожу повреждений. Ерунда какая-то. Если все погибли при атаке, кто его заглушил? А если это пираты, почему они не забрали корабль? Он еще мог бы

летать.

— А прежде чем заглушить реактор, они прошлись по всем палубам и открыли все герметичные переборки, выпустив воздух. Надо думать, хотели убедиться, что никто там не прячется, — добавил Холден. — Ладно, пошли назад в рубку, посмотрим, не расколется ли компьютер. Может, хоть он нам скажет, что тут было.

Они поплыли вдоль трапа к носу корабля, на командный пост. Здесь тоже было чисто и пусто. Отсутствие тел начинало беспокоить Холдена больше, чем обеспокоило бы их наличие. Он подплыл к панели главного компьютера и нажал несколько клавиш, проверяя, осталось ли аварийное питание. Его не было.

— Амос, вырезай из него ядро. Возьмем с собой. Я пока проверю связь, поищу маячок.

Амос пододвинулся к компьютеру и принялся доставать инструменты, прилепляя их к ближайшей переборке. Работая, он грязно ругался себе под нос. Это было далеко не так мило, как мурлычущая песенку Наоми, и Холден отключился и переместился к панели связи. Она умерла вместе со всем кораблем. Он отыскал судовой маяк.

Его никто не включал. Их вызывало что-то другое. Холден, нахмурившись, отодвинулся.

Он осмотрел помещение, ища взглядом что-нибудь неуместное. Вот, на полу, под креслом оператора связи. Маленькая черная коробочка, ни к чему не присоединенная.

Сердце выдержало длинную паузу между ударами. Он окликнул Амоса:

— Как по-твоему, это похоже на мину?

Амос его не услышал. Холден включил радио и повторил:

— Амос, по-твоему, это похоже на мину?

Амос оторвался от работы над компьютером и подплыл ближе, затем движением, от которого у Холдена перехватило горло, подхватил коробочку с полу и поднял перед собой.

— Не-а. Это передатчик. Видишь? — Он поднес его к шлему Холдена. — Наспех подключен к аккумулятору. Что он здесь делает?

— Это маяк, на который мы шли. Господи. Корабельный маяк никто не включал. Кто-то настроил этот передатчик на фальшивый сигнал и подключил его к аккумулятору, — тихо, сдерживая панику, проговорил Холден.

— Кому такое может понадобиться, старпом? Какой смысл?

— Смысл был бы, если б этот передатчик чем-то отличался от стандартного, — сказал Холден.

— Например?

— Например, включал бы второй сигнал, когда его кто-нибудь тронет, — сказал Холден и перешел на канал общей связи.

— Ну вот, мальчики и девочки, мы нашли кое-что странное, поэтому сматываемся отсюда. Всем возвращаться на «Рыцаря», и очень осторожно, когда…

Его рация переключилась на внешний канал. В шлеме раздался голос Макдауэлла.

— Джим? Кажется, у нас проблема.

Глава 4
Миллер

Миллер наполовину закончил ужин, когда зазвенела система в его норе. Он взглянул на код отправителя. «Голубая Лягушка». Это был паршивенький бар, обслуживающий часть дополнительного миллиона приезжих и рекламировавший себя как практически точную копию знаменитого земного бара в Мумбаи, только с лицензированными проститутками и легальными наркотиками. Миллер еще раз зачерпнул вилкой фальшивых бобов и гидропонного риса, раздумывая, стоит ли отвечать.

«Это надо было предвидеть», — подумал он и спросил:

— Что?

Экран открылся, как хлопушка. Помощник управляющего, Хасини, — темнокожий человек с глазами-ледышками. Кривая усмешка на его лице была результатом повреждения нервов. Миллер однажды оказал ему услугу, когда Хасини неблагоразумно пригрел проститутку без лицензии. С тех пор полисмен из службы без-

опасности и портовый бармен обменивались любезностями. Неофициальная, теневая экономика цивилизации.

— Ваш партнер опять здесь. — Голос Хасини звучал поверх завывающих ритмов музыки Бхангра. — Кажется, у него неудачная ночь. Мне и дальше его обслуживать?

— Да, — протянул Миллер, — постарайтесь ублажить его еще… дайте мне двадцать минут.

— Он не желает ублажаться. Усердно ищет повода для недовольства.

— Постарайтесь, чтоб не нашел. Я сейчас.

Хасини кивнул, дернул щекой и прервал связь. Миллер оглядел недоеденный ужин, вздохнул и сбросил объедки в бачок утилизатора. Натянул чистую рубашку и задумался. В «Голубой Лягушке», на его вкус, всегда было слишком жарко, так что куртку надевать не хотелось. Поэтому компактный пластиковый пистолет он сунул в кобуру на лодыжке. Мгновенно достать не удастся, но если дойдет до такого, дело все равно будет дрянь.

Ночная Церера была неотличима от дневной. Когда станция только открылась, пробовали приглушать и включать освещение в традиционном суточном ритме, подражая вращению Земли. Эта

причуда продержалась четыре месяца, потом Совет ее прикончил.

Будь Миллер на службе, он взял бы электрокар и погнал бы по широким туннелям на уровень порта. Его подмывало поступить так и во внеслужебное время, но помешало въевшееся суеверие. На каре он будет чувствовать себя копом, а «труба» довезет не хуже. Миллер дошел до ближайшей станции, проверил ее состояние и сел на низкую каменную скамью. Минуту спустя подошел человек примерно его возраста с трехлетней девчушкой. Они сели напротив. Непрестанная бессмысленная болтовня лилась с языка девочки, как воздух из прохудившегося клапана, а отец в ответ хмыкал и кивал в более или менее подходящих местах.

Миллер и новый пассажир обменялись кивками. Девочка дергала отца за рукав, требуя внимания. Миллер посмотрел на нее: темные глаза, светлые волосы, гладкая кожа. Она уже слишком вытянулась, чтобы принять ее за землянку, руки и ноги были длиннее и тоньше. И кожа розоватого оттенка, как у всех маленьких астеров, принимающих фармацевтический коктейль для развития мускулатуры и костей. Миллер видел, что отец заметил его интерес. Он

улыбнулся и кивнул на малышку:

— Сколько ей?

— Два с половиной, — сказал отец.

— Отличный возраст.

Отец пожал плечами, но улыбнулся в ответ и спросил:

— А у вас есть дети?

— Нет, — сказал Миллер, — моему разводу как раз сравнялось столько же.

Оба захихикали, словно в сказанном было что-то смешное. Воображаемая Кандес скрестила руки и отвернулась. Мягкий сквозняк с запахом масла и озона возвестил о приближении «трубы». Миллер пропустил отца с ребенком вперед и сел в другое купе.

Вагоны «трубы» делали круглыми, чтобы они вписывались в пустые туннели. Окон не было, а если б и были, в них все равно не удалось бы разглядеть ничего, кроме каменного свода, проносящегося в трех сантиметрах от стенки вагона. Вместо окон устанавливали широкие экраны и крутили на них рекламу развлечений, сообщения о политических скандалах на внутренних планетах либо предлагали спустить недельное жалованье в казино, уверяя, что жизнь от этого станет гораздо насыщеннее. Миллер рассеянно

следил за игрой ярких цветов, игнорируя содержание. Мысленно он разглядывал свою проблему, поворачивал так и эдак, не пытаясь пока найти решения.

Простое упражнение для мозгов. Рассматривайте факты без оценок. Хэвлок — землянин. Хэвлок снова отправился в портовый бар и нарывается на драку. Хэвлок — его партнер. Утверждение за утверждением, факт за фактом, ячейка за ячейкой. Он не пытался выстроить их по порядку или связать в повествование: все это придет позже. Пока хватит того, что дневные дела вымывались из памяти, позволяя подготовиться к возникшей ситуации. К тому времени, когда «труба» подошла к станции, он успел сконцентрироваться. Это как будто становишься на всю ступню — объяснял он в те времена, когда еще пытался кому-то что-то объяснить.

В «Голубой Лягушке» была толпа, жар тел накладывался на температуру лже-Мумбаи и искусственно загрязненный воздух. Мерцание и переливы огней могли довести до эпилептического припадка. Музыка тараном пробивала воздух, каждый удар отдавался в теле. Хасини, стоя рядом с компанией накачанных стероидами вышибал и полуголых официанток, поймал

взгляд Миллера и кивнул в глубину зала. Миллер не ответил на кивок, а просто повернулся и стал пробиваться сквозь толпу.

В портовых барах драка может вспыхнуть в любой момент. Миллер, как мог, старался никого не задеть. Если приходилось выбирать, он предпочитал толкнуть астера, а не внутряка, женщину, а не мужчину. На его лице застыла маска сдержанного извинения.

Хэвлок сидел один, обхватив мясистыми пальцами граненый стакан. Когда Миллер пристроился рядом, он обернулся, заранее готовый услышать оскорбление, раздув ноздри и расширив глаза. Потом до него дошло, и землянин виновато насупился.

— Миллер, — сказал он. В наружном туннеле это был бы крик, но здесь голос едва доносился до соседнего места. — Что ты тут делаешь?

— В норе скучно, — сказал Миллер, — подумал вот, не затеять ли драку.

— Ночь подходящая, — отозвался Хэвлок.

И правда. Даже в барах, обслуживающих внутряков, земляне и марсиане обычно попадались один к десяти. Присмотревшись к толпе, Миллер обнаружил, что низкорослые коренастые мужчины и женщины составляют добрую треть.

— Корабль пришел? — спросил он. Корабли флота Коалиции Земля — Марс часто заходили на Цереру по пути к Сатурну, Юпитеру и станциям Пояса, но Миллер не следил за относительным расположением планет и не знал, какая орбита сейчас удобнее. Хэвлок покачал головой.

— Охрану корпорации переводят на Эрос, — сказал он. — Кажется, «Протогена».

Рядом с Миллером возникла официантка: по ее коже змеились татуировки, зубы светились в ультрафиолете. Миллер взял предложенный напиток, хоть и не делал заказа. Содовая вода.

— Знаешь, — сказал Миллер, склонившись к партнеру, чтобы не повышать голоса, — сколько бы ты ни напинал им задниц, Шаддид не станет лучше думать о тебе.

Хэвлок резко обернулся к нему, сквозь злость в его глазах просматривались стыд и боль.

— Правда, — добавил Миллер.

Хэвлок рывком поднялся на ноги и направился к выходу. Он хотел уйти, тяжело топая, но его подвела центробежная гравитация Цереры и выпивка — выглядело это так, будто он шагает вприпрыжку. Миллер со стаканом в руке скользил между людьми у него в кильватере, улыбкой и извиняющимися жестами успокаивая задетых

партнером.

С грязными, засаленными стенами припортовых общих туннелей не справлялись ни компрессионная очистка, ни реагенты. Хэвлок шел, ссутулившись, поджав губы, излучая жаркую злость. Однако двери «Голубой Лягушки» уже закрылись за ними, переборка отрезала музыку, словно кто-то нажал глушитель. Основная угроза миновала.

— Я не пьян, — чересчур громко произнес Хэвлок.

— Я этого и не говорил.

— А ты… — Хэвлок обернулся и уставил палец в грудь Миллеру. — Ты мне не нянька.

— И то верно.

Они вместе прошли, может, четверть километра. Завлекающе мигали яркие светодиодные вывески. Бордели и тиры, кафе и поэтические клубы, казино и показательные бои. Пахло мочой и остывшей едой.

Хэвлок замедлил шаг, плечи отлепились от ушей.

— Я работал в убойном отделе в Территауне, — сказал он. — Три года в «проституции и наркотиках» на L-5. Ты хоть представляешь, каково это? Там торговали детьми, а мы с еще двумя

парнями это прекратили. Я хороший коп.

— Да, хороший.

— Я чертовски хорош.

— Верно.

Они миновали ресторанчик, где подавали лапшу. Дешевый отель с комнатками-гробами. Публичный терминал, по экрану которого пробегали свежие новости: «Вирус в аппаратуре связи на научной станции Феба. Казино Нью-Андреаса — выигрыш 6 миллиардов долларов за 4 часа. Не торгуйте с Марсом. Контракт Пояс — Титан…» Экраны светились в глазах Хэвлока, но смотрел он мимо них.

— Я чертовски хороший коп, — повторил он и, чуть помолчав, прибавил: — Что за фигня?

— Дело не в тебе, — сказал Миллер. — Люди видят в тебе не хорошего копа Дмитрия Хэвлока. Они видят в тебе Землю.

— Чушь собачья. Я восемь лет провел на орбитальных станциях и на Марсе. Я на Земле в общей сложности прослужил не больше полугода.

— Земля или Марс — все едино, — сказал Миллер.

— Скажи это марсианину, — с горечью рассмеялся Хэвлок. — Вот тут-то тебе напинают задницу.

— Я не о том… Слушай, я уверен, различий хватает. Земля ненавидит Марс, потому что у него флот лучше. Марс ненавидит Землю, потому что у нее флот больше. Может, при полной гравитации удобнее играть в футбол — или нет. Не знаю. Я просто говорю, что здесь, так далеко от Солнца, всем наплевать. С такого расстояния и Землю, и Марс можно накрыть одним пальцем. А ты…

— А я нездешний, — сказал Хэвлок.

У них за спиной открылась дверь бара, вышли четверо астеров в серо-зеленой форме. У одного на рукаве виднелась нашивка с рассеченным кругом АВП. Миллер напрягся, но астеры свернули в другую сторону, а Хэвлок их не заметил. Пронесло.

— Я знаю, — продолжал говорить Хэвлок. — Подписывая контракт со «Звездной Спиралью», я отдавал себе отчет, что вписаться будет нелегко. Понимаешь, я думал, всюду одно и то же. Когда приходишь, тебя какое-то время чураются. Потом видят, что справляешься, и принимают в команду. Но здесь не так.

— Не так, — сказал Миллер.

Хэвлок покачал головой, плюнул и уставился на стакан в руке.

— Похоже, мы украли посуду из «Голубой Ля-

гушки», — сказал он.

— И к тому же находимся в общем коридоре с алкоголем в открытой таре, — добавил Миллер. — Во всяком случае, ты. У меня содовая.

Хэвлок хихикнул, но в смешке сквозило отчаяние. Когда он снова заговорил, в голосе была тоска.

— Ты думаешь, я сюда хожу и нарываюсь на драку с народом с внутренних планет, чтобы Шаддид, Рамачандра и прочие обо мне лучше думали?

— Мне это приходило в голову.

— Ошибаешься, — сказал Хэвлок.

— Пусть так, — согласился Миллер. Он знал, что не ошибается. Хэвлок поднял стакан.

— Отнесем обратно?

— Как насчет «Редкого Гиацинта»? — предложил Миллер. — Я угощаю.

Салон «Редкий Гиацинт» располагался тремя уровнями выше — достаточно далеко от порта, вне пешей доступности. И обслуживал полицейских. В основном охрану «Звездной Спирали», но и службы корпораций поменьше тоже — «Протогена», «Пинквотера», «Аль-Аббика». Миллер был больше чем наполовину уверен, что партнер спустил пар и взрыва уже не последует, но, если

он ошибся, лучше пусть кругом окажутся свои.

Декор здесь был чисто астерский — складные столы, как на старых кораблях, стулья, прикрепленные к стенам и потолку, словно гравитацию могут отключить в любой момент. Вдоль стен тянулись вьющиеся стебли, чертов плющ, — система восстановления воздуха первого поколения. Растения обвивали и расположенные тут и там в зале колонны. Тихая музыка не мешала разговору, но позволяла беседовать, не опасаясь чужих ушей. Первый владелец, инженер-строитель Лавьер Лю, перевелся на Цереру с Тихо во времена великой раскрутки и решил остаться. Теперь здесь хозяйничали его внуки. Лавьер Третий стоял за стойкой, беседуя сразу с половиной отряда по борьбе с проституцией и эксплуатацией малолетних. Миллер провел партнера к дальнему столику, кивая на ходу знакомым. В «Голубой Лягушке» он вел себя осторожно и дипломатично, здесь держался с показной мужественностью. И то и другое было позой.

— Итак, — заговорил Хэвлок, когда дочка Лавьера, Кейт, — четвертое поколение в том же баре — отошла от столика, — что за сверхсекретное частное расследование поручила тебе Шаддид? Или подлому землянину знать не положено?

— Вот что тебя гложет? — спросил Миллер. — Это же ерунда. Какой-то акционер хватился дочки и хочет, чтобы я ее выследил и отправил домой. Плевое дельце.

— Вроде бы это скорее их дело. — Хэвлок кивнул на ребят из П/Э возле стойки.

— Детка уже не маленькая, — объяснил Миллер. — Это работа с похищением.

— А ты такое умеешь?

Миллер выпрямился. Плющ над ними заколыхался. Хэвлок ждал, и у Миллера возникло неприятное чувство, что они поменялись местами.

— Это моя работа, — сказал Миллер.

— Да, только ведь речь идет о взрослом человеке, нет? И не то чтобы ей что-то мешало вернуться домой, если ей не нравится там, где она сейчас есть. А ее родители нанимают службу безопасности, чтобы доставить девчонку домой, хочет она того или нет. Это уже не поддержание законности. И даже не вопрос безопасности станции. Это просто применение силы незадачливыми родителями.

Миллеру вспомнилась девушка перед гоночной шлюпкой. И ее широкая улыбка.

— Говорю же, ерундовое дело.

Кейт Лю вернулась с пивом и стаканом виски на подносике. Миллер с радостью прервал разговор. Пиво было для него. Светлое, насыщенное, с легчайшим горьковатым привкусом. Там, где экология держится на дрожжах и ферментах, пивоварение процветает.

Хэвлок мучил свой виски. Миллер увидел в этом знак, что он остыл. Срываться среди сослуживцев было сомнительным удовольствием.

— Эй, Миллер, Хэвлок! — произнес знакомый голос. Евгений Кобб из отдела убийств. Миллер махнул ему, и разговор свернул на бахвальство убойного, раскрывшего особенно мерзкое дело. Три месяца поисков источника токсинов завершились тем, что жена трупа[12] получила полную страховку, а нелегальную шлюху депортировали обратно на Эрос.

К утру Хэвлок смеялся и перешучивался наравне с остальными. Если на него кто-то косился или отпускал шпильку, он принимал это спокойно.

Ручной терминал Миллера звякнул, когда он шел к стойке. И одновременно по всему бару раздалось еще с полсотни звонков. Миллер, чувствуя,

---

[12] Примечания: 12

«Жена трупа» вместо «вдова» — шутка в адрес полицейского канцелярита.

как затягивается узел у него в животе, открыл, как и остальные агенты, свой терминал.

На экране общей связи появилась капитан Шаддид. В ее глазах читалась сдержанная ярость — она казалась образцовой иллюстрацией женщины, которой не дали выспаться.

— Леди и джентльмены, — сказала она, — чем бы вы ни занимались, бросайте все и возвращайтесь на свои участки в срочном порядке. Чрезвычайное положение. Десять минут назад со стороны Сатурна поступило незашифрованное сообщение. Мы еще не проверили его подлинность, но подпись в порядке. Я его закрыла, но следует ожидать, что какой-нибудь мудак выпустит его в сеть, а через пять минут после этого из вентилятора полетит дерьмо. Те, кого могут слышать штатские, сейчас же отключитесь. Для остальных — вот с чем мы столкнулись.

Шаддид отодвинулась в сторону и постучала по интерфейсу своей системы. Через секунду на нем появились лицо и плечи мужчины в оранжевом вакуумном скафандре без шлема. Землянин, немного за тридцать. Бледная кожа, голубые глаза, короткая стрижка. Он еще не открыл рот, а Миллер уже распознал в его глазах, в наклоне выставленной вперед головы признаки потрясе-

ния и ярости.

— Меня, — сказал мужчина, — зовут Джеймс Холден.

Глава 5
Холден

Через десять минут на двух *g* у Холдена начинала болеть голова. Но Макдауэлл спешно звал их домой. «Кентербери» разогревал тяжелые двигатели. Холден не хотел опоздать.

— Джим. Кажется, у нас здесь проблема.

— Расскажите.

— Бекка что-то обнаружила, и такое чудное, что у меня мурашки по яйцам бегают. Убираемся отсюда к черту.

— Алекс, долго еще? — в третий раз за десять минут спросил Холден.

— Больше часа добираться. Хочешь прокатиться на «соке»? — поинтересовался Алекс.

«Ходом на соке» пилоты называли высокое ускорение, при котором человек в обычном состоянии теряет сознание от перегрузок. «Сок» — медикаментозный коктейль — впрыскивался пилотским креслом, позволяя человеку сохранить сознание и бодрость и, возможно, избежать инсульта, когда тело весит пятьсот кило. Холден,

служа на флоте, не раз пробовал «сок», и отходняк всегда бывал мерзким.

— Нет, пока можно обойтись, — сказал он.

— В чем странность?

— Бекка, подключи его. Джим, я хочу, чтобы ты увидел то же, что и мы.

Холден сунул под язык болеутоляющую таблетку из аптечки шлема и в пятый раз запустил запись с сенсоров Бекки. Участок пространства находился в двухстах тысячах километров от «Кентербери». Сканеры «Кента» обнаружили флюктуацию, ложный черно-серый цвет, постепенно проявляющий тепловую границу. Крошечное температурное отклонение, меньше двух градусов. Холден не представлял, как Бекка его высмотрела. Он сделал в уме заметку: дать ей блестящую рекомендацию, когда она в следующий раз пойдет на повышение.

— Откуда это? — спросил Холден.

— Не представляю. Просто место чуть теплее фона, — ответила Бекка. — Я бы сказала, газовое облако, потому что радар на него не реагирует, но газовым облакам здесь взяться неоткуда. Действительно, откуда бы?

— Джим, а не могло быть так, что «Скопули»

прикончил корабль, который на него напал? Это случайно не облако пара от уничтоженного корабля? — спросил Макдауэлл.

— Не думаю, сэр. «Скопули» был совершенно безоружен. Дыра в боку проделана взрывным зарядом, а не торпедой, так что не похоже, чтобы он оборонялся. Может быть, там испустил дух сам «Скопули», но…

— А может быть, и нет. Возвращайтесь в стойло, Джим. Сейчас же.

— Наоми, что может постепенно разогреваться, не отражаясь на радаре и ладаре? Так, навскидку? — спросил Холден.

— Хм! — протянула Наоми, размышляя. — Эха не даст все, что угодно, если оно поглощает энергию сенсорных импульсов. И оно может разогреться, поглощая эту энергию.

Инфракрасный монитор на экране у кресла Холдена вспыхнул как солнце. Алекс громко выругался по общей связи.

— Видали? — спросил он.

Холден, не отвечая, открыл канал связи с капитаном.

— Кэп, мы только что отметили чрезвычайно яркую инфракрасную вспышку.

Долгую секунду ответа не было. Когда Макдау-

элл отозвался, казалось, у него перехватило горло. Холден впервые слышал в голосе старика страх.

— Джим, из того нагретого участка проявился корабль. Он излучает тепло как сам черт, — сказал Макдауэлл. — Из какой дыры он вылез?

Холден начал было отвечать, но в наушниках раздался слабый голос Ребекки по каналу капитана:

— Понятия не имею, сэр. Но он меньше своего теплового следа. Фрегат, судя по радару.

— И что это? — спросил Макдауэлл. — Невидимка? Телепортация через волшебную червоточину?

— Сэр, — вмешался Холден, — Наоми предполагает, что тепло, которое мы уловили, исходило от поглощающего энергию материала. Маскировочная обшивка. То есть этот корабль прятался специально. И значит, с недобрыми намерениями.

Словно отвечая ему, на радаре проявились еще шесть объектов, засветились желтыми иконками и сразу сменились оранжевыми: система отметила их ускорение. Ребекка на «Кентербери» вскрикнула:

— Разгоняются. Шесть высокоскоростных объектов на пересекающемся курсе.

— Иисус Христос на палочке, они что, торпедами в нас пальнули? — процедил Макдауэлл. — Хотят прихлопнуть?

— Да, сэр, — сказала Ребекка.

— Время контакта?

— Чуть меньше восьми минут, сэр.

Макдауэлл негромко выругался.

— Мы нарвались на пиратов, Джим.

— А что делать нам? — Холден старался выдержать спокойный профессиональный тон.

— Убирайтесь со связи, не мешайте моей команде работать. Вам до нас не меньше часа. Торпедам — восемь минут. Макдауэлл, конец связи, — сказал капитан. Рация щелкнула, отключаясь, и Холден остался слушать шуршание помех.

Общая связь взорвалась голосами. Алекс требовал идти на «соке» и обогнать торпеды, Наоми бормотала что-то насчет стратегии отражения удара, Амос проклинал корабль-невидимку и перебирал предков его команды. Только Шед ничего не говорил.

— Всем заткнуться! — рявкнул в микрофон Холден. Воцарилось потрясенное молчание. — Алекс, рассчитай самый быстрый курс к «Кенту», при котором мы останемся живы. Скажи, когда будешь готов. Наоми, установи трехканальную связь: ты,

я и Ребекка. Поможем, чем сумеем. Амос, можешь ругаться, но микрофон отключи.

Он ждал. Часы отсчитывали секунды до столкновения.

— Есть связь, — сказала Наоми. Холден явственно различил в наушниках два набора фоновых шумов.

— Бекка, это Джим. Наоми тоже нас слышит. Скажи, чем мы можем помочь. Наоми говорила что-то о перехвате.

— Я делаю все, что умею, — с поразительным спокойствием отозвалась Ребекка. — Они запятнали нас прицельным лазером. Я даю в эфир помехи, чтоб его сбить, но эта дрянь у них очень, очень хороша. Будь мы чуть ближе, лазер уже выжег бы дырку у нас в борту.

— А если выбросить что-нибудь материальное, чтобы дать «снег» на экране? — предложила Наоми.

Пока они переговаривались с Беккой, Джим открыл связь с Адой.

— Эй, это Джим. Я велел Алексу рассчитать скоростной курс, чтобы мы успели к вам, прежде…

— Прежде чем их снаряды превратят нас в летающий кирпич? Неплохая мысль. Не упускать же такое приключение — плен у пиратов. — В

голосе Ады за насмешкой скрывался страх.

— Ада, пожалуйста, я хотел сказать…

— Джим, что ты думаешь? — позвала по другому каналу Наоми.

Холден ругнулся и поспешно переспросил:

— О чем?

— Насчет того, чтобы «Рыцарь» попробовал оттянуть эти торпеды?

— А получится?

— Может быть. Ты что, совсем не слушал?

— Э… отвлекся тут на минуту. Объясни еще раз, — попросил Холден.

— Мы попробуем подобрать ту же частоту светового эха, что у «Кента», и дадим в эфир по своей рации. Может быть, торпеды примут нас за свою цель, — разъяснила Наоми, словно обращаясь к ребенку.

— И тогда они взорвут нас?

— Я думаю, мы сбежим и утянем торпеды за собой. Потом, когда они уже минуют «Кент», выключим рацию и попробуем укрыться за астероидом, — сказала Наоми.

— Не пройдет, — вздохнул Холден. — Общий курс они держат по лазерному прицелу, но видят цель и в телескоп. Им стоит только взглянуть на нас, чтобы понять, что мы — не то, что им

нужно.

— Но попробовать-то стоит?

— Даже если бы получилось, торпеды, должные обездвижить «Кент», нас превратят в грязный клочок вакуума.

— Ладно, — согласилась Наоми. — Что у нас еще?

— Ничего. Умники из флотских лабораторий уже предусмотрели все, что мы сумели бы выдумать за ближайшие восемь минут, — сказал Холден. Произнести это вслух означало признать и про себя.

— Так что нам делать, Джим? — спросила Наоми.

— Семь минут, — с жутким спокойствием напомнила Бекка.

— Идем туда. Может, сумеем подобрать людей после удара. Поможем справиться с повреждениями, — сказал Холден. — Алекс, курс есть?

— Роджер, мастер. Скакнем прямо туда. Подойдем под углом, чтобы наши маневровые не прожгли дырку в «Кенте». Ну, пляшем? — отозвался Алекс.

— Да. Наоми, всем пристегнуться для перегрузки, — приказал Холден и перешел на связь с Макдауэллом. — Капитан, мы разводим пары.

Постарайтесь продержаться, «Рыцарь» скоро будет, подберет вас или поможет устранить повреждения.

— Роджер, — отозвался Макдауэлл и вырубил связь.

Холден снова открыл канал Ады.

— Ада, мы пойдем на больших *g*, так что говорить я не смогу, но оставь мне этот канал открытым, а? Рассказывай, что происходит. Да хоть мычи что-нибудь. Вполне сойдет. Мне просто нужно слышать, что ты в порядке.

— Хорошо, Джим. — Мычать Ада не стала, но канал оставила открытым. Он слышал ее дыхание.

Алекс начал отсчет по общей связи. Холден проверил крепления амортизатора и накрыл ладонью кнопку подачи «сока». Дюжина иголок вонзилась в спину сквозь мембраны скафандра. Сердце затрепыхалось, стальные ленты химии сжали мозг. По позвоночнику потек смертельный холод, лицо загорелось, как от лучевого ожога. Он врезал кулаком по подлокотнику. Он терпеть не мог этой стадии, но следующая была еще хуже. Алекс завопил по общей связи — наркотики пропитывали и его организм. Тем, кто находился в нижнем отсеке, досталась смесь, которая, не позволяя умереть, вводила в сон.

— Один, — произнес Алекс, и Холден стал весить пятьсот кило. Нервы в глазницах завопили под грузом глазных яблок, мошонка давила на бедра. Он сосредоточился на том, чтобы не проглотить язык. Вокруг стонал и трещал корабль. На нижней палубе что-то подозрительно громыхнуло, но красных огоньков на панели не появилось. Реактивные двигатели «Рыцаря» могли развить большую тягу, хоть и выжигали при этом непозволительно много горючего. Но если они успеют спасти «Кент», тогда все ерунда.

Сквозь стук собственной крови в ушах Холден слышал тихое дыхание Ады и щелчки ее клавиатуры. Хотелось бы ему уснуть под эти звуки, но «сок» в крови звенел и горел — он был бодр как никогда.

— Да, сэр, — сказала по рации Ада. Только спустя секунду Холден понял, что она обращается к Макдауэллу, и прибавил звук, чтобы слышать голос капитана.

— …Главные на полную мощность.

— Мы идем с полным грузом, сэр. На такой тяге сорвем двигатели, — ответила Ада. Должно быть, Макдауэлл просил ее включить эпштейн.

— Мистер[13] Тукунбо, — сказал Макдауэлл. — У нас осталось… четыре минуты. Если сорвете, я не стану предъявлять вам счет.

— Есть, сэр. Включаю главные. Устанавливаю максимальную тягу. — За голосом Ады Холден услышал гудок тревожной сирены. И щелчки погромче — Ада пристегивалась. — До включения главных три… две… одна… есть! — сообщила Ада.

«Кентербери» застонал так громко, что Холдену пришлось приглушить звук. Несколько секунд он стонал и выл как баньши, потом раздался оглушительный грохот. Включив наружную оптику, Холден тускнеющим от перегрузки периферийным зрением увидел «Кентербери». Целый.

— Ада, это что за чертовщина? — невнятно проговорил Макдауэлл.

— Главный полетел. И отключился, — ответила Ада, проглотив «Я же говорила».

— Что это нам дало? — спросил Макдауэлл.

— Не так много. Торпеды идут на сорока в секунду и продолжают ускоряться. А мы остались на маневровых, — сказала Ада.

— Дерьмо!

---

[13] Примечания: 13

Как и с обращением «сэр», это, очевидно, дань политкорректности или суеверию, что женщина на корабле — дурная примета.

— Они нас подобьют, — сказала Ада.

— Джим! — Голос Макдауэлла отчетливо прозвучал по открытому им прямому каналу. — Нас подобьют, тут уже ничего не поделаешь. Два щелчка в подтверждение.

Джим дважды щелкнул рацией.

— Ладно, теперь подумаем о тех, кто переживет попадание. Раз они хотят покалечить нас перед абордажем, значит, возьмут двигатели и аппаратуру связи. Бекка передавала SOS с момента пуска торпед, но, если мы замолчим, продолжай вопить ты. Если они поймут, что ты рядом, призадумаются, стоит ли выбрасывать команду из шлюза. Свидетели, знаешь ли.

Холден дал два щелчка.

— Поворачивай, Джим. Прячься за астероидом. Зови на помощь. Приказ.

Холден щелкнул дважды и передал Алексу распоряжение глушить двигатели. Тяжесть тотчас же отпустила его грудь, сменившись невесомостью. Не будь в его венах противорвотных средств, его бы вытошнило от внезапности перехода.

— Что такое? — спросил Алекс.

— Новое задание. — У Холдена от «сока» стучали зубы. — Мы зовем на помощь и ведем переговоры

об освобождении пленных после захвата «Кента». Гони обратно к астероиду, это ближайшее укрытие.

— Роджер, босс, — сказал Алекс и добавил, понизив голос: — Убить готов за пару «труб» или хорошую рельсовую пушку[14] вдоль киля.

— Слышу тебя.

— Разбудить ребят внизу?

— Пусть спят.

— Роджер, — сказал Алекс и отключился.

Пока не навалилась новая перегрузка, Холден запустил сигнал SOS. Связь с Адой осталась включенной, и теперь, когда Макдауэлл замолчал, он снова слышал ее дыхание. Дал полную громкость и откинулся в амортизаторы, ожидая, что его сейчас расплющит. Алекс не обманул ожиданий.

— Одна минута, — сказала Ада так громко, что наушники исказили звук. Холден не стал убирать громкость. С завидным спокойствием она вела отсчет секунд до столкновения.

— Тридцать секунд.

Холдену отчаянно захотелось заговорить, както утешить ее, красноречиво и лживо заверить в

---

[14] Примечания: 14

Рельсовая пушка — оружие, разгоняющее снаряд электромагнитным полем вдоль рельсов-направляющих. Также называется орудием Гаусса.

любви. Гигант, наступивший ему на грудь, только смеялся низким рокотом реактивных сопел.

— Десять секунд.

— Приготовьтесь после попадания заглушить реактор и притвориться мертвыми. Они не станут снова стрелять, если не увидят в нас угрозы, — распорядился Макдауэлл.

— Пять, — сказала Ада. — Четыре. Три. Два. Один.

«Кентербери» содрогнулся, мониторы залила белая вспышка. Ада коротко вздохнула, отключившаяся рация прервала звук. Вопль помех чуть не разорвал Холдену барабанные перепонки. Он притушил громкость и перещелкнул рацию на Алекса.

Тяга внезапно упала до вполне терпимых двух *g*, а все корабельные сенсоры просили перезагрузки. В маленький иллюминатор воздушного шлюза врывалось слепящее сияние.

— Доклад, Алекс, доклад! Что там? — крикнул Холден.

— Господи. Они его взорвали. «Кент». Атомный заряд, — тихо, не веря своим словам, проговорил Алекс.

— В каком он состоянии? Сообщи о «Кентербери». У меня здесь все сенсоры полетели. На всех

экранах белый свет.

После долгой паузы Алекс отозвался:

— У меня сенсоры тоже на нуле, босс. Но о «Кентербери» могу доложить. Я его вижу.

— Видишь? Отсюда?

— Ага. Облако пара размером с гору Олимп. Ему конец, босс. Нет его больше.

«Не может быть!» — возмутился разум Холдена. Так не бывает. Пираты не торпедируют водяные баржи атомными зарядами. Это никому не нужно. Не окупается. А если кому-то взбрело в голову просто убить пятьдесят человек, явиться в ресторан с автоматом намного проще.

Ему хотелось кричать, проорать Алексу, что тот ошибся. Но приходилось держаться. «Я уже старик».

— Ладно. Новое задание, Алекс. Теперь мы — свидетели убийства. Доставь нас обратно к астероиду. Я начинаю готовить передачу. И разбуди всех. Они должны знать, — приказал Холден. — Я перезагружу пакет сенсоров.

Он методически отключил сенсоры и их программное обеспечение, выждал две минуты и включил заново. Руки тряслись. Его тошнило. Казалось, мозг управляет телом издалека, и он сам не знал, сколько здесь от «сока», а сколько

от шока.

Сенсоры включились. Как все космические корабли, «Рыцарь» был снабжен антирадиационной защитой. Без нее не сунешься в окрестности массивного пояса излучения Юпитера. Однако Холден сомневался, что создатели челнока предусмотрели взрыв шести атомных зарядов в непосредственной близости. Им повезло. Даже в вакууме, защищавшем их от электромагнитного импульса, выброс излучения вполне мог пережечь все корабельные датчики.

Как только экраны включились снова, он обследовал пространство в области, где прежде находился «Кентербери». Там не осталось ничего крупнее воздушного шарика. Он переключился на корабль-убийцу, уходивший в направлении Солнца на ленивом одном *g*. В груди стало горячо.

Это был не страх. Ярость заставляла пульс биться в висках до аневризмы, а кулаки сжиматься до боли в сухожилиях. Холден включил рацию и навел узкий луч на уходящий корабль.

— Сообщение тому, кто приказал уничтожить «Кентербери», мирный гражданский ледовоз, который ты только что превратил в газ. Тебе не уйти, кровожадный ублюдок. Мне плевать, какие

ты имел на то причины, но ты убил пятьдесят моих друзей. Ты должен знать, кем они были. Передаю имена и фотографии всех находившихся на борту. Посмотри хорошенько, что ты наделал. Подумай об этом, пока мы будем тебя искать.

Он закрыл голосовой канал, вызвал файл «Кентербери» и принялся передавать досье команды на чужой корабль.

— Что ты делаешь? — спросила у него за спиной Наоми.

Она стояла прямо за его креслом, сняв шлем. Пот приклеил ко лбу и к шее ее черные волосы. Лицо казалось непроницаемым. Холден тоже снял шлем.

— Хочу показать им, что «Кентербери» был настоящим, и люди на нем были настоящие. Живые люди с именами и семьями, — сказал он. После «сока» голос звучал не так ровно, как ему хотелось бы. — Если на том корабле приказы отдает существо, хоть сколько-нибудь похожее на человека, надеюсь, их лица будут его преследовать, пока мы не отправим его в утилизатор за убийство.

— Думаю, они не оценили твоих намерений, — заметила Наоми, указывая на панель за его спиной.

Вражеский корабль запятнал их прицельным лазером. Холден затаил дыхание. Но торпеды не появились, и через несколько секунд корабль-невидимка выключил лазер, а его двигатели полыхнули, переходя на повышенное ускорение. Холден услышал, как прерывисто вздохнула Наоми.

— Стало быть, с «Кентербери» кончено? — спросила Наоми.

Холден кивнул.

— Твою дивизию! — выругался Амос.

Они с Шедом стояли у трапа. Лицо Амоса покрывали красные и белые пятна, его большие руки сжимались и разжимались. Шед упал на колени, ударив в палубу двойной тяжестью. Он не заплакал. Только взглянул на Холдена и сказал:

— Значит, не получит Кэмерон свою руку, — а потом закрыл лицо ладонями и задрожал.

— Тормози, Алекс. Спешить уже некуда, — сказала по рации Наоми. Корабль медленно перешел на одно *g*. — Что дальше, капитан? — Наоми сурово смотрела на него. «Ты теперь главный. Веди себя в соответствии».

— Больше всего мне хочется взорвать их к чертовой матери, но поскольку оружия у нас нет… пойдем за ними. Проследим, узнаем, куда они

направляются. Выставим их всем напоказ, — ответил Холден.

— Хорошенький план, — громко отозвался Амос.

— Амос, — бросила через плечо Наоми, — уведи Шеда вниз и уложи. Если понадобится, дай снотворное.

— Слушаюсь, босс. — Амос обхватил Шеда толстой ручищей за талию и увлек за собой.

Когда они скрылись, Наоми опять повернулась к Холдену.

— Нет, сэр. Мы не погонимся за этим кораблем. Мы вызовем помощь и пойдем туда, куда нам скажут.

— Я… — начал Холден.

— Да, ты капитан. А я теперь твой старпом, и моя обязанность — сказать капитану, когда он ведет себя как идиот. Сейчас ты идиот, сэр. Этой передачей ты просто подначивал их прикончить нас. А теперь ты собрался их преследовать? И что будешь делать, если догонишь? Снова взывать к их лучшим чувствам на весь эфир? — говорила Наоми, надвигаясь на него. — Нет. Ты обязан обеспечить безопасность четырех оставшихся членов команды. И все. А когда мы будем спасены, можешь начинать свой крестовый поход. Сэр.

Холден отстегнул крепления амортизатора и встал. «Сок» понемногу выгорал, оставляя в теле болезненную слабость. Наоми вздернула подбородок и не попятилась.

— Рад, что ты со мной, Наоми, — сказал он. — Пойди присмотри за командой. Макдауэлл дал мне один последний приказ.

Наоми критически оглядела его: он видел недоверие в ее глазах, но не стал защищаться, просто ждал. Она коротко кивнула и спустилась по трапу на нижнюю палубу.

Когда она ушла, Холден принялся методически составлять пакет передачи, включавший все данные сенсоров «Кентербери» и «Рыцаря». Алекс, спустившись из рубки, тяжело сел в соседнее кресло.

— Знаешь, капитан, я тут подумал, — начал он. Голос у него дрожал от оставленной «соком» усталости — так же, как у Холдена.

Алекс мешал ему работать, однако Холден подавил раздражение:

— О чем?

— О том корабле-невидимке.

Холден отвернулся от клавиатуры.

— Скажи.

— Ну, я не слыхал, чтобы у пиратов водилось

такое дерьмо.

— Дальше?

— Собственно, такую технику я видел только на флоте — когда служил, — сказал Алекс. — Мы разрабатывали корабль с энергопоглощающей обшивкой и внутренними теплоуловителями. Это скорее стратегическое оружие, чем тактическое. Работающий двигатель не спрячешь, но можно выйти на позицию, заглушить тягу, запасать внутри весь излишек тепла и очень прилично спрятаться. Добавь к этому энергопоглощающую обшивку, и тебя не поймают ни радар, ни ладар, ни пассивные сенсоры. Да и торпеды с атомными головками трудно раздобыть, не обращаясь к военным.

— Ты хочешь сказать, это сделал марсианский флот?

Алекс протяжно, со всхлипом вздохнул.

— Ты ж понимаешь, если над этим работали мы, значит, земляне тоже, — произнес он.

Они уставились друг на друга через узкий проход. Сказанное давило тяжелее десяти *g*. Холден вытащил из кармашка скафандра передатчик с аккумулятором, подобранный на «Скопули», и принялся разбирать на части, ища фабричную марку. Алекс в кои-то веки молчал, наблюдая.

Передатчик оказался безликим — такой можно найти в любой радиорубке на любом корабле Солнечной системы. Аккумулятор — неприметный серый блок. Алекс протянул руку, и Холден отдал ему аккумулятор. Алекс содрал серую пластиковую крышку и вытряхнул на руку батареи. Ни слова не сказав, развернул донцем к Холдену. На черном металле был оттиснут серийный номер, а перед ним буквы — «ФМРК».

Флот Марсианской Республики Конгресса.

Он включил рацию на полную мощность. Пакеты данных были готовы к передаче. Холден встал перед камерой, чуть подавшись вперед.

— Меня зовут Джеймс Холден, — заговорил он, — и мой корабль, «Кентербери», только что был уничтожен военным кораблем, снабженным маскировочной техникой и с серийными номерами Марсианского флота на отдельных частях. Передаю данные.

Глава 6
Миллер

Кар несся по туннелю, заглушая сиреной визг мотора. Позади оставались удивленные штатские и запах перегретых шин.

Миллер всем телом подался вперед, будто подгоняя тележку. До станции оставалось три уровня — около четырех километров.

— Ладно, — заговорил Хэвлок. — Извини, но мне кое-что непонятно.

— Что? — спросил Миллер. Он имел в виду: «Что ты орешь?» Хэвлок понял его как: «Что непонятно?»

— Превратили в пар ледовоз в миллионах кэмэ отсюда. С какой стати поднимать нас по тревоге? Запаса в наших цистернах хватит на несколько месяцев даже без перехода на пайки. И это не последний ледовоз. Откуда кризис?

Миллер обернулся и в упор взглянул на напарника. Маленький, коренастый. Толстые кости — результат детства, проведенного в полной гравитации. Дырка от задницы! Им не понять. Хэвлок оказался бы на месте этого Джеймса Холдена

таким же тупым, безответственным идиотом. На секунду они перестали быть сослуживцами. И напарниками. Астер против землянина. Миллер отвел взгляд прежде, чем Хэвлок сумел заметить перемену.

— Этот хрен Холден. Тот, что вел передачу, — сказал Миллер. — Он только что объявил за нас войну Марсу.

Кар вильнул и качнулся: встроенный компьютер реагировал на заминку в дорожном движении в полукилометре впереди. Хэвлок ухватился за опорное крепление. Они проскочили пандус на следующий уровень, пешеходы-штатские уступали им дорогу.

— Там, где ты вырос, вода, пусть и грязная, падает с неба, — сказал Миллер. — Воздух паршивый, но он не уходит, если пропорота дверная перепонка. Здесь у нас иначе.

— Но мы ведь не на барже. Нам не нужен лед. Нам ничто не грозит, — возразил Хэвлок.

Миллер вздохнул и потер глаза кулаком. Под веками расцвели яркие пятна.

— Когда я служил в убойном, — заговорил он, — был такой парень, инженер-контролер, работавший по контракту с лунной компанией. Кто-то сжег ему половину тела и выкинул

из шлюза. Оказалось, он отвечал за состояние шестидесяти нор на тридцатом уровне. В трех появилась плесень. Знаешь, что мы после этого обнаружили?

— Что? — спросил Холден.

— Да ни черта мы не обнаружили. Потому что перестали искать. Случаются люди, которых надо убить, — и он был из таких. А тот, кто пришел на его место, вовремя чистил воздуховоды и менял фильтры. Вот оно как в Поясе. Всякий, кто заявится сюда и не научится ставить систему жизнеобеспечения выше всего на свете, умрет молодым. Все, кто здесь остался, понимают.

— Эффект отбора? — спросил Хэвлок. — Ты серьезно — голосуешь за естественный отбор? Вот уж не думал услышать этот бред от тебя.

— Это ты о чем?

— О дерьмовой расистской пропаганде, — объяснил Хэвлок. — Есть такие: говорят, будто разница в условиях жизни так изменила астеров, что они уже не просто компания тощих педантов-маньяков, а вообще не люди.

— Я этого не говорю, — сказал Миллер, подозревая, что именно это и сказал. — Просто астеры теряют широту кругозора, когда речь идет об основных ресурсах. Та вода для нас — будущий

воздух, масса вращения и питье. В таких случаях у нас отказывает чувство юмора.

Кар въехал на решетчатый металлический пандус. Нижние уровни остались позади. Хэвлок молчал.

— Холден ведь не сказал, что это был Марс. Они всего лишь нашли марсианские батарейки. Думаешь, люди… объявят войну? — пробормотал он. — Просто из-за того, что один парень прислал снимок батареек?

— Те, кто готов подождать окончания истории, нас не беспокоят.

«Во всяком случае, не этой ночью, — подумал он. — Узнав историю целиком, мы поймем, во что вляпались».

Станция наполнилась больше чем наполовину, но меньше чем на три четверти. Безопасники стояли группками, кивая друг другу, прищурившись, стиснув челюсти. Один из отдела П/Э над чем-то смялся, от шумного натужного веселья разило страхом. Миллер заметил, как переменился в лице Хэвлок, пока они пробирались через общие залы к своим столам. Реакцию Миллера он мог еще приписать его личной склонности к перестраховке. Но тут целый зал. Целая станция. К тому времени, как они добрались до своих мест,

глаза у Хэвлока стали совсем круглыми.

Вошла капитан Шаддид. Она ничуть не казалась сонной. Волосы подобраны, форма в идеальном порядке, голос спокоен, как у хирурга в полевом госпитале. Она остановилась у первого попавшегося стола, превратив его в импровизированную кафедру.

— Леди и джентльмены, — заговорила она. — Передачу вы видели. Есть вопросы?

— Кто подпустил к рации этого клятого землянина? — выкрикнул кто-то. Миллер видел, что Хэвлок смеется вместе со всеми, но глаза его не отозвались на шутку. Шаддид поморщилась, и народ притих.

— Таково положение, — сказала она. — Контролировать информацию мы не в состоянии. Эфир приняли все. Пять сайтов внутренней сети уже перепостили передачу, и мы вынуждены считать, что десять минут назад она стала общим достоянием. Наша работа — свести беспорядки к минимуму и обеспечить целостность станции в припортовых районах. Власти порта дали разрешение на вылет всем кораблям с регистрацией внутренних планет. Что не означает, что все они ушли. Им еще надо собрать команды. Но они уходят.

— Правительственные учреждения? — довольно громко спросил Миллер.

— Слава богу, не наша проблема, — ответила Шаддид. — Их инфраструктуры работают. Защитные переборки уже опущены и запечатаны. Они отделены от основной системы жизнеобеспечения, так что мы сейчас даже дышим не одним воздухом с ними.

— Какое облегчение, — бросил Евгений из кучки убойщиков.

— Теперь о дурных новостях, — продолжала Шаддид. Миллер услышал, как сто пятьдесят копов затаили дыхание. — У нас на станции восемьдесят выявленных агентов АВП. Все работают, живут легально, и, как вы понимаете, именно такого поворота они и дожидались. Губернатор приказал воздерживаться от профилактических акций. Никого не арестовываем, пока он не проявит себя.

Раздался дружный хор недовольства.

— Кем он себя воображает? — выкрикнул кто-то из задних рядов. Шаддид набросилась на говорившего, как акула.

— Губернатор — человек, который нанял нас поддерживать станцию в рабочем состоянии. Мы будем следовать его директивам.

Краем глаза Миллер видел, как кивает Хэвлок. И задумался, каково мнение губернатора о проблеме независимости астеров. Возможно, не только АВП дожидался подходящего случая. Шаддид продолжала говорить, обрисовывая зоны ответственности службы. Миллер слушал вполуха и так погрузился в размышления о политических последствиях ситуации, что чуть не пропустил свое имя, названное Шаддид.

— Миллер со второй группой на портовый уровень, прикрывает сектора тринадцать-двадцать четыре. Касагава, третья группа, сектора двадцать пять-тридцать шесть, и так далее. Каждый берет двадцать человек, кроме Миллера.

— Я справлюсь и с девятнадцатью, — отозвался Миллер и шепнул Хэвлоку: — Ты пересидишь это дело здесь, напарник. Вооруженный землянин там совсем ни к чему.

— Угу, — буркнул Хэвлок. — Так и знал, что к тому идет.

— Ладно, — закончила Шаддид. — Все знают свои обязанности. Выходим.

Миллер собрал свою группу предотвращения беспорядков. Все знакомые лица, эти мужчины и женщины много лет служили в охране. Он почти машинально перебирал и расставлял их

в уме. Браун и Гельбфиш имеют опыт службы в штурмовом отряде. Их на фланги, если придется сдерживать толпу. У Аберфорт, с тех пор как ее сына посадили за наркотики на Ганимеде, было два выговора за превышение полномочий — ее во вторую линию. Спустит пар в другой раз. По всей станции слышались голоса старших групп, принимающих похожие решения.

— Хорошо, — сказал Миллер, — давайте вооружаться.

Они вышли все вместе, направляясь к отсеку снаряжения. Миллер задержался. Хэвлок сидел, облокотившись на стол, сложив руки и уставившись в пространство перед собой. Миллер разрывался между сочувствием к нему и раздражением. Тяжело быть в команде, если она тебя не принимает. С другой стороны, а какого черта он ждал, подписывая контракт на Пояс?

Хэвлок поднял голову и встретил взгляд Миллера. Они кивнули друг другу. Миллер отвернулся первым.

Отсек снаряжения был чем-то средним между складом-оружейной и банковским сейфом: тот, кто его проектировал, больше думал о надежности, чем об удобствах. Освещение — слабые светодиодные лампы — придавало серым сте-

нам оттенок стерильности. Голый камень гулко отзывался на голоса и шаги. Склад амуниции и оружия, пакеты для улик и тестовые панели, запасные серверы и униформа, расставленные и разложенные вдоль стен, занимали большую часть пространства. Снаряжение для разгона толпы хранилось в боковой комнатке в серых стальных шкафах с электронными замками повышенной надежности. Стандартный набор включал пластиковые щиты, электрические дубинки, набедренники, пуленепробиваемые нагрудники и наколенники, шлемы с укрепленными щитками-забралами — все это превращало горстку охранников станции в устрашающую, нечеловеческую силу.

Миллер набрал шифр. Запор сработал, дверца открылась.

— Ну, — почти спокойно выговорил Миллер, — чтоб меня.

Шкафы были пусты: серые гробы, оставшиеся без трупов. От противоположной стены послышались яростные вопли другой группы. Миллер стал открывать все шкафы. Везде было одно и то же. Рядом возникла белая от ярости Шаддид.

— Что у нас в плане «Б»? — осведомился Миллер.

Шаддид плюнула на пол и закрыла глаза. Глазные яблоки двигались под веками, словно она видела сон. Два долгих вздоха спустя глаза открылись.

— Проверьте шкафы штурмовиков. Там должно хватить на двоих из каждой группы.

— Снайперы? — спросил Миллер.

— Можете предложить что-нибудь лучше, детектив?

Миллер беспомощно развел руками. Экипировка отрядов по сдерживанию толпы должна была устрашать и подавлять. Экипировка штурмового отряда позволяла наиболее эффективно убивать. Кажется, их полномочия только что изменились.

Порт Цереры ежедневно принимал до тысячи кораблей, движение здесь редко затухало и никогда не прекращалось. Каждый сектор вмещал два десятка кораблей, пропускал пассажиров и грузы, транспортные фуры, краны и подъемники — а команда Миллера отвечала за двенадцать секторов.

Воздух провонял антифризом и смазкой. Гравитация едва превышала 0,3 *g*, само вращение станции делало эти места опасными и мрачными. Миллер не любил порт. Его нервировало ощущение вакуума под самыми ногами. Расхо-

дясь с портовыми рабочими и транспортниками, он не знал, то ли улыбаться, то ли угрожающе скалиться. Его обязанностью было внушить людям страх и повиновение и в то же время уверить, что все под контролем. Пройдя три сектора, он сделал выбор в пользу улыбки. Этот вид лжи давался ему лучше.

От перехода между секторами девятнадцать и двадцать они услышали вопли. Миллер достал из кармана ручной терминал, подключенный к централизованной сети наблюдения, и вызвал изображение с полицейской камеры слежения. Через несколько секунд он нашел то, что искал: толпа из пяти или шести десятков штатских растянулась по всему туннелю, перекрыв движение в обе стороны. Над головами мелькало оружие. Ножи, дубинки. По меньшей мере два пистолета. Многие размахивали кулаками. В самой гуще толпы крупный, голый до пояса мужчина избивал кого-то смертным боем.

— Время пошло, — сказал Миллер, махнув своим вперед.

До поворота, за которым начинался бурлящий насилием человеческий клубок, оставалось еще сто метров, когда он увидел, как человек без рубашки сшиб свою жертву и наступил ей на шею.

Угол, под которым вывернулась голова, не оставлял вопросов. Миллер перевел свою команду на быстрый шаг. Арестовать убийцу, окруженного толпой сторонников, и без того дело непростое, не стоит раньше времени срывать дыхание.

В воздухе уже запахло кровью. Миллер чувствовал: толпа готова взорваться. Броситься на станцию, на корабли. Если хаос начнет засасывать других… куда они обратятся? В одном уровне отсюда, на полкилометра против вращения, был бордель, принимавший внутряков. Таможенный инспектор двадцать первого сектора женился на девушке с Луны и, пожалуй, слишком часто этим похвалялся.

«Чересчур много целей», — думал Миллер, жестом приказывая своим снайперам растянуться в цепь. Он попытался убедить себя, что стрельба оправдана. Остановить этих, и другие останутся живы.

Воображаемая Кандес скрестила руки на груди и спросила: «Как насчет плана „Б“?»

Внешний край толпы взметнулся в тревоге много раньше, чем к нему подоспел Миллер. Хлестнула волна тел и угроз. Миллер сдвинул на затылок шляпу. Мужчины, женщины. Кожа темная, бледная, золотисто-коричневая, длинные

тонкие тела астеров, лица, разинувшие рты в свирепых гримасах разъяренных шимпанзе.

— Позвольте сбить парочку, сэр, — обратился к нему по рации Гельбфиш. — Внушу им страх божий.

— Пробьемся, — ответил Миллер, улыбаясь разъяренной толпе. — Пробьемся.

Перед ним всплыло лицо, которое он ждал. Полуголый крупный мужчина, кровь на руках, брызги на щеке. Зародыш мятежа.

— Этого? — спросил Гельбфиш, и Миллер не сомневался, что крошечное инфракрасное пятнышко легло на лоб полуголого, оскалившегося на Миллера и людей в форме у него за спиной.

— Нет, — сказал Миллер. — Тогда остальные сорвутся с цепи.

— Так что будем делать? — спросил Браун.

Дьявольски хороший вопрос.

— Сэр, — заговорил Гельбфиш, — у здоровяка на левом плече татуировка АВП.

— Ну, — отозвался Миллер, — если будете стрелять, в нее и цельте.

Он выступил вперед, связал свой терминал с локальной сетью, подключился к оповещению. Когда он заговорил, его голос загремел из динамиков над головами.

— Я — детектив Миллер. Если вы все не хотите попасть под замок как сообщники убийства, предлагаю немедленно разойтись. — Заглушив микрофон, он обратился к полуголому: — Но не ты, горилла. Только шевельнись, и тебя пристрелят.

Кто-то из толпы швырнул гаечным ключом, серебристый металл сверкнул в воздухе над головой Миллера. Он почти успел увернуться, но рукоять зацепила его по уху. В голове зазвонили колокола, струйка крови потекла по шее.

— Не стрелять! — заорал Миллер. — Не стрелять!

Толпа отозвалась хохотом, словно он обращался к ним. Идиоты. Полуголый, приободрившись, шагнул вперед. Его тело раздулось от стероидов. Миллер снова переключил микрофон на своем терминале. Пока толпа наблюдает за их противостоянием, она не взорвется. Мятеж не пойдет дальше. Пока еще нет.

— Ну как, приятель, ты только беззащитных умеешь топтать или попробуешь и с другими? — обратился к полуголому Миллер. Он говорил небрежно, но голос, разносясь из портовых динамиков, звучал гласом божьим.

— Что разгавкался, пес землянский? — огрыз-

нулся полуголый.

— Землянский? — Миллер хмыкнул. — Что, похоже, будто я вырос в гравитационном колодце? Я родился на этом камушке.

— Внутряки тебя запрягли, сучонок, — ответил полуголый. — Ты — их пес.

— Думаешь?

— Зна, ебтя, — сказал полуголый. То есть — «знаю и имел с тобой сексуальные отношения». Он выставил напоказ картинку на плече. Миллер подавил смешок.

— Стало быть, ты прикончил бедолагу ради блага станции? Ради Пояса? Не дай себя обдурить, малыш. Они тобой играют. Они и хотят, чтобы вы разыгрывали оголтелых бунтарей, — тогда появится повод нас прикрыть.

— Шраубен зи, зи вайбхен.[15] — Полуголый, подавшись вперед, перешел на астерский диалект немецкого.

«Ну вот, меня второй раз обозвали сукой», — подумал Миллер.

— Подрубите ему ноги, — сказал он. Из коленей полуголого брызнули две багровые струи, и он с ревом завалился. Миллер перешагнул корчащее-

---

[15] Примечания: 15
Тут матерно на ломаном немецком.

ся тело, подступил к толпе.

— Вы позволяете этому пендехо[16] вам приказывать? — заговорил он. — Послушайте, все мы знаем, что будет. Знаем, какие пошли пляски, нет? Они раздолбали ту агва,[17] а мы знаем, что за это полагается. Вон из шлюза, так?

Он видел на лицах вспышку страха перед снайперами, потом замешательство — и нажимал, не давая им задуматься. Снова перешел на язык нижних уровней, язык образованных и облеченных властью.

— Вы знаете, чего хочет Марс. Там хотят, чтобы вы это сделали. Хотят, чтобы этот засранец добился: пусть каждый, взглянув на астеров, видит психопатов, которые разнесли на куски собственную станцию. Они хотят убедить себя, будто мы такие же, как они. Но мы не такие. Мы астеры и сумеем о себе позаботиться.

Он выхватил одного из стоящих в первом ряду толпы. Не такого качка, как полуголый, но тоже здоровенного. У него на рукаве был нашит рассеченный круг АВП.

— Ты, — спросил Миллер, — хочешь драться

---

[16] Примечания: 16
Недоумок *(исп.).*

[17] Примечания: 17
Нашу воду *(ломаный исп.).*

за Пояс?

— Дуй,[18] — отозвался здоровяк.

— Еще бы не хотел. Он тоже хотел. — Миллер через плечо ткнул большим пальцем в сторону полуголого. — А теперь он калека и сядет за убийство. Так что одного мы уже потеряли. Видал? Они натравливают нас друг на друга. Нельзя им этого позволить. Каждого, кого мне придется покалечить, арестовать, убить, мы недосчитаемся, когда придет день. А он придет. Но еще не настал. Понял?

Парень из АВП оскалился. Толпа отхлынула от него, освобождая место. Миллер чувствовал ее движения, как течение. Оно изменилось.

— День придет, хомбре,[19] — сказал парень. — А ты знаешь, на чьей стороне окажешься?

В его голосе была угроза, но не было власти. Миллер медленно перевел дыхание. Пронесло.

— Всегда на стороне ангелов, — сказал он. — Почему бы вам всем не вернуться к работе? Представление закончилось, а дел у нас много.

Волна отхлынула, толпа разбилась на куски. По одному, по двое отщеплялись крайние, потом

---

[18] Примечания: 18
Верно *(кит.).*

[19] Примечания: 19
Человек, парень *(исп.).*

вдруг рассеялись все разом. Через пять минут после появления Миллера о случившемся напоминали только скулящий в луже собственной крови полуголый, рана на ухе Миллера и труп женщины, забитой на глазах у пятидесяти добрых граждан. Она была низкорослой и носила летную форму марсианской грузовой линии.

«Всего один труп. Удачная ночь», — кисло усмехнулся про себя Миллер.

Он подошел к упавшему. Татуировка АВП окрасилась красным. Миллер встал на колени рядом.

— Приятель, — сказал он, — ты арестован за убийство этой дамы, черт знает, как там ее. Ты не обязан принимать участие в допросе без своего адвоката или представителя союза и, если я замечу хоть один косой взгляд, окажешься в вакууме. Мы друг друга поняли?

Глаза раненого ответили ему: «Да».

Глава 7
Холден

При половине *g* можно было выпить кофе. По-настоящему посидеть, держа кружку под носом и вдыхая аромат. Прихлебывать маленькими глоточками, не обжигая язык. При микрогравитации кофе доставлял мало радости, но при половинной *g* он отлично удавался.

Поэтому Холден сидел в тесном камбузе «Рыцаря» и очень старался думать о кофе и гравитации. Даже разговорчивый Алекс молчал. Амос положил перед собой большой пистолет и рассматривал его с пугающей сосредоточенностью. Шед спал. Наоми сидела напротив, пила чай и краем глаза приглядывала за приборной панелью на стене. Она переключила на нее командную рубку. Отвлекаясь на мысли о кофе, Холден мог не думать о том, как Ада последний раз испуганно вздохнула и превратилась в светящийся пар.

Алекс покончил с этим, заговорив:

— Рано или поздно придется решать, куда двигаться.

Холден кивнул, глотнул кофе и закрыл глаза.

Мускулы у него вибрировали как натянутые струны, на периферии зрения плясали цветные пятнышки. Начиналась первая стадия отходняка от «сока», и дальше должно было стать хуже. Ему хотелось насладиться последними минутами без боли.

— Он прав, Джим, — сказала Наоми, — нельзя же вечно мотаться по большому кругу на половинном *g*.

Холден не открыл глаз. Темнота под веками светилась, колебалась и нагоняла легкую тошноту.

— Вечность еще не прошла, — сказал он. — Мы пятьдесят минут ждем, пока отзовется станция Сатурн и скажет, что мне делать с их кораблем. «Рыцарь» все еще принадлежит компании «Чисто-Прозрачно». И мы остаемся их сотрудниками. Вы хотели, чтобы я вызвал помощь, — я вызвал. Теперь подождем, посмотрим, какова она окажется.

— Может, нам тогда начать двигаться к станции Сатурн, босс? — спросил Амос, адресовав вопрос Наоми.

Алекс фыркнул.

— С движком «Рыцаря»? Даже если бы у нас хватило горючего на такой рейс — а его не хватит, — я не желаю сидеть в этой жестянке три

месяца кряду. Если куда идти, то либо к Поясу, либо к Юпитеру. Мы как раз на полдороге между ними.

— Я голосую за Цереру, — сказала Наоми. — У ЧП там есть филиал. В комплексе Юпитера мы никого не знаем.

Холден, не поднимая век, покачал головой.

— Нет, подождем, пока они отзовутся.

Наоми укоризненно вздохнула. Забавно, подумал он, как можно различать голоса по самому слабому звуку. По кашлю или дыханию. Или короткому предсмертному вздоху.

Холден сел прямо и открыл глаза. Осторожно поставил кружку на стол непослушными уже руками.

— Я не хочу лететь к Церере, потому что в ту сторону ушел торпедировавший нас корабль, а ты, Наоми, успешно доказала, что гнаться за ним не стоит. Я не хочу лететь к Юпитеру, потому что горючего у нас только на один рейс, и, двинувшись в какую-то сторону, повернуть мы уже не сможем. Мы сидим здесь и пьем кофеек, потому что мне надо принять решение, а компания-наниматель вправе сказать свое слово. Так что дождемся их ответа, а потом я решу.

Холден медленно, осторожно встал и двинулся

к трапу.

— Я придавлю подушку минут несколько, пока дрожь немного уляжется. Если вызовет «Чисто-Прозрачно», дайте мне знать.

Он заглотил седативные таблетки — крошечные горькие пилюли, оставившие во рту вкус хлебной плесени, — но не заснул. Снова и снова Макдауэлл клал руку ему на плечо и называл его Джимом. Бекка смеялась и ругалась как матрос. Кэмерон хвастался, как ловко управляется со льдинами.

Вздыхала Ада.

Холден девять раз ходил на «Кентербери» рейсом Церера — Сатурн. Два рейса туда-обратно в год, почти пять лет. И большая часть команды при нем не сменялась. Да, летать на «Кенте» означало опуститься на самое дно, но, следовательно, и податься с него было некуда. Люди оставались, корабль становился их домом. После непрестанных переводов с места на место на флоте Холден ценил постоянство. Он тоже почувствовал себя дома. Что-то неразборчиво проговорил Макдауэлл. «Кент» застонал, словно шел на огромном ускорении.

Ада улыбнулась и подмигнула ему.

Самая жуткая судорога в истории свела сразу

все тело. Холден вцепился зубами в резиновую капу, завопил. Боль приносила забвение, была почти облегчением. Мысли отключились, вытесненные страданием тела. К счастью или нет, таблетки начинали действовать. Мышцы расслабились. Нервы примолкли, и сознание вернулось, нехотя, как ленивый школьник. Челюсти ныли — он вытащил капу. На резине остались следы зубов.

В освещенной слабым голубым светом каюте он думал о человеке, который исполнил приказ: уничтожить гражданский корабль.

Если бы ему пришлось сделать такое на флоте, он не спал бы много ночей. Ему случалось исполнять приказы, вызывавшие в нем яростный протест. Но взять на прицел гражданский корабль, пятьдесят человек, и нажать кнопку, выпускающую шесть атомных торпед? Он бы отказался. Если бы его командир настаивал, он объявил бы приказ преступным и потребовал, чтобы старший помощник принял командование и арестовал капитана. И чтобы убрать Холдена с орудийного поста, его пришлось бы пристрелить.

Однако он знавал людей, способных выполнить такой приказ. Он говорил себе, что это социопа-

ты, животные, не лучше пиратов, что берут на абордаж твой корабль, оставляют тебя без двигателя и без воздуха. Что они не люди.

Но даже лелея ненависть, в навеянной лекарствами утешительной дымке полузабытья, он не мог убедить себя, что это было сделано сдуру. В голове бились вопросы: «Зачем? Кому выгодно расстрелять ледовозную баржу? Кто за это заплатит? А платят всегда. Я вас найду. Я вас найду и прикончу. Но прежде я заставлю вас объяснить».

Вторая волна лекарственной химии выплеснулась в вены. Он обмяк, обливаясь жаром, по жилам растекался сироп. Он уже вырубался, когда Ада улыбнулась и подмигнула.

И рассыпалась прахом.

Коммутатор бибикнул, и голос Наоми сказал:

— Джим, ЧП наконец ответила. Переслать тебе?

Холден с трудом понял, о чем она говорит. Моргнул. Что-то было не так с койкой. С кораблем. Он медленно вспоминал.

— Джим?

— Нет, — сказал он, — посмотрю с тобой из рубки. Надолго я вырубился?

— На три часа, — сказала она.

— Господи. Не торопились же они с ответом, а?

Холден выкатился из койки и стер слипшуюся корку на ресницах. Он плакал во сне. Он сказал себе, что это отходняк от «сока». А боль в глубине груди — от перегрузки.

«Чем вы занимались столько времени, прежде чем нам ответить?» — мысленно спросил он.

Наоми ждала его в кабине связи, перед ней на экране застыло на полуслове мужское лицо. Оно показалось знакомым.

— Это не диспетчер.

— Нет. Это юрисконсульт ЧП на станции Сатурн, — напомнила Наоми. — Тот, что выступал с речью, когда вскрылось мошенничество в системе снабжения. Помнишь? «Обворовывая нас, вы крадете у себя».

— Законник, — поморщился Холден. — Значит, жди плохих новостей.

Наоми запустила запись с начала. Лицо адвоката пришло в движение.

«Джеймс Холден, это Уоллес Фитц со станции Сатурн. Мы приняли вашу просьбу о помощи и доклад о происшествии. Приняли и вашу передачу, в которой вы обвинили Марс в гибели „Кентербери“ Это было, мягко говоря, неблагоразумно. Представитель Марса на станции Сатурн оказался в моем офисе через пять минут после

вашей передачи. МРК весьма взволнована вашим необоснованным, с их точки зрения, обвинением их правительства в пиратстве.

Для дальнейшего расследования этого дела и помощи в розыске истинных преступников, если такие существуют, Флот МРК посылает за вами от Юпитера один из своих кораблей, „Доннаджер“. ЧП приказывает вам следующее: вы со всей возможной скоростью летите к системе Юпитера. Выполняете все инструкции, полученные от „Доннаджера“ или от любого офицера Флота Марсианской Республики Конгресса. Всемерно содействуете ФМРК в расследовании гибели „Кентербери“. И впредь воздерживаетесь от любых передач, кроме обращенных к нам или к „Доннаджеру“.

Если вы нарушите эти указания компании и распоряжения марсианского правительства, ЧП разорвет контракт с вами и будет считать, что вы незаконно вступили во владение судном, принадлежащим компании. В этом случае мы станем преследовать вас всей мощью закона.

Уоллес Фитц, конец связи».

Холден хмуро посмотрел на экран и покачал головой.

— Я вовсе не говорил, что это сделал Марс.

— В некотором роде сказал, — ответила Наоми.

— Я не сообщил ничего, кроме фактов, подтвержденных представленными мной данными, и не занимался истолкованием этих фактов.

— Так, — сказала Наоми, — что будем делать?

— Ни за что, — сказал Амос. — Ни за что.

Им пятерым было тесно на крошечном камбузе. На серых ламинатных стенах виднелись светлые потертости в местах, где когда-то завелась плесень и ее вычистили микроволнами или отскоблили железными щетками. Шед сидел спиной к стене, Наоми за столом напротив. Алекс стоял в дверях. Амос принялся расхаживать взад-вперед: два коротких шага и поворот, — едва адвокат договорил первую фразу.

— Мне это тоже не нравится. Но это распоряжение нашей компании, — отозвался Холден, указывая на экран на стене кубрика. — Не думал втягивать вас в неприятности, ребята.

— Ничего, Холден. Я и сейчас считаю, что ты правильно поступил, — ответил Шед, расчесывая свои мягкие светлые волосы пятерней. — Так что, по-вашему, марсиане с нами сделают?

— Думаю, будут выламывать нам пальцы, пока Холден снова не выйдет в эфир с заявлением, что это не они, — ответил Амос. — Что за чертова

дрянь! Они на нас напали, и мы же должны им содействовать? Они убили капитана!

— Амос, — остановил его Холден.

— Прости, Холден. Капитан, — сказал Амос. — Но, слезы Христовы, мы тут вляпались, и довольно паршиво. Мы же не собираемся исполнять, а?

— Мне не хочется навсегда исчезнуть в каком-нибудь тюремном корабле марсиан, — признал Холден. — Насколько я понимаю, у нас две возможности. Или мы выполняем приказ, а значит, практически сдаемся им на милость. Или бежим, пытаемся добраться до Пояса и спрятаться.

— Я за Пояс, — высказалась Наоми, скрестив руки. Амос тут же повторил ее жест. Шед поднял руку чуть медленнее.

Алекс покачал головой.

— Я знаю «Доннаджер», — сказал он. — Это не какой-нибудь прыгун для полетов между астероидами. Это флагман Марсианского флота на Юпитере. Боевой корабль. Четверть миллиона тонн неприятностей. Не служил на чем-нибудь такого размера?

— Нет. Самое большее — на истребителе, — признался Холден.

— Я служил на «Бэндоне», в малом флоте. От такого корабля нам было нигде не спрятаться. У

него четыре главных двигателя, каждый больше, чем весь наш кораблик. Рассчитан на длительные высокие ускорения, всю команду по уши накачивают «соком». Нам не сбежать, сэр, а если мы попытаемся, их сенсорный пакет сумеет высмотреть теннисный мячик за полсистемы и воткнуть в него торпеду.

— Ну и хрен с ними, сэр! — Амос встал. — Этим марсианские чудилы на букву «м» взорвали «Кент». Я говорю — бежим. По крайней мере заставим за собой погоняться.

Наоми положила ладонь ему на локоть, и здоровяк-механик осекся, помотал головой и сел. В камбузе стало тихо. Холден гадал, случалось ли Макдауэллу оказываться перед таким выбором и как поступил бы сейчас старик.

— Джим, решать тебе, — заговорила Наоми, и взгляд ее был жестким. «Нет. Ты обязан обеспечить безопасность четырех оставшихся членов команды. И все».

Холден кивнул и постучал себя пальцами по губам.

— ЧП нас поддерживать не собирается. И уйти нам, вероятно, не удастся, но пропасть без вести я не желаю, — сказал он и добавил: — Думаю, мы повинуемся, но только не молча. Что мешает нам

нарушить если не букву, так дух приказа?

Наоми закончила работу на панели коммутатора. Волосы ее при нулевом *g* парили вокруг головы темным облаком.

— Ну вот, Джим. Я перевела все мощности на передатчик. Нас будет отлично слышно до самой Титании, — сказала она.

Холден одной рукой разворошил свои слипшиеся от пота волосы. При нулевой силе тяжести они от этого встали торчком во все стороны. Он застегнул молнию костюма и нажал кнопку записи.

— Говорит Джеймс Холден с «Кентербери», теперь с челнока «Рыцарь». Мы содействуем расследованию гибели «Кентербери» и, в порядке этого содействия, согласны перейти на борт вашего корабля, «Доннаджер», ФМРК. Мы надеемся, что сотрудничество означает, что мы не станем пленниками и не пострадаем. Иной образ действий только подтвердит версию, что «Кентербери» был уничтожен марсианским судном. Джеймс Холден, конец связи.

Он откинулся назад.

— Наоми, отправь это в эфир.

— Хитрый трюк, босс, — заметил Алекс. — Теперь нас будет не так легко потерять.

— Я верю в идеалы прозрачного общества, мистер Камал, — ответил Холден.

Алекс ухмыльнулся, оттолкнулся и полетел к трапу. Наоми щелкала переключателями и тихо довольно хмыкала.

— Наоми, — окликнул Холден. Она обернулась, волосы лениво вспыли вверх, словно у утопленницы. — Если дела пойдут плохо, я хочу, чтобы ты… чтобы ты…

— Бросила тебя волкам, — подсказала она. — Свалила все на тебя и благополучно доставила остальных на станцию Сатурн.

— Да, — сказал Холден. — Не разыгрывай героиню.

Она оставила его слова висеть в воздухе, пока ирония не вытекла из них до последней капли.

— И в мыслях не было, сэр, — сказала она.

— «Рыцарь», с вами говорит капитан Тереза Яо с «Доннаджера», ФМРК, — произнесла суровая на вид женщина с экрана связи. — Сообщение принято. Прошу в дальнейшем воздержаться от передач в открытый эфир. Мой штурман вскоре пришлет вам расчет курса. Следуйте ему точно. Яо, конец связи.

Алекс смеялся.

— Похоже, ты ее взбесил, — сказал он. — Курс

принят. Они подберут нас через тринадцать суток. Она успеет хорошенько раскипятиться.

— Тринадцать суток до дня, когда меня закуют в кандалы и загонят иголки под ногти, — вздохнул Холден, откидываясь на спинку кресла. — Ладно, отправляемся — навстречу плену и пыткам. Вводи принятый курс, мистер Камал.

— Роджер, кэп… Эй!..

— Проблемы, Алекс?

— Ну, «Рыцарь» вышел на разворот к объекту стыковки, — сказал тот, — и я вижу шесть объектов на пересекающемся курсе.

— С Пояса?

— Приближаются быстро, без позывных, — ответил Алекс. — Корабли, но летят без огней. Они могут перехватить нас на пару дней раньше «Доннаджера».

Холден включил свой экран. Шесть маленьких меток, желтовато-оранжевых с переходом к красному. Двигатели на полную мощность.

— Ну, — спросил Холден, обращаясь к экрану, — а вы кто такие, черт вас возьми?

Глава 8
Миллер

— Земля и Марс живут за счет агрессии против Пояса. В нашей слабости — их сила, — говорила женщина в маске с экрана терминала. Рассеченный круг АВП колыхался за ее спиной, словно был нарисован на простыне. — Не бойтесь их. Они сильны только вашим страхом.

— Ну да, и еще сотней с чем-то боевых кораблей, — вставил Хэвлок.

— Я слыхал, — ухмыльнулся в ответ Миллер, — что стоит хлопнуть в ладоши и сказать «верую», чтобы они в вас не попали.

— Надо будет как-нибудь попробовать.

— Мы должны восстать! — Голос женщины стал пронзительным. — Должны взять судьбу в свои руки, пока ею не распорядились за нас! Помните «Кентербери»!

Миллер закрыл монитор и откинулся на спинку стула. На станции сменялась вахта, гудели голоса уходящих и заступающих на дежурство копов. К запаху свежего кофе примешивался сигаретный дымок.

— Таких, как она, около дюжины, — заговорил Хэвлок, кивая на погасший экран, — но эта — моя любимица. Готов поклясться, у нее временами пена на губах выступает.

— Сколько новых файлов? — спросил Миллер.

Напарник пожал плечами.

— Две-три сотни. — Хэвлок затянулся. Он опять начал курить. — Каждые несколько часов появляются новые. Они не сидят на месте. То вещают по радио, то забрасывают файлы в общую сеть. В припортовом кабаке Орлан наткнулась на парня, который раздавал видеодиски как листовки.

— Взяли?

— Нет, — равнодушно ответил Хэвлок.

Неделя прошла с тех пор, как Холден, самозваный мученик, гордо заявил, что он и его команда намерены побеседовать с марсианским флотом, а не просто обосраться и получить, что им причитается. Запись гибели «Кентербери» разошлась повсюду, на каждом углу кипели споры. Реальная ли эта запись или явный монтаж? Действительно ли торпеды были атомными, или обычное пиратское оружие случайно разбило двигатель, или же все это вообще фальшивка, старые файлы, раскопанные и выброшенные в эфир, чтобы скрыть настоящую причину гибели корабля?

Волнения три дня подряд вспыхивали то там, то здесь, как угли, достаточно горячие, чтобы разгореться от малейшего дуновения. Офисы администрации работали при усиленной охране, но все же работали. Порт приотстал, но теперь нагонял упущенное. Ублюдок, подстреленный по приказу Миллера, наращивал новые колени в тюремной больнице «Звездной Спирали», писал жалобы на Миллера и готовился к суду за убийство.

Со склада в пятнадцатом секторе пропало шестьсот кубометров азота. Избили и заперли в кладовке шлюху без лицензии: как только она закончила давать показания против участников нападения, ее арестовали. Поймали мальчишек, разбивавших камеры наблюдения на шестом уровне. Если не вглядываться, все шло как обычно.

Если не вглядываться.

Когда Миллер начинал работать в отделе по расследованию убийств, его поражало неестественное спокойствие родных каждой жертвы. Люди, только что потерявшие жен, мужей, детей и любовников, люди, чьи жизни были выжжены насилием, чаще всего спокойно угощали следователя чаем и отвечали на вопросы, старались

получше принять полицейских. Сторонний наблюдатель решил бы, что с ними все в порядке. Только по тому, как обдуманно они держались, по взгляду, фокусировавшемуся с едва уловимой задержкой, Миллер видел, как глубока рана.

Станция Церера держалась обдуманно. И фокусировала взгляд с чуть заметной задержкой. Добропорядочные граждане — кладовщики, ремонтные рабочие, компьютерные техники — в вагоне «трубы» сторонились его, словно мелкие уголовники. С приближением Миллера разговоры замирали. На станции нарастало ощущение осадного положения. Еще месяц назад Миллер и Хэвлок, Кобб, Рихтер и прочие были надежной рукой закона. Теперь в них видели наемную охрану земной корпорации.

Разница была тонкой, но глубокой. Из-за нее ему хотелось вытянуться в высоту, телом доказать, что он астер. Что он свой. Ему хотелось вернуть доброе мнение людей. Может быть, позволить шайке виртуальных пропагандистов отделаться предупреждением.

Это было неразумное желание.

— Что у нас там? — спросил Миллер.

— Два ограбления — похоже, одной компании работа, — доложил Хэвлок. — Надо еще подбить

рапорт о том внутреннем споре на прошлой неделе. Жалоба от консорциума «Наканеш Импорт» довольно серьезная, но Шаддид потолковала насчет нее с «Дайсон и Патель», так что, возможно, там все кончится миром.

— Так ты хочешь…

Хэвлок уставился куда-то вверх, чтобы скрыть, что прячет взгляд. Он проделывал эту штуку много чаще с тех пор, как дела пошли вразнос.

— Рапорт действительно надо сдать, — сказал он. — И не только этот. Есть три или четыре дела, которые не закрыты лишь потому, что осталось еще расставить точки над «і».

— Ага, — кивнул Миллер.

С тех пор как начались беспорядки, он видел, что в баре Хэвлока обслуживают в последнюю очередь. Он видел, как другие копы, начиная с Шаддид, норовили заверить Миллера, что *он-то* хороший парень, безмолвно извиняясь за то, что поставили его в одну упряжку с землянином. И видел, что Хэвлок тоже это видит.

Вот почему Миллеру хотелось его прикрыть, дать ему возможность спокойно отсидеться за бумажной работой, попивая кофеек. Помочь сделать вид, будто его не презирают за то, что он вырос в условиях гравитации.

Это желание тоже относилось к неразумным.

— А как твое ерундовое дельце? — спросил Хэвлок.

— Что?

Хэвлок взял со стола папку.

— Дело Джули Мао. Ну, с похищением. Дополнительная работа.

Миллер кивнул и потер глаза. Кто-то у входа на станцию завопил. Кто-то другой рассмеялся.

— А, нет, — сказал Миллер, — я за него и не брался.

Хэвлок ухмыльнулся и протянул папку. Миллер принял ее и открыл. Восемнадцатилетняя девушка улыбнулась ему безупречной улыбкой.

— Не хочется сваливать на тебя всю писанину, — сказал Миллер.

— Это ведь не ты не хочешь допускать меня к этому делу. Таков приказ Шаддид. И в любом случае… это тоже бумажная работа. Убитых нет. Если чувствуешь себя виноватым, можешь угостить меня пивком после дежурства.

Миллер постучал ребром папки по углу стола, подбивая листки.

— Хорошо, — сказал он. — Займусь ерундой. Вернусь к ланчу, разберусь с писаниной, чтобы начальство не слишком бранилось.

— Я буду здесь, — сказал Хэвлок и, когда Миллер уже встал, добавил: — Слушай, не хотел говорить, пока не уверен, но иначе ты услышишь от других…

— Просишь о переводе? — понял Миллер.

— Угу. Поболтал кое с кем из заезжих ребят, подписавших контракт с «Протогеном». Говорят, на Ганимеде нужен новый старший следователь. Я и подумал… — Хэвлок пожал плечами.

— Хорошее место, — сказал Миллер.

— Просто хотелось туда, где можно видеть небо, хоть через купол, — объяснил Хэвлок, и вся показная мужественность полицейского не скрыла тоски в его голосе.

— Хорошее место, — повторил Миллер.

Нора Джульетты Андромеды Мао располагалась на девятом уровне четырнадцатислойного туннеля близ порта. Ветви огромной развилки к концам расширялись на добрых полкилометра, а у слияния едва пропускали стандартную «трубу»: старинное устройство одного из дюжины хранилищ реакторной массы тех времен, когда астероид еще не приобрел искусственной гравитации. Теперь в его стенах пробурили тысячи дешевых нор — по сотне на каждом уровне, все прямые, как пистолетные дула. На улицах-терра-

сах играли ребятишки, орали и хохотали невесть над чем. Снизу кто-то запустил воздушного змея, пользуясь постоянным ровным потоком воздуха: ромб из яркого майлара раскачивался и вздрагивал в мельчайших завихрениях. Миллер сверил адрес на терминале с номером на стене. 5151-1. Дом, милый дом бедной богачки.

Он набрал свой код допуска, и грязно-зеленая дверь, втянув клапаны, впустила его.

Нора косо уходила вверх в тело станции. Три маленькие комнаты: жилая, за ней спальня, едва вмещавшая койку, за ней душевая кабина, туалет и маленькая раковина — все на пол-локтя друг от друга. Стандартная планировка, он видел такие тысячу раз.

Миллер постоял минуту, ни к чему особенно не приглядываясь, слушая успокоительное шипение воздуха в воздуховоде. Он старался не выносить суждений, ожидая, пока в голове само сложится впечатление о жилище и — через него — о жившей здесь девушке.

Слово «спартанское» тут не подходило. «Простое» — да. Единственным украшением была немного абстрактная акварелька с женским лицом в маленькой рамке, что висела над столом, и несколько бумажек величиной с игральную

карту — над кроватью. Миллер наклонился, чтобы разобрать мелкий шрифт. Официальное свидетельство, подтверждающее, что Джули — не Джульетта — Мао получила красный пояс в центре джиу-джитсу Цереры. Еще одна — о переходе к коричневому поясу. Их разделяли два года. Крутая, значит, школа. Он тронул пальцем место на стене, оставленное для черного. Карточки безо всяких украшений — ни стилизованных метательных звездочек, ни тренировочных мечей. Просто скромное признание, что Джули Мао добилась того, чего добилась. Одно очко в ее пользу.

В шкафу нашлись две смены одежды: одна из толстого полотна и брезента, другая — из голубого шелка с красным шарфом. Один костюм для работы, другой для развлечений. Меньше, чем у Миллера, а он был не любитель наряжаться.

Вместе с носками и бельем хранилась нарукавная повязка с рассеченным кругом АВП. Неудивительно для девушки, повернувшейся спиной к богатству и привилегиям ради жизни в такой дыре. В двух съемных ящиках холодильника осталась испорченная еда и бутылка местного пива.

Миллер поколебался, но пиво взял. Сел за стол

и открыл встроенный домашний терминал. Шаддид оказалась права: код допуска Миллера сгодился в качестве пароля.

На рабочем столе картинка с гоночной шлюпкой. Все хранится под маленькими разборчивыми иконками. Общение, развлечения, работа, личные записи. «Стильное» — вот подходящее слово. Не «спартанское», а «стильное».

Он быстро перебрал профессиональные файлы, так же, как с жильем, позволяя впечатлению сформироваться без усилий. Придет время и для скрупулезной работы, но первое впечатление обычно оказывалось полезнее целой энциклопедии. У нее хранилась подборка учебных записей по управлению различными легкими грузовыми судами. Несколько политических архивов, но ничего настораживающего. Отсканированный сборник поэзии первопоселенцев Пояса.

Он перешел к личной корреспонденции. Джули поддерживала астерский порядок и здесь. Все входящие сообщения разложены в папки. Работа, личное, новости, покупки. Он открыл «Новости». Две или три сотни политических сообщений, дайджесты дискуссионных групп, бюллетени и объявления. Кое-что она просматривала, но без фанатизма. Джули была из тех женщин, ко-

торые готовы принести жертву своему делу, но не увлекаются чтением пропаганды. Миллер закрыл файл.

В «Покупках» лежало множество коммерческих предложений. Несколько расписок, несколько объявлений, заказы товаров и услуг. На глаза ему попался запрос в службу свиданий для астеров. Миллер просмотрел переписку. Джули подписалась на «Встречи при низкой *g*, низком давлении» в феврале прошлого года и отписалась в июне, не воспользовавшись услугами.

Папка «Личное» оказалась разнообразнее. На глазок здесь было шесть или семь десятков подразделов, помеченных именами: «Саша Ллойд-Наварро», «Ирен Майкле» — или метками: «Спарринг», «АВП»…

…«Никтоневиноват».

— О, это может быть интересно, — сказал он пустой норе.

Пятьдесят сообщений за пять лет, все с торговой станции «Мао — Квиковски» в Поясе или с Луны. В отличие от политических новостей все, кроме одного, просмотрены.

Миллер откупорил пиво и задумался над двумя самыми свежими сообщениями. Последнее, еще не вскрытое, пришло от некоего «ЖПМ». Надо

думать, от Жюль-Пьера Мао. К предыдущему сохранились три черновика ответов, все не отосланные. Сообщение было от Ариадны. То есть от матери.

В работе детектива всегда есть что-то от вуайеризма. Он имел право находиться здесь, рыться в личной жизни совершенно незнакомой женщины. Ему как следователю полагалось знать, что она была одинока, что в ванной стояли только ее собственные туалетные принадлежности. Что она была гордой. Никто не мог пожаловаться, да и жалоба осталась бы без внимания, на то, что он перечитал всю ее личную переписку. Разве что похищение ее пива могло вызвать легкое недовольство.

И все же Миллер несколько секунд помедлил, прежде чем открыть предпоследнее сообщение.

Экран сменил фон. На хорошей модели письмо выглядело бы точно как написанное пером на бумаге, но дешевая система Джули разбила изображение на тончайшие линии и пропустила легкое свечение по левому краю. Почерк был тонким и разборчивым: то ли пользовались программой каллиграфии, позволяющей варьировать форму букв и толщину штрихов, то ли текст писался от руки.

«Милая!

Надеюсь, у тебя все хорошо. Хотелось бы, чтобы ты сама иногда мне писала. Сейчас мне приходится посылать запрос в трех экземплярах, чтобы узнать, как дела у родной дочери. Я понимаю, что ты затеяла эту авантюру ради свободы и самостоятельности, но и для ответственности должно найтись место.

Я особенно хотела бы связаться с тобой, потому что отец опять строит планы консолидации, и мы подумываем продать „Бритву“. Знаю, что когда-то она много для тебя значила, но не думаю, чтобы ты снова занялась гонками. Сейчас она только съедает средства за хранение, а у нас нет причин быть сентиментальными».

Вместо подписи стоял легкий вензель: «АМ».

Миллер задумался над письмом. Почему-то он ожидал, что очень богатые родители давят на своих детей несколько тоньше. «Если не будешь слушаться, мы выбросим твои игрушки. Если не напишешь. Если не вернешься домой. Если перестанешь нас любить».

Миллер открыл первый черновик ответа.

«Мать, если тебе нравится себя так называть.

Спасибо, что швырнула в меня еще одним комом грязи. Не представляла, какой мелкой, грубой эгоисткой ты можешь быть. Не верю, чтобы ты хоть во сне увидела, хоть на минуту вообразила, что я могу…»

Миллер не стал дочитывать. Тон письма был ясен и так. Второй черновик она написала два дня спустя. Миллер перешел на него.

«Мама!

Мне жаль, что в последние годы мы стали чужими. Я знаю, что тебе и папе было тяжело, но надеюсь, вы понимаете, что, принимая решение, я не хотела причинить вам боль. Насчет „Бритвы“ я прошу тебя подумать еще. Это моя первая шлюпка, и я…»

Дальше письмо обрывалось. Миллер откинулся назад.

— Держись, малышка, — обратился он к воображаемой Джули и открыл последний черновик.

«Ариадна.
Поступай как хочешь.

Джули».

Миллер рассмеялся и поднял бутылку, обращаясь с молчаливым тостом к экрану. Они знали, куда больнее ударить, но Джули выдержала удар. Если ему случится найти ее и отправить обратно, это будет плохой день для них обоих. Для всех.

Он допил пиво, бросил бутылку в люк утилизатора и открыл последнее сообщение. Он всерьез боялся прочитать о судьбе «Бритвы», но знать все, что можно, было его работой.

«Джули!
Это не шутка. И не очередной драматический каприз матери. У меня есть надежные сведения, что Пояс становится очень небезопасным местом. О том, что нас разделяет, можно поговорить позже.
РАДИ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЗВРАЩАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО».

Миллер нахмурился. Гудел воздуховод. Снаружи пронзительно свистнул кто-то из местных мальчишек. Миллер постучал по экрану, закрыл папку «Никтоневиноват» и снова открыл ее.

Сообщение пришло с Луны за две недели до того, как Холден и «Кентербери» подняли стяг войны между Поясом и Марсом.

Дополнительная работенка становилась интересной.

Глава 9
Холден

— Те корабли так и не отвечают, — сказала Наоми, набирая на панели связи последовательность символов.

— Я и не ждал, что ответят. Просто хочу показать «Доннаджеру», что мы озабочены преследованием. Пока что мы просто прикрываем задницы, — ответил Холден.

Наоми распрямилась, хрустнув позвонками. Холден достал из лежащей на коленях коробочки протеиновую плитку и кинул ей.

— Поешь.

Она содрала обертку, а тем временем Амос, поднявшись по трапу, занял место рядом с нею. Его комбинезон засалился до блеска. Как и у остальных: три дня в тесном челноке не способствовали соблюдению личной гигиены. Холден поднял руку и с отвращением поскреб в жирных волосах. На «Рыцаре» не было места для душа, а в раковины, приспособленные к невесомости, голову не засунешь. Амос решил проблему с мытьем волос, сбрив их подчистую. Теперь его лысину окру-

жало кольцо щетины. Наоми каким-то образом умудрилась сохранить волосы блестящими и не особенно жирными. Холден хотел бы знать, как ей это удалось.

— Дай и мне пожевать, старпом, — попросил Амос.

— Капитан, — поправила Наоми.

Холден бросил плитку и ему. Амос подхватил ее и с отвращением уставился на длинный узкий пакетик.

— Черт подери, босс, я отдал бы левый орешек за еду, что не походила бы на какашку. — Он стукнул своим брикетом о плитку Наоми — будто чокнулся рюмками.

— Скажи лучше, как у нас с водой, — сказал Холден.

— Ну, я весь день ползал между обшивками. Закрепил всюду, где можно было, а где нельзя — наляпал эпоксидки, так что мы больше не подтекаем.

— И все равно воды в обрез, Джим, — вмешалась Наоми. — Система переработки на «Рыцаре» дерьмовая. Никто не думал, что понадобится две недели превращать отходы пяти человек во что-нибудь съедобное.

— В обрез — не так страшно. Просто научимся

не замечать, как мы воняем. Я боялся услышать: «И близко не достаточно».

— Вот, кстати, пойду к себе, побрызгаюсь еще дезодорантом, — сказал Амос. — После того как я день провел в корабельных кишках, ночь не спал от собственной вони.

Он проглотил последние крошки, причмокнул, шутливо облизнулся и, выбравшись из кресла, поплыл к трапу. Холден откусил кусочек от своей плитки. На вкус — как сальный картон.

— Как там Шед? — спросил он. — Что-то он притих.

Наоми нахмурилась и отложила начатую плитку на панель.

— Я как раз хотела об этом поговорить. С ним нехорошо, Джим. Из всех нас он тяжелее всех переносит… то, что случилось. Вы с Алексом оба флотские. Вас учили мириться с потерями. Амос так давно летает, что, верь не верь, теряет уже третий корабль.

— А ты выкована из стали и титана, — закончил Холден, почти не шутя.

— Не совсем. Процентов на восемьдесят, самое большее на девяносто, — слабо улыбнулась Наоми. — Но я серьезно думаю, что тебе надо с ним поговорить.

— И что я скажу? Я не психиатр. Флотский вариант требует напомнить о долге, славных жертвах и мести за павших. Не слишком хорошо работает, когда твоих друзей убили без видимых причин и у тебя мало шансов расплатиться.

— Я не говорю, что ты должен привести его в порядок. Просто поговори.

Холден поднялся и отдал честь.

— Да, сэр. — И уже от трапа добавил: — Еще раз спасибо, Наоми. Я действительно…

— Знаю. Иди, будь капитаном, — сказала она, отворачиваясь к панели и вызывая к жизни экран. — А я еще помашу нашим соседям.

Холден нашел Шеда в крохотном госпитальном отсеке «Рыцаря». Честно говоря, отсек больше походил на чулан. Между усиленной койкой, шкафчиками с оборудованием и полудюжиной встроенных в стену приборов едва оставалось место для табурета, прикрепленного к полу магнитными ножками. На нем и сидел Шед.

— Эй, дружище, войти можно? — спросил Холден. «Я и вправду сказал: „Эй, дружище“?»

Шед пожал плечами и вызвал на стенную панель список оборудования, просматривая содержимое шкафчиков. Притворился, будто занят делом.

— Послушай, Шед, нас всех сильно ударило это дело с «Кентербери», и ты… — начал Холден. Шед обернулся, держа в руках белый тюбик.

— Трехпроцентный раствор уксусной кислоты. Понятия не имел, что здесь такое есть. На «Кенте» кончился, а у меня было трое с ГБ, которым он бы пригодился. Интересно, зачем его запасли на «Рыцаре», — протянул Шед.

— ГБ? — только и нашел что сказать Холден.

— Генитальные бородавки. Раствор уксусной кислоты применяется для всех видов наружных бородавок. Выжигает их. Дьявольски больно, зато действенно. На челноке он ни к чему. В аптечках вечный бардак.

Холден открыл рот — и снова закрыл, так и не придумав, что ответить.

— У нас есть уксусная мазь, — голос Шеда постепенно повышался, — зато нет обезболивающих. Как по-твоему, что нужнее на спасательном челноке? Если бы на разбитом корабле нашелся человек с острой формой ГБ, я бы ему помог. А если с переломом кости? Извините, придется потерпеть.

— Слушай, Шед… — попробовал остановить его Холден.

— А вот сюда посмотри. Коагулянтов нет. Какого

черта? Кто бы мог подумать, что спасателям придется иметь дело, знаешь ли, *с кровотечением?* Да ни в жизнь! Я к тому, что у нас на «Кенте» сейчас четыре случая сифилиса. Одно из древнейших заболеваний в списке, и мы до сих пор не можем с ним справиться. Я ребятам говорю: «Шлюхи на Сатурне перебирают всех водовозов, так что не снимайте перчаток», но разве ж они послушают? Нет. И вот мы имеем сифилис, а ципрофлаксина не хватает.

Холден почувствовал, что челюсть у него выдвигается вперед. Он ухватился за боковину люка и наклонился к Шеду.

— «Кент» уничтожен, — отчетливо, громко и жестоко проговорил он. — Все погибли. Никому не нужны антибиотики. Никому не нужна мазь от бородавок.

Шед осекся, резко выдохнул, как от удара в живот. Мелкими точными движениями закрыл аптечку и отключил экран.

— Знаю, — тихо сказал он. — Не дурак. Просто мне нужно время.

— Всем нужно. Но мы все заперты в этой консервной банке. Скажу честно, я пришел, потому что за тебя беспокоилась Наоми, но стоило тебя увидеть, ты и меня дьявольски обеспокоил. Тут

все нормально, я капитан, и это моя работа, но я не могу позволить, чтобы ты действовал на нервы Алексу или Амосу. Через десять дней нас сграбастают марсиане, и нам и так достаточно страшно, чтобы еще доктор разваливался на куски.

— Я не врач. Просто техник, — очень тихо отозвался Шед.

— Для нас ты доктор, договорились? Нас здесь четверо, и для нас ты врач. Если Алекс начнет страдать от посттравматического синдрома и ему понадобится лекарство, он придет к тебе. Если он застанет тебя бормочущим эту чушь про бородавки, он развернется, уйдет в рубку и напашет с полетным курсом. Хочешь выплакаться? Плачь при всех. Посидим на камбузе, надеремся и порыдаем, как младенцы, но только вместе, в безопасности. Нечего здесь прятаться.

Шед кивнул.

— А можно? — спросил он.

— Что можно?

— Надраться и порыдать, как младенцам.

— Еще бы. Вставлю в программу полета на этот вечер. Ровно в двенадцать приказываю явиться на камбуз, мистер Гарвей. Захватите чашку.

Шед хотел ответить, но тут включилась общая связь и Наоми сказала:

— Джим, возвращайся в рубку.

Холден сжал плечо Шеда, затем вышел.

В рубке Наоми, включив экран, тихо переговаривалась с Алексом. Пилот качал головой и хмурился. На экране светилась карта.

— Что стряслось? — спросил Холден.

— Мы принимаем направленную передачу, Джим. Луч поймал нас пару минут назад, — ответила Наоми.

— С «Доннаджера»? — Насколько было известно Холдену, в пределах досягаемости лазерной связи находился только боевой корабль марсиан.

— Нет. Из Пояса. Причем не с Цереры, не с Эроса и не с Паллады. Ни с какой из больших станций.

Она указала на точку на своем экране.

— Вот отсюда.

— Там же пусто, — удивился Холден.

— А вот и нет. Алекс проверил. Это участок большого строительного проекта «Тихо». Подробностей не сообщали, но радар дает довольно мощное эхо.

— И где-то там имеется передатчик, который за три а.е.[20] попадает в точку размером с твой

---

[20] Примечания: 20

Астрономическая единица — диаметр орбиты Земли, около 150 миллионов километров.

анус, — добавил Алекс.

— Ладно, ух, я потрясен! И что говорит этот анус?

— Ты не поверишь. — Наоми включила повтор записи.

На экране появился темнокожий человек с тяжелыми лицевыми костями землянина. В волосах седина, на шее жгуты мышц. Он улыбнулся и заговорил: «Привет, Джеймс Холден. Меня зовут Фред Джонсон».

Холден нажал кнопку паузы.

— Вроде он мне знаком. Поищите его имя в базе данных, — попросил он.

Наоми не шевельнулась, но озадаченно уставилась на него.

— Ну что? — спросил Холден.

— Это Фредерик Джонсон, — сказала она.

— Предположим…

— Полковник Фредерик Люциус Джонсон.

Пауза длилась, может быть, секунду, но показалась часом.

— Господи! — Холден опешил.

Человек на экране когда-то считался самым прославленным офицером Флота ООН, а кончил самым позорным конфузом. Для астеров он был чем-то вроде шерифа Ноттингемского, переква-

лифицировавшегося в робин гуды. Для Земли — героем, лишившимся чести.

Фред Джонсон прославил себя серией удачных операций против пиратов с Пояса в очередной период напряженности между Землей и Марсом — они возникали и затухали каждые несколько десятилетий. Как только две великие державы начинали бряцать оружием, уровень преступности в Поясе возрастал. Полковник Джонсон — в то время еще капитан — со своей маленькой эскадрильей в три фрегата за два года уничтожил дюжину пиратских кораблей и две крупные базы. К тому времени, как Коалиция угомонилась, пиратство в Поясе оказалось практически ликвидировано, а имя Фреда Джонсона было у всех на устах. Он пошел на повышение, получил командование над дивизионом десантников Коалиции, патрулировавшим Пояс, и продолжал отлично нести службу.

До событий на станции Андерсон.

Крошечный торговый форпост на дальней от крупного порта Цереры стороне Пояса. Мало кто даже из астеров нашел бы ее на карте. Она оправдывала свое существование, только работая распределителем воды и воздуха по дальним пределам Пояса. Воздух с Андерсона получали

меньше миллиона человек.

Свежевыдвинувшийся чиновник Коалиции Густав Маркони решил на три процента повысить пошлину на проходящие через станцию товары в надежде поднять доходы. Без запасов жили менее пяти процентов астеров, получавших воздух с Андерсона, так что обходиться без воздуха один день в месяц пришлось бы не более чем пятидесяти тысячам. Незначительный процент из этих пятидесяти тысяч не имели восстановителей, которые покрыли бы такую мелкую недостачу. И лишь малая доля последних решили, что вооруженное восстание — разумный выбор.

Вот почему из миллиона пострадавших от новой пошлины всего сто семьдесят астеров захватили станцию и выбросили Маркони из шлюза. Они потребовали от правительства гарантий, что пошлины на воду и воздух, проходящие через станцию, больше не будут повышаться.

Коалиция прислала полковника Джонсона.

Во время резни на станции Андерсон астеры держали камеры включенными и непрерывно вели передачу на всю Солнечную систему. Все видели, как десантники Коалиции медленно и жестоко вытесняли из коридоров станции людей, которым нечего было терять и которые не видели

причин сдаваться. Коалиция победила — исход был предрешен, — но победе предшествовала трехдневная бойня в прямом эфире. Символом ее стала не какая-то из картин боя, а заключительный кадр, переданный камерами перед самым отключением: полковник Джонсон в командной рубке станции, окруженный телами астеров, превративших ее в последний редут, озирает сцену бойни пустым взглядом, бессильно свесив руки.

Коалиция пыталась замолчать отставку полковника Джонсона, однако он был слишком заметной фигурой. Видео сражения несколько недель держалось в топе сети, и вытеснило его только официальное обращение полковника Джонсона, приносившего извинения за устроенную резню и объявлявшего, что нынешние отношения между Поясом и внутренними планетами неприемлемы и ведут к еще большим трагедиям.

Затем он пропал. Его почти забыли — примечание мелким шрифтом к истории человекоубийства, — пока четырьмя годами позже не взбунтовались колонисты Паллады. На этот раз губернатора, поставленного Коалицией, вышибли рабочие перегоночной станции. И здесь была уже не крошечная отдаленная станция со ста се-

мьюдесятью бунтовщиками, а крупный астероид с населением полторы сотни тысяч человек. Когда Коалиция вызвала десантников, все ожидали кровавой бани.

Полковник Джонсон возник из ниоткуда и уговорил рабочих успокоиться. Он убедил командование Коалиции задержать десантников, пока станцию не сдадут миром. Он больше года торговался с управлением Коалиции об улучшении условий труда на перегоночной станции. И на месте палача станции Андерсон вдруг возник герой Пояса и святой.

Этот герой сейчас передавал на «Рыцарь» сообщение по закрытому каналу.

Холден нажал «пуск», и *тот самый* Фред Джонсон сказал:

«Мистер Холден, я думаю, вами играют. Позвольте прямо предупредить, что я обращаюсь к вам как представитель Альянса Внешних Планет. Не знаю, что вы о нас слышали, но не все мы — ковбои, у которых руки чешутся пулями пробить путь к свободе. Я потратил последние десять лет, добиваясь улучшения жизни астеров *без стрельбы.* Я настолько верю в свою миссию, что отказался от гражданства Земли, перебравшись сюда.

Я говорю об этом, чтобы вы знали, на чьей я стороне. Я, возможно, единственный человек в Солнечной системе, который менее всего желает войны, а в совете АВП мой голос звучит громко.

Вы, возможно, слышали часть передач, где грохочут барабаны войны и слышатся призывы отомстить Марсу за ваш корабль. Я переговорил со всеми лидерами ячеек АВП, и никто из них не принял на себя ответственности.

Кто-то очень старается развязать войну. Если это Марс, то, ступив на борт того корабля, вы уже не скажете публично ни слова, кроме как под диктовку марсиан. Я не хочу думать, что это действительно Марс. Не вижу, что они выигрывают от войны. Поэтому я надеюсь, что, даже оказавшись на „Доннаджере“, вы сможете играть свою роль в том, что последует.

Я посылаю вам пароль. В следующий раз, когда будете выступать публично, вставьте в первую фразу слово „повсеместно“, чтобы показать, что говорите без принуждения. Если вы им не воспользуетесь, я буду считать, что вас принуждают. В любом случае помните, что в Поясе у вас есть союзники.

Не знаю, кем и чем вы были прежде, но теперь ваши голоса много значат. Если вы захотите

отдать их за перемены к лучшему, я помогу вам всеми силами. Если окажетесь свободны, свяжитесь со мной по приложенному адресу. Думаю, нам найдется о чем поговорить.

Джонсон, конец связи».

Команда сидела в камбузе за бутылкой эрзац-текилы, которую где-то раскопал Амос. Шед благовоспитанно прихлебывал из маленькой чашечки и незаметно морщился при каждом глотке. Алекс и Амос пили по-матроссски: наливали сразу на палец и опрокидывали залпом. Алекс при каждом глотке повторял: «Ух, ребята!» Амос всякий раз подыскивал новое ругательство. Он добрался до одиннадцатой порции, ни разу еще не повторившись.

Холден не сводил глаз с Наоми. Она раскручивала текилу в своей чашке и отвечала таким же пристальным взглядом. Холден поймал себя на мысли о том, какая смесь генов породила ее черты. Определенно чувствовалась африканская и южноамериканская кровь. Фамилия намекала на предков-японцев, угадывавшихся чуть заметно в складке век. Ее нельзя было назвать хорошенькой в общепринятом смысле слова, но, если взглянуть под правильным углом, она просто-напросто потрясала.

«Дело дрянь, я пьянее, чем думал».

Чтобы скрыть это, он заговорил:

— Итак…

— Итак, к вам теперь обращается полковник Джонсон. Важной вы стали персоной, сэр, — подхватила Наоми.

Амос с преувеличенной осторожностью поставил чашку на стол.

— Как раз собирался спросить, сэр. Не отказаться ли нам от предложенной помощи и не дернуть ли обратно в Пояс? — произнес он. — Не знаю, как вам, а мне тесновато между марсианским фрегатом и шестью неопознанными кораблями.

Алекс фыркнул:

— Шутишь? Если сейчас вздумаем поворачивать, как раз успеем затормозить к тому времени, как «Доннаджер» нас перехватит. Они и так жгут мебель, чтобы успеть к нам раньше астерских судов. Если мы повернем им навстречу, «Донни» решит, что мы перебежали в другую команду, и всех нас в клочки разметелит.

— Я согласен с мистером Камалом, — сказал Холден. — Мы выбрали курс и будем держаться его до конца. Не хотелось бы потерять контакт, который дал нам Фред. Кстати, Наоми, ты уже стерла сообщение?

— Да, сэр, выскребла из корабельной памяти железной щеткой. Марсиане не узнают, что он с нами говорил.

Холден кивнул и опустил молнию тренировочного костюма. Пятерке пьяниц в камбузе было жарковато. Наоми при виде его заношенной футболки вздернула бровь. Он смущенно застегнулся доверху.

— Не пойму я, что это за посудины, босс, — заговорил Алекс. — Полдюжины корабликов-камикадзе с атомными зарядами на корпусе *могли бы* пробить брешь в боевой колымаге вроде «Донни», но средства послабее не сработают. Он окружен защитной сетью и рельсовыми орудиями, он может создать вокруг себя закрытую зону в тысячу кэмэ. Он и сейчас мог бы подбить ту шестерку торпедами, только, думается, марсианам так же, как нам, любопытно узнать, кто бы это мог быть.

— Они наверняка понимают, что не успеют к нам раньше «Доннаджера», — сказал Холден, — и вступить с ним в бой не способны. Так что не могу предположить, что у них на уме.

Амос разлил всем остатки текилы и поднял свою чашку в тосте.

— Думаю, мы еще узнаем, что это за хрень.

Глава 10
Миллер

Когда капитан Шаддид сердилась, она постукивала кончиком среднего пальца о подушечку большого. Звук получался тихим, как топоток кошачьих лапок, но с тех пор, как Миллер заметил эту ее привычку, он с каждым разом казался громче. Каким бы тихим он ни был, а заполнял ее кабинет.

— Миллер, — сказала она, улыбаясь самой неподдельной улыбкой, — мы все еле держимся. Дни были очень-очень трудными.

— Да, сэр, — ответил Миллер, пригнув голову, словно собрался макушкой пробить себе путь сквозь все преграды. — Мне это кажется достаточно важным, чтобы заняться вплотную…

— Это просто услуга акционеру, — сказала Шаддид. — Отец занервничал. Нет оснований полагать, что он подразумевал уничтожение «Кентербери» Марсом. Тарифы опять растут. На шахте «Красной Луны» был взрыв. У Эроса проблемы с дрожжевыми фермами. У нас в Поясе что ни день — неприятности, которые могут за-

ставить отца тревожиться за свой драгоценный цветочек.

— Да, сэр, но совпадение по времени…

Ее пальцы участили темп. Миллер прикусил губу. Спор был проигран.

— Не стоит выискивать заговоров, — сказала Шаддид. — У нас полно вполне реальных уголовников. Политики, война, заговор негодяев-внутряков, желающих нас отыметь… вне наших полномочий. Просто представьте мне рапорт, показывающий, что розыск ведется, я перешлю его наверх, а вы сможете вернуться к своей работе.

— Да, сэр.

— Что-то еще?

— Нет, сэр.

Шаддид кивнула и отвернулась к своему терминалу. Миллер взял лежавшую на уголке ее стола шляпу и вышел. За выходные один из фильтров на станции испортился, и новый наполнял воздух успокоительным запахом свежего пластика и озона. Миллер уселся за свой стол, сплел пальцы на затылке и уставился на светильник над головой. Узел, стянувшийся у него в животе, не желал распускаться. Плохо дело.

— Ничего хорошего? — осведомился Хэвлок.

— Могло быть лучше.

— Отобрала дело?

Миллер покачал головой.

— Просто хочет, чтобы я занимался им вполсилы.

— Могло быть хуже. По крайней мере, у тебя есть возможность выяснить, что случилось. И покопать немножко после работы, просто для практики, понимаешь?

— Ага, — протянул Миллер, — для практики.

Их столы, и его, и Хэвлока, были противоестественно чистыми. Бумажная стена, которой Хэвлок отгораживался от станции, рассосалась, и по тому, как бегали глаза партнера и двигались его руки, Миллер видел: коп в нем хочет вернуться в туннели. То ли чтобы показать себя перед переводом, то ли чтобы проломить пару голов. Может быть, это было одно и то же, только разными словами.

«Просто не дай себя убить, пока не выберешься отсюда», — подумал Миллер. А вслух сказал:

— Что у нас?

— Магазин электроники. Восьмой сектор, третий уровень, — доложил Хэвлок. — Жалоба на вымогательство.

Миллер посидел еще минуту, рассматривая собственную досаду как чужую. С тем же успехом

Шаддид могла бы скормить собаке крошечный кусочек свежего мяса, после чего загнать ее обратно в конуру. В нем расцветало желание послать к черту магазин электроники, и на мгновение он был готов поддаться искушению. Но все же вздохнул, свесил ноги на пол и встал.

— Ну ладно. Пойдем обеспечим безопасность коммерции на станции.

— Отличный лозунг. — Хэвлок проверил оружие. В последнее время он часто это проделывал.

Лавчонка торговала развлекательными дисками. Чистые белые наклейки сулили обычный набор интерактивных развлечений: боевые симуляторы, старательские игры, секс. В динамиках женский голос тянул нечто среднее между призывом муэдзина и стоном оргазма. Половина надписей оказалась на хинди с переводами на китайский и испанский. Другая половина — на английском с дублированием на хинди. Кассир был совсем мальчишка. Лет шестнадцать-семнадцать, и черный пушок на подбородке.

— Чем могу служить? — спросил паренек неодобрительно, едва ли не с презрением разглядывая Хэвлока. Тот достал карточку, при этом позволив мальчишке хорошенько рассмотреть его пистолет.

— Мы хотели побеседовать с… — Миллер бросил взгляд на текст жалобы на терминале, — с Эшером Камамацу. Он здесь?

Для астера управляющий был толстяком. Выше Хэвлока, со слоем жира на брюхе и солидными мускулами на плечах, руках и шее. Прищурившись, Миллер разглядел сквозь наслоения лет и разочарований семнадцатилетнего паренька, и тот очень походил на кассира, оставшегося в лавке. Каморка была тесновата для троих, к тому же забита коробками порнографических дисков.

— Поймали вы их? — спросил управляющий.

— Нет, — ответил Миллер. — Пока выясняем, кто эти «они».

— Черт, да я же вам сказал. Они попали на камеру слежения, я вам даже имя назвал, что за хрень?

Миллер взглянул на терминал. Подозреваемого звали Матео Джадд, докер с ничем не примечательным уголовным досье.

— Вы, стало быть, считаете, что он один из них, — кивнул Миллер. — Ладно, мы его возьмем и засадим. И нам незачем будет искать, на кого он работал. Возможно, никто и не обидится. Мой опыт говорит, что, потеряв сборщика, его просто заменяют другим. И если вы уверены, что все

ваши беды *только* от этого парня…

По лицу управляющего Миллер догадался, что намек понят. Хэвлок, прислонившийся к коробке с русской надписью «Сиротливые девушки», улыбался.

— Почему бы вам не рассказать, чего он хотел? — предложил Миллер.

— Я уже говорил прошлому копу, — ответил Камамацу.

— Расскажите и мне.

— Он продавал нам частную страховку. Сотня в месяц, как и прежний парень.

— Прежний? — вмешался Хэвлок. — Такое случалось и раньше?

— Ясное дело, — ответил управляющий. — Сами знаете, каждый кому-то платит. Налог на бизнес.

Миллер, нахмурившись, закрыл свой терминал.

— Философский подход. Но если это налог на бизнес, при чем здесь мы?

— Притом что я думал, вы… ваши люди сумели покончить с этим дерьмом. С тех пор как мы перестали платить Локе, у нас пошла приличная прибыль. А теперь все сызнова.

— Притормозите, — перебил Миллер. — Вы хотите сказать, что Лока Грейга перестал собирать

плату за крышу?

— Ясное дело. И не только с нас. Половина ребят из «Ветви», кого я знаю, пропали с глаз. Мы решили, что копы в кои-то веки что-то сделали. А теперь появились эти новые ублюдки, и все пошло по-старому.

По загривку у Миллера поползли мурашки. Он оглянулся на Хэвлока, тот покачал головой. Он тоже об этом не слышал. Общество «Золотая Ветвь», банда Сохиро, Лока Грейга. Вся организованная преступность на Церере пережила экологический коллапс, а теперь кто-то спешил занять освободившуюся нишу. Может, авантюристы. Может, кто-то еще. Он с трудом заставил себя задать следующий вопрос. Хэвлок сочтет его параноиком.

— Давно ли исчезла прежняя крыша? — спросил Миллер.

— Не знаю. Давно.

— До или после того, как Марс прикончил того водовоза?

Управляющий скрестил толстые руки, прищурился.

— До, — сказал он. — Может, месяц или два. А при чем тут оно?

— Просто пытаюсь уточнить время, — ответил

Миллер. — А этот новенький, Матео, не сказал вам, кто держит его страховой полис?

— Это уж ваша работа выяснять, нет? — Лицо управляющего замкнулось так резко, что Миллеру послышался щелчок. Да, Эшер Камамацу знал, кто его трясет. У него хватило мужества пискнуть, но оказалось маловато, чтобы ткнуть пальцем.

Любопытно.

— Ну, спасибо, — произнес Миллер, вставая. — Мы дадим вам знать, если что найдем.

— Рад, что вы занялись этим делом, — сказал Эшер, отвечая уколом на укол.

В наружном туннеле Миллер задержался. Район был на грани между сомнительным и респектабельным. Белые пятна указывали места, где выскребли граффити. Их объезжали велосипедисты, пенопластиковые колеса жужжали по полированному камню. Миллер медленно прошелся, разглядывая потолок, пока не высмотрел камеру, установленную службой безопасности. Открыв терминал, он вывел на экран журнал камеры и сверил его с записью из лавки. Минуту переключал кадры, гоняя взад-вперед изображения покупателей. Вот и выходящий из лавки Матео. На лице противная самодовольная ухмылка. Миллер остановил кадр и дал высокое

разрешение. Хэвлок, заглядывавший ему через плечо, присвистнул.

На рукаве бандита четко виднелась повязка с рассеченным кругом АВП — такая же, как повязка из норы Джули Мао.

«Ну и компанию ты себе выбрала, детка! — подумал Миллер. — Ты стоишь лучшего. И должна была это понимать».

— Эй, партнер, — вслух сказал он. — Не мог бы ты написать отчет об этом допросе? У меня на уме одно дело. Пожалуй, брать тебя с собой не стоит, ты уж не обижайся.

Брови Хэвлока поползли к линии волос.

— Хочешь допросить АВП?

— Просто потрясу дерево-другое, — ответил Миллер.

Он рассчитывал, что представитель службы безопасности в баре, посещаемом членами АВП, будет достаточно заметен. Впрочем, половина лиц, которые удалось рассмотреть в полумраке мужского клуба Джона Рока, принадлежали обычным гражданам. Многие из них, как и он, работали на «Звездную Спираль». Музыка звучала чисто астерская: тихие колокольцы под цитру и гитару, песни на полудюжине языков. Он допивал четвертую кружку пива, потратив

уже два часа сверх рабочего времени, и готов был отказаться от провалившегося плана, когда к нему за стойку подсел высокий худой субъект. Угреватые щеки придавали зловещий вид лицу, выражавшему скрытое веселье. За вечер на глаза Миллеру попалось несколько человек с повязками АВП, но этот держался уверенно и властно. Миллер кивнул.

— Похоже, интересуетесь АВП, — заговорил сосед. — Подумываете вступить?

Миллер улыбнулся и поднял свою кружку в нарочито невыразительном жесте.

— Если да, с кем мне поговорить? — легкомысленно спросил он.

— Пожалуй, я мог бы помочь.

— Может, тогда вы могли бы сказать мне еще кое-что. — Миллер достал свой терминал и со стуком водрузил на прилавок из искусственного бамбука. На экране появился Матео Джадд. Сосед нахмурился и повернул экран к себе, чтобы лучше видеть.

— Я реалист, — сказал ему Миллер. — Когда рэкетом занимались «Улиточки», я не отказывался из гордости потолковать с ними. И когда на их место пришел Хэнд, а потом «Золотая Ветвь». Мое дело — не мешать людям нарушать правила, а

охранять безопасность Цереры. Вы понимаете, о чем я?

— Не уверен, — отозвался угреватый. Выговор его, неожиданно для Миллера, выдавал человека образованного. — Кто это такой?

— Его зовут Матео Джадд. Занялся рэкетом в восьмом секторе. Говорят, его прикрывает АВП.

— Люди много чего говорят, детектив. Вы ведь детектив, не так ли? Но мы рассуждали о реализме.

— Если АВП выдвигается на черный рынок Цереры, для всех будет лучше, если мы сможем говорить друг с другом. Поддерживать связь.

Мужчина хмыкнул и оттолкнул терминал. Бармен придвинулся к ним, по его глазам было не похоже, что он интересуется новым заказом. И смотрел он не на Миллера.

— Я слыхал, что в «Звездной Спирали» есть определенный уровень коррупции, — сказал сосед, — и меня впечатляет ваша прямота. Уточню. АВП — не преступная организация.

— Право? А я-то думал… Исходя из того, сколько убитых на ее счету…

— Не пытайтесь меня подловить. Мы защищаемся от людей, которые поддерживают экономический террор против Пояса. Это земляне,

марсиане. Мы защищаем Пояс, — сказал человек из АВП. — Даже вас, детектив.

— Экономический террор? — переспросил Миллер. — Слишком сильно сказано.

— Вы так думаете? Внутренние планеты видят в нас рабочую силу. Они облагают нас налогами. Они указывают нам, чем заниматься. Они устанавливают свои законы и игнорируют наши — во имя стабильности. В прошлом году они удвоили тарифы на Титании. Пять тысяч человек на ледяном спутнике Нептуна в месяцах пути откуда угодно. Солнце для них — просто яркая звезда. Вы думаете, они в состоянии требовать пересмотра? Они запретили всем грузовым судам астеров подписывать контракты с Европой. Они берут с нас двойную плату за стоянку на Ганимеде. А научная станция на Фебе? Нам не разрешается даже выходить на ее орбиту! На ней нет ни одного астера. Чем бы они там ни занимались, мы об этом узнаем лет через десять, когда они продадут нам новую технологию.

Миллер отхлебнул пива и указал на свой терминал.

— Так он не из ваших?

— Нет, не из наших.

Миллер кивнул и положил терминал в карман.

Как ни странно, он верил этому человеку. Тот не походил на гангстера. Он не бравировал. Не навязывал своего мнения. Нет, в нем можно было разглядеть уверенность и юмор, а под ними таилась глубокая усталость. Миллер знавал похожих на него солдат, но не преступников.

— Еще одно, — сказал он. — Я ищу человека.

— Тоже расследование?

— Нет, не совсем. Джульетта Андромеда Мао. Больше известна как Джули.

— Я должен знать это имя?

— Она из АВП. — Миллер пожал плечами.

— А вы всех знаете в «Звездной Спирали»? — Не дождавшись ответа, мужчина добавил: — Наша корпорация много крупнее вашей.

— Справедливо, — признал Миллер, — но если вы что-нибудь для меня разузнаете, я это оценю.

— Не думаю, что ваше положение позволяет просить об услугах.

— От просьбы вреда не будет.

Угреватый хихикнул и положил руку на плечо Миллера.

— Не приходите сюда больше, детектив, — сказал он, встал и скрылся в толпе.

Миллер хмуро допивал пиво. В голове нарастало неприятное ощущение, что он сделал ложный

шаг. Он был уверен, что АВП укрепляет свои позиции на Церере, выжимая все, что можно, из гибели ледового транспорта, из страха и ненависти астеров к внутренним планетам. Но где тут связь с отцом Джули Мао и его подозрительно своевременной обеспокоенностью? И прежде всего с исчезновением известного набора подозреваемых со станции Церера? Думать об этом было все равно что смотреть несфокусированное видео. Возникало ощущение, что почти ухватил суть, только чуть-чуть недотянул.

— Слишком много точек, — вслух сказал он. — Не хватает линий.

— Простите? — переспросил бармен.

— Ничего. — Миллер толкнул через стойку полупустую бутылку. — Спасибо.

Вернувшись в свою нору, он включил музыку. Лирические песенки, так любимые Кандес, когда они были молоды и если не полны надежд, то, по крайней мере, более жизнерадостны в своем фатализме. Он приглушил свет, подумав, что если сумеет расслабиться, то на несколько минут избавится от гнетущего чувства, будто упущена важнейшая подробность, и недостающий кусок сам собой встанет на место.

Он ожидал, что в памяти возникнет Кандес,

вздыхая и недовольно поглядывая на него, как бывало в жизни. Но вместо нее обнаружил Джули Мао. В пьяном полусне она привиделась ему сидящей за столом Хэвлока. С возрастом вышла ошибка, она выглядела моложе, чем должна быть сейчас. Он увидел ровесницу улыбчивой девчонки со снимка. Выигравшей гонку на «Бритве». Ему чудилось: он задает ей вопросы, и ответы звучат как откровения. Все обретает смысл. Становятся понятны не только перемены в «Золотой Ветви», но и перевод Хэвлока, погибший ледовоз, вся жизнь и работа Миллера. Ему снилась смеющаяся Джули Мао, и проснулся он поздно, с головной болью.

Хэвлок уже сидел за столом. Его широкое круглое лицо землянина казалось странно чужим, но Миллер слишком устал, чтобы отмахнуться от этого ощущения.

— Погано выглядишь, — сказал Хэвлок. — Трудная ночь?

— Просто старость и дешевое пиво, — отшутился Миллер.

Кто-то из отдела по борьбе с проституцией сердито орал, что досье опять заперли, компьютерщики испуганными тараканами шныряли по станции. Хэвлок склонился ближе. Он не

улыбался.

— Серьезно, Миллер, — заговорил он, — мы все еще напарники и… как перед богом, ты, может быть, единственный мой друг на этом булыжнике. Ты можешь мне доверять. Если хочешь что-то сказать, я готов слушать.

— Здорово, — сказал Миллер, — только я не пойму, о чем ты говоришь. Ночью намучился.

— Не с АВП?

— Конечно с АВП. Раскрути за хвост дохлую кошку, зацепишь трех членов АВП, даже на нашей станции. Это ни о чем не говорит.

Хэвлок откинулся назад, плотно сжатые губы побелели. Миллер сделал вопросительный жест, и землянин кивнул на табло. В верхней строке списка значилось свежее убийство. В три часа ночи, пока Миллер вел беседы во сне, кто-то вломился в нору Матео Джадда и всадил полную обойму баллистического геля ему в левый глаз.

— Ну, — сказал Миллер, — похоже, я промахнулся.

— В чем? — спросил Хэвлок.

— Парни из АВП не подменяют уголовников, — объяснил Миллер. — Они подменяют копов.

Глава 11
Холден

«Доннаджер» был уродлив.

Холдену приходилось видеть снимки и видео старых океанских судов Земли: в них даже в век стали оставалось нечто прекрасное. Длинные, стройные, они, казалось, летят по ветру, рвутся с поводка, как живые. В «Доннаджере» ничего этого не было. Как все дальние космические суда, его выстроили по проекту «офисной башни»: каждая палуба — один этаж здания, вдоль оси — трапы или лифты. Гравитацию заменяло постоянное ускорение.

Однако «Доннаджер» и внешне походил на офисное здание, лежащее на боку. Квадратный, угловатый, с раскиданными в кажущемся беспорядке шишками надстроек. Почти полкилометра в длину — как раз со стотридцатиэтажный небоскреб. По словам Алекса, он без груза весил двести пятьдесят тысяч тонн, а выглядел еще тяжелее. Холден не в первый раз задумался о том, что эстетические представления человека формировались во времена, когда стройные предметы

рассекали воздух. «Доннаджеру» никогда не придется рассекать ничего гуще межзвездного газа, а значит, изгибы и острый нос — только напрасная трата места. В результате получилось уродство.

При всем при том он внушал страх. Холден, сидя рядом с Алексом, наблюдал из рубки «Рыцаря», как тяжеловесный боевой корабль выходил на параллельный курс, надвигался на челнок и наконец как бы завис над ними. Открылся причальный отсек, обозначив в черном плоском брюхе тускло светящийся красным квадрат. «Рыцарь» назойливо гудел зуммером, сообщая, что в его корпус уткнулись прицельные лазеры. Холден поискал взглядом наведенные на него оборонительные орудия, но ничего не увидел.

Когда Алекс подал голос, Холден подскочил.

— Роджер, «Доннаджер», — сказал пилот. — Наводку принял. Заглушаю двигатель.

Исчезли остатки тяготения. Оба корабля продолжали перемещаться в пространстве со скоростью сотни километров в минуту, но, идя наравне, казались неподвижными.

— Получил разрешение на швартовку, кэп. Заходим?

— Теперь уже поздно пускаться наутек, мистер Камал, — отозвался Холден. Ему представилось,

как Алекс допускает ошибку, в которой «Доннаджер» мог бы усмотреть угрозу, и орудия точечной обороны всаживают в них сотни тысяч стальных блоков в тефлоновой оболочке. — Не торопись, Алекс, — сказал он.

— Говорят, такой может убить планету, — заговорила по рации Наоми. Она осталась в рубке связи на нижней палубе.

— С орбиты всякий может убить планету, — возразил Холден. — Даже бомбы не особо необходимы. А эта штуковина над нами могла бы убить… черт, да что угодно.

Легкое покачивание показало им, что включились маневровые двигатели. Холден знал, что в док их заводит Алекс, но не мог избавиться от ощущения, будто «Доннаджер» заглатывает челнок.

Швартовка заняла почти час. Когда «Рыцарь» оказался в доке, тяжелая лапа манипулятора сграбастала его и опустила на свободный участок палубы. Зажимы вцепились в корпус, обшивка отозвалась стальным лязгом, напомнившим Холдену лязг магнитного замка на двери гауптвахты.

Марсиане провели выходную трубу вдоль стены дока и подали ее к шлюзу «Рыцаря». Холден

собрал своих у внутренней переборки.

— Никаких пистолетов, ножей, ничего похожего на оружие, — предупредил он. — Они, наверно, не станут возражать против ручных терминалов, но на всякий случай отключите их. Если попросят, отдавайте без разговоров. Возможно, от послушания зависит наша жизнь.

— Ага, — вставил Амос. — Сволочи убили Макдауэлла, а *мы* должны хорошо себя вести…

Алекс хотел ответить, но Холден опередил его:

— Алекс, ты двадцатку налетал с ФМРК. Что еще нам надо учесть?

— То, что ты сказал, босс. «Да, сэр», «нет, сэр» и приказы исполнять мигом. С рядовыми контрактниками все в порядке, но из офицеров чувство юмора выжигают при подготовке.

Холден оглядел свою крошечную команду. Он надеялся, что не погубил всех, притащив сюда. Запустил открытие люка, и они проплыли в невесомости по короткой трубе. Добравшись до люка в конце ее — плоского серого композита безупречной чистоты, — все толкнулись к полу. Магнитные подошвы притянули их к палубе. Шлюз пошипел на них несколько секунд, прежде чем открыться в более просторное помещение, где стояла дюжина флотских. Холден узнал капи-

тана Терезу Яо. Присутствовали еще несколько человек в офицерской форме — из ее штаба. Один, в обмундировании контрактника с трудом скрывал нетерпение, а шестеро десантников в тяжелой боевой броне были при винтовках. Стволы целили в прибывших, и Холден поднял руки.

— Мы безоружны, — улыбнулся он, стараясь выглядеть безобидным.

Стволы не шевельнулись, но капитан Яо шагнула вперед.

— Добро пожаловать на «Доннаджер», — сказала она. — Старшина, проверьте их.

Контрактник подошел к ним и быстро, профессионально охлопал сверху донизу. Показал одному из десантников большой палец. Винтовки опустились, и Холден подавил вздох облегчения.

— Что дальше, капитан? — спросил он самым небрежным тоном.

Яо несколько секунд критически рассматривала его, прежде чем ответить. Волосы у нее были туго стянуты на затылке, редкие седые пряди рисовали в них прямые линии. Вблизи он рассмотрел чуть одрябшие от возраста щеки и морщинки в уголках глаз. Ее неподвижное лицо изображало то же сдержанное высокомерие, что у всех знакомых ему капитанов флота. Холден

задумался, каким она видит его, и подавил искушение пригладить жирные волосы.

— Старшина Гундерсон отведет вас в вашу каюту и поможет устроиться, — ответила она. — Скоро кто-нибудь придет вас опросить.

Старшина Гундерсон уже вышел вперед, когда Яо неожиданно жестко добавила:

— Мистер Холден, если вам что-то известно о преследующих вас шести кораблях, скажите сразу. Час назад мы дали им два часа, чтобы сменить курс. Пока они не повиновались. Еще через час я отдам приказ на торпедную атаку. Если это ваши друзья, вы можете избавить их от серьезных неприятностей.

Холден выразительно покачал головой.

— Я знаю только, что они появились со стороны Пояса, когда вы вышли нам навстречу, капитан, — сказал он. — С нами они не говорили. Мы можем только догадываться, что это граждане Пояса, желающие понаблюдать за происходящим.

Яо кивнула. Если мысль о свидетелях и смутила ее, она не выказала смущения.

— Отведите их вниз, старшина, — велела она, отворачиваясь.

Старшина Гундерсон тихо свистнул и указал на одну из двух дверей. Команда Холдена двинулась

следом за ним, десантники держались позади. Когда они шли через «Доннаджер», Холдену впервые в жизни представилась возможность вблизи рассмотреть устройство большого корабля марсиан. На Флоте ООН он не служил на крейсерах и только трижды за семь лет бывал на них, всегда в доках, когда приглашали на вечеринки. Каждый дюйм «Доннаджера» на самую малость превосходил суда, которые ему доводилось посещать. «Марс в самом деле строит их лучше нас».

— Черт, старпом, они и впрямь отдраили эту дерьмовину до скрипа, — сказал ему в спину Амос.

— В долгом рейсе большей части команды нечего делать, Амос, — ответил ему Алекс. — А когда тебе нечего делать, ты драишь медяшку.

— Вот потому-то я работаю на баржах, — усмехнулся механик. — Драить палубу либо пить да трахаться — я знаю, что мне больше по душе.

Они двигались по переплетению коридоров, когда корабль слабо задрожал и постепенно возникла сила тяжести. Началось ускорение. Холден пяткой нажал кнопку на боковине ботинка, отключая магнитные подошвы.

Им почти никто не встретился, а те немногие, кого они видели, куда-то спешили и больше мол-

чали, едва удостаивая их взглядом. Приближение шести кораблей вынуждало всех оставаться на постах. Капитан Яо говорила о пуске торпед через час без малейшей угрозы в голосе. Она просто констатировала факт. Но для большинства молодых матросов предстояло, вероятно, первое в жизни боевое столкновение — если до него дойдет. Холден в это не верил.

Он задумался, как понимать тот факт, что Яо готова была подбить горстку кораблей астеров просто потому, что те шли тихо и приближались. Вероятно, она без колебаний убила бы и водовоз вроде «Кента», если бы сочла это нужным.

Гундерсон остановил их перед дверью с надписью: «OQ117», вставил в замок карточку и жестом пригласил их внутрь.

— Лучше, чем я ожидал, — не без уважения протянул Шед.

Каюта по корабельным меркам могла считаться просторной. В ней имелось шесть коек-амортизаторов и маленький столик с четырьмя стульями на магнитных ножках. За открытой дверью в переборке виднелось небольшое отделение с туалетом и раковиной. Гундерсон и лейтенант десантников прошли за командой в каюту.

— Пока размещайтесь здесь, — сказал старши-

на. — На стене панель связи. Лейтенант Келли оставит за дверью двоих людей. Позвоните им, и они пошлют за тем, что вам требуется.

— Как насчет пожевать? — спросил Амос.

— Тоже пришлем. Оставайтесь здесь, пока вас не вызовут, — ответил Гундерсон. — Лейтенант Келли, хотите что-нибудь добавить, сэр?

Десантник оглядел их с головы до пят.

— Люди остаются у каюты, чтобы защищать вас, но они не станут церемониться, если вы нарушите порядок, — сказал он. — Слышите хорошо?

— Громко и четко, лейтенант, — кивнул Холден. — Не волнуйтесь. Таких спокойных гостей, как мы, у вас еще не бывало.

Кажется, лейтенант кивнул ему с искренней благодарностью. Он держался как профессионал, исполняющий неприятную работу. Холден ему сочувствовал. Кроме того, он знавал достаточно десантников, чтобы помнить, какими неприятными они могут стать, если дойдет до стычки.

Гундерсон спросил:

— Вы не проводите на обратном пути мистера Холдена, лейти?[21] Я бы хотел помочь им устроиться здесь.

---

[21] Примечания: 21
Сокращение от «лейтенант».

Келли кивнул и взял Холдена за локоть.

— Пойдемте со мной, сэр.

— Куда?

— Лейтенант Лопес хотел видеть вас немедленно после стыковки. Я отведу вас к нему.

Шед нервно переводил взгляд с десантника на Холдена и обратно. Наоми кивнула. «Мы еще увидимся», — сказал себе Холден. И даже почти поверил себе.

Келли быстро вел Холдена по кораблю. Винтовку он уже не держал на изготовку, а повесил на плечо. То ли решил, что Холден не доставит беспокойства, то ли рассчитал, что в случае чего легко с ним справится.

— Могу я спросить, кто такой лейтенант Лопес?

— Человек, который хотел вас видеть, — отрезал Келли.

Он остановился у серой двери без надписей, коротко постучал и провел Холдена в маленькое помещение со столом и двумя неуютными на вид стульями. Темноволосый мужчина настраивал рекордер. Он неопределенно махнул рукой в сторону стула. Холден сел. Стул оказался еще неудобнее, чем выглядел.

— Можете идти, мистер Келли, — сказал чело-

век, звавшийся, как полагал Холден, Лопесом. Келли вышел и закрыл за собой дверь.

Закончив, Лопес сел за стол напротив Холдена и протянул ему руку. Холден ее пожал.

— Я — лейтенант Лопес. Возможно, Келли уже назвал меня. Я из разведки флота, чего он почти наверняка не сказал. Работа у меня не секретная, но железноголовых учат держать язык за зубами.

Лопес полез в карман, вытащил маленький пакетик белых облаток и забросил одну в рот. Холдену не предложил. Пока он рассасывал таблетку, зрачки его сжимались в булавочные головки. Наркотик, помогающий сосредоточиться. Во время допроса он будет замечать каждое движение мускулов на лице Холдена. Такому трудно солгать.

— Первый лейтенант Джеймс Р. Холден из Монтаны, — начал Лопес. Это не было вопросом.

— Да, сэр, — на всякий случай подтвердил Холден.

— Семь лет на Флоте Объединенных Наций, последнее назначение — на истребитель «Занг Фей».

— Это я.

— В вашем досье указано, что вы уволены за

нападение на старшего по званию, — продолжал Лопес. — Это обычный штамп, Холден. Вы действительно ударили старшего?

— Нет. Я промахнулся. Сломал руку о переборку.

— Как это случилось?

— Он оказался проворнее, чем я ожидал, — объяснил Холден.

— Почему вы пытались?

— Вымещал на нем отвращение к себе. Если от удара пострадал тот, кому следовало, то по чистой случайности, — сказал Холден.

— Кажется, вы с тех пор много думали об этом. — Булавочные зрачки Лопеса не отрывались от лица Холдена. — Терапия?

— На «Кентербери» хватало времени на размышления, — ответил Холден.

Лопес пропустил мимо ушей очевидный намек и спросил:

— К чему же привели вас размышления?

— Коалиция уже сотню лет наступает этим людям на горло. Мне не хотелось быть сапогом.

— Значит, вы сочувствуете АВП? — совершенно бесстрастно поинтересовался Лопес.

— Нет, я не перешел на другую сторону. Я вышел из игры. Я не отказывался от гражданства.

Мне нравится Монтана. Я попал сюда, потому что люблю летать, а нанять меня могли разве что на ржавое астерское корыто вроде «Кентербери».

Лопес впервые улыбнулся.

— Вы исключительно честный человек, мистер Холден.

— Да.

— Почему вы заявили, что ваш корабль уничтожен военным судном Марса?

— Я этого не говорил. Я все объяснил в передаче. Такой технологией располагают только флоты внутренних планет, и я нашел в устройстве, заманившем нас, марсианскую деталь.

— Мы должны будем ее увидеть.

— Охотно покажу.

— Судя по вашему досье, вы были единственным ребенком семейной общины. — Лопес словно и не прерывал беседы о прошлом Холдена.

— Да, пять отцов, три матери.

— Столько родителей на одного-единственного ребенка? — заметил Лопес, неторопливо разворачивая новую облатку. На Марсе хватало места для традиционных семей.

— Налоговая льгота для восьми взрослых с одним ребенком позволила им купить двадцать два акра сельскохозяйственных угодий. На Земле

тридцать миллиардов человек. Двадцать два акра — это национальный парк, — сказал Холден. — Кроме того, закон позволяет комбинировать ДНК. Они не просто так назывались родителями.

— Как они решали, кто вас выносит?

— У матери Элизы были самые широкие бедра.

Лопес забросил в рот новую облатку и несколько минут посасывал ее. Прежде чем он снова заговорил, палуба вздрогнула. Видеорекордер у его локтя задребезжал.

— Торпедная атака? — спросил Холден. — Значит, корабли астеров так и не свернули?

— Есть предположения на этот счет, мистер Холден?

— Просто отмечаю, что вы весьма охотно стреляете по астерским кораблям.

— Вашими стараниями мы попали в такое положение, что не можем проявить слабость. После ваших обвинений слишком многие изменили мнение о нас к худшему.

Холден пожал плечами. Если собеседник искал на его лице признаки вины или раскаяния, ему не повезло. Корабли с Пояса знали, на что идут. Но не свернули. И все же что-то его беспокоило.

— Может, они и ненавидят вас до последней косточки, — заговорил Холден, — но не так легко

найти достаточно самоубийц на шесть команд. Может быть, они рассчитывают увернуться от торпед.

Лопес не шевелился, его тело застыло, впитывая наркотик.

— Мы… — начал он, но тут взвыл сигнал общей тревоги. В тесной металлической клетушке он оглушал.

— Чтоб мне сдохнуть, они что, отстреливаются? — поразился Холден.

Лопес встряхнулся, словно очнувшись от дремоты. Встал и нажал кнопку связи у двери. Через пару секунд вошел десантник.

— Отведите мистера Холдена в его каюту, — приказал Лопес и быстрым шагом покинул помещение.

Десантник стволом винтовки ткнул в сторону двери. Лицо его сурово застыло.

«Все игра да шуточки, пока кто-то не выстрелит в ответ», — подумал Холден.

Наоми похлопала по койке рядом с собой и с улыбкой спросила:

— Ну что, загоняли щепки под ногти?

— Нет, и вообще он удивительно человечен для типа из флотской разведки, — ответил Холден. — Конечно, он еще только брал разгон. Вы, ребята,

что-нибудь слышали о тех кораблях?

— Ничего, — ответил Алекс, — но, судя по тревоге, они вдруг решили отнестись к ним серьезно.

— Это безумие, — тихо заговорил Шед, — носиться по космосу в этих металлических пузырях и еще стараться проткнуть друг в друге дырку. Вы видели, что делает с человеком длительная декомпрессия и переохлаждение? Все капилляры в глазах и коже лопаются. Повреждение ткани легких может вызвать тяжелую пневмонию, после которой остаются шрамы эмфиземы. Я к тому, что это не просто смерть.

— Ну, док, развеселил, спасибо, — буркнул Амос.

Корабль внезапно задрожал в прерывистом сверхзвуковом ритме. Алекс круглыми глазами уставился на Холдена.

— Это открываются порты оборонительных орудий. Значит, идут торпеды, — сказал он. — Нам лучше покрепче пристегнуться, детки. Вот-вот начнутся крутые маневры.

Все, кроме Холдена, уже пристегнулись к койкам. Он тоже закрепил ремни.

— Паршиво. Все действие разворачивается в тысячах кэмэ отсюда, а у нас даже оптики нет, — сказал Алекс. — Мы не узнаем, что там светится

на экране, пока оно не вскроет корпус.

— Ну, ребята, начинается настоящее веселье, — громко проговорил Амос.

Шед смотрел на них, широко раскрыв глаза, он сильно побледнел. Холден покачал головой.

— Ничего не случится, — сказал он. — Эта штуковина неуязвима. Чьи бы там корабли ни были, они могут устроить хорошее шоу, но не больше того.

— При всем уважении, капитан, — возразила Наоми, — чьи бы там корабли ни были, они должны бы уже погибнуть, а пока живехоньки.

Они слышали шум битвы на расстоянии. Рокотала выходящая торпеда, продолжали вибрировать высокоскоростные оборонительные орудия. Холден не заметил, как задремал, но очнуться его заставил оглушительный рев. Амос с Алексом что-то орали, Шед бессмысленно вопил.

— Что там? — Голос Холдена перекрыл шум.

— Нас подбили, кэп, — отозвался Алекс. — Торпедный удар!

Гравитация внезапно исчезла. «Доннаджер» остановил двигатели. Или они были уничтожены.

Амос не умолкая орал: «Дерьмо, дерьмо!» — но хоть Шед замолк. Он, побелев, таращился со сво-

ей койки. Холден отстегнулся и толкнул себя к панели связи.

— Джим, — окликнула его Наоми, — ты что делаешь?

— Надо узнать, что происходит, — ответил через плечо Холден.

Дотянувшись до переборки у люка, он нажал кнопку связи. Ответа не было. Он нажал еще раз, потом принялся колотить в люк. Никто не пришел.

— Где наши чертовы десантники? — процедил он.

Свет померк, включился снова. И снова, и снова, в медленном плавном ритме.

— Палят гауссовы башни. Дерьмо, это ББ, — с дрожью в голосе сказал Алекс.

За всю историю Коалиции ни один крупный корабль не вступал в ближний бой. Но вот «Доннаджер» стрелял из больших корабельных орудий, а это означало, что цель достаточно близка для неуправляемых снарядов. Сотни, а то и десятки километров, а не тысячи. Корабли астеров каким-то чудом пережили торпедную атаку.

— Я хренею, а вы? — В голосе Амоса прорезалась паника.

«Доннаджер» зазвенел, словно гонг, в который

раз за разом били большим молотом. Ответный огонь.

Снаряд Гаусса, убивший Шеда, явился беззвучно. Словно по волшебству, на двух противоположных стенах комнаты возникли дыры. Линия между ними пересекала койку Шеда. Только что медик был здесь, а через миг его голова до самого адамова яблока исчезла. Артериальная кровь хлынула наружу красным облаком, вытянулась в две тонкие линии и устремилась к отверстиям, в которые уходил воздух.

Глава 12
Миллер

Миллер двенадцать лет проработал в безопасности. Насилие и смерть были для него привычными спутниками. Мужчины, женщины. Животные. Ребятишки. Однажды он держал за руку девушку, умиравшую от потери крови. Он убил двоих и в любой момент мог снова увидеть их смерть, стоило закрыть глаза и подумать об этом. Спроси его кто, он бы сказал, что уже немногое способно его потрясти.

Но звездную войну он видел впервые.

В баре «Редкий Гиацинт» был обычный для пересменка наплыв посетителей. Мужчины и женщины в форме охранников — в основном из «Звездной Спирали», но попадались и из компаний помельче — либо выпивали после работы перед тем, как уйти вниз, либо пробирались к буфету за завтраком из кофе, грибов в сахарном сиропе и сосисок, в которых мясо составляло, может быть, одну тысячную часть. Миллер жевал сосиску, уставившись на настенный экран. Начальник службы внешних сношений «Звездной

Спирали» серьезно смотрел на зрителей, всем видом излучая уверенность и спокойствие и объясняя, что все летит к черту.

— По предварительным сведениям, взрыв был вызван неудачной попыткой закрепить ядерный снаряд на причальном шлюзе. Представители марсианского правительства единодушно классифицируют инцидент как «подозрительную террористическую акцию» и отказываются от комментариев до дальнейшего расследования.

— Еще один, — сказал у него за спиной Хэвлок. — Знаешь, рано или поздно один из этих пидоров угадает в цель.

Миллер обернулся, кивнул на стул рядом. Хэвлок сел.

— Нам предстоит интересный день, — сказал Миллер. — Я собирался тебе звонить.

— А, извиняюсь, — ответил Хэвлок, — я вроде как запоздал.

— Есть новости о переводе?

— Нет, — сказал Хэвлок. — Думаю, мои бумаги зависли в «Олимпе» у кого-то на столе. А ты как? Есть новости по делу о девице?

— Пока нет. Слушай, зачем я хотел тебя увидеть перед работой… Мне нужна пара дней, чтобы проследить кое-какие ниточки по Джули. А на

руках у нас столько дерьма, что Шаддид не позволит мне отвлекаться, разве что на фальшивый рапорт.

— А ты все же хочешь отвлечься, — констатировал Хэвлок.

— У меня предчувствие насчет этого дела.

— Так чем я могу помочь?

— Прикрой меня.

— Каким образом? — спросил Хэвлок. — Сказать, что ты болен, не выйдет. У них доступ ко всем медицинским досье.

— Скажешь, что я запил, — предложил Миллер. — Что заглядывала Кандес. Это моя бывшая.

Землянин, насупившись, жевал сосиску. Покачал головой — не отказываясь, а собираясь спросить. Миллер ждал.

— Я должен понимать, что ты скорее позволишь начальству думать, будто сломался и вышел из строя из-за разбитого сердца, чем что выполняешь работу, которую оно тебе поручило? Не понимаю.

Миллер облизал губы и подался вперед, облокотившись на гладкую, некогда белую столешницу. Кто-то выцарапал на пластике картинку. Рассеченный круг. И это в баре, где завсегдатаи — копы.

— Я толком не знаю, что ищу, — объяснил Миллер. — Есть несколько фактиков, которые чем-то связаны, но я еще не знаю чем. Пока не разберусь, надо держаться тихо. Парень столкнулся с бывшей женой и на несколько дней влез в бутылку? От такого дела ни у кого на панели лампочка не загорится.

Хэвлок опять покачал головой, на сей раз в откровенном недоумении. Будь на его месте астер, он выразил бы те же чувства движением рук, что заметно и под скафандром. Одна из сотни мелочей, которыми выдает себя тот, кто вырос не в Поясе. Монитор на стене переключился на изображение блондинки в строгой форме. Представительница «Звездной Спирали» говорила об ответной тактике марсианского флота и рассуждала о том, стоит ли АВП за этим серьезным актом вандализма. Под «актом вандализма» она подразумевала неумелое обращение с атомным зарядом при попытке устроить убийственную ловушку.

— Это дерьмо воняет, — произнес Хэвлок, и Миллер не сразу понял, говорит ли он о партизанских действиях астеров, об ответе марсиан или об услуге, о которой его попросили. — Серьезно. Куда подевалась Земля? Столько дряни навалили,

а Земли ни черта не слышно.

— А с какой стати им проявляться? — удивился Миллер. — Это дела Марса и Пояса.

— Ты не помнишь, когда это Земля позволяла, чтобы что-то серьезное происходило без нее? — спросил Хэвлок. — Ладно. Ты слишком пьян, чтобы явиться на службу. Ты увяз в любовных сложностях. Попробую тебя прикрыть.

— Всего на пару дней.

— Постарайся вернуться прежде, чем кто-то решит, что это удобная оказия избавиться от копа-землянина с помощью случайного выстрела.

— Обязательно, — кинул Миллер, встав из-за стола. — А ты не подставляй спину.

— Мог бы не говорить, — ответил Хэвлок.

Центр джиу-джитсу на Церере располагался внизу, у порта, в зоне самой сильной гравитации. Нору переделали из склада, существовавшего до Большой Раскрутки. Плоский пол был надстроен примерно на треть ширины цилиндра. В ящиках, подвешенных к своду потолка, лежали шесты, бамбуковые мечи и тренировочные ножи из тусклого пластика. Полированный камень эхом отражал кряхтение мужчин, отрабатывавших защиту на учебных механизмах, и мягкие удары из глубины, где женщина лупцевала тяжелый

мешок. Трое учеников стояли на татами посередине, негромко переговариваясь.

Переднюю стену по сторонам двери украшали снимки. Солдаты в форме. Агенты служб безопасности полудюжины разных корпораций. Типы с внутренних планет попадались редко, но были. Грамоты за победы в соревнованиях. Листок мелким шрифтом — история студии.

Одна из учениц вскрикнула и упала, увлекая за собой партнера. Третий, что остался стоять, похлопал в ладоши и помог им подняться. Миллер всматривался в снимки на стене в надежде увидеть Джули.

— Я могу вам помочь?

Мужчина был вдвое ниже Миллера и вдвое шире в плечах. Такое сложение вроде бы указывало на земное происхождение — но все остальное выдавало в нем астера. Светлый костюм подчеркивал смуглую кожу. Улыбка была любопытствующей и безмятежной, как у сытого хищника. Миллер кивнул.

— Детектив Миллер, — представился он. — Я из службы безопасности станции. Хочу разузнать кое-что об одной из ваших учениц.

— Официальное расследование? — осведомился мужчина.

— Да, — сказал Миллер, — боюсь, что так.

— Тогда у вас должен быть ордер.

Миллер улыбнулся. Мужчина ответил улыбкой.

— Мы не выдаем сведений о наших учениках без ордера, — пояснил он. — Такова политика студии.

— Я ее уважаю, — сказал Миллер. — Нет, действительно. Но просто это… местами это конкретное расследование может оказаться не столь официальным. Девушке ничего не угрожает. Она ничем не провинилась. Просто ее ищут родные с Луны.

— Заказ на похищение, — сказал мужчина, скрестив руки. Его улыбка, казалось бы, ничуть не изменившись, стала холодней.

— Вполне официально, — сказал Миллер, — я мог бы получить ордер и проделать все по своим каналам. Но тогда мне пришлось бы уведомить начальство. А чем больше знает мой босс, тем меньше у меня свободы действий.

Собеседник молчал. Его неподвижность нервировала Миллера, и он с трудом заставлял себя не дергаться. Женщина, работавшая с мешком в глубине студии, перешла на серию частых ударов, сопровождая каждый криком.

— Кто? — спросил мужчина.

— Джули Мао, — ответил Миллер. С тем же успехом он мог бы спросить о матери Будды. — Я думаю, она попала в беду.

— Если и так, почему вас это волнует?

— Я не знаю ответа на ваш вопрос, — признался Миллер, — но волнует. Если вы не хотите мне помочь, значит, не поможете.

— И вы обратитесь за ордером. Будете действовать по официальным каналам.

Миллер снял шляпу, потер голову ладонью и вернул шляпу на место.

— Может быть, и нет, — сказал он.

— Позвольте взглянуть на ваше удостоверение, — попросил мужчина. Миллер достал терминал и позволил сделать проверку его личности. Вернув терминал, мужчина указал на маленькую дверцу за тяжелыми мешками. Миллер прошел туда.

В кабинете было тесно. Мягкий шар за столиком из ламината заменял собой кресло. Сидя на нем, приходилось постоянно удерживать равновесие. Место для отдыха, не позволявшее отдохнуть.

— По их мнению, ей что-то угрожает. По крайней мере, так они говорят, и у меня пока нет оснований им не верить.

— Что угрожает?

— Не знаю, — сказал Миллер. — Знаю, что она была на станции. Знаю, что улетела на Тихо, а с тех пор — ничего.

— Родные хотят, чтобы она вернулась на станцию?

Этот человек знал, кто ее родные. Миллер отложил эту информацию про запас.

— Не думаю, — ответил он. — Последнее сообщение, которое она от них получила, прошло через Луну.

— Из колодца. — Это было сказано, словно о заразной болезни.

— Я ищу любого, кто знал бы, с кем она улетела. И если она подалась в бега, куда направилась и когда собиралась туда попасть. Если она в пределах досягаемости направленного луча.

— Об этом я ничего не знаю, — произнес мужчина.

— Знаете кого-то, кого я мог бы расспросить?

Пауза.

— Можете рассказать о ней что-нибудь?

— Она пришла в студию пять лет назад. Когда начала заниматься, она была… яростной. Недисциплинированной.

— Но делала успехи, — заметил Миллер. — Ко-

ричневый пояс, да?

Мужчина поднял брови.

— Я коп, — сказал Миллер. — Я умею выяснять такие вещи.

— Она совершенствовалась, — сказал наставник. — Она пережила нападение. Вскоре после прибытия на станцию. Она делала все, чтобы подобное не повторилось.

— Нападение, — копируя тон наставника, повторил Миллер. — Изнасилование?

— Я не спрашивал. Она прилежно занималась, даже когда покидала станцию. Если люди запускают тренировки, это заметно. Они возвращаются ослабевшими. С ней такого не бывало.

— Крепкая, — сказал Миллер. — Молодец. У нее имелись друзья? Партнеры по тренировкам?

— Немного. О любовниках мне неизвестно — отвечая на ваш следующий вопрос.

— Странно для такой девушки.

— Для какой, детектив?

— Она хорошенькая, — объяснил Миллер. — Компетентная, умная, убежденная. Кто бы отказался от такой подруги?

— Возможно, она еще не встретила подходящего человека.

В его тоне проскользнула насмешка. Миллер

пожал плечами, ему было неловко.

— Чем она зарабатывала? — спросил он.

— Мелкие грузоперевозки. Не знаю, какой именно груз. У меня сложилось впечатление, что она бралась за все, что подвернется.

— Значит, регулярных рейсов не было.

— Так мне кажется.

— На чьих кораблях она работала? Конкретный грузовик или брала что попало? Была постоянная компания?

— Я разузнаю для вас, что смогу, — ответил мужчина.

— Работала курьером АВП?

— Я узнаю, — повторил мужчина, — что смогу.

Все новости этого вечера были посвящены Фебе. По научной станции — той самой, к которой астерам не разрешалось даже причаливать, — нанесли удар. Официально сообщалось, что половина населения погибла, другая половина пропала без вести. Никто пока не принял на себя ответственности, но общественное мнение не сомневалось, что некой группе астеров — АВП или кому-то еще — наконец удался «акт вандализма» с немалым количеством трупов. Миллер сидел в своей норе, смотрел новости и пил.

Все летело к черту. Пиратские станции от име-

ни АВП призывали Пояс к войне. К партизанским действиям и прочему. Скоро настанет время, когда Марс уже не сможет себе позволить их игнорировать. А когда Марс перейдет к действиям, будет уже не важно, последует ли его примеру Земля. Катастрофа приближалась, а ни одна из сторон словно не понимала, насколько они уязвимы. И он ничего — ни черта — не мог сделать, чтобы предотвратить эту катастрофу. Или хотя бы задержать.

Джули Мао улыбалась ему из рамки, за ее спиной виднелась шлюпка. Пережила нападение, сказал тот человек. В ее досье об этом ничего не говорилось. Может, она подверглась ограблению. Может, чему-нибудь похуже. Миллер встречал много жертв насилия и разделял их для себя на три категории. Первая — те, кто делал вид, будто ничего не случилось, а если и случилось, то ничего не значит. К таким принадлежало больше половины людей, с кем ему пришлось говорить. Еще попадались профессиональные страдальцы, люди, которым положение жертвы позволяло вести себя, как им вздумается. К ним относилась большая часть оставшихся.

Процентов пять, если не меньше, принимали случившееся, учитывали урок и шли дальше.

Такие, как Джули. Настоящие.

Когда срок его дежурства истек, в дверь трижды позвонили. Миллер встал, держась на ногах менее уверенно, чем ожидал. Он пересчитал бутылки на столе. Больше, чем он думал. Он поколебался минуту — открыть дверь сразу или сперва бросить бутылки в утилизатор. Звонок повторился. Он подошел. Если это со станции, им и положено думать, что он пьян. Никакого резона разочаровывать их.

Лицо оказалось знакомым. Угреватое, замкнутое. Человек с повязкой АВП из бара. Тот, что распорядился убить Матео Джадда.

Коп.

— Приветик, — промямлил Миллер.

— Детектив Миллер, — произнес угреватый. — Я думаю, мы расстались не на той ноте. Надеюсь, можно сделать еще одну попытку.

— Точно.

— Вы позволите войти?

— Я стараюсь не пускать в дом незнакомцев, — ответил Миллер. — Я даже имени вашего не знаю.

— Андерсон Доуз, — представился угреватый. — Я представляю на Церере Альянс Внешних Планет. Думаю, мы могли бы помочь друг другу.

Можно войти?

Миллер посторонился, и угреватый — Доуз — шагнул в дверь. Он за два долгих вдоха вобрал в себя обстановку норы, после чего сел так, будто батарея бутылок и запах стоялого пива не стоили комментариев. Миллер, проклиная себя в душе и тщетно пытаясь протрезветь, сел напротив.

— Мне нужна от вас услуга, — сказал Доуз, — и я готов за нее заплатить. Не деньгами, разумеется. Информацией.

— Чего вы хотите? — спросил Миллер.

— Прекратите искать Джульетту Мао.

— Не продается.

— Я пытаюсь сохранить мир, детектив, — сказал Доуз. — Вам стоит меня выслушать.

Миллер склонился вперед, облокотившись на стол. Невозмутимый инструктор по джиу-джитсу работает на АВП? Судя по визиту Доуза, так и есть. Миллер сделал себе заметку в памяти, но промолчал.

— Мао работала на нас, — продолжал Доуз, — но об этом вы и сами догадались.

— Более или менее. Вам известно, где она?

— Нет. Мы ее ищем. И именно мы должны ее найти. А не вы.

Миллер покачал головой. Он не знал, что отве-

тить. Подходящий ответ бился где-то в затылке, и не будь он так пьян…

— Вы — один из них, детектив. Пусть даже вы всю жизнь провели здесь, но платит вам корпорация внутренних планет. Нет, погодите. Я вас не виню. Я все понимаю. Они заказчики, а вам нужна работа. Но… сейчас мы ходим по пленке мыльного пузыря. «Кентербери». Маргинальные элементы Пояса призывают к войне.

— Станция Феба.

— Да, и в этом тоже обвинят нас. Добавьте блудную дочь владельца лунной корпорации…

— Вы думаете, с ней что-то случилось?..

— Она была на «Скопули», — сказал Доуз и, не дождавшись ответа, тут же пояснил: — На том грузовике, который марсиане использовали как наживку для «Кентербери».

Миллер долгую минуту обдумывал известие, потом тихо присвистнул.

— Мы не знаем, что произошло, — продолжал Доуз, — и пока не узнаем, я не могу позволить вам мутить воду. Она и так достаточно мутная.

— А что за информацию вы предлагаете? — спросил Миллер. — Мы ведь торгуемся, а?

— Я сообщу вам, что мы узнали. После того как мы ее найдем, — сказал Доуз. Миллер хихикнул,

а представитель АВП продолжал: — Щедрое предложение, если учесть, кто вы такой. Наемник Марса. Партнер землянина. Кое-кто счел бы это основанием и вас считать врагом.

— Но не вы, — вставил Миллер.

— Я полагаю, наши цели в основном совпадают. Стабильность. Безопасность. Странные времена вынуждают к странным союзам.

— Два вопроса.

Доуз приглашающе развел руками.

— Кто украл снаряжение для разгона толпы? — спросил Миллер.

— Снаряжение?

— Еще до гибели «Кентербери» кто-то похитил полицейское снаряжение. Возможно, эти люди хотели вооружить солдат, чтобы контролировать толпу. Или не хотели, чтобы ее контролировали мы. Кто это сделал? И с какой целью?

— Не мы, — сказал Доуз.

— Это не ответ. Попробуйте ответить на второй вопрос. Что случилось с обществом «Золотая Ветвь»?

Доуз непонимающе уставился на него.

— Лока Грейга, — пояснил Миллер. — Сохиро.

Доуз открыл рот и закрыл его. Миллер швырнул в утилизатор пивную бутылку.

— Ничего личного, друг, — сказал он, — но ваша техника расследования меня не впечатляет. С чего вы взяли, что сумеете ее найти?

— Это нечестная проверка, — принялся защищаться Доуз. — Дайте мне несколько дней, и я найду ответы.

— Тогда и приходите. Тем временем я постараюсь не развязывать войну, но и от поисков Джули не откажусь. Пока вы можете идти.

Доуз с кислым видом встал.

— Вы делаете ошибку, — сказал он.

— Наверняка не первую.

Когда человек из АВП вышел, Миллер снова сел за стол. Он сглупил. Хуже того, позволил себе лишнее. Он напивался до отупения вместо того, чтобы делать дело. Искать Джули. Но сейчас он знал больше, чем раньше. «Скопули», «Кентербери». Некоторые точки соединились линиями.

Он избавился от бутылок, принял душ и включил терминал в поисках сведений о корабле Джули. Через час ему пришла в голову мысль, пугавшая его тем больше, чем пристальнее он в нее вглядывался. Около полуночи он послал вызов в нору Хэвлока.

— Миллер?

— Хэвлок, у тебя остались дни от отпуска?

— Несколько осталось.

— И по болезни?

— Наверняка.

— Возьми их, — попросил Миллер. — Сейчас же. Убирайся со станции. Постарайся найти безопасное место. Такое, где не станут убивать землян и радоваться, когда дерьмо полетит грудами.

— Не понимаю. О чем ты?

— Мне сегодня нанес визит агент АВП. Пытался уговорить бросить ту побочную работенку. Я думаю… сдается мне, он нервничает. До смерти перепуган.

Хэвлок помолчал, пока смысл сказанного просачивался в его полусонное сознание.

— Господи, — наконец произнес он, — что могло напугать АВП?

Глава 13
Холден

Холден окаменел, глядя, как кровь хлещет из шеи Шеда и уходит струйками, словно дым, в вытяжной вентилятор. Звуки боя глохли в редеющем воздухе. В ушах забился пульс, потом боль пронзила их ледяными иголками. Сражаясь с креплениями койки, он перевел взгляд на Алекса. Пилот что-то кричал, но разреженный воздух не доносил звуков. Наоми и Амос уже выскочили из коек, оттолкнулись и летели к дырам. В руке у Амоса был пластиковый поднос, у Наоми — белая папка. Холден несколько секунд пытался сообразить, что они задумали. Мир съежился, на периферии зрения в темноте вспыхивали звезды.

К тому времени, как он высвободился, Амос с Наоми успели заткнуть дыры импровизированными заплатами. Слышался пронзительный свист — воздух прорывался в оставшиеся щели. Давление в каюте понемногу выравнивалось, и к Холдену вернулось зрение. Он тяжело дышал, хватая воздух ртом. Кто-то неторопливо повора-

чивал регулятор громкости, и наконец тишину прорезал крик Наоми, звавшей на помощь.

— Джим, открой аварийный шкаф, — орала она.

Палец ее указывал на маленькую желто-красную панель над его койкой. Годы учебных тревог пробили путь сквозь кислородное голодание и декомпрессию, он рванул печать на клапане и распахнул дверцу. Внутри лежала белая аптечка первой помощи, помеченная древним символом красного креста, полдюжины кислородных масок и герметичный пакет пластиковых прокладок с клеевым пистолетом. Набор первой помощи при утечке воздуха. Холден схватил его.

— Только пистолет, — крикнула Наоми. Голос ее доносился словно издалека — то ли из-за пониженного давления, то ли потому, что у него лопнули барабанные перепонки.

Холден выдернул из пакета пистолет и швырнул ей. Она обвела края папки струйкой мгновенно схватывающегося клея и перебросила пистолет Амосу, который поймал его не оборачиваясь и обвел герметиком свой обеденный поднос. Свист оборвался, сменившись шипением атмосферной системы, усердно восстанавливавшей давление до нормы. Пятнадцать секунд.

Все смотрели на Шеда. Как только закрылся выход в вакуум, кровь начала собираться красными шарами, плававшими над его шеей, словно пузыри, изображавшие голову в каком-то жутком комиксе.

— Господи Иисусе, босс. — Амос отвел взгляд и обернулся к Наоми. Он с отчетливым щелчком сжал зубы и потряс головой. — Что…

— Гауссов снаряд, — ответил ему Алекс. — На тех кораблях были рельсовые пушки.

— *Астерские* корабли с *рельсовыми* пушками? — поразился Амос. — Они что, завели флот, а мне сказать забыли?

— Джим, в коридоре и в каюте за той стеной вакуум, — заговорила Наоми. — Корабль поврежден.

Холден начал отвечать, и тут ему попалась на глаза надпись, отпечатанная черными буквами на папке-пластыре. «АВАРИЙНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ФМРК». Ему пришлось подавить хохот, который наверняка перешел бы в истерику.

— Джим, — встревоженно окликнула его Наоми.

— Я в порядке, Наоми, — ответил он и глубоко вздохнул. — Сколько продержатся эти заплаты?

Наоми развела ладонями и принялась стяги-

вать волосы на затылке эластичной ленточкой.

— Воздух кончится раньше. Если вокруг вакуум, значит, каюта снабжается из аварийных баллонов. Восстановители не работают. Не знаю, сколько баллонов полагается на каждую каюту, но наверняка не больше чем на пару часов.

— Вот тут-то и пожалеешь, что не напялили хреновы скафандры, — заметил Амос.

— А толку-то, — возразил Алекс. — Явись мы сюда в скафандрах, они все равно заставили бы снять.

— Попробовать-то можно было?

— Ну, если хочешь вернуться в прошлое и переиграть — пожалуйста, партнер.

— Эй, — резко окликнула их Наоми и замолчала.

О Шеде никто не заговаривал. Все очень старались не смотреть на тело. Холден откашлялся, чтобы привлечь внимание, и поплыл к койке Шеда, увлекая за собой их взгляды. Он помедлил секунду, дав каждому время посмотреть на обезглавленный труп, потом вытащил из ящика под койкой одеяло и накрыл тело Шеда, закрепив ремнями.

— Шед погиб. Мы все в опасности. Споры ни на секунду не продлят нам жизни, — сказал Холден,

по очереди задерживая взгляд на каждом из своей команды. — А что продлит?

Все молчали. Холден повернулся к Наоми.

— Наоми, что можно сделать прямо сейчас, чтобы дольше продержаться? — спросил он.

— Я попробую найти аварийный запас воздуха. Каюта рассчитана на шестерых, а нас только… только четверо. Постараюсь уменьшить расход, чтобы растянуть на подольше.

— Хорошо, спасибо. Алекс?

— Если здесь остался кто-то кроме нас, они станут искать выживших. Начну стучать в переборку. В вакууме слышно не будет, но если где-то остался воздух, звук передастся по металлу.

— Хороший план. Я отказываюсь верить, что мы остались на корабле одни, — согласился Холден и повернулся к Амосу. — Амос?

— Надо посмотреть панель связи. Может, сумею связаться с рубкой, или с аварийным отсеком, или… черт, да хоть с кем.

— Спасибо. Хорошо бы дать знать, что мы еще живы, — кивнул Холден.

Все взялись за дело, а Холден остался плавать в воздухе рядом с телом Шеда. Наоми возилась с панелями доступа на стенах, Алекс, упершись ладонями в койку, лег на палубу и бил подошвами в

переборку. От каждого гулкого удара каюта чуть вздрагивала. Амос достал из сумки универсальный ключ и принялся разбирать панель связи.

Уверившись, что все заняты делом, Холден тронул ладонью плечо Шеда под расплывающимся на одеяле красным пятном.

— Прости, — шепнул он мертвому. Глаза у него защипало, и он потер их костяшками пальцев.

Панель связи, свисающая на проводах с переборки, громко прогудела. Амос охнул и толкнулся так, что отлетел к дальней стене. Холден поймал его, едва не вывихнув плечо в усилии остановить инерцию стодвадцатикилограммового землянина. Связь снова загудела. Холден отпустил Амоса и подплыл к панели. Под белой кнопкой горела желтая светодиодная лампочка. Холден нажал кнопку. Сквозь треск пробился голос лейтенанта Келли.

— Отойдите от люка, мы входим, — приказал он.

— Хватайтесь за что-нибудь, — заорал Холден команде и, поймав ремень крепления, обернул его вокруг запястья.

Он ждал, что воздух разом вырвется из открытого люка. Но услышал только громкий треск, и давление на секунду слегка упало. В коридоре

был устроен переходной шлюз из прилепленных к стенам пластиковых полотнищ. Стоявшие в импровизированном шлюзе лейтенант Келли и еще трое десантников были одеты в вакуумные доспехи, и оружия при них хватило бы на несколько малых войн.

Десантники быстро вошли в комнату, держа стволы на изготовку, и поспешно закупорили за собой люк. Один из них кинул Холдену большой мешок.

— Пять вакуумных костюмов. Одевайтесь, — велел Келли. Его взгляд упал на окровавленное одеяло, укрывшее Шеда, потом на две самодельные заплаты. — Потери?

— Наш медик, Шед Гарвей, — ответил Холден.

— А что за хрень? — громко заговорил Амос. — Кто это вышиб говно из вашей хитрой лодочки?

Наоми с Алексом молча доставали и раздавали остальным костюмы.

— Не знаю, — ответил Келли, — но сейчас мы уходим. Мне приказано вывезти вас с корабля на спасательной шлюпке. У нас меньше десяти минут, чтобы добраться до ангара, взять шлюпку и уйти из района сражения. Одевайтесь быстрей.

Пока Холден надевал костюм, в голове проносились выводы, которые только можно было

сделать из факта столь срочной эвакуации.

— Лейтенант, корабль разваливается? — спросил он.

— Пока нет. Но взят на абордаж.

— Зачем же уходить?

— Мы проигрываем.

Если Келли и не притопывал ногой, пока они проверяли герметичность, то, как догадывался Холден, лишь потому, что у него были включены магнитные подошвы. Как только все поднятыми большими пальцами просигналили о готовности, он быстро проверил скафандры и вернулся в коридор. Восемь человек, четверо из которых были в броне, едва помещались в мини-шлюзе. Келли, вытащив из нагрудных ножен большой нож, одним движением вспорол пластиковую стену. Люк за их спинами захлопнулся, исчезновение воздуха отозвалось лишь беззвучной рябью пластиковых клапанов. Келли быстро шел по коридору, команда поспевала за ним.

— Мы как можно скорее пробираемся к килевому лифту, — говорил он по рации. — Шахта заперта после объявления абордажной тревоги, но я легко открою дверь, и мы проплывем к ангарному отсеку. Не задерживаться. Если увидите захватчиков, не останавливайтесь. В любом

случае продолжайте движение. Мы справимся сами. Роджер?

— Роджер, лейтенант, — пропыхтел Холден. — Зачем захватили корабль?

— Ради командного инфоцентра, — ответил Алекс. — Это же святой Грааль. Коды, дислокация, компьютерная память, должности. Захват инфоцентра флагмана — мечта стратега.

— Кончай болтать, — оборвал его Келли. Холден не послушался.

— Значит, они скорее взорвут рубку, чем допустят такое?

— Ага, — подтвердил Алекс. — Стандартная процедура при абордаже. Десантники удерживают мостик, инфоцентр и машинный зал. Если хоть один из них захвачен, в двух других нажимают кнопку. В несколько секунд корабль превращается в звезду.

— «Стандартная процедура»... — буркнул Келли. — Там мои друзья.

— Простите, лейти, — ответил Алекс. — Я служил на «Бэндоне». Не думайте, что я не понимаю.

Они свернули за угол и увидели впереди лифтовый зал. Все восемь лифтов были закрыты и герметизированы. Тяжелая переборка захлопну-

лась после первой пробоины.

— Гомес, введи пароль, — приказал Келли. — Мол, Дуки, наблюдать за коридором.

Двое десантников разошлись, всматриваясь в глубину коридора через прицелы. Третий проделывал что-то сложное у двери одного из лифтов. Холден жестом приказал своим держаться у стен, вне линии огня. Временами палуба под ногами слабо вибрировала. Возможно, от выстрелов из ручного оружия и мелких взрывов. Но здесь, в идеальной тишине вакуума, происходящее казалось далеким и нереальным. Холден осознал, что мозг его работает ненормально. Реакция на травму. Гибель «Кентербери», смерть Ады и Макдауэлла. А теперь кто-то убил и Шеда, прямо на койке. Это уже слишком, мозг не справлялся с обработкой. Окружающее казалось все более и более отдаленным.

Холден оглянулся на Наоми, Алекса и Амоса. Его команда. Они ответили застывшими взглядами, их лица в зеленом свете шлемовых дисплеев казались призрачно-пепельными. Гомес победно стукнул кулаком, и внешняя переборка стала отходить, открывая дверь лифта. Келли жестом подозвал десантников.

Тот, которого звали Молом, повернулся было и

направился к лифту, когда его лицо распалось на мелкие брызги стекла и крови. В бронированном туловище и в переборке рядом с ним расцвели дымками сотни мелких вмятин. Тело дернулось и пошатнулось, удерживаемое на полу магнитными подошвами.

Ощущение нереальности смыл выплеск адреналина. Мола и переборку обстреливали разрывными снарядами из скорострельного оружия. Канал связи наполнился воплями десантников и команды Холдена. Слева от Холдена Гомес рванул дверь лифта, пользуясь усиленной тягой доспехов. За дверью открылась пустая шахта.

— Внутрь, — выкрикнул Келли. — Все внутрь!

Холден протолкнул вперед Наоми и Алекса. Последний десантник — Келли называл его Дуки — очередями палил в цель, скрытую от Холдена изгибом коридора. Когда заряды иссякли, он упал на колено, одновременно выщелкнув обойму. Почти неуловимым для Холдена движением выхватил из крепления новый магазин и вставил на место. Через две секунды он уже снова отстреливался.

Наоми крикнула Холдену из шахты, и в тот же миг чья-то рука мертвой хваткой вцепилась ему в плечо, оторвала от пола и швырнула в двери

лифта.

— Будешь подставляться под пули, когда найдешь себе другую няньку, — рявкнул лейтенант Келли.

Они, отталкиваясь от стен, полетели по длинному тоннелю шахты к корме корабля. Холден все оглядывался на открытую дверь, исчезавшую вдали.

— Дуки отстал, — сказал он.

— Он прикрывает отход, — отозвался Келли.

— Так что нам лучше убираться, — добавил Гомес, — чтобы это было не зря.

Келли, возглавлявший отступление, ухватился за выступ в стене шахты, резко остановившись. Остальные последовали его примеру.

— Вот и наш выход. Гомес, проверь, — сказал Келли. — Холден, мы планируем захватить один из корветов в ангаре.

Холден счел план разумным. Корветы относились к классу легких фрегатов. Они применялись как конвойные суда и были самыми малыми из кораблей флота, снабженных эпштейновскими двигателями. Кроме того, их использовали в качестве торпедоносцев, так что будет чем огрызнуться. Холден кивнул и знаком предложил Келли продолжать. Тот подождал, пока Гомес

справится с дверью лифта и скроется в ангаре.

— Так вот, у меня ключ-карта и код активации, позволяющие войти в корабль и запустить его. Я сразу двинусь к нему, а вы приклейтесь к моей заднице. Не забудьте отключить магнитные подошвы. Нам придется оттолкнуться от стены и лететь напрямик, так что цельтесь хорошенько, не то отстанете от поезда. Все поняли?

Все ответили утвердительно.

— Готовность. Гомес, что там?

— Не повезло, лейти. Полдюжины пиратов присматривают за кораблями в ангаре. Усиленная броня, маневровые ранцы для нуль-*g* и тяжелое оружие. Медведя уложит, — шепнул в ответ Гомес. Человек, когда прячется, всегда шепчет. Гомес, окруженный вакуумом, мог бы петарды пускать в своем скафандре, и никто бы его не услышал, но он шептал.

— Бежим к кораблю и отстреливаемся, — сказал Келли. — Гомес, через десять секунд вывожу штатских. Прикрывай. Стреляй и перемещайся. Постарайся внушить им, что тут целый взвод.

— Взвод, сэр? — оскорбился Гомес. — Меня на роту хватит!

Холден с Амосом, Алексом и Наоми вслед за Келли выбрались из шахты в ангар и задержались

за штабелем ящиков, выкрашенных зеленым. Выглянув поверх штабеля, Холден сразу засек врага. Пираты двумя группами по трое держались у корпуса «Рыцаря» — одна располагалась на обшивке, другая на палубе внизу. Броня на них была сплошь черная, без всяких значков.

Келли указал на них, потом на Холдена. Тот кивнул в ответ. Келли ткнул в приземистый черный фрегат примерно в двадцати пяти метрах, на полпути между ними и «Рыцарем». Поднял левую руку и начал отсчет, сгибая пальцы. На счет два ангар озарился стробоскопическими вспышками, как дискотека: Гомес, располагавшийся в десяти метрах от них, открыл огонь. Первая очередь сбила двух пиратов с обшивки «Рыцаря», и они кувырком улетели к стене. Миг спустя очередь ударила в пяти метрах от места, где Холден только что видел десантника. Он мог бы поклясться, что стреляют двое.

Келли загнул последний палец, уперся ногами в стену и толкнулся в сторону корвета. Холден пропустил вперед своих и оказался последним. К тому времени, как он начал двигаться, Гомес стрелял уже с новой позиции.

Один из захватчиков с палубы навел тяжелое ружье туда, где просверкивали выстрелы его ав-

томата. Гомес и ящик, за которым он укрывался, разлетелись огнем и осколками.

Они были на полпути к кораблю, и Холден уже почти поверил, что они справятся, когда дымная черта пересекла помещение и встретилась с Келли. Лейтенант исчез во вспышке света.

Глава 14
Миллер

«Ксинлонг» погиб глупо. Задним числом стало известно, что это был один из тысяч мелких старательских корабликов, предназначенных для прыжков с астероида на астероид. Пояс кишел такими: пять или шесть семей, объединившись, наскребали деньжат на покупку и начинали добычу. Эти задолжали три выплаты банку, и «Объединенный холдинг и инвестиции» потребовал наложить арест на корабль. Потому-то, согласно общему мнению, они и заглушили передатчик. Просто честные люди, ставшие владельцами ржавого корыта, не захотели с ним расставаться.

Если бы кто-то задумал изобразить на плакате мечту астера, на нем оказался бы «Ксинлонг».

А патрульный истребитель «Сципион Африканский» возвращался к Марсу после двухгодичного облета Пояса. Он тоже направился к захваченному кометному телу в нескольких сотнях километров от Чирона, чтобы пополнить запасы воды.

Когда старательское суденышко оказалось в

пределах видимости, «Сципиону» представился быстроходный корабль, идущий без позывных более или менее в его сторону. Официальные источники Марса единодушно утверждали, что «Сципион» неоднократно требовал отозваться. Пиратское вещание АВП дружно уверяло, что все это враки и никто в Поясе никаких вызовов не слышал. Все сходились в том, что «Сципион» открыл порты заградительных орудий и превратил старательский кораблик в светящийся шлак.

Реакция оказалась предсказуемой, как основные физические законы. Марсиане отправили две дюжины дополнительных кораблей для «поддержания порядка». Горлопаны из АВП шумно призывали к открытой войне, и все меньше независимых сайтов и станций пыталось с ними спорить. Огромный неповоротливый механизм войны щелкнул, еще на шаг приближаясь к открытию боевых действий.

А на Церере кто-то после восьми или девяти часов пыток пригвоздил марсианского гражданина Энрике дос Сантоса к стене у водоочистительной станции одиннадцатого сектора. Его опознали по терминалу, оставленному рядом, обручальному кольцу и бумажнику из тонкой искусственной кожи, в котором лежала банковская карта и трид-

цать тысяч новых иен, выпущенных на Европе. Мертвый марсианин был прибит к стене старательской киркой. Прошло пять часов, а система очистки воздуха еще не справилась с кислым запахом. Команда экспертов собирала образцы. Еще немного, и беднягу можно будет снимать.

Миллер всегда удивлялся, как мирно выглядят покойники. Какой бы кошмарной ни была смерть, наступающий с ней покой напоминал сон. Глядя на мертвые лица, он всегда гадал, сумеет ли так же расслабиться, когда придет его срок.

— Камеры наблюдения? — спросил он.

— Три дня как не работают, — ответила его новая напарница. — Подростки расколотили.

Октавия Мусс работала в отделе преступлений против личности еще в те времена, когда «Звездная Спираль» не ввела более подробную классификацию видов насилия. Затем она попала в команду по изнасилованиям. Еще пару месяцев проработала в «преступлениях против детей». Если в этой женщине еще оставалась душа, она истончилась до прозрачности. В ее глазах не отражалось никаких чувств сильнее легкого удивления.

— Известно, что за подростки?

— Панки с верхних уровней, — сказала она. —

Задержаны, оштрафованы, отпущены на поруки.

— Надо бы снова ими заняться, — заметил Миллер. — Интересно, не заплатил ли им кто, чтобы разбили именно эти камеры.

— Уверена, что нет.

— Тогда тот, кто это сделал, знал, что камеры не действуют.

— Кто-то из ремонтников?

— Или из копов.

Мусс причмокнула губами и пожала плечами. Она была астером в третьем поколении. У нее имелась родня на корабликах вроде уничтоженного «Сципионом». И она не видела ничего удивительного в висящем перед ними мешке кожи с торчащими обломками костей. Уронишь молоток при ускорении — он упадет на палубу. Твое правительство убивает шесть семей этнических китайцев-старателей — кто-то приколачивает тебя к коренной скале Цереры трехфутовой старательской киркой из титанового сплава. Око за око.

— Без последствий не обойдется, — сказал Миллер, подразумевая: «Это не труп, это плакат с призывом к войне».

— Обойдется. — Мусс имела в виду: «Война уже идет без всяких плакатов».

— И верно, — протянул Миллер, — обойдется.

— Хочешь заняться ближайшими родственниками? Я посмотрю соседние камеры. Они не в коридоре жгли ему пальцы, значит, притащили откуда-то.

— Ладно, — сказал Миллер, — у меня есть бланк письма с соболезнованием, могу заполнить. Жена?

— Не знаю, — ответила она, — еще не смотрела.

Вернувшись на станцию, Миллер оказался за столом в одиночестве. Мусс уже получила собственный стол через два отсека от него и обустроилась там по своему вкусу. Опустевший стол Хэвлока был протерт дважды, словно служба уборки хотела избавить честную астерскую мебель от самого запаха землянина. Миллер вызвал досье убитого Энрике дос Сантоса, нашел ближайшего родственника. Джун-Йи дос Сантос, работает на Ганимеде. Шесть лет была замужем, детей нет. Хоть чему-то можно порадоваться.

Он нашел форму письма, ввел имя вдовы и контактный адрес. «Дорогая миссис Сантос, с глубочайшим сожалением сообщаю… бла-бла-бла… Ваш (он прокрутил строчки меню, выбирая) муж был ценным и уважаемым членом общества

Цереры, и я заверяю Вас, что мы сделаем все возможное, чтобы призвать ее (это Миллер вычеркнул) его убийцу или убийц к ответу. Ваш…»

Письмо казалось бесчеловечным. Безличным, холодным и пустым, как вакуум. Тот ломоть мяса на стене коридора был прежде настоящим человеком со своими страстями и страхами, как у всех людей. Миллер задумался, что говорит о нем тот факт, что он сумел так легко об этом забыть, но в душе он знал. Он отослал письмо и постарался не думать о боли, которую оно причинит.

На табло было полно сообщений. Происшествий вдвое больше обычного. «Вот как оно выглядит, — подумал он. — Никаких бунтов. Ни сражений между норами, ни десантников в коридорах. Просто много нераскрытых убийств».

И тут же поправился: «Так оно выглядит *пока*».

От этого следующее дело не становилось проще.

Шаддид была у себя.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Мне нужно сделать запрос, — сказал он. — Это несколько необычно, и я решил, что лучше провести его через вас.

Шаддид откинулась на стуле.

— Посмотрим, — сказала она. — Кто вам ну-

жен?

— Джим Холден, землянин с «Кентербери». Марс должен был уже подобрать его, и я хочу сделать запрос на беседу с ним.

— Какое-то из ваших дел связано с «Кентербери»?

— Да, — ответил он, — так мне кажется.

— Говорите, — приказала она. — Не откладывая.

— Это побочное задание. С Джули Мао. Я занимался…

— Я видела ваш рапорт.

— Тогда вы знаете, что она связана с АВП. Насколько я понял, она работала на грузовике, который они использовали как курьера.

— Доказательства у вас есть?

— Так мне сказал один парень из АВП.

— Под протокол?

— Нет, — признался Миллер, — неофициально.

— И как это связано с уничтожением «Кентербери» флотом Марса?

— Она летела на «Скопули», — объяснил Миллер. — Его использовали как наживку для «Кентербери». Штука в том, что, судя по передаче Холдена, они нашли там маячок марсианского флота, но никого из команды.

— И вы считаете, там есть что-то, что вам поможет?

— Я не узнаю этого, пока не увижу, — признался Миллер, — но раз Джули не оказалось на грузовике, кто-то должен был ее забрать.

Улыбка Шаддид не коснулась глаз.

— И вы хотели бы попросить марсианский флот любезно передать вам то, что они получат от Холдена?

— Если он видел на борту что-то, что помогло бы нам понять, куда девалась Джули и остальные…

— Вы чего-то не додумали, — сказала Шаддид. — Марсианский флот уничтожил «Кентербери». Сделано это было, чтобы спровоцировать Пояс на реакцию и получить оправдание для вмешательства и захвата. Их желание «опросить» выживших — только повод первыми добраться до этих бедолаг. Холден с его командой уже мертвы, или марсианские допросчики в данный момент промывают им мозги…

— Нельзя точно сказать…

— …и даже будь у меня возможность получить полный отчет обо всем, что они говорили, пока им вырывали ногти, для вас это окажется бесполезным, Миллер. Марсиане не станут спрашивать их о «Скопули». Они прекрасно знают, что сталось с

командой. Ведь они сами подставили «Скопули».

— Это официальная позиция «Звездной Спирали»? — спросил Миллер. Едва слова сорвались с языка, он понял, что сделал ошибку. Лицо Шаддид замкнулось — будто свет выключили. Теперь он и сам видел угрозу, скрывавшуюся в его словах.

— Я просто указываю, что источник недостаточно надежен, — сказала Шаддид. — Не стоит спрашивать подозреваемого, в каком направлении вести розыск. К тому же Джульетта Мао — не основное ваше дело.

— Я этого и не говорил. — Миллер с отвращением заметил, что оправдывается.

— Дел у нас полно, и скоро польет через край. В первую очередь мы должны обеспечить безопасность и бесперебойную работу всех служб. Если то, чем вы занимаетесь, напрямую с этим не связано, вам стоит сменить занятие.

— Эта война…

— Не наше дело, — отрезала Шаддид. — Наше дело — Церера. Напишите мне заключение по делу Мао. Я отошлю его. Мы сделали все возможное.

— Я не думаю…

— А я думаю, — перебила Шаддид. — Мы сделали, что могли. А теперь хватит дурачиться,

шевелитесь, ловите преступников, детектив.

— Есть, капитан, — ответил Миллер.

Когда Миллер вернулся к своему столу, за ним сидела Мусс, держа в руках чашку крепкого чая или жидкого кофе. Она кивнула на настольный монитор. На нем трое астеров — двое мужчин и женщина — выходили со склада, таща товарный контейнер из оранжевого пластика. Миллер поднял бровь.

— Рабочие независимой газовой компании. Азот, кислород, основные составляющие атмосферы, никакой экзотики. Похоже, они держали того беднягу на одном из складов компании. Я послала экспертов поискать там брызги крови.

— Хорошая работа, — сказал Миллер.

Мусс пожала плечами, словно говоря: «Обычная работа».

— Где эти типы? — спросил Миллер.

— Вчера улетели. В полетном плане сказано, что направляются на Ио.

— Ио?

— База Коалиции Земля — Марс, — пояснила Мусс. — Хотите поспорить, объявятся ли они там?

— Еще бы, — усмехнулся Миллер. — Ставлю полтинник, что не появятся.

Мусс откровенно рассмеялась.

— Я заявила их в розыск, — сказала она. — Где бы они ни высадились, местные будут предупреждены и поинтересуются их связью с Сантосом.

— Стало быть, дело закрыто, — сказал Миллер.

— Еще одно очко в пользу хороших ребят, — согласилась Мусс.

Остаток дня прошел в суете. Три нападения — из них два по откровенно политическим мотивам и одна бытовая драка. До конца смены Мусс с Миллером сняли с табло все три. Завтра появятся новые.

Освободившись, Миллер остановился у станции «трубы», чтобы купить с тележки порцию риса с протеиновой приправой, немного напоминавшей цыпленка терияки. В вагоне «трубы» пассажиры, обычные граждане Цереры, читали новости и слушали музыку. Молодая парочка жалась друг к другу, перешептываясь и хихикая. Лет шестнадцать, может, семнадцать. Он видел, как рука паренька нырнула под блузку девушки. Та не возражала. Старушка прямо напротив Миллера спала, свесив голову и деликатно похрапывая.

«Все ради этих людей, — сказал себе Миллер. — Ради обычных людей, которые проживают свои маленькие жизни в каменном пузыре, окру-

женном пустотой. Если они допустят, чтобы на станции начались беспорядки, все эти жизни превратятся в ошметки, подобно котенку, угодившему хвостом в мясорубку. Не допустить этого — дело таких, как он, Мусс и даже Шаддид».

«Значит, — проговорил тихий голосок у него в голове, — помешать Марсу сбросить атомный заряд, который расколет Цереру, как яйцо, — не твое дело? Что больше угрожает вот этому пареньку: несколько шлюх без лицензии или война между Поясом и Марсом?»

Кому повредит, если он узнает, что произошло со «Скопули»?

Разумеется, ему был известен ответ на этот вопрос. Невозможно судить, насколько опасной окажется правда, пока ее не узнаешь, — и одно это было достаточной причиной продолжать поиски.

Человек из АВП, Андерсон Доуз, сидел на складном стуле у норы Миллера, читая книгу. Настоящую книгу — тончайшие страницы, переплетенные, весьма вероятно, в натуральную кожу. Миллеру случалось видеть такие на картинках, и идея, что какой-нибудь мегабит можно носить в столь тяжеловесном устройстве, представлялась ему немыслимым расточительством.

— Детектив.

— Мистер Доуз.

— Я надеялся, что смогу с вами поговорить.

Когда они вошли, Миллер порадовался, что успел немного прибраться. Все пивные бутылки были отправлены в утилизатор. Пыль со стола и шкафов он стер. Подушки на стульях зачинил или сменил. Пока Доуз устраивался, Миллер понял, что на самом деле занимался домашним хозяйством, ожидая его визита, только прежде этого не осознавал.

Доуз положил книгу на стол, порылся в кармане и подтолкнул к Миллеру тонкий черный фильмодиск. Миллер взял его.

— Что я там увижу? — осведомился он.

— Ничего такого, что могли бы доказать и использовать для рапорта, — ответил Доуз.

— Фальшивка?

— Да. — Ухмылка не сделала лицо Доуза приятнее. — Только не нами сфабрикованная. Вы спрашивали про полицейское снаряжение. Оно выписано на сержанта Полину Триколоски для передачи двадцать третьему отряду спецслужбы.

— Двадцать третий отряд…

— Да, — кивнул Доуз, — такого не существует в природе. Как и Триколоски. Все снаряжение

было упаковано и отправлено в доки. Грузовик, стоявший там в тот день, зарегистрирован на корпорацию «Гато Прето».

— «Черный Кот»?

— Вы их знаете?

— Импорт-экспорт, обычное дело, — пожал плечами Миллер. — Мы ими занимались, подозревая, что за ними стоит Лока Грейга. Но так и не смогли с ним связать.

— Вы были правы.

— Вы это доказали?

— Это не мое дело, — возразил Доуз, — но вот что вас могло бы заинтересовать. Автоматика доков указывает вес корабля здесь и по прибытии на Ганимед. Он оказался на три тоны легче, не считая потери массы реактора. И время перелета больше расчетного.

— Кто-то с ним встретился, — сказал Миллер. — Снаряжение перегрузили на другой корабль.

— Вот вам и ответ, — сказал Доуз. — Оба ответа. Снаряжение похищено со станции местной преступной группировкой. Доказательства отсутствуют, но вполне можно предположить, что они и людей отправили вместе со снаряжением.

— Куда?

Доуз развел руками. Миллер кивнул. На стан-

ции их нет. Дело закрыто. Еще одно очко в пользу хороших ребят.

Проклятье.

— Я выполнил свои обязательства по договору, — сказал Доуз. — Вы просили информацию. Я ее получил. Итак, вы собираетесь исполнять свои?

— Прекратить поиски Мао, — проговорил Миллер. Это не было вопросом, и Доуз не стал отвечать. Миллер откинулся на спинку стула.

Джульетта Андромеда Мао. Богатая наследница с внутренних планет, ставшая курьером АВП. Космическая гонщица. Коричневый пояс, и претендует на черный.

— Да какого черта?! — воскликнул Миллер. — Все равно я не стал бы отправлять ее домой, если бы и нашел.

— Не стали бы?

Миллер изобразил ладонями жест, означавший «конечно нет».

— Она хорошая девчонка, — сказал он. — Как бы вы себя чувствовали, если бы вас, взрослого человека, мамаша вздумала тащить домой за ухо? Ерундовое дело, с самого начала.

Доуз опять улыбнулся. На этот раз улыбка немного украсила его лицо.

— Рад это слышать, детектив. Я не забуду остальных своих обещаний. Когда мы ее найдем, мы вам скажем. Даю слово.

— Ценю, — сказал Миллер.

Минуту длилось молчание, дружеское или неловкое, Миллер не мог бы сказать. Может, то и другое. Доуз встал и протянул руку. Миллер пожал ее. Доуз вышел. Два копа, работающие на разные стороны. Пожалуй, у них было что-то общее.

Но это не значило, что Миллер чувствовал стыд, солгав этому человеку.

Он запустил шифровальную программу на своем терминале, закрыл ею канал связи и заговорил в камеру:

— Мы незнакомы, сэр, но, надеюсь, вы уделите несколько минут, чтобы помочь мне. Я — детектив Миллер из службы безопасности «Звездной Спирали». Я служу на Церере, и мне поручен поиск вашей дочери. У меня к вам пара вопросов.

Глава 15
Холден

Холден дотянулся и поймал Наоми. Пока они, кувыркаясь, летели по отсеку, он пытался сориентироваться. Оттолкнуться, чтобы остановить полет, было не от чего. Они находились посреди помещения, без всякого укрытия.

Взрыв отшвырнул Келли на упаковочный ящик, и теперь десантник плавал над ним, прилепившись одной магнитной подошвой к боковой стенке контейнера, а другой пытаясь дотянуться до палубы. Амоса сбросило на пол, и он лежал ничком, под немыслимым углом вывернув ногу. Алекс скрючился рядом с ним.

Холден выгнул шею, высматривая нападающих. Один, с гранатометом, подорвавший Келли, снова наводил оружие для окончательного удара. «Мы покойники», — подумал Холден. Наоми сделала неприличный жест.

Человек с гранатометом содрогнулся и разлетелся брызгами крови и мелких осколков.

— К кораблю! — крикнул по рации Гомес. В его пронзительном голосе слышалась боль и возбуж-

дение боя.

Холден вытянул буксировочный конец скафандра Наоми.

— Что ты?.. — выговорила она.

— Доверься мне, — сказал он и, нацелив ногу ей в живот, пихнул изо всех сил.

Его ударило о палубу, ее отбросило к потолку. Щелкнув магнитными подошвами, Холден притянул ее к себе на буксире.

Отсек мигал вспышками автоматных очередей.

— Не высовывайся, — велел Холден и со всей скоростью, какую позволяли магнитные подошвы, пробежал к Алексу с Амосом. Механик слабо шевелил конечностями — значит, был жив. Холден, сообразив, что еще сжимает в руке буксир Наоми, прищелкнул его к карабину на поясе. Больше их не разбросает.

Он, преодолев инерцию, поднял с палубы Амоса. Тот кряхтел и бранился сквозь зубы. Холден пристегнул к скафандру и его буксир. Если придется, он потащит на себе всю команду. Ни слова не говоря, Алекс прицепил к Холдену свой трос и устало поднял большой палец.

— Это было… в смысле, лядь! — сказал он.

— Точно, — согласился Холден.

— Джим, — позвала Наоми, — смотри!

Холден проследил ее взгляд. Келли ковылял в их сторону. Броня на левом боку была заметно помята, гидравлическая жидкость сочилась наружу и цепочкой капель плыла за ним, но он двигался — по направлению к фрегату.

— Ладно, — бросил Холден, — пошли.

Все пятеро двинулись к кораблю через наполненный разлетающимися от неутихающей стрельбы осколками отсек. Будто оса ужалила Холдена в плечо, и налобный дисплей скафандра сообщил о мелкой пробоине. Он чувствовал, как что-то теплое стекает по бицепсу.

Гомес как одержимый заорал в рации и метнулся к наружной стене отсека, яростно отстреливаясь. Ответный огонь не прекращался. Холден видел, как в десантника попадают раз за разом, из его костюма вырывались облачка газа, и Холдену не верилось, что там внутри еще могло остаться что-то живое. И все же Гомес отвлекал на себя внимание, позволяя Холдену с его командой дохромать до шлюза корвета, дающего хоть какое-то укрытие.

Келли извлек из кармашка скафандра металлическую карточку, мазнув ею по замку, открыл внешний люк, и Холден протолкнул в него неве-

сомое тело Амоса. Следом вошли Наоми, Алекс и раненый десантник. Еще не отойдя от шока, не веря своим глазам, они наблюдали, как шлюз наполняется воздухом и открывает внутреннюю дверь.

— Просто не верю, что мы… — начал Алекс, и голос его сорвался.

— Об этом потом, — оборвал его Келли. — Алекс Камал, вы служили в ФМРК. Можете пилотировать этот корабль?

— Конечно, лейти, — ответил Алекс и заметно подтянулся. — Но почему я?

— Нашего второго пилота убивают снаружи. Возьмите это, — сказал Келли, отдавая ему карточку. — Остальным пристегнуться. Мы потеряли много времени.

Вблизи повреждения его скафандра выглядели еще страшнее. Келли получил несколько ранений в грудь, и не все, что капало из пробоин, оказалось гидравлической жидкостью. Была и кровь.

— Позвольте мне помочь, — потянулся к нему Холден.

— Не трогайте меня! — с неожиданной яростью выкрикнул Келли. — Пристегивайтесь и завалите хлебальники! Выполнять!

Холден не стал спорить. Он отцепил буксировочные концы от своего скафандра и помог Наоми задвинуть Амоса в амортизатор и закрепить. Келли остался палубой выше, но его голос донесся по связи.

— Мистер Камал, готовы к полету?

— Роджер, лейти. Реактор был горячим.

— «Тахи» держали в боевой готовности. Потому мы ее и выбрали. Вперед. И как только выйдем из ангара — полную тягу.

— Роджер, — повторил Алекс.

Гравитация возвращалась толчками, мотавшими их в самых неожиданных направлениях, — это Алекс поднял корабль с палубы и разворачивал к двери ангара. Холден закончил с креплениями ремней и повернулся проверить, все ли готово у Наоми с Амосом. Механик стонал и мертвой хваткой цеплялся за края койки.

— Ты еще с нами, Амос? — спросил Холден.

— О-ху-бал-деть, кэп, — отозвался тот.

— О, черт, я вижу Гомеса, — заговорил по связи Алекс. — Его сбили. Ох, адовы ублюдки, стреляют в лежачего! Сукины дети!

Движение прекратилось, и Алекс тихо процедил:

— Глотайте, ублюдки.

Корабль коротко вздрогнул и после паузы продолжил движение к люку.

— Оборонительные орудия? — спросил Холден.

— Малость сравнял счет, — буркнул в ответ Алекс.

Холден представлял, что сотворили несколько сотен снарядов в тефлоновой оболочке на скорости пять тысяч метров в секунду с человеческими телами, когда Алекс включил полный ход и стадо слонов навалилось Холдену на грудь.

Он пришел в себя в невесомости. Глазницы и мошонка ныли, значит, корабль довольно долго шел с большим ускорением. Терминал на стене напротив сообщил, что это продолжалось полчаса. Наоми шевелилась на своей койке, но Амос был без сознания, а из дыры в его скафандре слишком уж быстро капала кровь.

— Наоми, займись Амосом, — каркнул больным горлом Холден. — Алекс, доложись.

— «Донни» за нами взорвался, кэп. Наверно, десантники не удержались. Его больше нет, — приглушенным голосом отозвался Алекс.

— Шесть кораблей атакующих?

— Я никого не видел после взрыва. Думаю, они поджарились.

Холден кивнул сам себе. Еще немного сравняли

счет. Абордаж — один из самых рискованных маневров в сражении флотов. В сущности, это состязание на скорость между абордажной командой, пробивающейся в машинный зал, и коллективной волей тех, кто держит палец на кнопке самоуничтожения. Одного взгляда на капитана Яо хватило Холдену, чтобы не сомневаться, кто выиграет *эту* гонку.

И все же. Кто-то счел, что риск того стоит.

Холден отстегнул крепления и проплыл к Амосу. Наоми уже вскрыла пакет первой помощи и тяжелыми ножницами срезала с механика скафандр. Расщепленный конец берцовой кости на двенадцати *g* прорвал в нем дыру.

Сняв скафандр, Наоми уставилась на кровавое месиво, в которое превратилась голень Амоса.

— Что будем делать? — спросил Холден.

Наоми, уставившись на него, выдавила хриплый смешок.

— Понятия не имею.

— Но ты… — начал Холден. Наоми продолжала, не слыша его.

— Будь мы сделаны из металла, я бы выправила все кувалдой и приварила бы на место.

— Я…

— Но он — не корабельная обшивка, — продол-

жала она, повышая голос до крика, — так что ж ты *у меня* спрашиваешь, что делать?

Холден вскинул ладонь в примирительном жесте.

— Ладно, я понял. Давай пока остановим кровь.

— Если убьют Алекса, пилотировать корабль тоже мне, так, по-твоему?

Холден собирался ответить, но прикусил язык. Она была права. Всякий раз, когда не знал, что делать, он обращался к Наоми. Это продолжалось годами. Она умная, способная, ее обычно невозможно вывести из равновесия. Он превратил ее в костыль, а ведь она была измучена не меньше его. Если не остеречься, она сломается, а это ему совсем ни к чему.

— Ты права. Я позабочусь об Амосе, — сказал он, — а ты сходи посмотри, как Келли. Я через несколько минут подойду.

Наоми продолжала смотреть на него, пока дыхание у нее не выровнялось, потом кивнула и повернулась к трапу.

Холден опрыскал ногу Амоса коагулянтом и наложил бинт из пакета первой помощи. Потом вызвал базу корабельного терминала и нашел в ней информацию по сложным переломам. Он

с нарастающим отчаянием читал инструкцию, когда его по связи окликнула Наоми.

— Келли мертв, — ровным голосом сообщила она.

В животе у Холдена что-то оборвалось, и он позволил себе три вздоха, чтобы прогнать из голоса панику.

— Понял. Мне нужна твоя помощь, чтобы вправить кость. Возвращайся сюда. Алекс, дай мне пол-*g*, пока мы занимаемся Амосом.

— В каком направлении, кэп? — спросил пилот.

— Все равно, просто дай пол-*g* и не выходи на связь, пока я не скажу.

Наоми как раз спустилась в люк, когда началось ускорение.

— Похоже, у Келли переломаны все ребра, — сказала она, — а при перегрузке они, наверно, проткнули внутренности.

— Он должен был знать, что так произойдет, — сказал Холден.

— Точно.

Легко смеяться над десантниками у них за спиной. Когда Холден служил на флоте, шуточки над железноголовыми были привычны, как сквернословие. Однако четверо десантников

умерли, чтобы вытащить их с «Доннаджера», и трое из них приняли это решение сознательно. Холден дал себе слово никогда больше не шутить о десантниках.

— Нам надо вправить кость, прежде чем закреплять. Держи его крепче, а я буду тянуть. Дай знать, когда кость встанет на место и нога выпрямится.

Ничего ужаснее Холден в жизни не делал. Амос очнулся и кричал не переставая. Ногу пришлось вытягивать дважды, потому что в первый раз кость встала неровно, а когда он выпустил ступню, расщепленная берцовая снова высунулась в дыру в фонтане крови. К счастью, на этом месте Амос отключился, и вторую попытку они могли сделать, не слыша его воплей. Вроде получилось. Холден залил рану антисептиками и коагулянтами, зашил дыру степлером, залепил стимулирующей рост повязкой и закончил дело быстротвердеющим лубком и инъекцией антибиотика в бедро.

После этого он рухнул на палубу и стал дрожать. Наоми забралась в свою койку и разрыдалась. Холден впервые слышал, как она плачет.

Холден, Алекс и Наоми плавали над амортизатором с телом лейтенанта Келли. Внизу спал

накачанный снотворным Амос. «Тахи» бесцельно дрейфовал в пространстве, и в первый раз за долгое время их никто не преследовал. Холден понимал, что двое его товарищей ждут. Хотят услышать, как он собирается их спасать. В их глазах было ожидание. Он старался выглядеть спокойным и задумчивым. Но в душе он паниковал. Он понятия не имел, куда податься. И что делать. С той минуты, когда они нашли «Скопули», все надежные убежища превращались в смертельные ловушки. «Кентербери», «Доннаджер». Холдену чудилось, что, куда бы он ни направился, через несколько минут цель их пути окажется взорвана.

«Делайте что-нибудь, — десять лет назад внушал молодым офицерам наставник. — Если не знаете верного хода, делайте хоть что-нибудь».

— Кто-то займется расследованием случившегося с «Доннаджером», — заговорил он. — Марсианские корабли уже сейчас несутся к месту взрыва. Они знают, что «Тахи» выжил, потому что наш передатчик шумит на всю Солнечную систему.

— Ничего подобного, — сказал Алекс.

— Объясните, мистер Камал.

— Это торпедоносец. Ты думаешь, кому-то

может потребоваться передать вражескому кораблю сигнал, выходя на цель? Нетушки, на панели есть такая славная кнопочка с надписью «Отключение передатчика». Я ее нажал перед вылетом. Мы сейчас — просто одно из миллионов небесных тел.

Два долгих вздоха Холден молчал.

— Алекс, возможно, это лучшее известие за всю историю вселенной, — наконец сказал он.

— Но нас не примет ни один порт, Джим, — возразила Наоми. — Во-первых, никто и близко не подпустит корабль без опознавательных сигналов, а во-вторых, как только они засекут нас визуально, трудно будет скрыть, что мы — марсианский военный корабль.

— Да, это осложняет дело, — признал Алекс.

— Фред Джонсон, — сказал Холден, — дал нам адрес для связи. Думается, как раз АВП где угодно примет похищенный марсианский корабль.

— Мы его не похищали! — возмутился Алекс. — Теперь он — спасенное имущество.

— Ага, скажешь это ФМРК, если они нас поймают. Но давай-ка постараемся, чтобы не поймали.

— Значит, мы будем ждать здесь ответа полковника Джонсона? — спросил Алекс.

— Нет, ждать буду я. Вы двое приготовьте лей-

тенанта Келли к похоронам. Алекс, ты служил в ФМРК, ты знаешь традиции. Похороните его со всеми почестями и сделайте запись в журнале. Он погиб, вытаскивая нас, и мы воздадим ему должное. Как только где-то причалим, перешлем отчет ФМРК, чтобы они исполнили все формальности.

— Мы сделаем все, как надо, — кивнул Алекс.

Фред Джонсон отозвался так скоро, что Холден задумался, не сидел ли он у терминала, ожидая их сообщения. В его ответе содержались только координаты и слова «направленный луч». Холден навел лазерный передатчик на указанную точку — ту самую, откуда пришло первое сообщение Фреда, — затем включил микрофон и позвал:

— Фред?

Указанные координаты располагались в одиннадцати с лишним световых минутах. Холден приготовился двадцать две минуты ждать ответа. Чтобы занять время, он передал распоряжение в рубку и велел Алексу, как только они закончат с лейтенантом Келли, двигать к указанному месту на одном *g*.

Через двадцать минут началось ускорение, а по трапу поднялась Наоми. Она скинула вакуумный скафандр, оставшись в красном марсианском спортивном костюме, который был ей основа-

тельно короток и велик на три размера в ширину. Волосы ее и лицо выглядели чистыми.

— У них тут есть душевая кабина. Нельзя ли нам оставить этот кораблик себе? — сказала она.

— Как там прошло?

— Мы о нем позаботились. Рядом с машинным залом порядочных размеров грузовой отсек. Мы положили его там, пока не найдем способа отправить домой. Я отключила жизнеобеспечение, так что он сохранится.

Протянув руку, она уронила на колени Холдену черный кубик.

— Это было у него в кармане скафандра.

Холден поднял кубик. Он походил на устройство для хранения данных.

— А можно узнать, что в нем? — спросил он.

— Конечно. Только дай мне время.

— Как там Амос?

— Давление выровнялось, — сказала Наоми. — Вроде бы это хорошо.

Прогудела панель связи, и Холден нажал прием.

— Джим, новости о «Доннаджере» уже попали в сеть. Признаться, я чрезвычайно удивился, услышав вас, — произнес голос Фреда. — Чем я могу вам помочь?

Холден помолчал, составляя в уме ответ. Фред не скрывал подозрений, но ведь он дал пароль как раз на такой случай.

— Фред, мы встречаем врагов *повсеместно,* а список друзей все короче. Собственно, в нем только вы и остались. Я нахожусь на похищенном…

Алекс многозначительно откашлялся.

— …на *спасенном* военном корабле ФМРК, — поправился Холден. — Мне нужно как-то скрыть это обстоятельство, чтобы нас не расстреляли, как только увидят. Помогите мне.

Через полчаса они услышали ответ.

— Прилагаю файл данных по субканалу, — произнес Фред. — Там новый опознавательный код и указания по его установке. Код выдержит проверку на всех регистрах. Он совершенно легален. Там же координаты места, где вы найдете безопасную гавань. Нам есть о чем поговорить.

— Новый опознавательный код? — поразилась Наоми. — Откуда у АВП новый опознавательный код?

— Взломали протокол безопасности Коалиции Земля — Марс или заслали крота в регистрационную контору, — предположил Холден. — Как бы то ни было, мы, кажется, теперь играем за высшую лигу.

Глава 16
Миллер

Миллер смотрел передачу с Марса вместе со всей станцией.

Подиум был задрапирован черным — дурной знак. Звезда и тридцать полос Марсианской Республики Конгресса на заднем плане повторялись не один раз, а восемь. Еще хуже.

«Это не могло произойти без тщательного планирования, — говорил президент Марса. — Информация, которую пытались похитить, глубоко и фундаментально подорвала бы безопасность марсианского флота. Пояс готовил эту агрессию по меньшей мере годы».

«Пояс», — отметил Миллер. Не АВП — Пояс.

«За неделю, прошедшую с первого известия о нападении, мы наблюдали тридцать вторжений в радиус безопасности Марса, в том числе на станцию Паллада. В случае потери ее очистительных сооружений экономика Марса понесла бы невосполнимый ущерб. Перед лицом организованной партизанской войны нам не остается иного выбора, как усилить военные кордоны

на станциях, базах и кораблях Пояса. Конгресс разослал приказы всем силам флота, не занятым активной службой, и мы надеемся, что наши братья и сестры на Земле незамедлительно присоединятся к маневрам Коалиции.

Новые полномочия марсианского флота включают обеспечение безопасности всех честных граждан, разрушение инфраструктуры зла, таящегося в Поясе, и осуществление правосудия над силами, ответственными за нападения. Я с радостью могу сообщить, что наши первые усилия уже привели к уничтожению восемнадцати нелегальных военных кораблей и…»

Миллер выключил передачу. Вот, значит, как. Тайная война вышла наружу. Папаша Мао не зря торопился вытащить Джули, только он опоздал. Его дражайшей дочурке придется рисковать вместе с остальными.

Для станции Церера все это означало по меньшей мере комендантский час и наблюдение за персоналом. Официально станция оставалась нейтральной. Она не принадлежала ни АВП, ни кому другому. И «Звездная Спираль» была земной корпорацией, не связанной с Марсом контрактами и договорами. В лучшем случае сражения между АВП и Марсом не коснутся станции. В

худшем на Церере начнутся новые беспорядки. И будут новые смерти.

Нет, не так. В худшем случае Марс выразит недовольство, сбросив на станцию скалу или горсть ядерных боеголовок. Или взорвав двигатель стоящего в порту корабля. Если дела пойдут вразнос, это смерть шести или семи миллионов людей и конец всему, что знал Миллер.

Странное дело, он чувствовал едва ли не облегчение.

Миллер знал уже несколько недель. Все знали. Но пока ничего не случилось, в каждой шутке, в каждом случайном разговоре, в вежливом кивке или оброненной в вагоне «трубы» фразе мерещились недомолвки. И сейчас не в его силах было остановить раковую опухоль войны или хотя бы замедлить ее рост, но, по крайней мере, о ней теперь можно было говорить. Миллер потянулся, доел последние крошки грибкового творога, допил последний глоток чего-то, не слишком непохожего на кофе, и отправился охранять покой среди войны.

Мусс встретила его рассеянным кивком. Табло было полным-полно: все новые преступления требовали расследования, рапортов, закрытия дел. Вдвое больше, чем вчера.

— Плохая ночь, — заметил Миллер.

— Могло быть хуже, — возразила Мусс.

— Да?

— «Звездная Спираль» могла быть марсианской корпорацией. Пока Земля сохраняет нейтралитет, нам не придется превращаться в гестапо.

— Думаешь, это надолго?

— Смотри на часы, — усмехнулась она. — Только знаешь, что я тебе скажу? Когда все рухнет, мне понадобится заглянуть к ядру. Был там один парень, которого мы никак не могли поймать за руку, когда я служила в команде по изнасилованиям.

— Чего ждать? — спросил Миллер. — Сгоняй наверх, всади в него пулю и возвращайся к обеду.

— А, ты же знаешь, — ответила она. — Пытаешься остаться профессионалом. Да к тому же, послушай я тебя, нам бы и пришлось расследовать дело, а на табло уже нет места.

Миллер сел за свой стол. Все это были шуточки. Болтовня, чтобы сбросить напряг перед днем, от которого ждешь бесконечной череды малолетних шлюх и некачественных наркотиков. И все же на станции ощущалось напряжение. Оно слышалось в смешках, в том, как держались люди. На виду оказалось больше кобур, чем в обычные дни,

словно демонстрация оружия могла обеспечить им безопасность.

— Думаешь, это АВП? — спросила Мусс, понизив голос.

— Ты о том, кто прикончил «Доннаджер»? Кому бы еще? К тому же они взяли на себя ответственность.

— Кто-то из них. Как я слышала, АВП нынче размножился. Ребята старой школы ни о чем понятия не имеют. Намочили штаны и теперь выслеживают пиратские станции, которые заявили, что это их рук дело.

— А что они могут? — спросил Миллер. — Если заткнуть все луженые глотки в Поясе, это ничего не изменит.

— А все-таки, если в АВП раскол… — Мусс взглянула на табло.

Если в АВП раскол, все, что они видят на табло, — мелочи. Миллер пережил две гангстерские войны. Первую, когда Лока Грейга сверг и уничтожил «Арийских Летунов», и вторую, когда раскололась «Золотая Ветвь». АВП был крупнее, коварнее и профессиональнее всех прежних. В Поясе начнется гражданская война.

— Может, обойдется, — сказал Миллер.

Шаддид вышла из кабинета, обвела глазами

помещение станции. Поймав взгляд Миллера, сделала резкий жест. «Зайдите ко мне».

— Разжалуют, — сказала Мусс.

В кабинете преспокойно сидел на стуле Андерсон Доуз. Миллера передернуло, когда он понял, что это значит. Между Марсом и Поясом открытый вооруженный конфликт. Представитель АВП на Церере совещается с капитаном службы безопасности.

«Вот оно как», — подумал он.

— Вы занимаетесь делом Мао, — заговорила Шаддид, усаживаясь на свое место. Миллеру сесть не предложили, поэтому он заложил руки за спину.

— Вы мне его поручили, — напомнил он.

— И сказала, что это не слишком важно.

— Я не согласен, — возразил Миллер.

Доуз улыбнулся. Улыбка оказалась необыкновенно теплой, особенно в сравнении с лицом Шаддид.

— Детектив Миллер, — сказал он, — вы не понимаете, что происходит. Мы сидим в пузыре воздуха среди вакуума, а вы размахиваете топором. Прекратите это.

— Я снимаю вас с дела Мао, — вмешалась Шаддид. — Вы поняли? С настоящего момента я офи-

циально отстраняю вас от расследования. Любые дальнейшие действия будут квалифицироваться как превышение полномочий и растрата средств «Звездной Спирали». Все материалы по делу верните мне. Из своих личных баз все данные вычистите. Исполнить до конца смены.

В голове у Миллера все кипело, но лицо оставалось бесстрастным. У него отнимают Джули. Он от нее не откажется. Это данность. Но не главное.

— Я сделал несколько запросов… — начал он.

— Ничего подобного, — отрезала Шаддид. — Ваше письмецо к родителям послано в нарушение инструкций. Все контакты с акционерами должны проходить через меня.

— То есть оно не прошло? — уточнил Миллер, подразумевая: «Вы за мной следили».

— Не прошло, — ответила Шаддид. «Да, следила, и что ты сделаешь?»

Сделать он ничего не мог.

— А как с записью допроса Джеймса Холдена? — поинтересовался он. — Они успели, прежде чем…

«Прежде чем „Доннаджер“ погиб, захватив с собой последних живых свидетелей со „Скопули“ и ввергнув систему в войну?» Миллер понимал, как жалко звучит его вопрос. У Шаддид на скулах

вздулись желваки. Он бы не удивился, услышав скрип зубов. Молчание нарушил Доуз.

— Думаю, все можно смягчить, — сказал он. — Детектив, насколько я понимаю, вы считаете, что мы хотим закопать дело. Это не так. Однако никто не выгадает, если ответы, которые вы ищете, получит «Звездная Спираль». Подумайте сами. Хотя вы и астер, но работаете на земную корпорацию. На данный момент Земля — единственная из больших сил, еще не гребущая под себя. Только через нее все стороны конфликта могли бы вести переговоры.

— Так почему бы им не знать правды? — спросил Миллер.

— Не в этом дело, — ответил Доуз, — а в том, что «Звездная Спираль» и Земля не вправе показать, что так или иначе замешаны в дело. Их руки должны быть чисты. А это расследование выходит за пределы вашего контракта. Джульетты Мао нет на Церере. Возможно, в другое время вы могли бы вскочить на корабль и отправиться за ней в погоню. Найти и похитить. Как это ни называй — «экстрадиция», «выдача»… Но те времена прошли. «Звездная Спираль» — это Церера, часть Ганимеда и несколько дюжин астероидов-складов. Вне их пределов вы окажетесь на вражеской

территории.

— А АВП — нет? — спросил Миллер.

— У нас есть способы сделать все как надо, — кивнул Доуз. — Мао из наших людей. И «Скопули» был наш.

— И «Скопули» стал наживкой в капкане для «Кентербери», — напомнил Миллер. — А «Кентербери» стал наживкой, погубившей «Доннаджер». Не уточните ли вы, с какой стати и кто выиграет, если вы одни будете расследовать то, что, возможно, ваших же рук дело?

— Вы думаете, это мы взорвали «Кентербери», — протянул Доуз. — Полагаете, АВП располагает новейшими марсианскими военными кораблями…

— И выманили «Доннаджер» в удобную для атаки позицию. Пока он находился в расположении флота, нечего было и думать об абордаже.

Доуз кисло поморщился.

— Конспирология, мистер Миллер. Будь у нас марсианский корабль-невидимка, мы бы не проигрывали.

— Вас хватило, чтобы убить «Доннаджер» всего шестью кораблями.

— Нет, это не мы. По нашей версии, «Доннаджер» подорвали старательские суденышки-са-

моубийцы, набитые ядерными зарядами. Мы можем многое, очень многое. Но в случае с «Донаджером» мы ни при чем.

Тишину нарушало только гудение воздуховода. Миллер скрестил руки.

— Но… не понимаю, — сказал он. — Если кашу заварил не АВП, то кто же?

— Именно это могли бы рассказать нам Джульетта Мао и команда «Скопули», — ответила ему Шаддид. — Вот каковы ставки, Миллер. Кто, зачем и, ради бога, как это остановить.

— И вы не хотите их найти? — спросил Миллер.

— Я не хочу, чтобы нашли *вы*, — ответил Доуз. — Потому что другие сделают это лучше.

Миллер покачал головой. Он понимал, что зашел слишком далеко. С другой стороны, иногда, перейдя границы, удается узнать кое-что новое.

— Я не продаюсь, — сказал он.

— Вас никто не покупает, — процедила Шаддид. — Мы не торгуемся. Я не затем вас вызвала, черт побери, чтобы просить об услуге. Я приказываю. Вы слова понимаете? Приказываю. Вам.

— Холден у нас, — сказал Доуз.

— Что? — Голос Миллера слился со словами Шаддид:

— Об этом не следует говорить.

Доуз поднял руку в астерском жесте, призывавшем к молчанию. К удивлению Миллера, Шаддид послушалась.

— Холден у нас. Он и его команда уцелели и находятся или скоро окажутся в расположении АВП. Вы меня понимаете, детектив? Видите, к чему я? Я могу расследовать это дело, потому что у меня есть средства. А вы не смогли даже выяснить, куда девалось ваше снаряжение.

Это была пощечина. Миллер уставился на свои ботинки. Он нарушил данное Доузу слово прекратить расследование, и до сих пор тот об этом не упоминал. Очко в пользу оперативника АВП. Кроме того, если Холден действительно в распоряжении Доуза, Миллеру нечего и думать получить доступ к материалам допроса. Шаддид заговорила с необыкновенной мягкостью.

— Сегодня произошло три убийства. Взломано восемь складов, возможно, одной и той же бандой. Шесть человек госпитализированы с нервным расстройством после применения кустарного псевдогероина. Вся станция на грани срыва, — сказала она. — Вы можете принести много пользы здесь, Миллер. Ступайте, изловите сколько-нибудь негодяев.

— Конечно, капитан, — сказал Миллер, — не сомневайтесь.

Мусс склонилась над своим столом, поджидая его. Она сидела, скрестив руки, глядя на него с такой же скукой, с какой рассматривала труп Сантоса на стене.

— Новая подлянка? — спросила она.

— Угу.

— Рассосется, дай срок. Я взяла на нас одно убийство. Счетоводу «Наоби-Шерс» со средних уровней проломили голову в баре. Выглядит забавно.

Миллер достал свой ручной терминал и заглянул в базы. Он думал о другом.

— Эй, Мусс, — сказал он, — у меня вопрос.

— Давай.

— На тебе дело, которое ты предпочла бы не раскрывать. Что будешь делать?

Его новая напарница нахмурилась, склонила голову набок, передернула плечами.

— Сплавлю другому, — сказала она. — У нас в «преступлениях против детей» был такой тип. Если мы знали, что извращенец — из полицейских осведомителей, всегда отдавали дело ему. Никто из наших ни разу не попался.

— Угу, — промычал Миллер.

— Если на то пошло, то же самое я проделаю, если хочу сплавить паршивого напарника, — продолжала Мусс. — Знаешь, как это бывает. Кто-то, с кем никто не хочет работать. Характер дерьмовый, или изо рта воняет, или еще что, но ему нужен партнер. Тогда я выбираю парня, который, возможно, и был когда-то хорош, но после развода стал заглядывать в бутылку. Он еще считает себя крутым и ведет себя соответственно, но вот справляется не лучше других. Ну и сплавляешь ему дерьмовые дела. И дерьмовых партнеров.

Миллер закрыл глаза. Живот скрутило.

— Что ты натворила? — спросил он.

— Чтобы попасть к тебе? — подхватила Мусс. — Один из старших ко мне приставал, и я его пристрелила.

— И влипла.

— Еще как. Слушай, Миллер, ты же не дурак, — сказала Мусс. — Сам должен был понять.

Ему давно следовало понять, что он стал на станции притчей во языцех. Парень, который когда-то был хорош. Но сорвался.

Нет, он не знал. Он открыл глаза. Мусс не выглядела ни довольной, ни огорченной, ни отчаянной. Для нее это была просто работа. Смерти, ранения,

увечья. Ей все равно. Все равно, как прожить еще день.

— Может, не стоило тебе его отшивать, — сказал Миллер.

— А ты не так плох, — ответила Мусс. — Он еще был черноволосый. Терпеть не могу брюнетов.

— Рад слышать, — сказал Миллер. — Пойдем, послужим закону.

— Ты пьян, — произнес ублюдок.

— Я коп, — ответил Миллер, тыча пальцем в воздух. — Со мной не шути.

— Знаю, что ты коп. Ты три года захаживаешь в мой бар. Это же я, Хасини. А ты пьян, приятель. Серьезно и опасно пьян.

Миллер огляделся. И впрямь, он в «Голубой Лягушке». Как он сюда попал, не помнил, однако он здесь. А ублюдок — и в самом деле Хасини.

— Я… — начал Миллер и забыл, что хотел сказать.

— Пошли. — Хасини обхватил его за пояс. — Здесь недалеко, отведу тебя домой.

— Который час? — спросил Миллер.

— Поздно.

Сколько смысла в одном слове! Поздно. Уже поздно. Он упустил все шансы наладить дело. В системе шла война, и никто толком не знал из-за

чего. Самому Миллеру в июне исполнится пятьдесят. Поздно. Поздно начинать заново. Поздно осознавать, что много лет бежал не по той дороге. Хасини подтолкнул его к электрокару, который бар держал как раз для таких случаев. Из кухни пахло подгоревшим маслом.

— Постой, — сказал Миллер.

— Поблевать хочешь? — спросил Хасини.

Миллер обдумал это. Нет, и блевать тоже было поздно. Он шатнулся вперед. Хасини уложил его и завел моторы, они с визгом вывернули из коридора. Высоко вверху горели приглушенные светильники. Кар подскакивал на перекрестках. А может быть, нет. Может быть, вздрагивало только его тело.

— Я считал, что я хорош, — сказал Миллер. — Знаешь, все это время я считал себя хорошим копом.

— Ты такой и есть, — утешил Хасини, — просто тебе попалась дерьмовая работенка.

Миллер откинулся назад. Пластиковая дуга над колесом впилась в бок. Бок заныл, но шевельнуться не осталось сил. Он прожил день вместе с Мусс. Он сдал факты и материалы по Джули. Возвращаться в нору было незачем, и податься больше некуда.

Лампы мелькали и скрывались позади. Он задумался, каково это — видеть над собой звезды. Он никогда не поднимал взгляд к небу. От одной мысли закружилась голова. Ужас перед бесконечностью показался почти приятным.

— Есть кому о тебе позаботиться? — спросил Хасини, высаживая Миллера у норы.

— Обойдусь. Просто… неудачный день.

— Джули, — кивнул Хасини.

— Откуда ты знаешь о Джули?

— Ты всю ночь только о ней и говорил, — объяснил Хасини. — Зацепила она тебя, а?

Миллер, нахмурясь, придержался за бортик кара. Джули. Он говорил о Джули. Вот в чем дело. Не в работе. Не в репутации. Он увлекся Джули. Особый случай, задевший душу.

— Ты влюблен, — сказал Хасини.

— Да, вроде как, — ответил Миллер, когда откровение пробилось сквозь алкогольный дурман. — Думаю, влюблен.

— Беда, — сказал Хасини.

Глава 17
Холден

Камбуз «Тахи» был настоящей кухней, и за столом хватило бы места на двенадцать человек. Стояла тут и кофеварка, способная сготовить сорок чашек кофе в каких-нибудь пять минут, все равно, в невесомости или при пяти *g*. Холден вознес безмолвную благодарность раздутому военному бюджету и нажал кнопку. Пока машина мягко булькала, он едва сдерживался, чтобы не врезать по чистейшей стальной крышке.

Воздух понемногу наполнял аромат кофе, и к нему примешивался запах пекущегося хлеба, поставленного в печь Алексом. Амос в свежем гипсе ковылял вокруг стола, расставляя пластиковые тарелки и раскладывая самое настоящее, как перед богом, столовое серебро. Наоми смешивала в миске нечто, издававшее чесночный запах доброй чечевичной похлебки. При виде команды, занятой домашними делами, Холден ощутил мир и покой, столь глубокие, что немного закружилась голова.

Их бегство продолжалось несколько недель,

и все это время то один, то другой корабль преследовал их. Сейчас, впервые после гибели «Кентербери», никто не знал, где они. Никто от них ничего не требовал. Для всей Солнечной системы они числились в тысячепунктном списке потерь «Доннаджера». На миг возникшее перед глазами видение исчезнувшей словно по волшебству головы Шеда напомнило ему, что одного человека его команда действительно потеряла. И все же снова оказаться хозяином своей судьбы было настолько хорошо, что даже жалость не смогла полностью прогнать это чувство.

Звякнул таймер, и Алекс вытащил поднос с тонкими плоскими хлебцами. Он принялся резать их на ломтики, а Наоми намазывала на них пасту, и впрямь похожую на чечевичное пюре. Амос раскладывал их по тарелкам. Холден налил кофе в чашки с названием корабля на боку и раздал их по кругу. На минуту возникла неловкость: все уставились на аккуратно накрытый стол и застыли, словно опасаясь нарушить совершенство.

Амос прервал всеобщее оцепенение, проворчав:

— Я голоден, как медведь долбаный. — Со стуком усевшись, он добавил: — Передайте мне кто-нибудь перец, а?

Следующие несколько минут никто не заговаривал, только ели. Холден откусил кусочек намазанного пюре хлебца, и острый вкус после недель на протеиновых плитках отдался звоном во всем теле. Затем он стал запихивать ломтики в рот так поспешно, что гланды загорелись огнем. Он в смущении обвел глазами стол, но остальные жрали с таким аппетитом, что и он, плюнув на приличия, сосредоточился на еде. Подобрав с тарелки последние крошки, он со вздохом развалился на стуле в надежде подольше растянуть чувство довольства. Амос ложкой вычищал миску из-под пюре. Алекс, закрыв глаза, прихлебывал кофе. Наоми сонно посмотрела на Холдена из-под век, взгляд ее вдруг стал дьявольски соблазнительным. Холден отогнал эту мысль и поднял кружку.

— За десантников Келли. Они до последнего остались героями, да покоятся они в мире, — сказал он.

— За десантников, — отозвались остальные и выпили.

Алекс снова поднял кружку.

— За Шеда.

— Да, за Шеда, и чтоб его убийцам поджариться в аду, — тихо добавил Амос. — Вместе с пидором,

взорвавшим «Кент».

Наступило отрезвление. Холден чувствовал, как ускользает минута покоя.

— Ну, — сказал он, — расскажите, каков наш новый корабль. Алекс?

— Красавчик, кэп. Я чуть не полчаса гнал на двенадцати *g*, уходя от «Донни», а он знай мурлыкал, как котенок. И пилотское кресло уютное.

Холден кивнул.

— Амос? Не успел еще заглянуть в машинный зал?

— Заглянул. Блестит, как свистулька. Грязнуле вроде меня там придется поскучать с уборкой, — ответил механик.

— Поскучать — это неплохо, — заметил Холден. — Наоми, что ты думаешь?

Она улыбнулась.

— Я в него влюбилась. Самый удобный душ, какой я видела на корабликах такого размера. Плюс потрясающий медицинский отсек с компьютерной диагностической системой, которая знает, как чинить поломанных десантников. Жаль, что не нашли его прежде, чем взялись сами ремонтировать Амоса.

Амос костяшкой пальца постучал по лубку.

— Вы отлично справились, босс.

Холден оглядел свою чистенькую команду, погладил себя по волосам, и впервые за много дней рука не стала сальной.

— Да, душ и возможность не вправлять самому сломанные ноги — это приятно. Что-то еще?

Наоми склонила голову, глаза ее словно бегали по строчкам мысленного списка.

— У нас полный бак воды, и топливных стержней для реактора хватит лет на тридцать. Камбуз набит битком. Если ты вздумаешь вернуть кораблик флоту, меня придется связать. Я влюблена.

— Отличная лодочка, — с улыбкой согласился Холден. — Вооружение не смотрели?

— Две «трубы» и двадцать дальнобойных торпед с плазменными боеголовками, — ответила Наоми. — Во всяком случае, так значится в описании. Их заряжают снаружи, а мне неохота выбираться на корпус для проверки.

— Оружейная панель подтверждает, кэп, — вставил Алекс. — И орудия точечной обороны заряжены полностью. Если, понимаешь, не считать…

«Если не считать того, что ты выпалил в убийц Гомеса».

— И еще, капитан, когда мы укладывали Келли в грузовом отсеке, я нашла большой ящик с

шифром на боку. Если верить описанию, в нем «мобильный боевой набор». Думаю, на флотском жаргоне так называются комплекты оружия, — сказала Наоми.

— Точно, — подтвердил Алекс, — полное вооружение на восемь десантников.

— Отлично, — заключил Холден. — Итак, у нас эпштейн флотского качества — значит, без ног не останемся. А если вы, ребятки, не ошиблись насчет оружия, у нас и зубы есть. Следующий вопрос — что со всем этим делать. Я склонен принять предложенное полковником Джонсоном убежище. Ваше мнение?

— Я целиком за, капитан, — сказал Амос. — Всегда считал, что астерам достаются одни объедки. Думаю, я не прочь побыть революционером.

— Бремя землян,[22] Амос? — усмехнулась Наоми.

— Это ты о чем?

— Ничего, просто дразнюсь, — отмахнулась она. — Я-то знаю, что ты с нами заодно только потому, что заришься на наших женщин.

Амос ухмыльнулся в ответ и подхватил шутку:

— Ну, у ваших дам ноги и впрямь растут от

---

[22] Примечания: 22
Наоми намекает на стихотворение Киплинга «Бремя белых»

ушей!

— Ладно, хватит. — Холден поднял руку. — Так, два голоса за Фреда. Кто еще?

— Я голосую за Фреда, — подняла руку и Наоми.

— Алекс? Что ты думаешь? — спросил Холден. Пилот с Марса откинулся на стуле и поскреб в затылке.

— Мне податься некуда, так что буду держаться вас, ребята, — сказал он. — Только надеюсь, там нами не станут распоряжаться, как им вздумается.

— Не станут, — ответил Холден. — У меня теперь вооруженный корабль, и в следующий раз, когда кто-то вздумает отдавать мне приказы, я применю оружие.

После обеда Холден неторопливо обошел корабль. Он открывал все двери, заглядывал во все шкафы, включал каждую панель и читал показания всех табло. Он постоял в машинном зале рядом с топливным реактором и, прикрыв глаза, дал себе привыкнуть к едва ощутимой вибрации двигателя. Если что-то пойдет не так, он хотел почувствовать это костями, прежде чем прозвучит сигнал тревоги. Он задержался и перебрал все инструменты в отлично оборудованной мастерской,

забрался на жилую палубу и бродил по каютам, пока не нашел себе пристанище по вкусу. Там он разворошил постель, показывая, что место занято. Он подыскал спортивный костюм более или менее по своему росту и перенес его в шкаф своей новой каюты. Затем еще раз принял душ, дав горячей воде размассировать измученные мышцы спины. И снова побрел в каюту, поводил пальцами по стенам, ощущая мягкую податливость огнеупорной пены и пружины под ней, изолирующие броневые переборки. Алекс и Амос уже устраивались в собственных каютах.

— Которую каюту выбрала Наоми? — спросил Холден.

Амос пожал плечами.

— Она еще в рубке, играется с чем-то.

Холден решил повременить со сном и на килевом трап-лифте — у нас и лифт есть! — отправился на командный пост. Наоми сидела на полу перед снятой с переборки панелью, открывшей сложный узор мелких деталей и проводов. Ее взгляд был устремлен на что-то в стенной нише.

— Эй, Наоми, ты бы поспала малость. С чем ты там возишься?

Она махнула на открытую нишу.

— Передатчик.

Холден подсел на пол рядом с ней.

— Скажи, чем я могу помочь.

Она сунула ему на колени ручной терминал: на экране горели инструкции Фреда по смене опознавательных сигналов.

— У меня все готово. Я настроила консоль связи точно как здесь сказано. И поставила компьютерную программу как здесь описано. Можно вводить новый код и регистрационные данные. Я заменила название. Его Фред выбирал?

— Нет, это я.

— А, тогда ладно. Только… — Голос ее сорвался, и она снова уставилась в глубину передатчика.

— В чем дело? — спросил Холден.

— Джим, эти штуковины устроены так, чтобы в них не лазали. Гражданский вариант сплавляется в кусок силикона, если считает, что кто-то пытается его перенастроить. Как знать, какая защита предусмотрена у военных? Сбросит магнитную бутылку в реактор? Превратит нас в сверхновую? — Наоми посмотрела на него. — Я все ввела и подготовила, но теперь боюсь повернуть выключатель. Мы же не знаем, что будет в случае неудачи.

Холден встал с пола и подошел к компьютерной панели. Программа, названная Наоми «Транс 01»,

ждала запуска. Он помедлил секунду и нажал кнопку «Выполнить». Корабль не испарился.

— Похоже, что Фреду мы все-таки нужны живыми, — сказал он.

Наоми обмякла, шумно выдохнув.

— Понимаешь теперь, почему мне нельзя командовать, — проговорила она.

— Не любишь принимать решения при недостатке информации?

— Я бы сказала, мне не хватает самоубийственной безответственности, — усмехнулась она и принялась неторопливо устанавливать на место крышку передатчика.

Холден нажал кнопку оповещения на стене.

— Ну, команда, добро пожаловать на борт газового танкера «Росинант».

— Что, вообще говоря, значит это имя? — спросила Наоми, когда он отпустил кнопку.

— Значит, что мы отправляемся на поиски ветряных мельниц, — бросил через плечо Холден, направляясь к лифту.

Инженерно-производственный концерн «Тихо» был одной из крупнейших корпораций, обосновавшихся в Поясе. В первый период экспансии инженеры «Тихо» и их флот изловили маленькую комету и перевели ее на стабильную

орбиту, создав запас воды за десятилетия до того, как корабли вроде «Кентербери» начали доставлять лед из неисчерпаемых запасов в кольцах Сатурна. На тот момент это было сложнейшее в истории человечества предприятие по перемещению больших масс, но они не замедлили побить собственный рекорд.

Именно «Тихо» встроил в скалы Цереры и Эроса мощные реакторные двигатели и потратил десять лет, обучая астероиды вращаться. Их же привлекали к созданию сети городов в верхних слоях атмосферы Венеры, пока запутанные лабиринты судебных тяжб, тянувшихся уже восьмое десятилетие, не приостановили строительство. Обсуждались проекты космических лифтов для Земли и Марса, но до дела пока не дошло. Если у кого-то в Поясе возникала неразрешимая техническая задача и были деньги на оплату, он обращался в «Тихо».

Станция Тихо, штаб-квартира компании в Поясе, представляла собой массивное кольцо вокруг сферы полкилометра в поперечнике, заключавшей в себе миллионы кубометров производственных и складских помещений. В двух жилых кольцах, раскрученных навстречу друг другу, помещались пятнадцать тысяч рабочих

с семьями. Верхушку заводской сферы венчал фестон мощных манипуляторов с удаленным управлением, способных разорвать пополам тяжелый грузовоз. Снизу в пятидесятиметровой блямбе скрывался первоклассный корабельный двигатель, превращавший Тихо в самую большую передвижную строительную площадку в Солнечной системе. Каждое помещение в кольцах было подвешено на подвижных креплениях, позволявших переориентировать его согласно тяге ускорения, когда кольца прекращали вращение и станция перелетала на новое место.

Все это Холден знал, и все же при первом взгляде на станцию у него захватило дух. Дело было не только в размере. Потрясала сама мысль, что четыре поколения лучших умов Солнечной системы жили и работали здесь, помогая человечеству перебираться к внешним планетам чуть ли не одной силой воли.

— Похожа на здоровую букаху, — сказал Амос.

Холден хотел было возразить, но станция и в самом деле напоминала гигантского паука: жирное округлое тело и ноги, торчащие вокруг головы.

— Что там станция, вы на это чудище взгляните, — вмешался Алекс.

В сравнении со строящимся кораблем стан-

ция представлялась карликом. Данные ладара показывали, что гигантская конструкция имеет более двух километров в длину и полкилометра в ширину. Круглый обрубленный корпус походил на окурок стальной сигареты. Под строительными лесами виднелись внутренние помещения и механизмы на разных стадиях сборки, но двигатели, кажется, были закончены, и нос корабля полностью покрыт обшивкой. На нем жирными белыми буквами стояло название: «Наву».[23]

— Так что, мормоны собрались на этой штуковине к самой Тау Кита? — спросил Амос и протяжно свистнул. — Крутые ублюдки. Неизвестно еще, будет ли на том конце столетнего пути какая-нибудь планета.

— Кажется, они в этом вполне уверены, — ответил Холден. — Дураки не собрали бы денег на строительство такого корабля. Лично я желаю им удачи.

— Они отправляются к звездам, — сказала Наоми. — Как тут не позавидовать?

— Их правнуки, может, и доберутся до *одной* звезды, если не помрут с голоду, крутясь вокруг голого камня, непригодного для жизни, — помор-

---

[23] Примечания: 23

Название городка в штате Иллинойс, США, — духовной столицы мормонской церкви.

щился Амос. — Давайте без преувеличений.

Он указал пальцем на впечатляющих размеров передающую антенну на борту «Наву».

— С кем поспорить, что луч нам в анус направляли из этой штуки?

Алекс кивнул.

— Тот, кто хочет посылать домой письма за пару световых лет, вынужден основательно фокусировать луч. Им, пожалуй, пришлось приглушить мощность, чтобы не продырявить нас передачей.

Холден встал с амортизатора второго пилота и пролетел мимо Амоса.

— Алекс, запроси посадку.

Посадка оказалась на удивление простой. Управление станции направило их к причалу на боку сферы и вело, пока Алекс не протянул стыковочную трубу к двери шлюза. Никто словно не заметил, что для танкера у них многовато оружия и не видно баков для сжатого газа. Оператор помог им причалить и пожелал хорошего дня.

Холден надел скафандр и быстро смотался до грузового отсека, после чего вернулся к остальным, собравшимся у внутреннего шлюзового люка «Росинанта», с большим мешком.

— Надевайте скафандры, отныне для нашей

команды это стандартная процедура при переходе на новое место, — сказал он, вытаскивая из мешка пистолеты и обоймы к ним. — Уберите по карманам или в рюкзаки, если хотите, но свой я прятать не буду.

Наоми нахмурилась.

— Выглядит… немножко вызывающе, нет?

— Мне надоело терпеть пинки, — ответил Холден. — «Роси» — хорошее начало независимости, и я прихвачу кусочек его с собой. Можете считать, вроде амулета на счастье.

— Охренеть! — восхитился Амос, пристегивая пистолет к поясу. Алекс засунул свой в карман скафандра. Наоми сморщила нос и отмахнулась от последнего пистолета. Холден вернул его в мешок, провел команду «Росинанта» в шлюз и включил разгерметизацию.

Пожилой темнокожий человек крепкого сложения ждал их по ту сторону люка. Он встретил вошедших улыбкой.

— Добро пожаловать на Тихо, — сказал палач станции Андерсон. — Зовите меня Фред.

Глава 18
Миллер

Гибель «Доннаджера» ударила по Церере, как молот ударяет в гонг. Все передачи оказались забиты телескопическими съемками сражения — большая часть их, если не все, были фальшивками. Разговоры астеров крутились вокруг предположений о тайном флоте АВП. Шесть кораблей, управившихся с марсианским флагманом, провозгласили героями и мучениками. Даже в самых спокойных районах появлялись лозунги вроде «Сделали раз, сделаем еще раз!» или «Время разбрасывать камни».

«Кентербери» унес с собой спокойствие Пояса, но «Доннаджер» совершил кое-что похуже. Астерам нежданно-негаданно досталась решительная победа. Все представлялось возможным, и надежды манили.

Миллера это напугало бы сильней, будь он трезв.

Будильник у него гудел уже десять минут. Вслушиваясь в назойливый звон, он начинал различать в нем обертоны. Постоянно повыша-

ющаяся нота, под ней глуховатый пульс и даже мягкая мелодия, прячущаяся под пронзительным визгом. Иллюзия. Слуховые галлюцинации. Голос вихря.

Оставшаяся с ночи бутылка эрзац-бурбона из грибковой массы стояла на столике у кровати рядом с предусмотрительно поставленным там же графином с водой. На дне еще осталось на два пальца спиртного. Миллер рассматривал коричневатую жидкость, представляя ее вкус на языке.

«Чем хороша потеря иллюзий, — думал он, — так это тем, что можно больше не притворяться». Сколько лет он говорил себе, что его уважают, что он хорошо знает свое дело, что все жертвы были не зря, — и все это распалось, оставив чистое, незамутненное понимание, что он — алкоголик, отказавшийся от всего хорошего в жизни ради возможности забыться. Шаддид считала его шутом. Мусс видела в нем расплату за отказ спать с человеком, который ей не нравился. Если кто еще сохранил к нему малость уважения, так только Хэвлок — землянин. В некотором роде это умиротворяло. Можно перестать усердствовать и создавать видимость. Если он останется в постели, слушая гудок будильника, то только подтвердит их мнение о себе. Нечего стыдиться.

А все-таки работу надо было делать. Он дотянулся и отключил будильник. В последнем звонке ему послышался женский голос, тихий, но настойчивый. Миллер не понял, что он произнес. Впрочем, поскольку голос существовал только у него в голове, она, наверно, еще повторит это позже.

Он вывалился из постели, заглотил несколько таблеток обезболивающего и восполняющего потерю жидкости, проковылял в душ и сжег полуторасуточный паек горячей воды, просто стоя под струями и глядя, как розовеют колени. Он оделся в последний чистый костюм. На завтрак у него была плитка прессованных дрожжей и виноградный подсластитель. Бурбон со столика он запихнул в утилизатор, не допив, — просто доказывая себе, что еще может.

Мусс ждала его у стола. Она подняла взгляд, когда он подошел.

— Все жду результатов экспертизы по изнасилованию на восемнадцатом, — сказала она. — Обещали сделать к обеду.

— Посмотрим, — отозвался Миллер.

— Кажется, я заполучила свидетельницу. С девушкой тем вечером была подружка. В показаниях утверждается, что она ушла прежде, чем

это случилось, но камера наблюдения ей противоречит.

— Хочешь, чтобы я провел допрос? — спросил Миллер.

— Пока не надо. Но если понадобится устроить театр, я тебя позову.

— Вот и хорошо.

Миллер не стал смотреть ей вслед. Он долго пялился в пустоту, потом загрузил данные с диска, просмотрел, что еще надо сделать, и принялся наводить порядок на столе.

В голове у него миллионы раз прокручивалась неторопливая унизительная беседа с Шаддид и Доузом. «Холден у нас, — говорил Доуз. — А вы не смогли даже выяснить, куда девалось ваше снаряжение». Миллер ощупывал его слова языком, как дыру на месте вырванного зуба. В них слышалась правда. Снова и снова.

И все же это могло оказаться враньем. Они способны были состряпать эту историю, чтобы внушить ему, будто он бессилен. Как-никак, не существует доказательств, что Холден и его команда выжили. Какие могут быть доказательства? «Доннаджер» пропал вместе со своими бортовыми журналами. Чтобы выбраться с него, требовалось судно. Спасательная шлюпка или

один из кораблей марсианского конвоя. Невероятно, чтобы такой корабль ушел и об этом до сих пор не трубили все новости и пиратские станции. Такое не утаишь.

Вообще-то, утаить можно. Хотя и непросто. Он прищурился в пустоту. Ну-ка? *Как* спрятать выживший корабль?

Миллер вытащил дешевую навигационную программу, купленную пять лет назад — чтобы прослеживать транзиты в деле о контрабанде, — и ввел дату и место гибели «Доннаджера». Без эпштейновского двигателя они бы еще болтались там, и марсианский флот их либо подобрал бы, либо превратил в облачко фоновой радиации. Значит, если Доуз не всучил ему обманку, они шли на эпштейновской тяге. Миллер провел пару коротких расчетов. На хорошем движке до Цереры можно было добраться меньше чем за месяц. С запасом возьмем три недели.

Он десять минут просматривал данные, не зная, что делать дальше, потом отошел, налил себе кофе и просмотрел запись допроса астера из причальной команды. В мертвенно-бледном вытянутом лице сквозила жестокость. Рекордер работал плохо, и картинка все время дергалась. Мусс спросила, что он видел, и Миллер накло-

нился к экрану, читая титры расшифровки. Через полминуты прозвучало слово «шлюха», но программа расшифровала его как «шлюпка». Миллер поправил запись, но в голове у него что-то провернулось.

На Цереру каждый день приходит, скажем, семьсот-восемьсот кораблей. Пусть будет тысяча. Отсчитаем надежности ради плюс-минус два дня от трехнедельного срока — всего четыре тысячи. Конечно, заноза в заднице, но справиться можно. Ганимед — тоже морока. С тамошним сельским хозяйством они ежедневно принимают сотни транспортов. Ну, работы меньше чем вдвое. Эрос. Тихо. Паллада. Сколько кораблей в день принимает Паллада?

Он пропустил мимо ушей почти две минуты записи. Прогнал обратно, заставил себя внимательно слушать, но через полчаса сдался.

Десяток самых активных портов в течение двух дней туда-сюда от срока, когда к ним мог добраться от места гибели «Доннаджера» корабль на эпштейновской тяге, в общей сложности давали около двадцати восьми тысяч рапортов. Можно было сократить работу до семнадцати тысяч, исключив станции и порты, занятые марсианскими военными, а также исследовательские

станции, где работали в большинстве люди с внутренних планет. Ну и сколько времени уйдет, чтобы вручную перебрать все журналы портов, если на секунду допустить, что у него хватит глупости за это взяться? Скажем, сто восемнадцать дней — без перерывов на еду и сон. Если просто работать по десять часов в день, ничем больше не занимаясь, он справится меньше чем за год. Немного меньше.

Хотя нет. Были еще способы сократить работу. Ему придется просматривать только эпштейновские корабли. А в любом порту больше местных. Старатели и разносчики на реактивной тяге. Для дальних рейсов экономичнее использовать суда побольше, но в меньшем количестве. Значит, срежем самое малое три четверти и возвращаемся к изначальным четырем тысячам. Все равно на сотни часов работы, но можно подобрать и другие фильтры, чтобы отсеивать только самых подозрительных.

Например, если корабль не мог заполнить полетный план раньше гибели «Доннаджера».

Форма запроса на портовые журналы была устаревшей, неудобной, и несколько различалась для Эроса, Ганимеда, Паллады и прочих. Миллеру приходилось заполнять ее семь раз, для семи

разных дел, в том числе по зависшему на месяц расследованию, в котором он числился всего лишь консультантом. Сводки были открыты для всех, так что ему не придется ссылаться на статус детектива, чтобы получить доступ. Оставалось надеяться, что, наблюдая за ним, Шаддид не снизошла до отслеживания запросов в открытые публичные базы. А если и снизошла, он, возможно, получит ответ раньше, чем попадется.

Никогда не узнаешь, повезет тебе или нет, если не попробуешь. К тому же он не слишком много терял.

Когда на его терминале открылась связь с лабораторией, Миллер чуть не подскочил. Техником оказалась седовласая женщина с неестественно моложавым лицом.

— Миллер? Мусс с вами?

— Нет, — ответил Миллер. — Проводит допрос.

Он был почти уверен, что она собиралась на допрос. Техник развела руками.

— Ну, ее система не отвечает. Я хотела сказать, что мы закончили экспертизу по вашему изнасилованию. Ее дружок ни при чем. Это сделал ее босс.

Миллер кивнул.

— Запрашиваем ордер?

— Да, — сказала она, — я уже получила файл.

Миллер вызвал его на экран: «„Звездная Спираль“ от имени станции Церера уполномочивает задержать Иммануэля Корвуса Доуда по обвинению в нарушении безопасности. 494231». Цифровая подпись судьи светилась зеленым. Миллер почувствовал, что губы у него расплываются в улыбке.

— Спасибо, — сказал он.

На выходе со станции кто-то спросил его, куда он собрался. Он ответил — обедать.

Бухгалтерская фирма Аррана держала контору в приятном районе административных зданий седьмого сектора. Миллера сюда заносило редко, но его ордер действовал на всей территории станции. Он подошел к секретарше на проходной — миловидной астерской девушке с россыпью звезд, вышитых на жилете, — и объяснил, что ему нужно видеть Иммануэля Корвуса Доуда. Темно-коричневая кожа секретарши приобрела пепельный оттенок. Миллер отошел, не перегораживая вход, но держась рядом.

Через двадцать минут пожилой мужчина в хорошем костюме вошел в переднюю дверь, остановился перед Миллером и оглядел его с головы до ног.

— Детектив Миллер? — спросил он.

— Вы, должно быть, адвокат Доуда, — весело отозвался Миллер.

— Именно, и я бы хотел…

— Действительно, — сказал Миллер, — давайте разберемся, не откладывая.

В кабинете оказалось чисто и просторно, бледно-голубые стены светились изнутри. Доуд сидел за столом. Он был достаточно молод, чтобы сохранять надменный вид, но достаточно стар, чтобы перепугаться. Миллер кивнул ему.

— Вы Иммануэль Корвус Доуд?

— Прежде чем вы продолжите, детектив… — вмешался адвокат. — Мой клиент занят переговорами на очень высоком уровне. Его база хранит данные на весьма важных людей, занятых военными действиями. Прежде чем вы предъявите обвинение, уведомляю вас, что стану наблюдать за всеми вашими действиями, и, если будет допущена ошибка, вы понесете ответственность.

— Мистер Доуд, — заговорил Миллер, — то, что я собираюсь сделать, — единственный светлый луч за весь день. Если вы сочтете нужным сопротивляться аресту, я это высоко оценю.

— Гарри? — Доуд оглянулся на адвоката. Голос его чуть срывался.

Адвокат покачал головой.

Вернувшись в полицейский кар, Миллер позволил себе не спешить. Доуд, сидевший в наручниках на заднем сиденье, на виду у прохожих, молчал. Миллер достал терминал, ввел время ареста, возражения адвоката и еще несколько мелких замечаний. Молодая женщина в форменном платье из кремового полотна задержалась у дверей конторы. Миллер ее не узнал: она не была замешана в деле по изнасилованию, а если и была, он с ней не работал. На ее лице застыло бесстрастное спокойствие боксера. Она повернулась и вытянула шею, разглядывая стыдливо прятавшего взгляд Доуда. Женщина перевела взгляд на Миллера и коротко кивнула: «Благодарю».

Он кивнул в ответ: «Просто делаю свое дело».

Она скрылась за дверью.

Через два часа Миллер закончил оформление ареста и отослал Доуда в камеру.

Через три с половиной часа к нему поступили первые сводки портовых журналов.

Через пять часов власть на Церере рухнула.

Станция, набитая битком, молчала. Детективы и младшие следователи, патрульные и конторские работники, высокие и низкие чины собрались перед Шаддид. Она стояла на возвы-

шении, волосы были туго стянуты на затылке. В форме «Звездной Спирали», но уже без значков. Голос ее дрожал.

— Вы все уже слышали, но с этого момента все официально. Организация Объединенных Наций, отвечая на требования Марса, отказывается от управления и… защиты станции Церера. Это мирная сдача. Это не захват. Повторяю еще раз — не захват. Земля уходит сама, мы ее не выталкивали.

— Фигня, сэр! — выкрикнул кто-то.

Шаддид подняла руку.

— Кругом много болтают, — сказала она. — От вас я этого слышать не желаю. В начале следующей смены губернатор сделает официальное заявление, и тогда мы узнаем подробности. Пока нет других сведений, мы связаны контрактом со «Звездной Спиралью». Временное правительство будет сформировано из представителей местного бизнеса и профсоюзов. Мы по-прежнему представляем на Церере закон, и я ожидаю от вас соответствующего поведения. Все являются сюда к началу своих смен. Не опаздывать. Действуйте профессионально и в пределах стандартных установок.

Миллер оглянулся на Мусс. Волосы напарницы

были примяты подушкой. Для них обоих все случилось в полночь.

— Есть вопросы? — Тон Шаддид намекал, что вопросов быть не должно.

«Кто заплатит „Звездной Спирали“? — думал Миллер. — Какие законы нам исполнять? Почему Земля сочла разумным шагом отказ от крупнейшего порта Пояса? И кто теперь будет вести за нас мирные переговоры?»

Мусс, встретив взгляд Миллера, улыбнулась.

— Похоже, мы в жопе, — сказал Миллер.

— Следовало ожидать, — согласилась Мусс. — Я пошла. Надо кое-куда заглянуть.

— К ядру?

Мусс не ответила, но ответа и не требовалось. На Церере не было закона. Была полиция. Миллер вернулся в свою нору. Станция гудела, камень под ним вибрировал, передавая толчки бессчетных причаливающих кораблей, дрожь реакторов, труб, утилизаторов и пневматики. Камень был живым, хотя мелкие приметы его жизни ускользали от внимания. Шесть миллионов человек жили здесь, дышали этим воздухом. Меньше, чем в среднем городе Земли. Миллер задумался, не спишут ли их в расход.

Неужели все зашло так далеко, что внутренние

планеты готовы отказаться от больших станций? Похоже на то, коль скоро Земля бросает Цереру. АВП придется занять место Земли, хотят они того или не хотят. Слишком велик вакуум власти. Тогда Марс объявит, что станция захвачена АВП. Тогда… Что тогда? Высадятся и установят здесь законы Марса? Хорошо, если так. Превратят в пыль атомными зарядами? В это ему верить не хотелось. Слишком дорого обойдется. Одни портовые пошлины способны поддерживать экономику малой нации. И Шаддид с Доузом — как ни противно признать — были правы. Контракт Цереры с Землей — их главная надежда выторговать мир.

Кто же на Земле не хочет мира? Кто-то достаточно могущественный, чтобы подтолкнуть к действию бюрократический айсберг ООН.

— Чего я ищу, Джули? — спросил он у пустоты. — Что такого ты там увидела, за что Марс и Пояс готовы убить друг друга?

Станция гудела про себя, ее ровный шум был слишком тих, чтобы расслышать в нем голоса.

Наутро Мусс не вышла на работу, но в ее системе висело сообщение, предупреждавшее, что она задержится. «Занимаюсь уборкой», — объясняла она.

На вид ничего не изменилось. Те же люди на тех же местах делали ту же работу. Нет, не так. Все были возбуждены. Люди улыбались, смеялись, дурачились. Под кисейной маской обыденности пряталась безумная, жестокая паника. Маска не могла продержаться долго.

Только копы отделяли Цереру от анархии. Они представляли закон, и между жизнью и безумцем, готовым открыть все шлюзы или отравить систему воздуховодов, стояли каких-нибудь тридцать тысяч человек. Таких, как он. Возможно, ему следовало ликовать, подобно остальным, ощущая свою необходимость. Но Миллер чувствовал только усталость.

Шаддид решительно подошла к нему и постучала по плечу. Вздохнув, он встал и проследовал за ней. В кабинете опять сидел Доуз, измученный и невыспавшийся. Миллер кивнул ему. Шаддид скрестила руки, ее взгляд был более мягким и не столь обвиняющим, как обычно.

— Мне трудно это сказать, — начала она. — Нас ждут времена, каких мы еще не знали. Мне нужна команда, которой я могла бы доверить жизнь в чрезвычайных обстоятельствах. Вы меня понимаете?

— Угу, — кивнул он, — понял. Я брошу пить,

подтянусь.

— Миллер. В душе вы неплохой человек. Когда-то вы были очень неплохим копом. Но я вам не доверяю, а начинать сначала нет времени, — с удивительной мягкостью проговорила Шаддид. — Вы уволены.

Глава 19
Холден

Фред стоял один, протянув им навстречу ладони, с теплой открытой улыбкой на лице. За ним не было охраны с наведенными винтовками. Холден пожал Фреду руку и вдруг рассмеялся. Фред недоуменно улыбнулся, но руку не высвободил, ожидая, что Холден объяснит шутку.

— Простите, но вы просто не представляете, как это приятно, — выговорил тот наконец. — Это *буквально* первый раз за месяц с лишним, когда я выхожу с корабля и он не взрывается у меня за спиной.

Теперь Фред засмеялся вместе с ним — хорошим смехом, зарождавшимся где-то в животе.

Через минуту он сказал:

— Здесь вы в полной безопасности. Это самая надежная станция на внешних планетах.

— Потому что вы — АВП? — спросил Холден.

Фред покачал головой.

— Нет. Мы вкладываем в предвыборные кампании политиков Земли и Марса столько, что перед нами бледнеет сам Хилтон, — сказал он. — Если

нас кто-нибудь взорвет, половина Ассамблеи ООН и весь Марсианский Конгресс взвоют, требуя крови. Такова политика. Враги часто оказываются союзниками. И наоборот.

Фред жестом пригласил их к выходу и повел к лифту. Переезд оказался коротким, но на полпути появилась сила тяжести, и Холдена качнуло.

Фред смутился:

— Простите, надо было вас предупредить. В центральном шаре у нас невесомость. Переход к вращающимся кольцам может по первому разу вызвать головокружение.

— Все в порядке, — сказал Холден. Мелькнувшая на лице Наоми улыбка могла ему просто померещиться.

Очень скоро двери лифта открылись в широкий, устеленный ковром коридор с бледно-зелеными стенами. В нем стоял бодрящий запах очищенного воздуха и свежего коврового клея. Холден не удивился бы, узнав, что дыхательную смесь здесь ароматизируют запахом «новой станции». Дверь в коридор имитировала дерево, которое отличалось от настоящего только тем, что на настоящее ни у кого не хватило бы денег. Холден не сомневался, что из всей команды он один рос в доме с настоящей деревянной мебелью

и дверями. Амос вырос в Балтиморе, там больше века не видели живых деревьев.

Холден стянул шлем и повернулся к команде, чтобы предложить последовать его примеру, но все они уже сняли свои. Амос, оглядев коридор, присвистнул.

— Славная норка, Фред.

— Пойдемте, я вас устрою, — ответил Фред, увлекая их дальше по коридору. На ходу он рассказывал: — Станция Тихо, как вы догадываетесь, за последнее столетие претерпела много перестроек, но основа сохранилась. Она с самого начала конструировалась как жемчужина архитектуры: Мальтус Тихо был гениальный инженер. Теперь компанией руководит его внук, Бредон. Его сейчас нет на станции. Он в колодце, на Луне, ведет серьезные переговоры.

Их обогнала компания людей в разноцветных спортивных костюмах. Они оживленно болтали. Коридор был настолько широк, что никому не пришлось уступать дорогу. Фред кивнул на них.

— Кончается смена, сейчас начнется час пик, — сказал он. — Пора нам подыскивать новую работу. «Наву» почти готов. Через шесть месяцев примет на борт колонистов. Всегда лучше заранее подбирать новый проект. Тихо тратит на жизнь

одиннадцать миллионов долларов ООН в день, независимо от того, зарабатываем ли мы деньги. Чтобы ее прокормить, приходится стараться. А война… ну, мы надеемся, что это временно.

— А теперь вы принимаете беженцев, — заметил Холден. — Не дорого ли обойдется?

Фред только рассмеялся в ответ:

— Ваша четверка не скоро доведет нас до сумы.

Холден остановился так резко, что идущие сзади едва не налетели на него. Фред прошел еще несколько шагов, прежде чем заметил это и недоуменно оглянулся.

— Что-то вы виляете, — сказал Холден. — У нас, кроме краденого марсианского корабля на пару миллиардов долларов, нет ничего ценного. Все считают нас покойниками. Попытка дотянуться до наших счетов тут же развеет это заблуждение, а в моем мире богатые дядюшки не бросаются на помощь исключительно по доброте душевной. Так что или вы объясните, почему рискнули связаться с нами, или мы вернемся на свой корабль и попытаем счастья в пиратстве.

— Нас станут называть грозой марсианского торгового флота, — проворчал у него за спиной Амос. Судя по голосу, механик был доволен.

Фред поднял руку. В его жестком взгляде скво-

зило веселое уважение.

— Честное слово, никаких задних мыслей, — сказал он. — Вы вооружены, и служба безопасности станции позволит вам всегда иметь при себе оружие. Одно это должно было вас уверить, что мы ведем честную игру. Но позвольте вас устроить, а потом уже поговорим, ладно?

Холден не двинулся с места. Еще одна компания возвращающихся с работы с любопытством оглядела эту сценку. Кто-то, обходя их, окликнул:

— Все нормально, Фред?

Тот кивнул и нетерпеливо махнул им, чтоб проходили.

— Давайте хоть уйдем из коридора.

— Мы не станем распаковываться, пока не получим ответов, — сказал Холден.

— Договорились. Мы почти пришли. — Фред ускорил шаг. Он остановился у небольшой ниши в стене коридора, в которой скрывались две двери. Открыв одну карточкой, он ввел четверку в просторные жилые покои с большой гостиной и множеством сидячих мест.

— Ванная за той дверью слева. Спальня направо. Вот там даже маленькая кухня имеется, — говорил он, показывая расположение комнат.

Холден опустился на большую кушетку из

кожзаменителя и откинулся на спинку. В подлокотник был встроен пульт управления. Вероятно, он включал впечатляющих размеров экран, занимающий большую часть стены напротив. Амос и Наоми выбрали кресла с обивкой в тон кушетке, а Алекс устроился на диванчике приятно контрастирующего кремового оттенка.

— Удобно? — спросил Фред, выдвигая стул от шестиместного обеденного стола и усаживаясь напротив Холдена.

— Нормально, — напряженно отозвался Холден. — На моем корабле отличная кофеварка.

— Надо полагать, всучить вам взятку не удастся. И все же вам теперь удобно? Мы отвели вам два соседних номера, оба примерно одинакового устройства, только во втором две спальни. Я не знал, как вы… располагаетесь на ночь… — Фред неловко сбился.

— Не беспокойся, босс, я поделюсь своей койкой, — подмигнул Наоми Амос.

Она слабо улыбнулась в ответ и заговорила:

— Ладно, Фред, с улицы мы ушли. Теперь ответьте на вопросы капитана.

Фред, кивнув, встал и прочистил горло. Он словно вглядывался во что-то перед собой. Когда он заговорил, маска легкомыслия сползла с его лица.

В голосе чувствовалась угрюмая властность.

— Война между Марсом и Поясом — самоубийство. Даже вооружив каждый прыгун астеров, мы не могли бы равняться с марсианским флотом. Может, нам удалось бы уничтожить несколько кораблей хитростью или таранами. Возможно, Марс сочтет нужным взорвать одну из станций, чтобы настоять на своем. А мы можем прицепить химические ракеты к сотне-другой камешков величиной с койку и обрушить Армагеддон на марсианские купола.

Фред помолчал, будто вглядываясь в свои слова, и опустился на стул.

— Все, кто бьет в барабаны войны, об этом забывают. Живущий не на космическом корабле по определению уязвим. Тихо, Эрос, Паллада, Церера — ни одна станция не способна уклониться от ядерного удара. А все граждане вражеской стороны обитают на дне большого гравитационного колодца, так что нам даже особо целиться не пришлось бы. Эйнштейн говорил верно. Следующая мировая война будет вестись каменными дубинами. Только камни Пояса могут превратить поверхность Марса в море лавы. Пока что все соблюдают правила приличия и стреляют только по кораблям. Джентльменская война. Но

рано или поздно та или иная сторона решится на отчаянный шаг.

Холден склонился вперед, гладкая поверхность его скафандра с неприличным звуком скрипнула по шершавому кожзаменителю. Никто не засмеялся.

— Согласен. Но при чем тут мы? — спросил он.

— Уже сейчас пролито слишком много крови.

«Шед…»

Холден побледнел от тупого, непреднамеренного удара, но промолчал.

— «Кентербери», — продолжал Фред. — «Донаджер». Люди не забудут эти корабли и тысячи невинных жертв.

— Похоже, вы уже вычеркнули две возможности, начальник, — вставил Алекс. — Ни войны, ни мира.

— Существует третий вариант. В цивилизованном обществе есть другой способ решать подобные проблемы, — сказал Фред. — Суд над преступниками.

Амос оглушительно фыркнул. Холдену тоже стоило труда сдержать усмешку.

— Вы что, твою мать, серьезно? — спросил Амос. — И как вы собираетесь представить на суд чертовы корабли-невидимки? Будем опрашивать

весь марсианский флот и проверять алиби?

Фред поднял ладонь.

— Выкиньте из головы мысль, что «Кентербери» погиб в результате военных действий, — сказал он. — Это было преступление. Пока все перевозбуждены, но когда осознают положение дел, горячие головы поостынут. Люди по обе стороны увидят, куда ведет эта дорога, и станут искать другую. Тогда возникнет окно, которое позволит более здравым гражданам расследовать те события, поспорить о юрисдикции и начать суд над той группой или группами, которые обе стороны сочтут виновными. Суд — единственный выход, который не повлечет миллионы смертей и коллапс человеческой цивилизации.

Холден пожал плечами — его движение почти потерялось под скафандром.

— Ну, пусть будет суд. Но вы еще не ответили на мой вопрос.

Фред указал на Холдена, затем на каждого из членов его команды.

— Вы — задница, затыкающая пробоину. Вы четверо — единственные свидетели гибели обоих кораблей. Когда начнется суд, я хочу иметь вас в своем распоряжении. Моего влияния и сейчас хватает, чтоб установить контакты с политиками,

но вы купите мне место за столом переговоров. Между Поясом и внутренними планетами будут заключаться совершенно новые договоры. За несколько месяцев мы сможем добиться того, о чем я мечтал десятилетиями.

— И вы хотите использовать таких ценных свидетелей, как мы, чтобы вмешаться в процесс и обернуть эти договоры по своему вкусу? — заключил Холден.

— Да. И потому готов предоставить вам защиту и убежище на моей станции, насколько будет нужно.

Холден прерывисто вздохнул и принялся расстегивать молнию костюма.

— Вот и хорошо. Тут достаточно личных мотивов, чтобы я мог поверить, — сказал он. — Давайте устраиваться.

Наоми пела караоке. При мысли об этом у Холдена кружилась голова. Наоми. Караоке. Наоми на сцене с микрофоном в одной руке и каким-то фуксиновым мартини в другой, выкрикивающая сердитую астерскую рэп-анафему плесени в фильтрах, — даже если вспоминать все, случившееся за последний месяц, она казалась самым удивительным зрелищем, какое ему приходилось видеть. Она закончила под редкие аплодисменты

и несколько свистков, пошатываясь, спустилась со сцены и шлепнулась за столик напротив него.

Подняла выпивку, расплескав добрую половину по столу, и залпом выхлестала остатки.

— Что скажешь? — спросила Наоми, махнув бармену, чтобы налил по новой.

— Ужасно.

— Нет, правда?

— Правда, самое ужасное исполнение одной из ужаснейших песен, какие мне приходилось слышать.

Наоми покачала головой и устало дохнула на него малиновым ароматом. Темные волосы упали ей на лицо и, когда бармен подал новый яркий мартини, помешали выпить. Она собрала их в кулак и пучком держала над головой, пока пила.

— Ничего ты не понял, — сказала она. — Это и должно ужасать. Так задумано.

— Тогда это было лучшее исполнение, какое я слышал, — поправился Холден.

— Вот, другое дело. — Наоми оглядела бар. — Где Амос с Алексом?

— Амос выбрал себе самую дорогую на вид девицу. Алекс в задней комнате играет в дартс. Он заявил, что марсиане всегда обыграют астеров. Полагаю, его убьют и вышвырнут в шлюз.

На сцене появился новый певец, мурлыкавший вьетнамскую балладу. Наоми послушала его, прихлебывая мартини, и предложила:

— Пойдем его спасать?

— Кого?

— Алекса. С какой стати спасать Амоса?

— С такой, что я почти уверен: он убедил ту дорогую шлюху, что за него заплатит Фред.

— Ну что ж, расширим спасательную операцию — выручим обоих. — Наоми допила коктейль. — Только мне нужно еще подзаправиться.

Она опять замахала бармену, но Холден перехватил ее руку и прижал к столу.

— Думаю, стоит сбросить ход.

Злость на мгновение исказила ее лицо.

— Сам и сбрасывай. У меня на глазах расстреляли два корабля и кучу друзей, а потом мы три недели сидели взаперти, добираясь сюда. Так что не дождешься. Я еще выпью и еще выступлю. Публика меня любит, — сказала Наоми.

— А как же спасательная операция?

— Бесполезно. Амоса ждет смерть от рук космической шлюхи, но он, по крайней мере, умрет как жил.

Наоми оттолкнула столик, прихватила со стойки мартини и направилась к сцене для караоке.

Холден проводил ее взглядом, допил скотч, который мучил уже два часа, и встал.

На минуту ему представилось, как они вдвоем возвращаются в комнату и заваливаются в постель. Утром он возненавидит себя за то, что воспользовался ее слабостью, но, по крайней мере, дело будет сделано. Наоми взглянула на него со сцены, и он понял, что все это время не сводил с нее взгляда. Он помахал ей рукой и пошел к двери в компании призраков: Ады и Макдауэлла, Гомеса, Келли и Шеда.

Большой и удобный номер действовал ему на нервы. Холден и пяти минут не улежал в постели, встал и снова вышел за дверь. Полчаса он бродил по коридорам, отыскивая большие перекрестки, уводящие к новым частям кольца. Он нашел склад электроники, чайную и нечто, оказавшееся при ближайшем рассмотрении очень роскошным борделем. Он отказался от видеоменю услуг, предложенных ему портье, и вышел, гадая, не сюда ли занесло Амоса.

Пройдя половину еще не знакомого коридора, он разминулся с компанией девочек-подростков. По лицам им нельзя было дать больше четырнадцати, но ростом они уже догнали Холдена. Девочки притихли, пока он проходил, а про-

пустив, разразились смешками и поспешили дальше. Тихо была настоящим городом, и он вдруг остро почувствовал себя иностранцем, не знающим, куда податься и чем заняться.

Он не удивился, когда, очнувшись от задумчивости, обнаружил, что его занесло к лифту, ведущему в док. Он нажал кнопку и вошел в лифт, вспомнив, что нужно включить магнитные подошвы, за миг до того, как гравитация ушла вбок и пропала.

Корабль принадлежал ему всего три недели, и все же, забравшись в «Росинант», он почувствовал себя дома. Чуть касаясь руками ступеней трапа, он поднялся в рубку, улегся в пилотское кресло и закрыл глаза.

Корабль молчал. Реактор не работал, на борту не было никого — ни малейшего движения. Только гибкая стыковочная труба передавала на «Роси» чуть заметную вибрацию станции. Закрыв глаза, паря над амортизатором, Холден отключился от всего, что его окружало.

Его наполнял бы покой, если б в последний месяц под веками не возникал, стоило закрыть глаза, блекнущий призрак Ады, подмигивающей ему и распадающейся прахом. И в голове не звучал голос Макдауэлла, до последней секунды

пытающегося спасти корабль. Холден задумывался, останутся ли они с ним до конца жизни, объявляясь в каждую спокойную минуту.

Ему вспоминались старослужащие на флоте. Здоровяки-жизнелюбы, способные крепко спать, когда рядом шумно играли в покер или смотрели видео, включив звук на полную катушку. Тогда он считал, что это вопрос привычки, выработанное умение давать телу отдых в условиях, где не бывает настоящей тишины. Теперь он начинал догадываться, что ветераны предпочитали вечный шум. Открыв глаза, он увидел маленький зеленый огонек на пилотской панели.

Этот огонек, единственный в помещении, ничего не освещал. Но он медленно затухал и разгорался снова, и это почему-то утешило Холдена. Сердце корабля тихонько билось.

Он сказал себе, что Фред прав: надеяться надо именно на законный суд. Но ему представлялся корабль-невидимка в прицеле орудий Алекса. Ему хотелось, чтобы неизвестная команда пережила те же ужасные секунды, когда все средства испытаны, до удара торпед остались мгновения и уже ничто их не остановит.

Он хотел услышать их последний испуганный вздох — такой же, как прозвучал в микрофоне

Ады.

Призраков из его сознания на время вытеснили жестокие мстительные фантазии. Когда они перестали действовать, он проплыл на жилую палубу, пристегнулся к койке и попробовал уснуть. «Росинант» убаюкивал его нежной колыбельной воздуховодов и тишины.

Глава 20
Миллер

Миллер сидел в открытом кафе в расширении туннеля. На площадке выросла высокая бледная трава, потолок светился белым полного спектра. Церера блуждала в пространстве без руля и без ветрил. Законы небесной механики и инерция удерживали ее на прежнем месте, но все остальное изменилось. Прежней осталась система обороны. Прежними остались противоударные ворота порта, но эфемерный щит политического статуса она утратила, а это было все.

Миллер склонился вперед, прихлебывая кофе. На площадке играли дети. Он про себя назвал их детьми, хотя помнил, что сам в этом возрасте считал себя взрослым. Лет пятнадцать-шестнадцать. У всех на рукавах повязки АВП. Мальчики громко и гневно толковали о тирании и свободе. Девочки смотрели, как петушатся мальчики. Древняя история природы оставалась прежней, все равно, разворачивалась она на вращающейся скале, окруженной жестоким вакуумом, или в заповеднике величиной с почтовую марку на

Земле. Даже в Поясе молодые сохраняли несокрушимое бессмертие, непоколебимую уверенность, что для них все будет иначе. Законы физики уступят им, снаряды никогда не попадут в цель, воздух не уйдет, зашипев, в ничто. Такое может случиться с другими: с заплатанными боевыми кораблями АВП, с водовозной баржей, с марсианским флагманом, со «Скопули», «Кентербери», «Доннаджером» — но не с тобой. А у молодых, которым счастливо удавалось пережить свой оптимизм, как Миллеру, оставалось немного страха, немного зависти и сокрушительное сознание хрупкости жизни. Впрочем, у него оставались еще трехмесячное жалованье компании на счету, много свободного времени и недурной кофе.

— Желаете что-нибудь, сэр? — спросил официант. Он выглядел немногим старше ребятишек на траве. Миллер покачал головой.

Прошло пять дней, как «Звездная Спираль» отозвала его контракт. Губернатор Цереры скрылся, выбрался с контрабандой на попутном транспорте, прежде чем разошлись новости. Альянс внешних планет оповестил, что включает Цереру в список официальных владений АВП, и никто ему не возразил. Первый день своей безработицы Миллер пил, но сам чувствовал, что делает это

проформы ради. Он обратился к бутылке, потому что так полагалось, потому что крушение карьеры принято было запивать спиртным.

На второй день он отходил от похмелья. На третий заскучал. По всей станции службы безопасности проводили ожидаемые маневры, поддерживая мир и спокойствие. Несколько политических митингов и собраний разогнали быстро и жестко, да граждане Цереры этого почти и не заметили. Все глаза были устремлены на мониторы, смотрели войну. Несколько местных горячих голов, брошенных в тюрьму без предъявления обвинений, не стоили внимания. А лично Миллера все это не касалось.

На четвертый день он просмотрел свой терминал и убедился, что восемьдесят процентов входящих поступили до того, как Шаддид перекрыла доступ. Около тысячи сообщений, в каждом из которых могла скрываться нить, ведущая к Джули Мао. Марсианские ядерные заряды пока еще не двигались к Церере. Это могло измениться за минуту, но пока не изменилось, Миллер пил кофе и просматривал корабельные рапорты, примерно по одному в пятнадцать минут. Он подсчитал, что, если корабль Холдена окажется последним в списке, на поиск уйдет около шести

недель.

«Адрианополь», старатель третьего поколения, причалил к Палладе в расчетное время. Миллер проверил открытые регистрационные данные и подосадовал, как мало в них содержится в сравнении с данными службы безопасности. Владелец — Стрего Энтони Абрамович. Восемь ремонтов, изгнан с Цереры и Эроса как потенциально опасный для порта. Идиот, напрашивающийся на аварию, но полетный план выглядел правомочным, а история корабля тянулась в прошлое и не пахла новой чеканкой. Миллер удалил сообщение.

«Засранец», грузовик, курсирующий по треугольнику Луна — Ганимед — Пояс. Владелец — лунная корпорация «Несуйнос». Открытые базы Ганимеда показывали, что он покинул порт в указанное время и не потрудился заполнить полетный план. Миллер постучал ногтем по экрану. Он бы не стал так себя вести, будь он под радаром. Любой представитель власти мог заинтересоваться этим кораблем, хотя бы просто со скуки. Он удалил сообщение.

Терминал загудел. Миллер переключился на новое сообщение. Одна из девочек на газоне пронзительно взвизгнула, остальные расхохотались.

Мимо пролетела ласточка, ее крылья тихо гудели в ровном ветерке воздушной циркуляции.

Хэвлок выглядел лучше, чем на Цереpе. Счастливее. Пропали черные круги вокруг глаз, и даже форма лица как будто смягчилась, словно доказывая, что Пояс изменил самые его кости, а теперь он приходит в норму.

«Миллер, — проговорила запись, — я только что услышал, что Земля бросила Цереру. Не повезло. С сожалением узнал, что Шаддид тебя выгнала. Между нами, она — надутая идиотка. До меня доходят слухи, что Земля решила обойтись без войны любой ценой, вплоть до того, что готова отказаться от любой станции, ставшей очагом напряженности. Сам понимаешь: если ты очутился между питбулем и ротвейлером, первым делом отбрось палку».

Миллер хихикнул.

«Я подписался в службу безопасности „Протогена“ — это частная армия большой наглой компании. Но платят они столько, что их манию величия можно потерпеть. Предположительно, платит Ганимед, но, учитывая, сколько дерьма вокруг, кто знает, что за игра идет на самом деле. Оказывается, у „Протогена“ в Поясе есть учебная база. Никогда о ней не слыхал, но вроде бы это

настоящая гимназия. Я знаю, что они все еще набирают работников, и рад буду замолвить за тебя словечко. Дай знать, и я свяжу тебя с вербовщиком, вытащу с твоей проклятой скалы».

Миллер улыбнулся.

«Береги себя, партнер, — сказал Хэвлок. — Не пропадай».

«Протоген». «Пинквотер». «Аль-Аббик». Силы безопасности корпораций, используемые трансорбитальными компаниями как частные армии и наемные войска, — чтобы работать там, куда пошлют. «АннанСек» держит службу безопасности на Палладе уже много лет, а базируется на Марсе. И АВП, возможно, вербует людей, но вряд ли возьмет Миллера.

Ему много лет не приходилось искать работу. Он полагал, что те времена остались позади, что он до самой смерти будет работать по контракту со службой безопасности Цереры. Теперь, когда его вышвырнули, все стало странно расплывчатым. Как во мгновение между ударом и ощущением боли. Надо искать новую работу. На Церере есть бары, куда бывшего копа наймут вышибалой. Есть серый рынок, куда возьмут любого, кто в состоянии создать впечатление законности предприятия. Самое глупое, чем можно

было заняться, — это сидеть в парке, глазея на девчонок и вытягивая ниточки по делу, за которое он сперва не хотел и браться.

«Дагон» пришел на Цереру в самом начале расчетного срока. Владелец — кооператив «Глапион», за которым, можно не сомневаться, стоит АВП. Подходит. Только вот полетный план заполнен всего за несколько часов до нападения на «Доннаджер», да и сообщение о выходе с Ио выглядит надежным. Миллер скопировал сообщение в файл, куда решил заносить корабли, заслуживающие внимания.

«Росинант», владелец — лунный холдинг «Силенциус Курант», газовый танкер, причаливший к Тихо в самом конце расчетного срока. «Силенциус Курант» — средних размеров корпорация без видимых связей с АВП, и полетный план, заполненный на Палладе, выглядел правдоподобно. Миллер занес было палец, чтобы нажать кнопку «Удалить», но остановился. Выпрямился.

Зачем бы газовому танкеру идти от Паллады к Тихо? Обе станции — *потребители* газа. Летать от потребителя к потребителю без захода на заправку — странный способ оправдать расходы. Он запросил полетный план, по которому «Росинант» пришел откуда-то на Палладу, и

приготовился ждать. Если данные отложены на сервере Цереры, ожидание продлится не больше двух минут. Уведомление обещало исполнить запрос через полтора часа — значит, его переправили в порт Паллады. В местной базе сведений не нашлось.

Миллер погладил подбородок: пятидневная щетина превращалась в нечто, похожее на бороду. Он почувствовал, как губы раздвигаются в улыбке. Запросил определение слова «Росинант». И прочитал: «Не годная для работы старая лошадь; первое значение — имя коня Дон Кихота».

— Это ты, Холден? — обратился к экрану Миллер. — Ты воюешь с ветряными мельницами?

— Сэр? — спросил официант, но Миллер отмахнулся.

Просмотра ждали еще сотни сообщений, и не меньше дюжины были отложены в отдельный файл. Миллер забыл о них, уставившись на запрос к Тихо, словно одной силой воли мог вызвать информацию на экран. Потом не торопясь прокрутил назад сообщение от Хэвлока, нажал «Ответить» и взглянул в черный зрачок камеры терминала.

— Привет, партнер, — заговорил он. — Спасибо за предложение. Может, я еще поймаю тебя

на слове, но, прежде чем прыгать, мне надо подобрать несколько петель. Ты знаешь, как оно бывает. В общем, если можешь оказать мне услугу… Мне нужно проследить один корабль, а работать я могу только с открытыми базами, к тому же Церера, возможно, уже в состоянии войны с Марсом. Кто знает, понимаешь ли… Словом, если можешь запросить все его полетные планы, сбрось мне, ладно? А я как-нибудь поставлю тебе выпивку.

Он помолчал. Надо было сказать кое-что еще.

— Береги себя, партнер.

Он просмотрел запись. На экране он выглядел усталым: улыбка несколько вымученная, голос звучал чуть тоньше, чем слышался ему самому. Но все, что надо, было сказано. Он отослал сообщение.

Вот до чего он скатился. Доступ закрыт, служебное оружие конфисковано — правда, в норе у него была парочка запасных пушек, — деньги идут к концу. Приходится изворачиваться, просить о помощи в вещах, которые прежде казались рутиной, в каждой мелочи исхитряться против системы. Был он копом, а они превратили его в мышь. «А все же, — подумал он, выпрямляясь на стуле, — для мыши я неплохо справляюсь».

Со стороны против вращения донесся звук взрыва, взметнулись гневные голоса. Ребятишки на траве прервали игру в «пощупай меня» и уставились в ту сторону. Миллер встал. Он видел дым, но огня не было. Поднялся ветер — система циркуляции высасывала нежелательное загрязнение из воздуха, — следовательно, сенсоры не зафиксировали угрозы пожара. Прозвучали подряд три выстрела, голоса слились в ритмичные выкрики. Миллер не различал слов, но ритм сказал ему все, что надо. Не катастрофа, не пожар, не утечка. Просто беспорядки.

Ребята двинулись на шум. Миллер поймал одну девчонку за локоть. Не старше шестнадцати, черные волосы, лицо идеальным сердечком.

— Не ходите туда, — сказал он. — Собери друзей и ступайте подальше.

Девочка оглядела его, обернулась на отдаленный гомон.

— Ты ничем не поможешь, — сказал он.

Она выдернула локоть.

— Хоть попробую, — возразила она. — Подриа интертар, знаешь ли. «Ты тоже мог бы».

— Уже пробовал, — сказал Миллер, закрыл терминал и пошел прочь. У него за спиной нарастал шум бунта. Он решил, что это дело полиции.

За следующие четырнадцать часов сеть системы сообщила о пяти случаях беспорядков на станции и о нескольких мелких повреждениях. Некто, о ком он впервые слышал, объявил трехфазный комендантский час: те, кого застанут вне своей норы более чем за два часа до или после рабочей смены, подлежали аресту. Тот, кто теперь заправлял шоу, полагал, что сумеет сохранить мир и стабильность, заперев по домам шесть миллионов человек. Хотел бы он знать, что думала об этом Шаддид.

За пределами Цереры дела шли все хуже. Банда старателей, сочувствующих АВП, захватила лабораторию дальней астрономии на Тритоне. Они направили телескоп на систему и сообщали в эфир о положении каждого марсианского корабля, а кроме того, передали изображение поверхности Марса в высоком разрешении. Видны были даже загорающие топлес в парках под куполами. Поговаривали, что к станции уже отправлены атомные заряды и установка через неделю превратится в блестки пыли. Земля все успешнее подражала улитке, втягивая, как рожки, земные и лунные компании. Не все, даже не половину, но достаточно, чтобы передать всем сообщение: «На нас не рассчитывайте». Марс взы-

вал к солидарности землян, Пояс апеллировал к справедливости, а еще чаще предлагал колыбели человечества отыметь самое себя.

До срыва пока не дошло, но к тому двигалось. Еще несколько инцидентов, и уже не будет иметь значения, с чего все началось. Марс понимал, что Пояс не может победить, а Пояс знал, что ему нечего терять. Такой подписки на смерть человечество еще не видывало.

Миллер, как и вся Церера, мало что был способен сделать. Но он мог найти Джеймса Холдена, узнать, что случилось со «Скопули», проследить нити, ведущие к Джули Мао. Он был детективом. Он делал то, что умел.

Прибирая нору, выбрасывая отложения хлама, копившиеся десяток лет, он разговаривал с нею. Пытался объяснить, почему бросил все, чтобы ее найти. Познакомившись с «Росинантом», он уже не мог обойтись без слова «донкихотство».

Воображаемая Джули смеялась или понимающе улыбалась. В ее глазах он казался трогательным маленьким человечком, коль скоро у него не было ничего более похожего на цель в жизни, чем поиски девушки. Она видела в нем орудие своих родителей. Она плакала и обнимала его. Она сидела с ним на почти невидимом балконе,

глядя на звезды.

Он втиснул все, что мог, в рюкзак. Две смены одежды, бумаги, ручной терминал. Снимок Кандес, сохранившийся от лучших времен. И копию досье Джули, сделанную до того, как Шаддид стерла его материалы, — с тремя снимками девушки. Он подумал, что за целую жизнь должно было накопиться побольше, потом покачал головой. Пожалуй, счет сходится.

Последний день Миллер провел, нарушая комендантский час, прощаясь с немногими, кто мог о нем вспомнить и кого вспомнил он сам. К его удивлению, Мусс, которую он застал в тесном и неуютном полицейском баре, прослезилась и обняла его так крепко, что заныли ребра.

Он оплатил проезд на транспорте до Тихо. Койка обошлась ему в четверть оставшихся денег. Не в первый раз Миллер подумал, что надо поскорее отыскать Джули или найти работу, которая прокормит его на время поисков. Но пока денег хватало, а мир был не так устойчив, чтобы заглядывать далеко вперед, — разве что с черным юмором.

Словно в подтверждение этой мысли, его терминал загудел, когда он стоял в очереди на транспорт.

«Привет, партнер, — сказал Хэвлок. — Насчет той услуги. У меня для тебя новость. Твой объект только что обнародовал полетный план к Эросу. Посылаю приложением открытые данные. Я бы накопал побольше, но в „Протогене“ все накрепко закручено. Я говорил о тебе с вербовщицей, она, кажется, заинтересовалась. Дай мне знать, хорошо? До скорой связи».

Эрос!

Потрясающе…

Миллер кивнул стоявшей за ним женщине и покинул очередь, отошел к киоску. К тому времени, как открылся экран, объявили, что посадка на Тихо заканчивается. Миллер вернул билет, получил чисто номинальное возмещение и потратил треть того, что у него осталось, на билет до Эроса. Впрочем, могло быть хуже. Он мог получить известие после отлета. В этом следовало видеть знак удачи.

Подтверждение заказа пришло с тихим звоном оркестрового треугольника.

«Надеюсь, я не ошибся, — сказал он Джули. — Если Холдена там не окажется, я буду выглядеть ужасно глупо».

Воображаемая девушка горько улыбнулась.

«Жизнь — это риск», — ответила она.

Глава 21
Холден

На кораблях нет лишнего места. Вопрос пространства всегда считался первоочередным, и даже на гигантах вроде «Доннаджера» коридоры и помещения были тесными и неудобными. На «Росинанте» имелись ровно две комнаты, где Холден мог развести руки, не коснувшись стен: камбуз и грузовой отсек. Те, кто зарабатывал на жизнь полетами, не страдали клаустрофобией, однако даже самые закаленные астерские старатели ощущали нарастающее напряжение от долгого заключения в тесноте корабля. Древний рефлекс пойманного в ловушку животного, подсознательное понимание, что за пределами видимости для тебя нет места. Когда корабль входил в порт, напряжение спадало внезапно, вызывая некоторое головокружение.

Часто оно принимало форму запоя.

Холден, как всякий матрос, не раз допивался до бессознательного состояния после долгих рейсов. Ему случалось забредать в бордели, откуда его вышвыривали с опустевшим счетом, натертыми

до мозолей чреслами и простатой, сухой, как пустыня Сахара. Так что, когда через три дня к нему ввалился Амос, Холден точно знал, как чувствует себя великан-механик.

Холден с Алексом, сидя на одной койке, смотрели новости. Две говорящие головы комментировали действия астеров словами: «преступность», «терроризм» и «саботаж». Марсиане были «миротворцами». Передачу вел новый марсианский канал. Амос фыркнул и повалился на койку. Холден приглушил звук.

— Как провел отпуск на берегу, моряк? — спросил он с ухмылкой.

— С сегодняшнего дня бросаю пить, — простонал Амос.

— Наоми сейчас принесет пожевать из сушибара, — сказал Алекс. — Отличная сырая рыбка в обертке из поддельных водорослей.

Амос опять застонал.

— Недобрый ты, Алекс, — упрекнул Холден. — Дай его печенке умереть спокойно.

Дверь номера скользнула в сторону, и показалась Наоми с высоким штабелем белых коробок.

— Еда пришла, — сообщила она.

Алекс пооткрывал коробки и принялся доставать маленькие одноразовые тарелочки.

— Каждый раз, как твоя очередь нас кормить, ты берешь форелевые роллы. Недостаток воображения, — заметил Холден, накладывая себе на тарелку.

— Я люблю форель, — ответила Наоми.

За едой все молчали, только постукивали пластмассовые палочки для еды и влажно хлюпали соусы из васаби и сои, куда макали куски. Когда еда кончилась, Холден вытер выступившие от острого вкуса слезы и повалился на подушки. Амос палочкой для еды почесал под лубком на ноге.

— Отличная работа, люди, — сказал он. — Сейчас только эта нога у меня и не болит.

Наоми дотянулась до пульта на подлокотнике у Холдена и вернула звук. Она пробовала от каждого блюда понемногу. Алекс закрыл глаза и развалился на кушетке, сплел пальцы на животе и издал довольный вздох. Холдена вдруг охватила необъяснимая обида на уютно устроившихся соратников.

— Ну, все насосались из Фредовой титьки? — спросил он. — Я уже сыт по горло.

— Что за нафиг? — возмутился Амос. — Я только начал!

— Я к тому, — пояснил Холден, — что сколько

можно болтаться на Тихо, пить, блудить и жрать суши за счет Фреда?

— Пока не лопнем? — предположил Алекс.

— У тебя, значит, какая-то другая мысль на уме? — спросила Наоми.

— Мысли нет, но я хочу вернуться в игру. Когда мы сюда явились, все были полны праведного гнева и мечтали отомстить, а стоило выпить и свернуть пару челюстей в пьяных драчках — и будто ничего не случилось.

— А вроде как, чтобы мстить, нужно сперва найти, кому мстить, кэп, — отозвался Алекс. — Может, ты не заметил, но у нас с этим делом сложности.

— Тот корабль все еще где-то есть. И люди, приказавшие стрелять, тоже, — сказал Холден.

— И что? — спросил Алекс. — Снимаемся и летаем по спирали, пока на них не наткнемся?

Наоми рассмеялась и бросила в него пакетиком соевого соуса.

— Не знаю, что нам делать, — сказал Холден, — только я понемногу схожу с ума, сидя здесь, пока убившие наш корабль на свободе делают свое дело.

— Мы здесь всего три дня, — возразила Наоми. — Мы заслужили удобную постель, прилич-

ную жратву и возможность спустить пар. И не думай нас пристыдить.

— И еще, Фред сказал, мы вытащим тех ублюдков на суд, — добавил Амос.

— Если суд будет, — возразил Холден. — Если! Его ждать еще месяцы, а то и годы. И даже тогда Фреду потребуются договоры. Как бы у него не выторговали амнистию, а?

— Ты довольно легко принял его условия, Джим, — напомнила Наоми. — Передумал?

— Если Фреду нужны наши показания в обмен на возможность залататься и отдохнуть, это невысокая цена. Что не означает, будто я считаю, что суд все уладит, или согласен сидеть сложа руки, дожидаясь его.

Он кивнул на мягкую мебель из кожзама и огромные экраны на стенах.

— Кроме того, все это может быть тюрьмой. Вполне комфортной, но, пока кошелек у Фреда, мы принадлежим ему. Не заблуждайтесь на этот счет.

Наоми наморщила лоб, взгляд стал серьезным.

— А варианты, сэр? — спросила она. — Уходим?

Холден сложил руки, перебирая в уме все, что наговорил, будто услышал это впервые. Когда

высказываешь мысли вслух, они проясняются.

— Думаю, надо искать работу, — сказал он. — У нас хороший корабль. Что еще важнее — у нас неприметный корабль. И быстрый. Если надо, на нем можно идти без позывных. Пока идет война, многим потребуется невидимками перебираться туда-сюда. Нам будет чем заняться, дожидаясь Фредова суда, а может, и деньги в карманах заведутся. А перелетая с места на место, глаза и уши станем держать открытыми. Как знать, на что мы наткнемся? Серьезно, долго ли вы трое выдержите жизнь станционных крыс?

Минуту длилось молчание.

— Я бы выдержал еще… недельку? — предложил Амос.

Алекс кивнул.

— Неплохая идея, кэп.

— Тебе решать, капитан, — сказала Наоми. — Я остаюсь с тобой, и мысль самой зарабатывать свои деньги мне по душе. Но, надеюсь, спешки нет. Я тоже не откажусь от нескольких дней отпуска.

Холден хлопнул в ладоши и встал.

— Ничего, — сказал он. — Когда есть план, совсем другое дело. Легче переносить безделье, когда знаешь, что оно однажды кончится.

Алекс и Амос встали и вместе направились к двери. Пилот выиграл несколько долларов в дартс, и теперь они с Амосом собирались приумножить свое богатство за карточным столом.

— Не жди меня, босс, — обратился к Наоми Амос. — Чувствую, сегодня мне повезет.

Они вышли, а Холден отправился в кухоньку варить кофе. Наоми прошла за ним.

— Еще одно, — начала она.

Холден разорвал пленку на герметичном пакетике с кофе, и кухню наполнил густой аромат.

— Давай, — сказал он.

— Фред взял на себя все заботы о теле Келли. Он будет достойно хранить его, пока мы не объявимся как выжившие. Тогда отправит его на Марс.

Холден наполнил кофеварку водой из крана и включил. Машина тихо заурчала.

— Хорошо. Лейтенант Келли заслуживает любых почестей.

— Это напомнило мне о кубике с информацией, который был у него с собой. Взломать его я так и не сумела. Там какая-то военная супершифровка, от которой у меня голова раскалывается. Так что…

— Ты говори, говори, — подбодрил Холден, насупившись.

— Я хочу отдать его Фреду. Знаю, что это рискованно. Мы понятия не имеем, что там, а Фред, при всем своем обаянии и гостеприимстве, все-таки из АВП. Но в то же время он высокий военный чин в ООН. И у него на этой станции солидный мозговой трест. Он, наверно, сумеет вскрыть кубик.

Холден поразмыслил и кивнул.

— Ладно, я подумаю. Хорошо бы знать, что пыталась спасти с корабля капитан Яо, но…

— Угу.

Пока варился кофе, они ждали в дружелюбном молчании. Наполнив две кружки, Холден вручил одну Наоми.

— Капитан, — заговорила она и после паузы поправилась: — Джим. Из меня пока получался паршивый старпом. Я больше мешала, чем помогала и восемьдесят процентов времени была до смерти перепугана.

— Тебе изумительно удалось это скрывать, — заметил Холден.

Наоми движением головы отвергла комплимент.

— Так или иначе, я тебя подталкивала, когда не надо было.

— Не так уж часто.

— Дай мне кончить, — попросила она. — Я хоте-

ла сказать, что, по-моему, ты отлично справился, вытаскивая нас. Ты заставлял нас заниматься тем, что было нам по силам, вместо того чтобы предаваться жалости к себе. Ты всех удерживал на своей орбите. Это не каждый может. Я бы не сумела, а нам нужна была опора.

Холден почувствовал легкую гордость. Он этого не ожидал и не слишком ей верил, но слышать такое было приятно.

— Спасибо, — сказал он.

— Я не могу решать за Амоса и Алекса, но я собираюсь держаться так и дальше. Ты капитан не только потому, что Макдауэлл погиб. Что до меня, ты — наш капитан. Ты просто знай.

Она потупилась и покраснела, будто призналась в чем-то. Может, так оно и было.

— Постараюсь не подвести, — сказал он.

— Я это ценю, сэр.

Кабинет Фреда походил на самого хозяина: большой, внушительный и заваленный неотложными делами. Он был больше любого помещения на «Росинанте». Стол из настоящего дерева выглядел по меньшей мере на сто лет и пах лимонным маслом. Холден сидел в кресле самую малость ниже кресла Фреда и рассматривал кипы конвертов с дисками и папки, покрывавшие каждый дюйм

пространства.

Фред послал за ним, после чего провел десять минут встречи, разговаривая по телефону. О чем бы ни шла речь, она была переполнена техническими терминами. Холден решил, что они относятся к строительству гигантского «корабля поколений». Те несколько минут, пока его не замечали, не вывели Холдена из терпения, потому что на стенах кабинета висели ошеломительно высокого качества экраны, притворяющиеся окнами. В них открывался вид на «Наву», проплывавшую мимо при вращении станции. Фред испортил зрелище, положив трубку.

— Извините, — сказал он. — Система атмосферной циркуляции с первого дня была нашим кошмаром. Когда собираешься провести сто с лишним лет на том воздухе, что захватил с собой, лимиты утечки… строже, чем обычно. Иногда трудно объяснить заказчику важность мелких деталей.

— Я наслаждался видом. — Холден кивнул на экран.

— Я начинаю сомневаться, уложимся ли мы в срок.

— Почему?

Фред вздохнул и откинулся назад, скрипнув

креслом.

— Между Марсом и Поясом война.

— Затруднения с поставками материалов?

— Не только. Пиратские станции, вещающие от имени АВП, работают как сумасшедшие. Астеры-старатели палят по военным кораблям Марса самодельными торпедами. Они гибнут сами, но время от времени одна из этих торпед попадает в цель и убивает несколько марсиан.

— А значит, Марс начинает стрелять первым.

Фред кивнул, встал и начал расхаживать по комнате.

— А тогда даже честные граждане боятся высунуть нос из дому по законным делам, — сказал он. — За последний месяц поставки задерживались больше дюжины раз, и я опасаюсь, что эти задержки превратятся в отмены.

— Знаете, я думал о том же, — сказал Холден.

Фред словно не слышал его.

— Мне случалось стоять на мостике, — говорил он. — На вас идет неопознанный корабль, и что прикажете делать? Никому не хочется нажимать кнопку. Я смотрел, как изображение корабля растет на экране, и держал палец на гашетке. Я помню, как умолял их остановиться.

Холден молчал. Он тоже такое видел. Ска-

зать было нечего. Фред дал молчанию с минуту повисеть в воздухе, потом тряхнул головой и выпрямился.

— Я должен просить вас об услуге, — сказал он.

— Просите в любое время, Фред. За это вы уже расплатились, — ответил Холден.

— Мне нужно одолжить ваш корабль.

— «Роси»? — вскинулся Холден. — *Зачем?*

— Мне нужно кое-что забрать и доставить сюда, а для этого понадобится корабль, который сумеет незаметно обойти марсианские пикеты.

— Тогда «Росинант» вам определенно подходит, но это не ответ на мой вопрос. Зачем?

Фред повернулся к Холдену спиной и уставился на экран. Нос «Наву» как раз скрывался из вида. На экране возникла плоская, рябая от звезд черная вечность.

— Мне нужно забрать человека с Эроса, — сказал Фред. — Важного человека. У меня есть подходящие для этого дела люди, но из кораблей только легкие грузовики и пара маленьких шаттлов. Они не способны добраться достаточно быстро и не сумеют сбежать в случае чего.

— А имя у этого человека есть? Я хочу сказать, вы все твердите, что не хотите драки, но мой корабль, кстати говоря, единственный здесь во-

оружен. Ручаюсь, АВП составил уже изрядный список подходящих целей.

— Вы мне не доверяете.

— Нет.

Фред развернулся и ухватился за спинку кресла. Костяшки его пальцев побелели. Холден задумался, не слишком ли далеко он зашел.

— Слушайте, — сказал он, — вы говорите правильные слова про мир, суд и тому подобное. Вы отрекаетесь от пиратского вещания. У вас милая станция с милыми людьми. У меня есть все основания верить, что вы — то, чем себя объявляете. Но мы здесь уже три дня, и первое, что вы говорите мне о своих намерениях, — это просите одолжить мой корабль для тайной миссии. Извините: хотите, чтобы я принимал в этом участие, — никаких секретов. Даже знай я наверняка — а я не знаю, — что у вас добрые намерения, я все равно отказался бы играть в дурацкие игры с плащом и кинжалом.

Фред несколько секунд разглядывал его, затем обошел кресло и сел. Холден обнаружил, что нервно постукивает пальцами по бедру, и заставил себя перестать. Взгляд Фреда метнулся вниз, к его ладони, и вернулся к лицу, в его глазах было прежнее упорство.

Холден откашлялся.

— Слушайте, вы здесь вожак стаи. Даже не знай я, кем вы были, все равно боялся бы вас до усрачки, так что не тратьте сил на подтверждение этого. Но как бы я ни трусил, в этом деле не отступлю.

Он надеялся рассмешить Фреда — и напрасно. Холден попытался незаметно сглотнуть слюну.

— Готов поспорить, вы были гигантской занозой в заднице для всех капитанов, у кого служили, — наконец заговорил Фред.

— Думаю, это отражено в моем досье, — отозвался Холден, скрывая облегчение.

— Мне нужно слетать на Эрос, найти там человека по имени Лайонел Полянский и доставить его на Тихо.

— Работа на неделю, если поднажать, — сказал Холден, подсчитав в уме.

— То обстоятельство, что Лайонела не существует в природе, несколько осложняет задачу.

— А, отлично. Теперь я ничего не понимаю, — согласился Холден.

— Вы хотели все знать? — В словах Фреда слышалась тихая ярость. — Теперь вы знаете. Лайонел Полянский существует только на бумаге и владеет тем, чем не хочет владеть мистер Тихо.

В том числе курьерским кораблем «Скопули».

Холден весь подался вперед.

— Я слушаю вас очень внимательно, — сказал он.

— Несуществующий владелец «Скопули» прописался в клопиной дыре на одном из трущобных уровней Эроса. Нам только что сообщили. Приходится предположить, что это помещение снял некто, близко знакомый с нашими делами, и что он нуждается в помощи и не может запросить ее открыто.

— Мы будем готовы вылететь через час, — одним дыханием сказал Холден. Фред поднял ладонь жестом, удивительно астерским для землянина.

— Когда это, — спросил он, — мы заговорили о том, что полетите *вы?*

— Я не отдам свой корабль в чужие руки, но охотно возьму заказ на рейс. Собственно, мы с командой подумывали взяться за работу. Наймите нас. В стоимость включите цену уже оказанных нам услуг.

— Нет, — отрезал Фред. — Вы мне нужны.

— Не мы, — возразил Холден. — Вам нужны наши свидетельства. А мы не собираемся сидеть здесь год или два, дожидаясь, пока разум востор-

жествует. Мы все запишем свои показания на видео, заверив их, как вы сочтете нужным, но в любом случае мы улетим и возьмемся за работу. С тем же успехом вы можете нас использовать.

— Нет, — повторил Фред. — Вы слишком дорого стоите, чтобы вами рисковать.

— А если я брошу на весы кубик с информацией, которую пыталась спасти капитан «Доннаджера»?

Снова молчание, но что-то в нем изменилось.

— Послушайте, — нажал Холден, — вам нужен корабль вроде «Роси». У меня он есть. Вам нужна для него команда. У меня есть и команда. И вы не меньше меня хотите узнать, что на том кубике.

Фред рассмеялся, и Холдену заметно полегчало.

— Остается еще та проблема, что привела вас сюда, — напомнил Фред. — Ваш корабль выглядит военным, что бы ни твердил передатчик.

Холден вскочил и сгреб со стола Фреда лист бумаги. Начал рисовать на нем ручкой, выхваченной из декоративной подставки.

— Я об этом думал. У вас здесь налажено полное производство. А мы якобы — легкий газовый танкер. Вот. — Он набросал силуэт корабля. — Приварим к корпусу на двух лентах пустые

газовые баки. Они прикроют «трубы». Все перекрасим. Наварим несколько выступов, которые разобьют силуэт корпуса и введут в заблуждение распознающие программы. Выглядеть будет отвратно и испоганит аэродинамику, но мы пока в атмосферу не собираемся. И, кстати, сойдет за правду: астерская колымага, собранная в большой спешке.

Он подал лист Фреду. Тот от всей души рассмеялся — то ли над ужасным наброском, то ли над нелепостью ситуации.

— Из вас получился бы отменный пират, — сказал он. — Если я это сделаю, вы с командой запишете показания, заключите со мной контракт на исполнение коротких рейсов, вроде этой прогулки на Эрос, и выступите на моей стороне, когда начнутся мирные переговоры.

Холден протянул руку, и Фред ее пожал.

— Приятно иметь с вами дело, Фред.

Когда Холден выходил из кабинета, Фред уже связался по коммутатору со своими механиками. Холден достал ручной терминал и вызвал Наоми.

— Ну? — спросила она.

— Собирай детей, мы отправляемся на Эрос.

Глава 22
Миллер

Пассажирский транспорт на Эрос был маленьким, дешевым и набитым битком. Из воздуховодов несло пластиком и резиной старой марсианской промышленной модели, рассчитанной на перевозки товаров и топлива. Дешевые светодиодные лампочки подкрасили розовым, который должен был создать естественное освещение, но вместо этого придавал всем лицам оттенок недоваренной говядины. Кают здесь не имелось, только ряды литых ламинатных сидений и пять этажей коек вдоль длинных стен, где пассажиры могли прикорнуть в тесноте. Миллер прежде не бывал на дешевых подкидышах, но знал, какие на них порядки. Если начиналась драка, экипаж пускал в пассажирский отсек снотворный газ, вырубал всех и связывал участников потасовки. Драконовская система, но пассажиры, зная о ней, вели себя примерно. Бар работал круглые сутки, торговал дешевой выпивкой. Не так давно Миллер счел бы это заманчивым.

Теперь вместо бара он устроился на одном из

сидений, открыв терминал. Перед ним светился восстановленный файл по делу Джули. Ее снимок — с гордой улыбкой на лице на фоне «Бритвы», данные и отчеты, сведения о тренировках по джиу-джитсу. Удивительно мало, если подумать, какое большое место заняла эта женщина в его жизни.

На левую кромку экрана медленно выползала новостная колонка. Эскалация военных действий между Поясом и Марсом, инцидент за инцидентом, но в верхних строках колонки держался отказ Земли от станции Церера. Марсианский комментатор распекал Землю, отказавшуюся поддержать собрата по внутренней части системы, полагая, что она должна была, по крайней мере, передать контракт на безопасность станции Марсу. Реакция Пояса разнилась от радости при виде Земли, оттягивающей свое влияние в глубину гравитационного колодца, до паники из-за потери нейтралитета Цереры и теорий заговора, предполагавших, что Земля подстрекает к войне ради собственной выгоды. Миллер воздерживался от суждений.

— Я всегда вспоминаю молитвенные скамьи.

Миллер поднял взгляд. Его сосед был примерно того же возраста: седина в волосах, мягкое брюш-

ко. Улыбка его сказала Миллеру, что перед ним миссионер, отправившийся в вакуум спасать заблудшие души. А может, дело было не в улыбке, а в нагрудной табличке с именем и Библии в руках.

— Я о сиденьях, — сказал миссионер. — Они всегда напоминают мне церковь — стоят так же, ряд за рядом. Только вместо кафедры у нас койки.

— Мадонна Проспи-Всю-Дорогу, — отозвался Миллер, понимая, что втягивается в разговор, но не сумев сдержаться. Миссионер засмеялся.

— Что-то в этом роде, — согласился он. — Вы ходите в церковь?

— Много лет не ходил, — сказал Миллер. — Был методистом, когда еще был. А вы каким ладаном торгуете?

Миссионер поднял руки жестом, выражавшим миролюбие еще на африканских долинах плейстоцена. «Я безоружен, не ищу драки».

— Я возвращаюсь на Эрос с конференции на Луне, — сказал он. — Дни проповедничества остались для меня далеко позади.

— Я думал, они никогда не кончаются, — сказал Миллер.

— Собственно, нет. Официально — нет. Но через несколько десятков лет начинаешь понимать,

что пытайся не пытайся — все одно. Я еще путешествую. Заговариваю с людьми. Иногда мы говорим об Иисусе Христе. Иногда — о кулинарии. Если кто-то готов принять Христа, от меня не требуется больших усилий, чтобы помочь. Если человек не готов, все проповеди бесполезны. Так к чему старания?

— Люди говорят о войне? — спросил Миллер.

— Часто, — ответил миссионер.

— Кто-нибудь видит в ней смысл?

— Нет. Не думаю, что в войнах бывает смысл. Это безумие заложено в нашей природе. Иногда оно дает обострения, иногда затухает.

— Вы говорите об этом как о болезни.

— Врожденный герпес симплекс? — улыбнулся миссионер. — Полагаю, это еще мягко сказано. Боюсь, пока мы остаемся людьми, нам от этого не избавиться.

Миллер взглянул на его широкое, круглое, как луна, лицо.

— Пока остаемся людьми? — переспросил он.

— Кое-кто верит, что в конце концов мы все становимся ангелами, — сказал миссионер.

— Только не методисты.

— Когда-нибудь даже они, — возразил миссионер, — но, возможно, не первыми. А вас что

привело к Мадонне Проспи-Всю-Дорогу?

Миллер вздохнул, откидываясь на жесткую спинку. Через два ряда перед ним молодая женщина прикрикнула на мальчиков, скачущих по стульям, но ее упрек пропал втуне. Позади кто-то кашлянул. Миллер глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух.

— Я был копом на Церере, — сказал он.

— А, новый контракт?

— Именно, — сказал Миллер.

— Значит, будете работать на Эросе?

— Скорее, ищу там старого друга, — ответил Миллер и неожиданно для себя продолжил: — Я родился на Церере. Прожил там всю жизнь. Это — пятый?.. — да, пятый раз, когда я улетаю со станции.

— Вы собираетесь вернуться?

— Нет, — сказал Миллер и удивился собственной уверенности. — Нет, думаю, эта часть моей жизни осталась позади.

— Наверно, это больно, — сказал миссионер.

Миллер помолчал, обдумывая его слова. Священник был прав: это больно. Он потерял все, что имел. Работу, знакомых. Он даже больше не коп, хоть в багаже и лежит оружие. Он больше никогда не купит вест-индийских лакомств с

тележки в девятом секторе. Секретарша в участке уже не кивнет ему, когда он станет пробираться к своему столу. Не будет больше ночей в барах с другими копами, не будет ни красочных историй о неудачных задержаниях, ни ребятишек, пускающих змеев в высоких туннелях. Он ощупывал себя, словно врач, ищущий воспаление. Здесь больно? Здесь ощущается потеря?

Нет. Он испытывал только облегчение, такое глубокое, что кружилась голова.

— Простите? — сконфуженно произнес миссионер. — Я сказал что-то смешное?

Население Эроса составляло полтора миллиона человек — немногим больше, чем приезжих на Церере в любой отдельно взятый день. Астероид, напоминающий формой картофелину, оказалось гораздо труднее раскрутить, поэтому скорость вращения поверхности была значительно выше, чем на Церере, при той же гравитации внутри. Старая верфь выдавалась над астероидом огромной паутиной стальных и углеродистых сеток, испещренных сигнальными огнями и сенсорными установками, готовыми отогнать любой корабль, подошедший слишком близко. Внутренние каверны Эроса были колыбелью Пояса. От сырой руды до плавильных печей, от

них — к платформам для отжига и дальше, к рою водовозных барж, газовых танкеров и старательских корабликов. Эрос был портом назначения первого поколения экспансии человечества. Само Солнце отсюда казалось всего лишь яркой звездой среди миллиардов других.

Экономика Пояса развивалась. На Церере появились более современные порты, новая промышленность, больше народа. Коммерческие поставки шли теперь на Цереру, а Эрос остался центром кораблестроения и ремонта. Результат был предсказуем. Простой судов в доках Цереры означал потерянные деньги, и это отразилось в системе портовых сборов. На Эросе корабль мог дожидаться неделями и месяцами, не мешая другим. Если команде нужно было место, чтобы расслабиться, размяться, отдохнуть друг от друга, они шли на Эрос. При низких портовых сборах Эрос делал деньги иным способом. Казино, тиры, бордели. Эрос приютил все доходные виды пороков, и местная экономика разрасталась, как грибница, питаемая желаниями астеров.

Удачное расположение небесных тел привело Миллера на Эрос на день раньше «Росинанта». Он прошелся по казино, опиумным барам и секс-клубам, по аренам показательных боев, где мужчины

и женщины притворялись, будто избивают друг друга до бесчувствия, на радость толпе. Воображаемая Джули шла рядом с ним, и на лице у нее играла такая же хитрая улыбка, как у него, когда он читал переливающиеся надписи: «РЭНДОЛЬФ МАК, ШЕСТИКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН ВОЛЬНЫХ БОЕВ ПОЯСА, ПРОТИВ МАРСИАНИНА КИВРИНА КАРМАЙКЛА. СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА!»

«Разумеется, без договоренностей», — сухо заметила у него в голове Джули.

«Интересно, кто победит?» — подумал он и вообразил ее смех.

Он остановился у тележки, торговавшей яичной лапшой в черном дымящемся соусе по две иены за порцию, когда на плечо ему легла чья-то рука.

— Детектив Миллер, — произнес знакомый голос, — вы за пределами своей юрисдикции.

— О, инспектор Сематимба! — обрадовался Миллер. — Чтоб мне так жить! Напугаешь девушку, этак подкрадываясь.

Сематимба посмеивался. Высокий даже для астера, с самой темной кожей, какую доводилось видеть Миллеру. Много лет назад они сотрудничали в расследовании одного особо мерзкого случая. Контрабандист с грузом новейших

эйфоров поссорился с поставщиком. Под перекрестный огонь попали трое граждан Цереры, а контрабандист сбежал на Эрос. Традиционная конкуренция служб безопасности станций едва не помогла мерзавцу смыться. Только Миллер и Сематимба пошли на сотрудничество в обход официальных каналов.

— Что привело тебя, — заговорил Сематимба, навалившись на стальное ограждение и обводя руками туннель, — в колыбель Пояса, славного и сильного Эросом?

— Тяну за ниточку, — сказал Миллер.

— Здесь нет ничего хорошего. С тех пор как убрался «Протоген», дела идут все хуже.

Миллер втянул в рот лапшу.

— Кто держит новый контракт? — спросил он.

— МДМ, — ответил Сематимба.

— Впервые слышу.

— «Мясо-для-Машины». — Сематимба скорчил рожу, изображая зверюгу-полицейского. Стукнул себя в грудь, порычал немного и, бросив кривляться, покачал головой. — Новая корпорация с Луны. Здесь в основном астеры. Изображают крутых, но все больше дилетанты. Надуваются, а кишка тонка. «Протоген» набирал из внутряков, и это мешало, но они были чертовски

серьезным предприятием. Разбивали головы, но поддерживали порядок. А эти новые ублюдки… Самая разболтанная банда гангстеров, с какой мне приходилось работать. Не думаю, что Совет управляющих продлит им контракт. Считай, я этого не говорил, но так оно и есть.

— Мой прежний напарник подписал контракт с «Протогеном», — заметил Миллер.

— Они не так плохи, — ответил Сематимба. — Почти жалею, что при разводе не остался с ними.

— А почему? — спросил Миллер.

— Сам знаешь, как это бывает. Я здешний.

— Угу, — согласился Миллер.

— Ну вот. А ты и не знал, кто держит притон. Ты не работу здесь ищешь?

— Нет, — ответил Миллер, — я в творческом отпуске. Путешествую вот.

— Денег хватает?

— Вообще-то нет. Но я не прочь обойтись малым. На время, знаешь ли. Слышал что-нибудь о Джульетте Мао? Обычно — Джули?

Сематимба покачал головой.

— Торговый дом «Мао — Квиковски», — пояснил Миллер. — Выскочила из колодца и стала туземкой. АВП. Это было дело с похищением.

— Было?

Миллер откинул голову. Ему представилось, что Джули вздернула бровь.

— С тех пор как я его получил, кое-что изменилось, — сказал он. — Возможно, оно с чем-то связано. С чем-то крупным.

— Насколько крупным, к примеру? — спросил Сематимба. Все легкомыслие пропало с его лица. Сейчас он был только копом. Всякий, кроме Миллера, испугался бы его пустого, почти свирепого взгляда.

— С войной, — сказал Миллер. Сематимба скрестил руки.

— Не смешно.

— Я не шучу.

— Я считаю, мы друзья, старина, — сказал Сематимба, — но мне здесь не нужны неприятности. Бед и так хватает.

— Я постараюсь не нашуметь.

Сематимба кивнул. Дальше по туннелю загудел сигнал тревоги. Только для охраны — не оглушительный аккорд аварийной сирены. Сематимба оглянулся на звук, словно, прищурившись, мог видеть сквозь толчею пешеходов, велосипедистов и тележек разносчиков.

— Пожалуй, надо взглянуть, что там, — безна-

дежно проговорил он. — Как бы не мой сослуживец из охраны порядка разбил стекло забавы ради.

— Здорово служить в такой команде, — съязвил Миллер.

— Тебе-то откуда знать? — усмехнулся Сематимба. — Если тебе что понадобится…

— И тебе, — отозвался Миллер и проводил взглядом копа, загребающего в море людского хаоса. Он был большой человек, однако что-то в единодушной глухоте толпы к сигналу тревоги заставляло его казаться меньше ростом. «Камешек в море», — вспомнилось Миллеру. Одна звезда среди миллионов.

Он посмотрел время и вывел на экран открытые данные порта. «Росинанта» ждали по расписанию. Ему уже отвели док. Миллер всосал последние ниточки лапши, бросил пенопластовый стаканчик в общественный утилизатор, нашел ближайшую мужскую уборную и, оправившись, рысцой пробежал к казино.

Архитектура Эроса изменилась со времен детства астероида. Когда-то он походил на Цереру — сплошь паутина туннелей, ведущая к основным трассам, — но поток денег изменил станцию. Теперь все дороги вели на уровень казино. Куда

бы вы ни направлялись, приходилось миновать широкое китовое чрево, полное огней и рекламы. Покер, блэкджек, рулетка, высокие аквариумы, в которых предлагалось поймать самому себе на ужин призовую форель, электронная охота, крикет, кости, театрализованные состязания. Вспышки света, танцующие неоновые клоуны, светящиеся экраны резали глаз. Громкий искусственный смех, веселый свист, звуки гонга внушали, что вы проводите время, как никогда в жизни. И над всем стоял запах тысяч тел, стиснутых в давке, и с ним состязался запах выращенной в чане говядины со специями, продававшейся с тележек в коридорах. Алчность и дизайнеры превратили казино Эроса в искусственный загон для скота.

Это было именно то, что требовалось Миллеру.

«Труба» из порта высаживала пассажиров к шести широким дверям, открывавшимся прямо на уровень казино. Миллер взял выпивку у измученной женщины в трусиках-стрингах и с голой грудью и нашел себе экран, передававший вид на все шесть дверей. Команда «Росинанта» могла пройти только через одну из них. Он взглянул на терминал. Журнал порта показывал, что корабль прибывает за десять минут до срока. Миллер для

вида прихлебывал выпивку и ждал.

Глава 23
Холден

Уровень казино Эроса бил по всем чувствам сразу. Холден его возненавидел.

— Вот это как раз по мне, — сказал, ухмыляясь, Амос.

Холден протолкался сквозь кучку подвыпивших, смеющихся и вопящих игроков средних лет и выбрался на свободный пятачок у ряда настенных терминалов быстрой оплаты.

— Амос, — сказал он, — надо выходить на уровень, где поменьше туристов, чтоб видеть, кто у нас за спиной. Клоповая дыра, которую мы ищем, где-то в этом районе.

— Понял, кэп, — кивнул Амос.

Наоми, Алекс и Амос прикрывали его собой, пока Холден поправлял за спиной сбившийся на поясе пистолет. Копы на Эросе косо смотрели на людей, разгуливающих с пистолетами, но о том, чтобы явиться к «Лайонелу Полянскому» безоружными, не могло быть и речи. Амос с Алексом тоже вооружились, только Амос держал свою пушку в правом кармане куртки, и его рука все

время оставалась в том же кармане. Одна Наоми наотрез отказалась от пистолета.

Холден повел своих к ближайшему эскалатору. Амос, словно невзначай поглядывая назад, держался в арьергарде. Казино Эроса растянулись на три представлявшихся бесконечными уровня, и, как они ни спешили, на то, чтобы выбраться из шумной толпы, ушло полчаса. Следующий уровень сверху был жилым и после гомонящего хаоса казино сбивал с толку тишиной и порядком. Холден присел на краешек клумбы с травой и перевел дыхание.

— Как я тебя понимаю, капитан! У меня за пять минут голова разболелась, — сказала Наоми, подсаживаясь рядом.

— Шутите, что ли? — удивился Амос. — Жаль, времени у нас мало. С тех лохов за карточным столом на Тихо мы чуть не штуку сняли. А отсюда как бы не миллионерами ушли!

— Точно! — Алекс пихнул здоровяка-механика в плечо.

— Ну, если с Полянским не сложится, разрешаю заработать нам миллион на картах. Буду ждать вас на корабле, — сказал Холден.

Система «труб» заканчивалась у казино, а на уровне, на котором они находились теперь, стан-

ции не было. Тех, кто не желал спускать свои денежки в казино, здесь наказывали пешим хождением. Когда они добрались до вагона к отелю Лайонела, Амос сел рядом с Холденом.

— Кто-то нас преследует, кэп, — небрежно проговорил он. — Я точно понял, только когда он пропустил пару вагонов. И в казино держался за нами.

Холден вздохнул и подпер подбородок ладонями.

— Ну и как он выглядит?

— Астер. Лет пятидесяти — или сорока, но с большим прогоном. Белая рубаха, темные штаны. Дурацкая шляпчонка.

— Коп?

— Наверняка. Но кобуры я не приметил, — сказал Амос.

— Отлично. Присматривай за ним, но беспокоиться пока рано. Мы не нарушаем никаких законов, — сказал Холден.

— Кроме того, что прибыли на украденном у марсиан корабле? — вставила Наоми.

— Ты о нашем вполне *легальном* газовом танкере, у которого *в полном порядке* все документы и регистрация? — хитровато улыбнулся ей Холден. — Да ну, если б они нас раскусили, задержали

бы еще в доке, а не вели бы по всей станции.

Рекламный экран на стене рисовал многоцветные облака, пронзаемые вспышками молний, и приглашал Холдена посетить великолепные курорты под куполами Титана. Ему вдруг ужасно захотелось там побывать. Несколько недель спать допоздна, есть в хороших ресторанах, валяться в гамаке, глядя, как бушуют красочные атмосферные штормы Титана, — райская жизнь! Черт, если уж предаваться фантазиям, можно вообразить и Наоми, подходящую к его гамаку с парой соблазнительных бокалов в руках.

Она разрушила воздушный замок, подав голос:

— Наша остановка.

— Амос, посмотри, вылезет ли вместе с нами наш дружок, — попросил Холден, вставая и направляясь к двери.

Когда они вышли и поднялись на несколько ступеней к коридору, Амос шепнул ему в спину:

— Здесь.

Дерьмо. Определенно, хвост, но это еще не причина отказаться от поисков «Лайонела». Фред не просил их ничего *делать* с самозваным владельцем «Скопули». Вряд ли их можно арестовать только за то, что они постучат в дверь. Холден громко засвистел на ходу веселенький мотив-

чик, показывая своим и слежке, что ни о чем не беспокоится.

Он остановился, увидев нужное помещение.

Темная трущоба, того самого сорта, где запросто могут ограбить, если не что похуже. Он обернулся, чтобы бросить Амосу с Алексом многозначительный взгляд. Амос шевельнул рукой в кармане. Алекс запустил руку себе за пазуху.

Вестибюль отеля был почти пустым. В одном конце стояла пара кушеток и столик, заваленный журналами. Один из них читала сонная пожилая женщина. Лифты виднелись в дальней стене, рядом с табличкой «ЛЕСТНИЦА». Посреди вестибюля стоял стол регистрации с терминалом оплаты вместо живого клерка.

Холден остановился у стола и обернулся к женщине с журналом. Седина в волосах, но лицо хорошее и сложение атлетическое. В такой клопиной дыре это, возможно, означало приближающуюся к окончанию карьеры проститутку. Она демонстративно не замечала его взгляда.

— Хвост не потеряли? — тихо спросил Холден.

— Остался снаружи. Возможно, теперь стережет дверь, — ответил Амос.

Холден, кивнув, нажал кнопку запроса на экране. Простое меню предлагало ему послать

сообщение в комнату Полянского, однако Холден предпочел войти в систему. Они знали, что Полянский еще числится жильцом, и номер комнаты Фред им сообщил. Если он сейчас развлекался в казино, не стоило его настораживать, пока Холден не постучит в дверь.

— Ну вот, он еще здесь, так что давайте… — начал Холден и резко осекся, увидев, что женщина с кушетки стоит прямо за спиной у Алекса. Он не видел и не слышал, как она подошла.

— Вы пойдете со мной, — твердо сказала она. — Медленно идите к лестнице, на три метра впереди меня. Выполнять.

— Вы коп? — не двинувшись с места, спросил Холден.

— Я — человек с пистолетом, — ответила она, и в ее правой руке словно по волшебству появилось миниатюрное оружие. Ствол целился в голову Алексу. — Так что делайте, что вам сказано.

Ее пистолет был маленькой игрушкой из пластика на батарейке. Амос вытащил тяжелый метатель и направил ей в лицо.

— У меня больше, — возразил он.

— Амос, не… — только и успела сказать Наоми, когда лестничная дверь распахнулась и в комнату ворвались полдюжины мужчин и женщин

с компактными автоматами. «Бросай оружие!» — дружно заорали они.

Холден только начал было поднимать руки, когда кто-то открыл огонь, и ствол принялся выплевывать пули с такой скоростью, что казалось — кто-то рвет кусок плотной бумаги: невозможно было различить отдельные выстрелы. Амос бросился на пол. Очередь прошила грудь женщины с пистолетиком, и та завалилась назад с мягким, окончательным звуком.

Холден сграбастал Наоми за руку и затащил за столик регистрации. Кто-то из тех вопил: «Не стрелять! Не стрелять!» — но Амос уже отстреливался, растянувшись на полу. Вскрик боли и ругательство сообщили Холдену, что механик попал. Амос перекатился за столик, и очередь тут же прошла по тому месту, где он лежал. Столик вздрогнул.

Холден тянул из-за пояса свой пистолет, но мушка зацепилась за ремень. Он дернул, разорвав трусы, и на коленях подполз к тумбе столика, выглянул из-за нее. Алекс завалился за одну из кушеток, лежал с обнаженным стволом и побелевшим лицом. Едва Холден высунулся, в кушетку ударили пули, и в воздух взметнулись клочья набивки. В каких-нибудь двадцати сантиметрах

над головой Алекса легла полоса отверстий. Пилот протянул пистолет к углу кушетки и вслепую выпустил десяток пуль, вскрикивая при каждом выстреле.

— Засранцы! — взревел Амос и, перекатившись, пальнул еще пару раз, успев вернуться в укрытие прежде, чем начали стрелять в ответ.

— Где они? — крикнул ему Холден.

— Двоих подбили, остальные в лестничном холле, — ответил Амос, перекрикивая грохот стрельбы.

Прилетевшая откуда ни возьмись пуля отскочила от пола у колена Холдена.

— Гады, сбоку обошли! — рявкнул Амос и передвинулся дальше, под прикрытие столика.

Холден перебрался к другому краю и высунул нос. Кто-то, пригнувшись, быстро двигался к выходу из отеля. Холден с локтя выстрелил несколько раз, но три ствола, ответившие с лестничной площадки, заставили его нырнуть обратно.

— Алекс, кто-то ползет к выходу! — во всю силу легких прокричал Холден в надежде, что пилот успеет подстрелить врага прежде, чем всех их разорвет перекрестным огнем.

У выхода трижды рявкнул пистолет. Холден

рискнул выглянуть. Хвост в дурацкой шляпчонке присел у двери с пистолетом в руках. Обходивший их с фланга автоматчик неподвижно лежал у его ног. Не глядя на них, хвост навел ствол на лестничную клетку.

— В этого, в шляпе, не стрелять! — заорал Холден и передвинулся к краю стола.

Амос, привалившись к тумбе спиной, выщелкивал магазин. Нашаривая в кармане новый, он буркнул:

— Это, наверно, коп.

— В копов — тем более! — сказал Холден, стреляя по выходу на лестницу.

Наоми, все время перестрелки пролежавшая на полу, прикрыв голову руками, сказала:

— А если они все копы?

Холден еще несколько раз нажал курок и покачал головой.

— Копы не носят маленьких карманных автоматов и не устраивают засад на лестнице. Мы таких звали «смертниками». — Большая часть его слов утонула в звуках стрельбы. Затем на несколько секунд наступила тишина.

Высунувшись, Холден увидел, что дверь захлопнулась.

— Думаю, они смываются, — сказал он, продол-

жая держать лестницу под прицелом. — Должно быть, где-то есть другой выход. Амос, приглядывай за той дверью. Если откроется, стреляй. — Он похлопал Наоми по плечу. — Не высовывайся.

Холден поднялся из-за разбитого кассового терминала. Пол под столиком был расколот, из-под него просвечивал камень. Холден поднял ствол пистолета вверх, показал открытую ладонь. Человек в шляпе встал, посмотрел на труп под ногами и поднял взгляд, когда Холден подошел ближе.

— Спасибо. Меня зовут Джим Холден. А вы?..

Секунду человек молчал. А когда заговорил, голос звучал ровно, почти устало:

— Скоро подоспеют копы. Мне надо позвонить, не то мы все окажемся в тюрьме.

— А вы не коп? — спросил Холден.

Мужчина рассмеялся: горький короткий смешок, но под ним скрывался настоящий юмор. Как видно, Холден сказал что-то забавное.

— Нет. Я Миллер.

Глава 24
Миллер

Миллер смотрел на мертвеца — на только что убитого им человека — и пытался найти в себе какие-нибудь чувства. Адреналин еще заставлял сердце частить. Он ощутил удивление, неожиданно нарвавшись на перестрелку. А его ум уже привычно анализировал ситуацию. Женщину подсадили в главном зале, чтобы Холден с командой не увидели угрозы. Шайка недоразвитых любителей пострелять прикрывала ее с лестницы. С этим все было в порядке.

Засаду готовили с кондачка. Или неумехи, или люди, которым не хватало времени и средств сделать все как следует. Не будь она импровизацией, Холдена с тремя приятелями захватили бы или убили. И его вместе с ними.

Четверка спасшихся с «Кентербери» стояла среди обломков, как новички на первом задержании. В сознании что-то сдвинулось на полшага назад. Миллер наблюдал все, ни к чему в особенности не приглядываясь. Холден оказался меньше ростом, чем он ожидал, судя по видео. И неудивительно,

он ведь землянин. У него лицо человека, который ничего не способен утаить.

— Спасибо. Меня зовут Холден. А вы?..

Миллер перебрал шесть разных ответов и все их отверг. Один из четверки — большой крепкий мужчина с бритой головой — расхаживал по вестибюлю с таким же рассеянным, как у Миллера, взглядом. Из всех людей Холдена один этот прежде бывал в серьезных переделках.

— Скоро подоспеют копы, — сказал Миллер. — Мне надо позвонить, не то мы все окажемся в тюрьме.

Второй мужчина — тонкий, высокий, похожий на индуса — прятался за кушеткой. Теперь он сидел на пятках, в круглых глазах его стоял ужас. Что-то подобное было и в глазах Холдена, только тот лучше владел собой. «Бремя командира», — подумал Миллер.

— А вы не коп?

Миллер рассмеялся.

— Нет, — ответил он. — Я Миллер.

— Ну вот, — заговорила женщина. — Эти люди пытались нас убить. Почему?

Холден сделал полшага на голос, прежде чем взглянул на нее. Ее щеки разгорелись, а полные губы напряглись и побелели. Черты лица говори-

ли о сложной смеси рас, обычной в плавильном котле Пояса. Руки у нее не дрожали. У здоровяка было больше опыта, но Миллер отметил, что инстинкты у женщины лучше.

— Да, — сказал он ей, — я обратил внимание.

Вытащив ручной терминал, он вызвал на связь Сематимбу. Коп ответил через несколько секунд.

— Семи, — сказал Миллер, — мне очень жаль, но, помнишь, я обещал не шуметь?

— Да? — Местный коп растянул это слово на три слога.

— Не вышло. Я шел на встречу с другом…

— На встречу с другом, — эхом повторил Сематимба. Даже не видя изображения в рамке, Миллер догадался бы, как он скрестил руки.

— И нечаянно наткнулся на компанию туристов, которых занесло в неподходящее место в неудачное время. Пришлось вмешаться.

— Где ты? — спросил Сематимба. Миллер назвал уровень и адрес. Повисла долгая пауза, коп просматривал сообщения внутренней связи — доступ к такой прежде был и у Миллера. Его вздох отдался в динамике. — Ничего не вижу. Стреляли?

Миллер оглядел разруху вокруг себя. После первого выстрела должны были поступить тысячи

тревожных сообщений. Здесь бы кишмя кишеть охранникам.

— Было немного, — признался он.

— Странно, — сказал Сематимба. — Не высовывайся, я подъеду.

— Годится, — ответил Миллер и прервал связь.

— Ну, — спросил Холден, — кто это был?

— Настоящий коп, — сказал Миллер. — Они скоро подъедут. Все будет нормально.

«Надеюсь, все будет нормально». Ему пришло в голову, что он рассматривает ситуацию, будто он все еще внутри, часть системы. А это было уже не так, и притворство могло плохо кончиться.

— Он за нами следил, — сказала женщина Холдену. И, уже Миллеру, повторила: — Вы за нами следили.

— Следил, — признал Миллер. Он считал, что сказал это без горечи, но здоровяк покачал головой.

— Это все шляпа, — объяснил он. — Малость выделяется.

Миллер стянул свой головной убор и задумался. Конечно, это здоровяк его высмотрел. Остальные трое — неплохи для дилетантов, а Холден, как помнил Миллер, успел послужить на Флоте ООН. Но насчет здоровяка Миллер готов был поставить

немалые деньги, что его досье — захватывающее чтение.

— Почему вы за нами следили? — спросил Холден. — То есть спасибо, что вы стреляли в этих, которые стреляли в нас, но все же хотелось бы знать, с чего началось.

— Хотел с вами поговорить, — объяснил Миллер. — Я кое-кого ищу.

Пауза. Холден улыбнулся.

— Кого именно?

— Человека из команды «Скопули», — сказал Миллер.

— «Скопули»? — повторил Холден, начал поворачиваться к женщине, но спохватился. Тут что-то было. «Скопули» значил для него больше, чем понял Миллер из новостей.

— Мы там никого не застали, — сказала женщина.

— Срань господня, — выговорил трясущийся за кушеткой. Это были первые его слова после прекращения стрельбы, и он быстро повторил их раз пять или шесть подряд.

— А как насчет вас? — спросил Миллер. — С «Доннаджера» вас забросило на Тихо, а теперь и сюда. Это как же?

— Откуда вы знаете? — удивился Холден.

— Такая работа, — сказал Миллер. — Ну, была работа.

По-видимому, ответ не удовлетворил землянина. Он сдвинулся за спину к Холдену, и на его дружелюбном лице читалось: «Все хорошо, пока не пойдет плохо, а уж тогда будет хуже некуда». Миллер кивнул, наполовину ему, наполовину себе.

— Один человек из АВП сказал, что вы не погибли с «Доннаджером», — признался он.

— Так и сказал? — со злостью выпалила женщина.

— У него были на то причины, — объяснил Миллер. — В общем, он сказал, и я начал искать. А в ближайшие десять минут я постараюсь устроить, чтобы охрана Эроса не засадила вас всех и меня заодно. Так что если у вас есть что мне сказать — например, что вы здесь делаете, — то сейчас самое время.

Тишину нарушал только шум воздухоочистителей, усердно втягивавших дым и пороховую гарь. Трясущийся встал. В его осанке сквозило что-то от военного. «Служил где-то, — подумал Миллер, — но не в пехоте. Может, флотский. Марсианин, похоже». Выговор у него был, как у других марсиан.

— А, на фиг, кэп, — заговорил здоровяк. — Он подстрелил парня, который зашел к нам за спину. Может, он и мудак, но по мне — о'кей.

— Спасибо, Амос, — ответил ему Холден. Миллер занес имя в мысленный файл. Здоровяк — Амос. Холден завел руку за спину, возвращая пистолет за ремень.

— Мы тоже кое-кого ищем, — сказал он. — Возможно, со «Скопули». Мы как раз проверяли нужный номер, когда эти на нас набросились.

— Здесь? — спросил Миллер. В его жилах зажурчало что-то похожее на чувство. Не надежда, а ужас. — Кто-то со «Скопули» сейчас здесь?

— Мы так думаем, — сказал Холден.

Миллер выглянул за дверь вестибюля. В тунеле начинала собираться кучка любопытных. Скрещенные руки, нервные взгляды. Он представлял, что они чувствуют. Сематимба со своими уже едут. Стрелки, атаковавшие команду Холдена, не показываются, но это не значит, что они ушли. Не исключено, что нахлынет новая волна. Они могли отойти на более удобную позицию и поджидать там Холдена.

Но что, если Джули сейчас здесь? Разве он может остановиться, зайдя так далеко? Он с удивлением заметил, что еще держит пистолет в руке.

Непрофессионально. Следовало бы вложить в кобуру. Из остальных с пистолетом стоял только марсианин. Миллер покачал головой. Распустился, надо подтянуться.

Все же у него еще осталась половина обоймы.

— В какой комнате? — спросил он.

Коридоры здесь оказались узкими и низкими. На стенах блестела краска, какой обычно красят склады, а ковер был из углеродистых силикатов, стирающихся медленнее, чем голый камень. Миллер с Холденом шли первыми, за ними женщина и марсианин — Наоми и Алекс, — потом Амос, поглядывающий через плечо назад. Миллер гадал, понимает ли кто-то, кроме него и Амоса, что они прикрывают остальных. Холден, кажется, понимал, и его это раздражало: он то и дело вырывался вперед.

Двери во всех комнатах делали из одинакового фибергласового ламината, такого тонкого, что их можно было выплавлять тысячами. Миллер за время своей карьеры вышиб сотни таких дверей. Некоторые были украшены жильцами: то расписаны нереально красными цветами, то снабжены картонкой с дырочкой, оставшейся от пропавшей веревочки с карандашом, то светились дешевой репродукцией неприличного мультика, проиг-

рывавшего сценку мутноватым бесконечным кольцом.

С точки зрения тактики это был сущий кошмар. Если засада появится из-за дверей впереди и сзади, их пятерку задушат в несколько секунд. Но пули не свистели, а за единственной открывшейся дверью оказался помятый длиннобородый мужчина с рассеянным взглядом и безвольной складкой рта. Миллер кивнул ему на ходу, и тот ответил кивком, удивившись скорее тому, что кто-то его заметил, чем обнаженным стволам. Холден остановился.

— Вот, — пробормотал он, — эта комната.

Миллер кивнул. Остальные сгрудились за ним. Амос словно случайно приотстал, обегая глазами коридор позади. Миллер рассматривал дверь. Выбить ее было проще простого. Один сильный пинок над замком. Потом он мог бы пригнуться и уйти влево, а Амос вправо. Он пожалел, что здесь нет Хэвлока. Тактические приемы лучше удаются людям, которые успели сработаться. Он поманил к себе Амоса.

Холден постучал в дверь.

— Что вы?.. — свирепо прошипел Миллер, но Холден его не слушал.

— Хэлло, — позвал он, — есть кто дома?

Миллер напрягся. Ничего не случилось. Ни голоса, ни выстрела. Ничего. Холден как будто не понимал, как он рискует. По выражению лица Наоми Миллер догадался, что он не в первый раз проделывает подобные штучки.

— Открыть? — спросил Амос.

— Будьте так добры, — отозвался Миллер одновременно со словами Холдена:

— Да, выбей ее.

Амос переводил взгляд с одного на другого и не двигался, пока Холден ему не кивнул. Тогда он протиснулся мимо них, с одного удара вышиб дверь и, бранясь, ввалился внутрь.

— Вы в порядке? — спросил Миллер.

Здоровяк, кисло поморщившись, кивнул.

— Да ногу недавно ломал. Только сняли гипс. Все время забываю.

Миллер снова повернулся к двери. Внутри было темно, как в пещере. Ни одного огонька, не светились даже мониторы и сенсорные установки. Миллер с пистолетом в руке шагнул внутрь. Холден держался сразу за ним. Пол хрустел под ногами, как галька, а в воздухе стоял странный вяжущий запах, ассоциировавшийся у Миллера с разбитым экраном. Сквозь него пробивался другой, куда менее приятный. Об этом запахе он

предпочел не думать.

— Хэлло? — позвал Холден. — Есть кто-нибудь?

— Включите свет, — сказала сзади Наоми. Миллер слышал, как Холден шарит по стенной панели, но свет не зажегся.

— Не работает, — сказал Холден.

Смутный отблеск из коридора почти ничего не освещал. Миллер держал пистолет, приготовившись стрелять на дульную вспышку, если кто-то откроет огонь из темноты. Левой рукой он достал свой терминал, включил подсветку экрана и открыл белую страницу пустого файла. Рядом с ним то же самое проделал Холден.

Тощая кровать жалась к стене, около нее стоял узкий поднос. Простыни были скомканы, будто после беспокойной ночи. Шкаф отрыт и пуст. Пустой вакуумный скафандр валялся на полу, словно безголовый манекен. Старый игровой экран напротив кровати разбит полудюжиной ударов. Вмятины на стенах от ударов, направленных в светодиодные лампы и не попавших в цель. Еще один включившийся терминал добавил света, и еще один. В комнате стали слабо проступать цвета: дешевая позолота стен, зелень одеяла и простыней. Под койкой что-то блеснуло. Старомодный ручной терминал. Миллер присел

на корточки, остальные собрались вокруг.

— Дерьмо, — сказал Амос.

— Ладно, — произнес Холден, — никому ничего не трогать. Ничего. Абзац. — Более разумных слов Миллер в жизни не слышал.

— Кто-то устроил здесь зверскую драку, — пробормотал Амос.

— Нет, — возразил Миллер. — Разгром — пожалуй. Но борьбы здесь не было.

Он достал из кармана пакетик для улик из тонкой пленки и вывернул его наизнанку, надев на руку вместо перчатки, после чего поднял терминал, обернул пластиком и запечатал.

— Это… кровь? — спросила Наоми, указывая на дешевый пенковый матрас. По простыне и подушке тянулись влажные полосы, шириной не больше пальца, но темные. Слишком темные даже для крови.

— Нет, — сказал Миллер, сунув терминал в карман.

Жидкий след узкой тропинкой тянулся в ванную. Миллер поднял руку, приказывая остальным стоять, и прокрался в полуоткрытую дверь. В ванной мерзкий запах стал сильнее. Пахло чем-то глубинным, органическим, интимным. Так пахнет навоз в парнике, или следы секса, или

бойня. Все вместе. Унитаз из блестящей стали, той же модели, что в тюрьмах. Такая же раковина. Лампочки над раковиной и на потолке разбиты. В свете его терминала, слабом, как свет единственной свечи, тянулись из душевой кабины к разбитым лампам черные щупальца, изогнутые и ветвящиеся, как жилки листьев.

В кабине лежала мертвая Джульетта Мао.

Глаза ее были закрыты, и хорошо, что так. Она постриглась иначе, чем на снимках, виденных Миллером, и стрижка изменила овал лица, но не узнать ее было невозможно. В обнаженном теле осталось мало человеческого. Кольца ветвящейся поросли тянулись изо рта, ушей, вагины. Ребра и позвоночник ощетинились шпорами, которые как ножи прорезали бледную кожу, пробиваясь к свободе. Из нее вытекла темно-коричневая жижа, наполнившая поддон почти на три сантиметра. Он сидел молча, всей душой желая проснуться, и чтобы все это оказалось сном.

«Что они с тобой сделали? — думал он. — Ох, детка, что они сделали?»

— О боже, — проговорила за спиной Наоми.

— Ничего не трогать, — велел он. — Выходите наружу. В коридор. Сейчас же.

Свет в комнате погас, когда вынесли терми-

налы. В движущихся тенях на миг почудилось, будто тело шевельнулось. Миллер ждал, но ни один вдох не всколыхнул грудную клетку. Не дрогнули веки. Ничего. Он встал, тщательно проверил манжеты рукавов и обувь и вышел.

Все они это видели. Он по их лицам мог сказать, что все они видели. И не лучше его понимали, что это было. Он мягко прикрыл расщепленную дверь и стал ждать Сематимбу. Ждать пришлось недолго.

Пять человек в полицейских доспехах и с оружием продвигались к ним по коридору. Миллер вышел навстречу, его осанка говорила за себя яснее, чем значок. Он видел, как расслабились полицейские. Сематимба шел последним.

— Миллер? — сказал он. — Какого черта? Кажется, ты собирался не высовываться.

— А что мне оставалось? — ответил Миллер. — Тут за мной штатские. Мертвецы, что внизу, накинулись на них в вестибюле.

— Почему? — требовательно спросил Сематимба.

— Кто знает? Хотели вытрясти мелочишку? Это все пустяки.

Сематимба поднял бровь.

— У меня там четыре трупа, и это пустяки?

Миллер кивнул назад:

— Пятая там. Девушка, которую я искал.

Лицо Сематимбы смягчилось.

— Очень жаль, — сказал он.

— Пошел ты. — Миллер не мог принять его сочувствия. Не мог выслушивать утешений. Одно мягкое прикосновение сейчас сломало бы его, так что он предпочитал держаться твердого тона. — Но здесь тебе не обойтись без коронера.

— Так плохо?

— Ты не представляешь. Слушай, Семи, — продолжал Миллер, — я тут увяз с головой. Те мальчики с пушками внизу — не будь у них связей в вашей службе, вас бы подняли по тревоге после первого выстрела. Ты сам понимаешь, что тут подстроили ловушку. Они ждали эту четверку. А знаешь, кто этот черноволосый коротышка? Джеймс Холден. Он вообще-то числится покойником.

— Тот Холден, что начал войну? — спросил Сематимба.

— Он самый, — ответил Миллер. — Здесь глубоко. Утонуть проще простого. А помнишь поговорку, насчет нырять за утопленником?

Сематимба кивнул, вглядываясь в коридор.

— Давай я тебе помогу, — предложил он, но

Миллер покачал головой.

— Я слишком глубоко влип. Забудь про меня. Ты просто получил вызов. Нашел это место. Со мной ты незнаком, с ними незнаком, понятия не имеешь, что произошло. Или уж иди на дно вместе со мной. Выбирай.

— И ты не улетишь со станции, не поговорив со мной?

— Заметано, — согласился Миллер.

— Идет, — сказал Сематимба и после короткой паузы: — Это и вправду Холден?

— Вызывай коронера, — повторил Миллер. — Поверь мне.

Глава 25
Холден

Миллер махнул Холдену и направился к лифту, не оглянувшись проверить, идут ли за ним. Холдена такая самоуверенность разозлила, но он все же подошел.

— Вот так? — заговорил он. — Мы побывали в перестрелке, убили по меньшей мере троих, а теперь просто уходим. Без допроса, не дав показаний? Как это у вас получается?

— Любезность между профессионалами, — ответил Миллер, и Холден решил, что он не шутит.

Двери лифта открылись, приглушенно звякнув, и Холден со своими вошел вслед за Миллером. Наоми оказалась ближе всех к панели и потянулась к кнопке вестибюля, но руки у нее так тряслись, что ей пришлось сжать пальцы в кулак. Глубоко вздохнув, она нацелила переставший дрожать палец и ткнула в кнопку.

— Ерунда какая-то. Даже бывший коп не получает лицензии на стрельбу, — сказал в спину Миллеру Холден.

Миллер не ответил, но как будто немного съе-

жился. У него сам собой вырвался тяжелый вздох. Кожа стала серее, чем раньше.

— Сематимба знает дело. Половина нашей работы в том, чтобы уметь вовремя отвернуться. Кроме того, я обещал, что мы не покинем станцию, не дав ему знать.

— Ни хрена себе! — возмутился Амос. — Ты что это за нас обещаниями разбрасываешься, дружок?

Лифт остановился, и перед ними открылась кровавая сцена боя. В вестибюле работала дюжина копов. Миллер кивнул им, и они кивнули в ответ. Он вывел команду в коридор и обернулся.

— Об этом потом, — сказал он. — Пока что надо найти место, где поговорить.

Холден примирительно пожал плечами.

— Ладно, только вы платите.

Миллер свернул по коридору к станции «трубы».

Следуя за ним, Наоми придержала Холдена за рукав и оттянула чуть назад. Когда Миллер достаточно обогнал их, она сказала:

— Он ее знал.

— Кто кого знал?

— Он, — Наоми движением головы показала на Миллера, — знал ее. — Она мотнула подбо-

родком в сторону оставшегося за спиной места преступления.

— Откуда тебе известно? — спросил Холден.

— Он не ожидал найти ее там, но он знал, кто она. И его потрясло то, что он увидел.

— Что-то мне не верится. Он всю дорогу держался совершенно спокойно.

— Нет, они были друзьями или что-то такое. Ему сейчас тяжело, так что ты, пожалуй, не дави на него слишком сильно, — сказала она. — Он может нам пригодиться.

Номер, выбранный Миллером, оказался немногим лучше того, где нашли тело. Алекс тут же направился в ванную и запер за собой дверь. Шум льющейся в раковину воды не заглушал звуков рвоты.

Холден плюхнулся на потертый плед, закрывавший постель, вынудив Миллера обойтись неудобным на вид стулом. Наоми села рядом с ним на кровать, но Амос остался на ногах, расхаживая по комнате, как встревоженный зверь.

— Ну, говорите, — обратился к Миллеру Холден.

— Подождем остальных. — Миллер кивнул в сторону ванной.

Через несколько минут появился Алекс, еще

бледный, но свежеумытый.

— Ты в порядке, Алекс? — мягко спросила Наоми.

— Пять к пяти, старпом, — ответил тот и сел на пол, обхватив голову руками.

Холден смотрел на Миллера и ждал. Минуту поиграв своей шляпчонкой, немолодой мужчина примостил ее на выдвижной столик из дешевого пластика.

— Вы знали, что Джули в номере. Откуда? — спросил он.

— Мы даже не знали, что ее звали Джули, — возразил Холден. — Знали только, что там кто-то со «Скопули».

— Вы должны сказать, откуда узнали, — повторил Миллер с пугающей настойчивостью во взгляде.

Холден выждал минуту. Миллер убил того, кто собирался убить их, и это, несомненно, помогало поверить, что он друг, но Холден не готов был продавать Фреда и его людей, полагаясь на одну интуицию. Поколебавшись, он остановился на полумерах.

— В этой дыре прописался фиктивный владелец «Скопули», — произнес он. — Были основания предположить, что это выбросил сигнал о помо-

щи кто-то из команды.

Миллер кивнул:

— Кто вам сказал?

— Об этом мне неудобно говорить. Мы полагали, что сведения точные, — ответил Холден. — «Скопули» использовали как наживку, чтобы убить «Кентербери». Мы полагали, что человек со «Скопули» мог бы знать, почему всем так хочется нас убить.

Миллер процедил:

— Дерьмо, — и откинулся на стуле, уставившись в потолок.

— Вы искали Джули. И рассчитывали, что мы тоже ее ищем. Что мы что-то знаем. — В голосе Наоми не слышалось вопроса.

— Угу, — сказал Миллер.

Холден в свою очередь спросил почему.

— Родители прислали на Цереру контракт: отыскать ее и отправить домой. Дело поручили мне, — сказал Миллер.

— Так вы работаете на службу безопасности Цереры?

— Уже нет.

— А что вы здесь делаете? — спросил Холден.

— Ее семейство кое с чем связано, — объяснил Миллер, — а я сроду ненавижу тайны.

— И как же вы поняли, что тут речь не просто о пропавшей девушке?

Разговаривать с Миллером было все равно, что ковырять гранит резиновой лопаткой. Миллер невесело улыбнулся.

— Меня уволили за то, что я слишком старательно искал.

Холден твердо решил не обижаться на его недомолвки.

— Тогда давайте поговорим об убийцах в отеле.

— Да, серьезно, что за хрень? — сказал Амос, наконец остановившись. Алекс поднял голову и впервые взглянул с интересом. Даже Наоми подалась вперед, сдвинулась на краешек кровати.

— Понятия не имею, — ответил Миллер, — но кто-то о вас прознал.

— Ого, благодарим за блестящую дедукцию, — фыркнул Амос. — Самим бы нам ни за что не догадаться.

Холден отмахнулся от него.

— Но они не знали, зачем мы здесь, иначе заранее поднялись бы в номер Джули и взяли то, за чем пришли.

— Значит, у Фреда утечка? — спросила Наоми.

— У Фреда? — повторил Миллер.

— А может, кто-нибудь, так же как он, вычислил это дело с Полянским, только номера не знал, — продолжал Холден.

— Тогда с какой стати устраивать стрельбу? — заметил Амос. — Никакого резона нас убивать.

— А по недоразумению, — ответил ему Миллер. — Я видел, как это вышло. Этот ваш Амос вытащил пушку, и кто-то не удержался. Они вопили: «Не стрелять!» — пока вы, ребята, не начали отстреливаться.

Холден принялся прищелкивать пальцами.

— Стало быть, кто-то вычислил, что мы направляемся на Эрос и это как-то связано со «Скопули». Знали даже отель, но не номер комнаты.

— И про Лайонела Полянского не знали, — добавила Наоми, — иначе могли бы посмотреть на контроле, как сделали мы.

— Верно. Значит, они поджидали с командой стрелков, готовых нас захватить. Но захват сорвался и перешел в перестрелку в вестибюле. А вас, детектив, они абсолютно не заметили, значит, они не всеведущи.

— Еще бы, — согласился Миллер. — Все это так и вопит о подготовке в последнюю минуту. Хватайте их и узнайте, что они ищут. Будь у них больше времени в запасе, могли бы попросту обыскать

отель. Это заняло бы два-три дня, но такое вполне осуществимо. Однако им показалось, что проще захватить вас.

— Да, — кивнул Холден, — но это значит, у них здесь уже была команда. Мне они не показались местными.

Миллер смущенно помолчал.

— Теперь, когда вы об этом сказали, мне тоже, — подтвердил он.

— Значит, они, кто бы они ни были, либо располагали командой на Эросе, либо срочно вызвали людей, чтобы нас перехватить.

— И у них достаточно связей в охране, чтобы никто не примчался на стрельбу, — добавил Миллер. — Полиция ничего не знала до моего звонка.

Холден склонил голову набок и сказал:

— Черт, как бы нам выбраться отсюда?

— Погодите минуту! — громко заговорил Алекс. — Нет, вы погодите! Что, никто не собирается поговорить о том жутком мутанте? Я что, один это видел?

— Да, господи, что это такое было? — спохватился Амос.

Миллер полез в карман и достал пакетик для улик с ручным терминалом Джули.

— Среди вас технарей нет? — спросил он. — Мо-

жет, мы сумеем выяснить.

— Наверно, я могла бы его расколоть, — ответила Наоми, — только я пальцем к нему не притронусь, пока мы не знаем, что с ней случилось и не заразно ли это. Не стану испытывать судьбу, трогая то, что трогала она.

— Вам и не придется его трогать. Оставьте пакет запечатанным. Сенсорный экран должен работать, набирайте, что вам надо, прямо через пластик.

— Отлично, дайте мне минутку, — сказала она и взялась за работу.

Миллер снова откинулся на стуле и снова тяжело вздохнул.

— Так, — сказал Холден. — Вы раньше знали Джули? Наоми думает, что, увидев ее мертвой, вы чуть не слетели с катушек.

Миллер медленно покачал головой.

— Когда берешь задание вроде этого, начинаешь интересоваться объектом. Знаете, лезешь в личные дела. Читаешь почту, говоришь со знакомыми. Просто для общего представления.

Он замолчал и потер глаза большими пальцами. Холден его не торопил, он заговорил сам.

— Джули была славной девочкой, — сказал он, словно признался в чем-то. — Она гоняла по

космосу на шлюпчонке… Я… просто мне хотелось найти ее живой.

— Там пароль стоит. — Наоми подняла вверх терминал. — Я могла бы взломать память, но для этого пришлось бы открыть корпус.

Миллер протянул руку:

— Дайте-ка, я попробую.

Наоми отдала ему терминал, и он, набрав несколько символов, вернул его обратно.

— Бритва, — прочитала Наоми. — Это что такое?

— Так, одна тачка, — ответил Миллер.

Амос указал на него подбородком.

— Это он с кем разговаривает? Если с нами, так я и половины не разберу в его тарабарщине.

— Извините, — сказал Миллер. — Давно работаю более или менее в одиночку. От этого возникают дурные привычки.

Наоми развела руками и вернулась к работе. Холден и Миллер заглядывали ей через плечо.

— У нее здесь много всякого, — проговорила Наоми. — С чего начнем?

Миллер указал на текстовый файл на рабочем столе, помеченный просто «записи».

— Начните с этого, — попросил он. — У нее фанатичная склонность раскладывать все по

папочкам. Если этот оставлен на столе, значит, она не знала, в которую его поместить.

Наоми щелчком открыла документ. Он развернулся в аккуратный набор текстов, похожих на дневниковые записи.

Прежде всего подбери сопли. Паника не поможет. Она никогда не помогает. Дыши глубже, разберись, что происходит, делай правильные движения. Страх — убийца разума. Ха! Тошно мне!

Преимущества челнока:
Нет реактора, только батареи.
низкая радиация.
запасы на восьмерых.
большая инерционная масса

Недостатки челн.
Ни эпштейна, ни реактивной тяги.
передатчик не просто отключен — его физически уничтожили (легкая паранойя насчет утечек, ребятки?)

Ближайший порт — Эрос. Не туда ли они отправились? Не выбрать ли другой порт? На одном чайнике я буду двигаться очень медленно. Другая цель — лишние

недели. Значит, Эрос.

Я подхватила заразу с Фебы, наверняка. Не знаю как, но там всюду было это бурое дерьмо. Она анаэробная, наверно, я чего-то коснулась. Не важно как, думай, что делать.

Я проспала ТРИ НЕДЕЛИ! Даже не описалась. Что со мной творится?

Паршиво мне.

Что надо помнить:
ВА-834024112
Излучение убивает. На этом кораблике нет реактора, но свет не включать. Не снимать изоляционного скафандра. Мужик с видео говорил, эта дрянь питается излучением. Не кормить ее.

Послать сигнал. Получить помощь. Ты работаешь на самых головастых людей в системе. Они что-нибудь придумают.

Держаться подальше от людей. Не распространять вирус. Я пока не выкашливаю бурую жижу. Не знаю, когда это начнется.

Держаться подальше от плохих парней

— если знаешь, кто они. Прекрасно. Для меня, значит, от всех. Меня зовут Инкогнито. Полянский?

Черт, я уже чувствую. Мне все время жарко, и я умираю с голоду. Не есть. Не кормить его. Кормишь простуду, моришь грипп? Или наоборот? До Эроса один день, а там придет помощь. Держись.

Прибыла на Эрос. Послала сигнал. Надеюсь, наши заметят. Голова болит. Что-то происходит с моей спиной. Шишки над почками. Даррен превратился в жижу. Из меня получится медуза в скафандре?

Уже рвота. Что-то вылезает из спины и повсюду растекается бурой жижей. Пришлось снять скафандр. Если вы это прочтете, никому не позволяйте коснуться бурого вещества.

Сожгите меня. Я выгораю

Наоми отложила терминал, но минуту никто не заговаривал. Наконец Холден сказал:

— Зараза с Фебы. Какие-нибудь соображения?

— На Фебе была научная станция, — сказал Миллер. — Внутренних планет, астеры не допус-

кались. Ее подорвали. Много погибших, но…

— Она пишет о челноке, — сказала Наоми. — На «Скопули» челнока не было.

— Наверняка был другой корабль, — сказал Алекс. — Она могла взять челнок с него.

— Верно, — кивнул Холден. — Они перебрались на другой корабль, заразились вирусом с Фебы, и остальная команда… не знаю. Погибла?

— Она выбралась, но поняла, что заразилась, только на челноке, — подхватила Наоми. — Прилетела сюда, послала сигнал Фреду и умерла от инфекции в отеле.

— Однако не превратилась в жижу, — заметил Холден. — Просто ее ужасно… не знаю. Эти трубки и отростки костей. Что это за болезнь?

Вопрос повис в воздухе. Все снова молчали. Холден знал, что все думают об одном и том же. Они ничего не касались в том номере. Значит ли это, что им такое не грозит? Или они тоже подхватили заразу с Фебы, что бы ни означала эта чертовщина? Но она пишет — анаэробная. Холден был почти уверен, что это значит — не передается воздушным путем. *Почти* уверен…

— Куда мы теперь, Джим? — спросила Наоми.

— Как насчет Венеры? — Холден не ожидал, что его голос прозвучит так пронзительно и

напряженно. — На Венере никогда ничего не происходит.

— А серьезно? — сказала Наоми.

— Давайте серьезно. Я думаю, пусть Миллер расскажет все здешним копам, а потом выбираемся с этого камушка. Это какое-то биологическое оружие, так? Кто-то крадет его из марсианской лаборатории, засевает этой дрянью купол, и через месяц в городе не остается никого живого.

Амос перебил его, проворчав:

— Тут не все ясно, кэп. Например, при чем тут эта хренотень с убийством «Кента» и «Доннаджера»?

Холден взглянул в глаза Наоми и сказал:

— Мы теперь знаем, что искать, так?

— Так, — согласилась она. — BA-834024112. Номер астероида.

— И что вы думаете там найти? — спросил Алекс.

— Будь я любителем пари, побился бы об заклад, что корабль, с которого она украла челнок, — ответил Холден.

— Разумно, — согласилась Наоми. — В Поясе каждый камень нанесен на карту. Если хочешь что-то спрятать, пристрой это на стабильную орбиту рядом, и потом легко будет найти.

Миллер повернулся к Холдену, его лицо осунулось еще сильней.

— Если вы туда, я с вами, — сказал он.

— Зачем? — удивился Холден. — Не хочу вас обидеть, но вы нашли свою девушку. Дело закрыто, верно?

Миллер смотрел на него, сжав губы в тонкую линию.

— Открываю новое, — сказал он. — Теперь буду искать тех, кто ее убил.

Глава 26
Миллер

— Ваш дружок из полиции запретил выход моему кораблю, — сердито сказал Холден.

Вокруг них шумел ресторан отеля. Последняя смена проституток смешивалась с первой сменой туристов и бизнесменов у дешевого буфета, освещенного розовыми лампами. Пилот и здоровяк — Алекс и Амос — спорили у стойки за последнюю булочку. Наоми сидела рядом с Холденом, скрестив руки. Перед ней остывала чашка паршивого кофе.

— Мы ведь действительно кое-кого убили, — мягко ответил Миллер.

— Я думал, вы нас вытащили из этого дела своим тайным полицейским рукопожатием, — сказал Холден. — Так с какой стати запирать мой корабль?

— Помните, Сематимба сказал, что мы не должны покидать станцию, не поговорив с ним?

— Помню, что вы о чем-то сговаривались, — возразил Холден, — но помню также, что я в сделке не участвовал.

— Послушайте, мы договорились остаться здесь, пока он не примет меры, чтобы не вылететь со службы за то, что нас отпустил. Как только он прикроет задницу, запрет снимут. Так что давайте пока обсудим, как мне получить койку на вашем корабле.

Джим Холден переглянулся со своим старпомом, и этот крошечный прорыв общности сказал больше, чем любые слова. Миллер слишком плохо знал обоих, чтобы полностью разгадать взгляд, но чувствовал, что оба сомневаются.

У них были на то причины. Миллер, прежде чем пригласить их, проверил свой кредит. Того, что осталось на счете, хватило бы на ночь в отеле или на один хороший обед — одно из двух. Он потратился на дешевый завтрак, не нужный и, возможно, не доставивший удовольствия никому из команды Холдена, чтобы купить их симпатии.

— Я должен быть очень-очень уверен, что понял вас, — сказал Холден, когда здоровяк Амос сел рядом с ним с булочкой в руке. — Вы хотите сказать, что без вас ваш дружок нас отсюда не выпустит? Если так, то это шантаж.

— Вымогательство, — поправил Амос.

— Что? — переспросил Холден.

— Это не шантаж, — пояснила Наоми. — Шан-

таж — это если бы он угрожал обнародовать сведения, которые мы хотим скрыть. А если он просто угрожает, это вымогательство.

— И я не то хочу сказать, — вставил Миллер. — Свобода на станции, пока идет следствие, — это проще простого. А вот покинуть пределы их юрисдикции — другое дело. Я так же не могу удержать вас здесь, как и отпустить. Я просто прошу прихватить меня, когда вы улетите.

— Зачем? — спросил Холден.

— Затем, что вы собираетесь на астероид Джули.

— Бьюсь об заклад, там нет порта, — сказал Холден. — Куда вы собираетесь потом?

— У меня плоховато с надежными планами. Пока еще ни один не сработал.

— Понятно, — протянул Амос. — Нас с тех пор, как мы в это вляпались, поимели восемнадцатью разными способами.

Холден опустил ладони на стол, выстукивая пальцами сложный ритм на плитке столешницы, напоминающей текстурой дерево. Это был плохой признак.

— Вы кажетесь мне, э-э… ну, скажем, озлобленным стариком. Но я пять лет проработал на водовозной барже. Так что в этом вы нам под-

ходите.

— Но… — сказал Миллер и оставил слово висеть в воздухе.

— Но в меня последнее время много стреляли, так что вчерашние автоматы — самое безобидное, с чем мне пришлось иметь дело, — объяснил Холден. — Я не возьму на корабль никого, кому не решился бы доверить свою жизнь, а вас ведь я совсем не знаю.

— Я могу достать деньги, — безнадежно сказал Миллер. — Если дело в деньгах, я заплачу.

— Я не о цене торгуюсь, — ответил Холден.

— Достать деньги? — прищурившись, повторила Наоми. — Достать, а сейчас их нет?

— Я на мели, — признался Миллер. — Но это временно.

— У вас есть источник дохода? — спросила Наоми.

— Скорее способы, — сказал Миллер. — В доках действуют независимые рэкетиры. Такие есть в любом порту. Нелегальные игры, бои и тому подобное. Большинство из них договорные. Знаете, можно дать взятку копу, не давая копу взятки.

— И вы собираетесь этим заняться? — недоверчиво протянул Холден. — Собирать взятки за полицию?

На другом конце ресторана сладко зевала проститутка в красном пеньюаре. Сидевший напротив нее сутенер хмурился.

— Нет, — сказал Миллер. — Я буду делать побочные ставки. Если играет коп, я поставлю на то, что он выиграет. Я обычно могу распознать копа. В заведениях их знают, потому что постоянно им платят. Ставить надо на рыбку, которая нервничает, потому что играет без лицензии.

Миллер сам чувствовал, как неубедительно это звучит. Пилот Алекс подошел и сел рядом с Миллером. Его кофе был яркого оттенка, и от чашки едко пахло.

— До чего договорились? — спросил он.

— Ни до чего, — ответил Холден. — Не договорились и не договоримся.

— Напрасно вы думаете, что это не сработает, — неуклюже сказал Миллер, и в тот же момент загудели все четыре ручных терминала. Холден с Наоми обменялись менее загадочным взглядом и вытащили свои. Терминалы Алекса и Амоса уже были открыты. Миллер разглядел красно-зеленую каемку, означавшую первоочередное сообщение или преждевременное поздравление с Рождеством. Минуту все молча читали, потом Амос тихонько свистнул.

— Третья стадия? — спросила Наоми.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, — ответил Алекс.

— Позвольте полюбопытствовать? — попросил Миллер.

Холден подтолкнул к нему свой терминал. Сообщение открытым текстом поступило с Тихо.

> «ПОЙМАЛИ КРОТА НА СТАНЦИИ СВЯЗИ ТИХО. ВАШЕ ПРИБЫТИЕ И ЦЕЛЬ СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ЛИЦАМ НА ЭРОСЕ. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ».

— Запоздалое предупреждение, — заметил Миллер.

— Читайте дальше, — посоветовал Холден.

> «ШИФРОВАЛЬНЫЙ
> КОД КРОТА ПОЗВОЛИЛ ПЕРЕХВАТИТЬ ПЕРЕДАЧУ С ЭРОСА ПЯТЬ ЧАСОВ НАЗАД. ПЕРЕХВАЧЕННОЕ СООБЩЕНИЕ СЛЕДУЕТ: ХОЛДЕН УШЕЛ, НО ЗАРЯЖЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ ПОЛУЧЕН. ОТВЕТ: ОБРАЗЕЦ ПОЛУЧЕН, ПРИСТУПАЙТЕ К ТРЕТЬЕЙ СТАДИИ».

— Кто-нибудь понимает, о чем это? — спросил

Холден.

— Я — нет. — Миллер вернул ему терминал. — Разве что… если заряженный образец — тело Джули.

— Думаю, можно допустить, что так и есть.

Миллер постучал пальцами по столу, бессознательно копируя выбранный Холденом ритм. Мысленно он перебирал комбинации.

— Это биологическое оружие, — заговорил он, — или что там оно такое. Они посылали его сюда. И вот оно здесь. Предположим. Захватывать Эрос особого смысла нет. Для войны он мало важен в сравнении с Церерой, Ганимедом или верфями Каллисто. А если бы его хотели убить, есть более простые способы. Взорвать атомную бомбу на поверхности, и она расколется, как яйцо.

— Это не военная база, но торговый центр, — заметила Наоми, — и его, в отличие от Цереры, не контролирует АВП.

— Тогда ее вывезут, — сказал Холден. — Вывезут образец, чтобы передать заразу туда, куда нацелились с самого начала, а как только они покинут станцию, нам их уже не остановить.

Миллер покачал головой. Где-то в цепочке рассуждений угадывалось слабое звено. Что-то

он упустил. Воображаемая Джули показалась у дальней стены, но из ее глаз, как слезы, стекали на щеки тонкие черные нити.

«Чего я здесь ищу, Джули? — подумал он. — Я ведь что-то ищу, но не знаю что».

Вибрация была слабой, мелкой, легче, чем дрожь при торможении вагона «трубы». Звякнуло несколько тарелок, по кофе в чашке Наоми разошлись концентрические круги. Весь отель замолчал, охваченный внезапным ужасом, когда тысячи людей одновременно осознали свою уязвимость.

— Ог-го, — выговорил Амос. — Эт-то что за хрень? — И тут же взвыл сигнал тревоги.

— А может быть, третья стадия — это что-то другое, — пробился сквозь вой голос Миллера.

Система общего оповещения была невнятной по самой природе. Динамики могли говорить со стены в метре от вас или с расстояния на крайнем пределе слышимости. Смешиваясь, слова создавали гулкое ложное эхо. С учетом этого по системе срочного оповещения говорили очень отчетливо, разделяя слова.

«Просим внимания. На станции Эрос авария. Немедленно продвигайтесь на уровень казино для перехода в радиационные убежища. Оказы-

вайте содействие службе безопасности. Просим внимания. На станции Эрос авария…»

Петля записи будет крутиться без конца, пока кто-нибудь не введет новое задание или пока все мужчины, женщины, дети, животные и насекомые станции не превратятся в пыль и пар. Этот сценарий был кошмаром, и Миллер действовал, повинуясь многолетней выучке жителя герметичной станции. Он встал из-за стола, вышел в коридор и направился к более широкому коридору, уже забитому людьми. Холден с командой следовали за ним по пятам.

— Это был взрыв, — сказал Алекс. — По меньшей мере корабельный двигатель. Если не ядерный заряд.

— Они хотят убить станцию, — с ужасом в голосе произнес Холден. — Вот уж не думал, что стану скучать по времени, когда подо мной взрывали корабли. Но эта станция…

— Они ее не взломали, — сказал Миллер.

— Вы уверены? — откликнулась Наоми.

— Я слышу ваш голос, — пояснил Миллер, — значит, здесь не вакуум.

— Здесь есть шлюзы, — напомнил Холден. — Если в станции пробоина, шлюзы закрываются…

Какая-то женщина сильно толкнула Миллера

в плечо, пробиваясь вперед. Малейшая неосторожность — и начнется давка. Слишком много здесь страха, слишком мало места. Паники еще не было, но от нетерпеливого движения толпы, вздрагивавшей, как закипающая вода, Миллеру стало не по себе.

— Это же не корабль, — сказал он. — Это станция. Мы в камне. Если у чего-то хватило мощности пробиться к герметичным отсекам, тут бы все треснуло, как яйцо. Большое яйцо, надутое изнутри.

Толпа остановилась, заполнив туннель. Здесь нужны были силы сдерживания, и быстро. Впервые с тех пор, как он покинул Цереру, Миллер пожалел о своем значке. Кто-то налетел сбоку на Амоса и подался назад, когда великан рыкнул.

— Кроме того, — продолжал Миллер, — тревога радиационная. Чтобы убить станцию, не обязательно выпускать из нее воздух. Прожгите ее лучом из нескольких квадриллионов свободных нейтронов, и беспокоиться о поставке кислорода будет некому.

— Веселый ты тип! — буркнул Амос.

— Станции не зря строят внутри астероидов, — сказала Наоми. — Не так легко прошить излучением метры скалы.

— Я однажды провел месяц в радиационном убежище, — заговорил Алекс, вместе с остальными пробиваясь сквозь напирающую толпу. — У нашего корабля отказала магнитная ловушка. Автоматическое отключение вышибло, и реактор работал еще чуть не целую секунду. Машинный зал расплавило. Несколько человек, оказавшихся на соседних палубах, погибли, не успев понять, в чем дело, и тела потом три дня вырубали из оплавленного металла и пластика, чтобы похоронить. Оставшиеся восемнадцать на тридцать шесть дней забились в убежище, пока нас не сняли.

— Звучит великолепно, — покачал головой Холден.

— Кончилось тем, что шестеро переженились, а остальные никогда больше не разговаривали друг с другом, — закончил Алекс.

Впереди кто-то закричал. В крике не было ни тревоги, ни даже гнева. Истерика. Страх. То самое, чего боялся Миллер.

— Для нас это, пожалуй, не главная проблема, — начал он, но не успел ничего объяснить, потому что новый голос заглушил повторяющееся аварийное предупреждение.

«Эй, вы все! Мы — охрана Эроса, кве, но? У нас

тут авария, так что делайте, что мы скажем, и никто не пострадает».

«Давно пора», — подумал Миллер.

«Правила такие, — продолжал голос. — Следующего идиота, кто кого-то пихнет, я пристрелю. Соблюдайте порядок. Первое дело — порядок. Второе — двигайтесь. Пошли, пошли, пошли!»

Сперва ничего не изменилось. Клубок человеческих тел был слишком тугим, чтобы его могла быстро распустить даже самая тяжелая рука, однако через минуту Миллер заметил, что головы далеко впереди шевельнулись и двинулись дальше. Воздух в туннеле сгущался, запах раскаленного пластика из перегруженных восстановителей донесся до него, как раз когда толпа расступилась. Дышать стало легче.

— У них есть надежные убежища? — обратилась к своим спутникам женщина позади, но ее тотчас унесло потоком. Наоми дернула Миллера за рукав.

— Так что, есть? — спросила она.

— Да, должны быть, — буркнул он. — Наверно, на четверть миллиона, и в первую очередь места получат необходимый персонал и медики.

— А остальные? — спросил Амос.

— Из тех, кто выживет, — ответил Холден, —

персонал станции спасет всех, кого возможно.

— Ага, — протянул Амос. — Ну и хрен с ними. Мы-то идем на «Роси», нет?

— А, черт, да, — сказал Холден.

Впереди толпа из их туннеля смешивалась с другой, выходящей с нижнего уровня. Пятеро мужчин с тугими загривками торопили людей. На них было полицейское снаряжение для разгона уличных беспорядков. Двое держали толпу под прицелом. Миллеру ужасно хотелось залепить этим соплякам по затрещине. Целиться в людей — плохой способ избежать паники. К тому же одному копу снаряжение было тесно в поясе, пряжки на ремне тянулись друг к другу, как разлученные любовники.

Миллер стал глядеть под ноги, шагая осторожно, а мысль у него лихорадочно работала. Один из копов взмахнул пистолетом. Другой захохотал и бросил несколько слов на корейском.

Что там говорил Сематимба о новичках в службе? Сплошная показуха, а кишка тонковата? Новая корпорация с Луны. Астеры на грунте. Коррупция.

Название. Как же она называлась? МДМ. «Мясо-для-Машины». Один из копов, опустив пушку, снял шлем и принялся ожесточенно чесать себе

за ухом. У него была буйная черная шевелюра, татуировка на шее и шрам от нижнего века до подбородка.

Миллер его вспомнил. Полтора года назад арестовывал за нападение и рэкет. Да и снаряжение — доспехи, дубинки, оружие — выглядело мучительно знакомым. Доуз ошибался — Миллер все-таки нашел пропавшее снаряжение.

Как бы там ни было, это случилось задолго до того, как «Кентербери» принял SOS со «Скопули». Задолго до исчезновения Джули. Значит, в план входило внедрить банду гангстеров с Цереры в охрану Эроса и вооружить их для контроля толпы. Третья стадия…

«А, — подумал он, — вот, значит, как. Ничего хорошего».

Миллер начал уклоняться в сторону, стараясь незаметно оставить побольше тел между собой и переодетым в полицейского стрелком.

— Все на уровень казино, — орал один из гангстеров. — Оттуда мы отведем вас в убежище, но прежде всем собраться на уровне казино.

Холден и его люди не замечали никаких странностей. Они переговаривались, прикидывая, как пробраться на свой корабль и что делать, когда доберутся, рассуждали, кто мог атаковать станцию

и куда могли отправить изуродованный, зараженный труп Джули. Миллер подавил желание прервать их. Надо было сохранить спокойствие, успеть все продумать. Нельзя привлекать внимание. Он ждал подходящего момента.

Коридор сворачивал и расширился. Давление тел немного ослабло. Миллер выждал, пока они попадут в мертвую зону, где никто из подставных охранников не сможет увидеть их лиц, и взял Холдена за локоть.

— Не ходите туда, — сказал он.

Глава 27
Холден

— Что значит — «не ходите»? — Холден выдернул локоть. — Кто-то подорвал станцию. Нам с этим не справиться. Если не доберемся до «Роси», будем делать, что нам говорят.

Миллер отступил назад и поднял ладони, всеми силами стараясь избежать намека на угрозу, которая бы только сильнее разъярила Холдена. Позади них копы направляли все новых людей в забитые коридоры, ведущие к казино. В воздухе гудело эхо усиленных электроникой голосов и возбужденного гула толпы. Над всем этим господствовала система общего оповещения, призывавшая сохранять спокойствие и содействовать спасательным командам.

— Видите этого костолома в полицейском снаряжении? — спросил Миллер. — Его зовут Габби Смоллс. Он был старшим рэкетирской команды от «Золотой Ветви» на Церере. Не считая кое-каких побочных делишек. Подозреваю, он не одного человека вышвырнул в шлюз.

Холден посмотрел на широкоплечего толсто-

шеего парня. Теперь, после слов Миллера, тот в самом деле показался не похожим на копа.

— Не понимаю, — признался Холден.

— Пару месяцев назад, когда вы вызвали несколько вспышек беспорядков, сообщив, что Марс взорвал вашу баржу, мы обнаружили…

— Я не сообщал…

— *…обнаружили,* что большая часть полицейского снаряжения на Церере пропала. Немного раньше стали исчезать наши боевики из подпольного бизнеса. Только что я выяснил, куда все это делось.

Миллер ткнул пальцем в одетого в полицейские доспехи Габби.

— Я бы не ходил туда, куда он посылает людей, — добавил он. — Право, не ходил бы.

Мимо них текла человеческая река. Напор сильно уменьшился.

— Тогда куда же? — спросила Наоми.

— Да, если уж выбирать между излучением и гангстерами, я предпочту гангстеров, — добавил Алекс, убежденно кивнув Наоми.

Миллер достал терминал и поднял так, чтобы экран был виден всем.

— Радиационного предупреждения я не получил, — сказал он. — Что бы ни творилось

снаружи, на этом уровне опасности нет. Пока, во всяком случае. Так что давайте остынем и поработаем головами.

Холден повернулся к нему спиной и сделал знак Наоми. Отведя ее в сторону, он тихо заговорил:

— Я все же думаю, надо добраться до корабля и сматывать отсюда. Рискнем обойти этих бандитов.

— Если радиационной угрозы нет, я согласна, — кивнула она.

— А я — нет, — вмешался Миллер, даже не скрывая, что подслушивал. — Для этого нам пришлось бы пройти уровень казино, набитый бандитами в полицейском снаряжении. Они велят нам остаться в казино ради нашей же безопасности. А когда мы не послушаемся, вырубят дубинками и бросят туда же. Ради нашего же блага.

Еще одна кучка народа выбралась из бокового коридора, стремясь на ободряющие голоса полиции и яркие огни казино. Холден почувствовал, как трудно устоять перед напором толпы. Мужчина с двумя огромными чемоданами налетел на Наоми и чуть не сбил с ног. Холден удержал ее за руку.

— А альтернатива? — обратился он к Миллеру.

Миллер обвел глазами коридор, оценивая

плотность людского потока, и кивнул на раскрашенный желтыми и черными полосами люк узкого служебного коридора.

— Сюда, — предложил он. — На табличке «Высокое напряжение», так что те, кто будет заметать отставших, туда не сунутся. Добрые граждане не прячутся в таких местах.

— Сумеешь быстро открыть дверь? — спросил у Амоса Холден.

— А взломать можно?

— Если нужно.

— Тогда запросто, — заверил Амос и начал проталкиваться к рабочему люку. Оказавшись на месте, он достал универсальный ключ и сковырнул дешевую пластиковую крышку электронного замка. Закоротив пару проводков, он заставил люк скользнуть в сторону под шипение гидравлики. — Ну вот, — буркнул он. — Замок больше не работает, так что входи, кто хочет.

— Об этом давайте подумаем, когда это случится, — предложил Миллер и ввел их в скудно освещенный проход за люком. Служебный коридор был заполнен электрическими кабелями, подвязанными пластиковыми шнурами. Первые тридцать-сорок футов освещались, остальное терялось во мгле. Красные светодиодные лампы

держались на торчащих из стены через каждые пять футов кронштейнах, поддерживавших жгуты проводов. Наоми пришлось нагнуться на входе, она была сантиметра на четыре выше потолка. Прижавшись спиной к стене, она села на корточки.

— Что им мешало сделать коридор такой высоты, чтобы здесь могли работать астеры? — раздраженно спросила она.

Холден благоговейно коснулся стены с выбитыми в ней идентификационными номерами.

— Астеры, которые его строили, не были такими высокими, — сказал он. — Это одна из основных линий проводки. Туннель пробили в эпоху освоения Пояса. Люди, проложившие его, росли при гравитации.

Миллер, которому тоже приходилось наклонять голову, крякнув, сел на пол и подогнул колени.

— Отложим урок истории, — попросил он. — Подумаем, как нам сняться с этого камушка.

Амос, внимательно изучавший связку кабелей, сказал через плечо:

— Если увидите потертую изоляцию, не прикасайтесь. Вот эта толстая кишка держит пару миллионов вольт. Она вас в дерьмо расплавит.

Алекс присел рядом с Наоми и поморщился, коснувшись задом холодного камня.

— А знаете, — сказал он, — если они вздумают запечатать станцию, воздух из служебных коридоров могут откачать.

— Понял, — громко ответил Холден. — Укрытие дерьмовое и ненадежное. Разрешаю закрыть тему.

Он устроился рядом с Миллером.

— Ну, детектив, что дальше?

— Дальше, — ответил тот, — мы пропустим толпу и пойдем следом, постараемся пробраться в доки. Тех, кто в убежищах, мы легко обойдем. Убежища расположены гораздо глубже. Главное — миновать уровень казино.

— А по этим служебным коридорам не пройти? — спросил Алекс.

Амос покачал головой.

— Нет, без карты не пройдем. Если здесь заблудишься, дело плохо.

Холден, не слушая их, сказал:

— Хорошо, значит, ждем, пока всех уведут в радиационные убежища, и улетаем.

Миллер кивнул ему, и минуту двое мужчин смотрели друг другу в глаза. Воздух между ними сгустился, молчание обрело собственный смысл.

Миллер передернул плечами, словно куртка стала ему тесна.

— Как вы думаете, зачем банда гангстеров с Цереры загоняет всех в радиационные убежища, если реальной угрозы нет? — наконец спросил Холден. — И почему копы Эроса им не препятствуют?

— Хорошие вопросы, — отозвался Миллер.

— Если они используют этих йеху,[24] понятно, почему так неуклюже была обставлена попытка похищения в отеле. Они не похожи на профессионалов.

— Да, — подтвердил Миллер. — В таких делах у них нет опыта.

— Не помолчите ли вы двое? — попросила Наоми.

Они помолчали — почти минуту.

— Наверно, было бы большой глупостью, — заговорил Холден, — подсмотреть, что там происходит?

— Да. Что бы ни творилось в этих убежищах, там повсюду охрана и патрули, — сказал Миллер.

— Угу, — согласился Холден.

---

[24] Примечания: 24

Зверообразные люди из книги «Путешествия Гулливера». В переносном смысле: безмозглые громилы.

— Капитан… — предостерегающе бросила Наоми.

— А все-таки, — напомнил Миллеру Холден, — вы ненавидите тайны.

— Это верно. — Миллер кивнул и слабо улыбнулся. — А вы, друг мой, чертовски упрямы.

— Мне это говорили.

— Черт вас побери, — тихо сказала Наоми.

— Что такое, босс? — заинтересовался Амос.

— Эта парочка только что поломала наш план спасения, — объяснила ему Наоми и обратилась к Холдену: — Вы, ребята, втянете в беду друг друга, а следовательно, и нас.

— Нет, — возразил Холден, — вы с нами не пойдете. Оставайся здесь с Амосом и Алексом. Дайте нам… — он глянул на терминал, — три часа на разведку и возвращение. Если мы не вернемся…

— Мы оставим вас гангстерам, а сами найдем себе работу на Тихо и будем жить долго и счастливо, — закончила Наоми.

— Вот именно, — сказал Холден. — Не разыгрывайте героев.

— И в мыслях не было, сэр.

Холден скорчился в тени у служебного люка, наблюдая, как переодетые полицейскими гангстеры с Цереры мелкими группами уводят

население Эроса. Система оповещения продолжала твердить о радиационной угрозе и призывала граждан и гостей Эроса сотрудничать со спасателями. Холден присмотрел себе одну группу и собирался двинуться за ней, когда Миллер положил ему руку на плечо.

— Подождите, — сказал он, — я хочу позвонить.

Он набрал на терминале номер, и через несколько секунд на экране появилась серая надпись: «Нет доступа в сеть».

— Телефон отключен? — спросил Холден.

— Я бы в первую очередь это сделал, — ответил Миллер.

— Понимаю, — протянул Холден, ничего не поняв.

— Ну, значит, остались я да вы, — сказал Миллер и, вынув обойму из пистолета, начал заряжать ее оставшимися в кармане патронами. Холден, хоть и был сыт стрельбой до конца жизни, тоже достал оружие и проверил магазин. Он заменил его после перестрелки в отеле, так что подзаряжать не пришлось. Защелкнув обойму, он вернул пистолет на ремень. Миллер, как он заметил, держал свой наготове, прикрыв полой куртки.

Оказалось несложно проследовать за группой

во внутренние сектора станции, где располагались убежища. Пока они двигались в одну сторону с остальными, на них никто не обращал внимания. Холден отмечал в памяти пересечения главных переходов, где стояла охрана в полицейской форме. Вернуться обратно окажется намного труднее.

Когда группа, за которой они следили, остановилась перед большой металлической дверью, отмеченной старинным символом радиации, Холден с Миллером скользнули в сторону и спрятались за большим горшком-клумбой с травой и двумя корявыми деревцами. Подставные полицейские загнали всех в убежище, после чего заперли за ними дверь, приложив карточку. Потом они ушли, оставив одного охранять дверь.

— Попросим его нас впустить, — шепнул Миллер.

— Держитесь за мной, — ответил Холден и направился к охраннику.

— Эй вы, тупицы, вам положено быть в убежище или в казино. Отправляйтесь к своей группе, нах! — прикрикнул сторож, нащупывая рукоять оружия.

Холден умиротворяюще вскинул руки и улыбнулся, не замедлив шага.

— Понимаете, я отбился от своей группы. Запутался. Видите ли, я не здешний.

Охранник ткнул левой рукой, в которой сжимал короткую дубинку, в сторону коридора.

— Шагай туда, пока не наткнешься на эстакаду вниз.

Миллер, словно соткавшись из воздуха в полумраке коридора, навел ствол в голову охраннику. Отчетливо щелкнул сдвинутый предохранитель.

— Почему бы нам не присоединиться к группе, которая уже в убежище? — спросил он. — Откройте-ка.

Сторож глянул на Миллера уголком глаза, не поворачивая головы. Он поднял руки, выронив дубинку.

— Зря ты это, парень, — сказал самозваный коп.

— А мне вот кажется, что не зря, — вмешался Холден. — Вы бы делали, что вам сказано. Он не очень-то милый человек.

Миллер приставил ствол к виску часового и заговорил:

— Помнишь, что у нас на станции называлось удалением мозга? Это когда выстрел вышибает у кого-то из черепа все, что там было. Для этого надо приставить дуло к голове примерно в этом

месте. Газ не находит выхода и вышибает мозг прямо через входное отверстие.

— Мне приказали не открывать двери, после того как их запечатают. — Охранник так торопился, что слова сливались. — Они говорили страшно серьезно.

— Это я в последний раз прошу, — сказал Миллер. — Потом возьму карточку с твоего трупа.

Холден развернул сторожа лицом к двери и вытащил у него из кобуры пистолет. Он надеялся, что угроза Миллера — всего лишь слова, но подозревал, что это не так.

— Вы только дверь откройте, и мы вас отпустим, обещаю, — сказал он.

Охранник кивнул и вставил в замок карточку, после чего набрал шифр. Тяжелая противоударная дверь сдвинулась в сторону. За ней тускло горели красным светом аварийные лампочки. В их смутном освещении Холден увидел десятки… сотни тел, неподвижно раскиданных по полу.

— Все умерли? — спросил он.

— Ничего не знаю, — начал охранник, но Миллер оборвал его:

— Ты входишь первый, — и подтолкнул гангстера к двери.

— Постой, — остановил его Холден. — Думаю,

глупо так врываться туда.

Три вещи случились одновременно. Охранник сделал несколько шагов вперед и рухнул на пол. Миллер шумно принюхался и тотчас качнулся, как пьяный. А терминалы Миллера и Холдена яростно загудели.

Миллер отшатнулся:

— Дверь!..

Холден нажал кнопку, и дверь скользнула на место.

— Газ, — выдавил Миллер и закашлялся. — Там газ.

Пока отставной коп откашливался, привалившись к стене, Холден достал терминал, чтобы прекратить гудение. Но сигнал на экране предупреждал не о загрязнении воздуха. Холден увидел три клина, направленных остриями к центру. Радиация. У него на глазах символ, которому полагалось быть белым, сменил цвет на тревожный оранжевый, а затем стал багровым.

Миллер тоже смотрел на экран с непроницаемым лицом.

— Мы получили дозу, — сказал Холден.

— Впервые вижу этот детектор активным, — признался Миллер, еще похрипывая после приступа кашля. — Что значит красный цвет?

— Значит, что у нас через шесть часов начнется кровотечение из заднего прохода, — сообщил Холден. — Нам надо на корабль. Там есть все медикаменты.

— Что это за… херня? — спросил Миллер.

Холден сгреб его за плечо и увлек по коридору к эстакаде. Кожа у него горела и зудела. Это могло быть действием радиации или разыгравшегося воображения. Учитывая дозу, которую он сейчас получил, оставалось только радоваться, что запас его спермы хранился в Монтане и на Европе.

При этой мысли у него зачесалась мошонка.

— Они подорвали станцию атомным зарядом, — заговорил Холден. — Черт, скорее, просто объявили, что она подорвана. Потом затащили всех в убежища, у которых радиация только внутри. И усыпили газом, чтобы люди не шумели.

— Есть более простые способы убийства, — сказал Миллер, прерывисто дыша на бегу.

— Значит, это не просто убийство, — ответил Холден. — Вирус, да? Тот, что убил девушку. Он… питается радиацией.

— Инкубатор, — согласно кивнул Миллер.

Они добрались до эстакады, ведущей на нижний уровень, но по ней поднималась группа штатских под охраной двух фальшивых копов.

Холден оттащил Миллера в сторону, и они спрятались в тени ларька, недавно торговавшего лапшой.

— Значит, они их заразили, так? — шептал Холден, дожидаясь, пока пройдет группа. — Может, ввели вирус, объявив, что это лекарство от лучевой болезни. Может, разлили по полу ту бурую жижу. И то, что было в вашей Джули…

Он осекся, потому что Миллер вышел из тени и направился прямо к группе, выходившей с эстакады.

— Офицер? — обратился он к одному из подставных копов.

Оба остановились, и один из них начал:

— Вам положено быть…

Миллер выстрелил ему в горло, прямо под забрало шлема. Потом, плавно развернувшись, прострелил второму внутреннюю сторону бедра пониже паха. Когда раненый запрокинулся на спину, вопя от боли, Миллер приблизился и сделал еще один выстрел, на этот раз в шею.

В группе штатских двое подняли крик. Миллер навел на них пистолет, и они угомонились.

— Спускайтесь на второй уровень и найдите место, где спрятаться, — сказал он. — Не слушайте этих людей, даже если они в форме полиции.

Они не о вашем спасении пекутся. Идите.

Штатские помялись немного и бросились бежать. Миллер, достав из кармана патроны, начал заменять три истраченных. Холден хотел что-то сказать, но Миллер опередил его.

— Если стрелять, стреляйте в горло. Почти у всех между нагрудником и забралом остается просвет. Если шея закрыта, стреляйте в бедро. Там очень тонкая броня. Иначе она мешала бы двигаться. Такой выстрел остановит почти любого.

Холден кивнул, словно видел в этом какой-то смысл.

— Ладно, — выдавил он. — Слушайте, давайте вернемся на корабль, пока не истекли кровью, а? И постараемся больше никого не убивать, если можно. — Голос его звучал спокойнее, чем был он сам.

Миллер вщелкнул обойму на место и загнал патрон в ствол.

— Думается, еще многих придется подстрелить прежде, чем все кончится, — сказал он. — Но я согласен: сначала — главное.

Глава 28
Миллер

Миллер впервые убил человека на третьем году работы в безопасности. Тогда, в двадцать два года, он только что женился и подумывал о детях. Как новенькому ему поручили дерьмовую работенку: патрулировать уровни, настолько высокие, что он страдал кориолисовой морской болезнью, ходил по вызовам на домашние скандалы в норы не шире чуланов и охранял вытрезвитель, чтобы помешать хищникам насиловать допившихся до бессознательного состояния. Обычное дело. Он знал, чего ждать, и считал, что справится.

Вызвали его в нелегальный ресторан почти у самого центра массы. Меньше одной десятой *g*, всего лишь намек на силу тяжести, а внутреннее ухо раздражали изменения силы вращения. До сих пор, стоило ему подумать о том дне, как он вспоминал шум раздраженных голосов, звучавших слишком быстро и сливавшихся в ушах. Запах чанового сыра. Тонкую дымку от дешевых электрических сковород.

Все произошло быстро. Извращенец показался

из норы с пушкой в руке. Другой рукой он волок за волосы женщину. Напарник Миллера, Карсон, ветеран, отслуживший десять лет, выкрикнул предупреждение. Преступник развернулся, выставил пистолет на вытянутую руку, как на видео. Все время обучения инструкторы твердили им, что никто не знает, как поступит, пока не дойдет до дела. Убить человеческое существо трудно. Не все на это способны. Преступник выронил пистолет, выпустил женщину и закричал. Оказалось, что, по крайней мере для Миллера, не так уж это трудно.

После он прошел обязательный курс психотерапии. Он плакал. Его мучили кошмары, приступы дрожи и все прочее, о чем полицейские не говорят. Но даже тогда все случившееся было как бы отделено расстоянием, будто он, напившись, наблюдал, как блюет. Просто физическая реакция. Пройдет.

Главное, он теперь знал ответ на вопрос. Если надо, он может убить.

Но сейчас, в коридорах Эроса, он наслаждался убийством. Даже убийство того, первого ублюдка было лишь печальной служебной необходимостью. Удовольствие от убийства пришло после Джули, и даже не столько удовольствие, сколько

исчезновение боли.

Он не поднимал пистолета. Холден первым вышел на эстакаду, и Миллер держался за ним, позволяя землянину задавать темп. Тот двигался быстрее, к тому же обладал естественным атлетизмом человека, приспособившегося к переменам гравитации. Миллер чувствовал, что заставил Холдена нервничать, и немного сожалел об этом. Чтобы раскрыть тайну Джули, ему нужно было попасть на корабль Холдена.

И между прочим, не умереть от лучевой болезни в ближайшие часы. Это, возможно, окажется не так легко.

— Ну вот, — заговорил Холден, остановившись на выходе с эстакады, — нам надо вернуться вниз, а между нами и Наоми может оказаться немало охранников, которые удивятся при виде двоих, направляющихся не в ту сторону.

— Проблема, — согласился Миллер.

— Есть идеи?

Миллер нахмурился, глядя в пол. На Эросе полы отличались от церерских. Ламинат с золотистыми блестками.

— «Труба» наверняка не работает, — сказал он, — а если и работает, то по измененному графику, высаживает всех только на уровне казино.

Значит, это исключается.

— Опять служебные коридоры?

— Если мы сумеем найти переходы с уровня на уровень, — ответил Миллер. — Может оказаться не так просто, но это всяко лучше, чем со стрельбой пробиваться через пару дюжин мудаков в броне. Сколько у нас до контрольного срока?

Холден посмотрел на свой терминал. Радиационная тревога все еще горела багровым светом. Миллер задумался, через какое время она перезагрузится.

— Чуть больше двух часов, — сказал Холден. — Вполне успеваем.

— Тогда поищем, — предложил Миллер.

Коридоры, ближайшие к радиационному убежищу — ловушке-инкубатору, — уже опустели. Широкие проходы, предназначенные пропускать древние строительные механизмы, превращавшие Эрос в человеческое жилье, гулко откликались эхом на шаги двух пар ног и гудение воздуховодов. Миллер не заметил, когда замолкла система оповещения, но сейчас ее молчание представлялось зловещим.

Будь это на Цереpе, он знал бы, куда идти, куда что ведет, как элегантно перебраться с уровня на уровень. На Эросе приходилось довольствоваться

обоснованными предположениями. Не так уж мало.

Однако он видел, что время уходит слишком быстро и, что еще хуже, хотя оба они об этом молчали, они двигались медленнее обычного. Ощущение еще не достигло порога сознания, но Миллер понимал, что последствия облучения начинают сказываться. И улучшения ждать не приходилось.

— Ладно, — сказал Холден. — Где-нибудь здесь должен быть служебный ход.

— Еще можно попробовать станцию «трубы», — предложил Миллер. — Вагоны идут в вакууме, но параллельно должны быть сервисные туннели.

— А вы не думаете, что их закрыли при аварийном предупреждении?

— Возможно, — признал Миллер.

— Эй, вы двое! Какого хрена здесь околачиваетесь?

Миллер оглянулся через плечо. Двое в полицейском снаряжении угрожающе махали им. Холден бросил тихое и резкое словцо. Миллер прищурился.

Штука в том, что это дилетанты. Пока те двое подходили, у него в голове стала зарождаться какая-то мысль. Убить их и взять снаряжение

не получится. Кровь и следы пуль яснее ясного скажут, что произошло. Однако…

— Миллер! — предостерегающе шепнул Холден.

— Знаю, — ответил Миллер.

— Я спрашиваю, какого хрена вы здесь болтаетесь? — повторил один из охранников. — На станции чрезвычайное положение. Все должны собраться на уровне казино или находиться в убежищах.

— Мы как раз искали дорогу на… э, уровень казино, — с извиняющейся улыбкой ответил Холден. — Мы не здешние, и…

Ближайший из охранников ловко врезал рукоятью оружия по ноге Холдену. Землянин свалился, и Миллер, выстрелив бандиту под забрало, повернулся к его остолбеневшему напарнику.

— Ты — Мики Ко, так?

Тот побледнел, однако кивнул.

Холден застонал и поднялся.

— Детектив Миллер, — продолжал Миллер. — Взял тебя на Церере четыре года назад. Ты малость перебрал в баре Таппана, помнится. Избил девушку бильярдным кием.

— Ух ты, — с испуганной улыбкой ответил бандит. — Да, я помню. Как поживаете?

— Хорошо и плохо, — ответил Миллер. — Знаешь, как это бывает. Отдай пушку землянину.

Ко перевел взгляд с одного на другого, облизнул губы, оценивая свои шансы. Миллер покачал головой.

— Серьезно, отдай ему пушку.

— Да, конечно. Никаких проблем.

«Вот такие убили Джули, — думал Миллер. — Тупые. Близорукие. Люди, у которых вместо души хватательный рефлекс». Джули в его воображении с грустью и отвращением качала головой, и Миллер задумался, о ком это она. О гангстере, уже протянувшем оружие Холдену, или о нем самом. Может быть, ее чувства относились к обоим.

— Что здесь за дела, Мики? — спросил Миллер.

— Это о чем? — Парень придуривался, словно на допросе в полиции. Тянул время. Вел старую игру в копов и воров, словно она еще что-то значила. Словно ничего не изменилось. Миллер с удивлением ощутил ком в горле. К чему бы это?

— Работа, — сказал он. — На что тебя подписали?

— Не знаю я…

— Эй, — мягко напомнил Миллер, — твоего дружка я уже убил.

— И он сегодня третий, — вставил Холден. — Я

сам видел.

Миллер обратил внимание, как изменился взгляд Ко, переключаясь на новую игру. Все старо, знакомо и предсказуемо — как вода, текущая вниз.

— Ну, — принялся рассказывать он, — работа как работа. Этак с год назад заговорили, что мы начинаем большое дело, понимаешь? Но никто не знал, о чем речь. А несколько месяцев назад нас стали вывозить. И обучали на копов, понимаешь?

— Кто вас обучал? — спросил Миллер.

— Прежние ребята. Те, что работали по контракту до нас, — ответил Ко.

— «Протоген»?

— Да, вроде бы. Потом они убрались, а мы — на их место. Просто рабочая сила, знаешь ли. Типа для контрабанды.

— Какая контрабанда?

— Да всякая разная, — буркнул Ко. Страх у него прошел, и это сказывалось и в манере держаться, и в интонациях. — Камеры наблюдения, установки связи, жутко серьезные серверы со встроенными гелевыми софтами. И научное оборудование. Для всяких там анализов воды и воздуха. И такие древние роботы на дистанци-

онке, что используют на рудниках в вакууме. Всякое дерьмо.

— И куда оно шло? — вмешался Холден.

— Сюда. — Ко широко обвел руками воздух, камень, всю станцию. — Все шло сюда. Они месяцами все это устанавливали. А потом, несколько недель, ничего.

— Как понять — «ничего»?

— Вообще ничего. Столько суетились, а потом сели, засунув палец в жопу.

«Что-то пошло не так. Доставка с Фебы сорвалась, но потом появилась Джули, — подумал Миллер, — и игра пошла своим чередом». Он снова увидел ее в том номере. Длинные раскидистые щупальца какой-то чертовщины, выросты костей, прорвавшие кожу, черные нити из глазниц.

— Платят они хорошо, — философски рассуждал Ко, — да и приятно было выбраться с насиженного места.

Миллер согласно кивнул, наклонился ближе, приставил дуло к сочленению доспехов у него на животе и выстрелил.

— Какого черта? — возмутился Холден, когда Миллер вернул пистолет в карман куртки.

— А что было делать? — отозвался Миллер,

присаживаясь рядом с раненым в живот человеком. — Он что, так бы нас и отпустил?

— Ну, хорошо, — сказал Холден, — но…

— Поддержи его. — Миллер закинул локоть Ко себе на плечо. Тот вскрикнул, когда его начали поднимать.

— Что?

— Подхвати с другой стороны, — велел Миллер. — Человеку нужен врач, верно?

— Гм, да, — согласился Холден.

— Так поддержи его с той стороны.

До убежищ оказалось не так далеко, как думал Миллер. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, что Ко еще не вырубился и орал, когда они туда добрались. Это увеличивало их шансы — главное, чтобы он не выговорил ничего внятного. Когда они оказались перед первой группой охраны, бормотание Ко было достаточно неразборчивым.

— Эй, — позвал Миллер, — помогите, кто-нибудь.

Четверо охранников у верхнего выхода с эстакады переглянулись и направились к ним — любопытство перевесило выучку. Холден тяжело дышал. Миллер тоже. Плохой признак — Ко весил не так уж и много.

— Что за черт? — начал один из охраны.

— Там внизу засела кучка народу, — сказал Миллер. — Сопротивлялись. Я думал, вы прочесали этот уровень.

— Не наша работа, — ответил парень. — Наше дело — водить от казино к убежищам.

— Ну, кто-то напортачил, — огрызнулся Миллер. — Транспорт у вас есть?

Охранники снова переглянулись.

— Можно вызвать, — предложил тот, что стоял позади.

— Забудь, — перебил Миллер. — Вы, мальчики, валяйте за теми стрелками.

— Минуту, — спохватился первый. — Вы, вообще-то, кто такие?

— Техники из «Протогена», — заявил Холден. — Меняли отказавшие сенсоры. Этот парень должен был нам помогать.

— Ничего такого не слыхал, — сказал первый.

Миллер просунул палец под нагрудник Ко и нажал. Ко взвизгнул и забился у него в руках.

— Можешь потолковать об этом с боссом, когда найдешь время, — бросил Миллер. — Пошли, доставим этого засранца к врачу.

— Стоять! — приказал охранник, и Миллер вздохнул. Четверо. Если бросить Ко и отскочить в укрытие… хотя какое здесь укрытие. И кой черт

знает, как поведет себя Холден.

— Где эти стрелки? — рявкнул охранник. Миллер сдержал улыбку.

— В норе в четверти кэмэ против вращения, — ответил он. — Там еще труп лежит, мимо не пройдете.

Миллер повернул к эстакаде. Охранники у него за спиной спорили, что делать, кого вызвать, кого послать.

— Ты совершенно сумасшедший, — проговорил Холден сквозь беспомощный скулеж Ко.

Возможно, он был прав.

«В какой момент, — думал Миллер, — перестаешь быть человеком?» Должен же существовать такой момент, какое-то решение, которое ты принимаешь, и вот до него ты был одним, а после — уже кто-то другой. Проходя уровни Эроса, волоча вдвоем с Холденом окровавленное тело Ко, Миллер рассуждал сам с собой. Возможно, он умирал от лучевой болезни. Он прошел мимо полудюжины охранников на одной привычке внушать страх, а не бояться самому. За последние два часа он убил троих. Четверых, считая Ко. Значит, вернее будет считать — четверых.

Рациональная часть его сознания, слабый тихий голос, который он взращивал годами,

наблюдал за ним со стороны и перебирал все принятые решения. Все его действия на тот момент казались абсолютно осмысленными. Выстрелить в Ко. Убить тех троих. Покинуть безопасное укрытие, чтобы пронаблюдать за эвакуацией. С эмоциональной точки зрения все это казалось очевидным. И только при взгляде со стороны становилось заметным, насколько это опасно. Увидев в таком состоянии другого — Мусс, Хэвлока, Сематимбу, — он бы в несколько минут догадался, что человек слетел с катушек. В случае с самим собой ему понадобилось больше времени. Но Холден был прав. Где-то по пути он потерял себя.

Ему хотелось думать, что дело в Джули, что это случилось, когда он нашел ее тело и понял, что не сумел спасти, — но это просто оттого, что сам момент выглядел сентиментальным. По правде сказать, и прежние решения — покинуть Цереру ради вольной охоты за Джули, пропить свою карьеру, хоть на день остаться копом после самого первого убийства — все это, на объективный взгляд, не имело смысла. Он жил по пояс в худшем, что могло предложить человечество. Он потерял жену, которую когда-то любил. Он на опыте узнал, что способен убить человека. И не

случалось на всем его пути такой минуты, о которой он мог бы сказать: прежде я был в здравом рассудке, а после — нет.

Возможно, это был кумулятивный процесс, как курение. Одна сигарета мало что меняет. И пять меняют немногим больше. Каждая подавленная эмоция, каждая оборванная связь, любовь, дружба или сочувствие, от которых он отвернулся, на ступень уводили его от себя. До сих пор он умел убивать людей бесстрастно. Принимать собственноручно оборванную жизнь со спокойствием, позволяющим планировать и действовать дальше.

Воображаемая Джули Мао склонила голову, вслушиваясь в его мысли. Ему представилось, как она обнимает его. В этом объятии было мало эротичного. Она утешала. Прощала.

Вот почему он ее искал. Джули стала его частью, способной на человеческие чувства. Символом того, чем бы он был, если бы не был таким, как есть. Придуманная им Джули наверняка не имела ничего общего с реальной женщиной. Встреча стала бы разочарованием для них обоих.

Он должен был в это верить, как верил во все, что отрезало его от прежней любви.

Холден остановился. Тело — теперь уже труп

— Ко навалилось на Миллера.

— Что? — спросил он.

Холден кивнул на панель в стене перед ними. Миллер тупо уставился на нее и не сразу узнал. Они дошли. Вернулись к тайнику.

— Ты в порядке? — спросил Холден.

— Ага, — процедил Миллер. — Просто задумался ни о чем. Извини.

Он выпустил Ко, и труп с глухим звуком осел на пол. У Миллера, кажется, затекла рука. Он потряс ею, но покалывание не проходило. Его захлестнула волна головокружения и тошноты. «Симптомы», — подумал он.

— Как у нас со временем? — спросил он.

— Чуть-чуть опоздали к контрольному сроку. На пять минут. Это ничего, — сказал Холден и сдвинул дверь. За ней, там, где оставались Наоми, Алекс и Амос, было пусто.

— Пипец, — сказал Холден.

Глава 29
Холден

— Пипец, — сказал Холден. — Они нас бросили.

Нет, *она* бросила *его.* Наоми предупреждала, но, столкнувшись с реальностью, Холден понял, что по-настоящему не верил ей. И вот оно перед ним — доказательство. Пустое место там, где он оставил ее. Сердце у него колотилось, горло перехватило, дыхание срывалось. Болезненное ощущение во внутренностях — то ли отчаяние, то ли отслаивающаяся слизистая кишечника. Он умрет, сидя перед дверями дешевого отеля на Эросе, потому что Наоми точно выполнила свое обещание. Его собственный приказ. Обида в нем не желала слушать доводов разума.

— Мы покойники, — сказал он и сел на край горшка с травой.

— Сколько у нас времени? — спросил Миллер, оглядывая коридор и нащупывая свой пистолет.

— Понятия не имею. — Холден ткнул в мигающий красным значок радиации на терминале. — Думаю, по-настоящему мы это почувствуем через несколько часов, но точно не знаю. Господи, был

бы здесь Шед…

— Шед?

— Мой друг, — ответил Холден, не желая вдаваться в подробности. — Хороший медтехник.

— Вызови Наоми, — попросил Миллер.

Холден несколько раз стукнул пальцем по терминалу.

— Сеть так и не включилась, — сказал он.

— Ладно, — кивнул Миллер, — идем к твоему кораблю. Может, он еще в порту.

— Они уйдут. Наоми спасает команду. Она меня предупреждала, но я…

— Все равно идем, — оборвал его Миллер, переступая с ноги на ногу и оглядывая коридор из конца в конец.

— Миллер… — начал Холден и замолчал. Миллер явно был на грани, он уже застрелил четверых. Холден все больше боялся отставного копа. Словно прочитав его мысли, Миллер подступил ближе, двумя метрами возвышаясь над сидящим. Он горестно улыбался, в его взгляде была обескураживающая мягкость. Холден, кажется, предпочел бы угрозу.

— Как я понимаю, у нас три варианта, — сказал Миллер. — Первый: мы застаем твой корабль в доке, получаем необходимое лечение и, может

быть, остаемся в живых. Второй: мы пытаемся пробиться на корабль и нарываемся на шайку мафиози. Умираем со славой под градом пуль. Третий: сидим здесь и льем кровь из глазниц и задниц.

Холден молча смотрел на копа и хмурил лоб.

— Мне два первых больше по вкусу, чем последний, — продолжал Миллер, как будто извиняясь. — Ты не хочешь со мной?

Холден, не удержавшись, рассмеялся, но Миллера его смех, кажется, не обидел.

— Конечно, — сказал Холден. — Просто мне нужно было минутку пожалеть себя. Пойдем, получим по пуле от мафиози.

В его голосе было больше бравады, чем в душе. По правде сказать, умирать ему не хотелось. Даже в годы службы на флоте мысль о смерти при исполнении долга представлялась ему далекой и нереальной. *Его* корабль никогда не погибнет, а если погибнет, *он* спасется на шлюпке. Мир без него невозможно было вообразить. Он рисковал, он видел, как гибнут другие, даже те, кого он любил. Теперь впервые реальной стала *его* смерть.

Он смотрел на копа. Он знал этого человека меньше суток, не доверял и вряд ли симпатизировал ему. Вот с кем ему предстоит умереть.

Холден вздрогнул и поднялся, вытащил из-за пояса пистолет. Под паникой зародилось ощущение глубокого покоя. Холден надеялся сохранить его.

— Я за тобой, — сказал Холден. — Если мы выберемся, напомни, чтобы я позвонил матерям.

Залы казино походили на пороховую бочку в ожидании спички. Даже если прочесывание выявило не всех, на трех уровнях станции собралось более миллиона человек. Суровые мужчины в полицейском снаряжении двигались в толпе, приказывая всем оставаться на месте, пока их не разведут по убежищам, поддерживая в людях страх. Время от времени небольшую группу штатских уводили. Холден знал — куда, и от этого у него жгло под ложечкой. Хотелось выкрикнуть, что копы подставные, что они ведут людей на смерть. Но бунт в такой тесноте превратился бы в мясорубку. Возможно, избежать ее все равно не удастся, но ему не хотелось начинать.

Начал кто-то другой.

Холден услышал громкие голоса, гневный ропот толпы и следом — усиленный динамиками голос из-под полицейского шлема, приказывающий расступиться. А потом раздался выстрел и, после короткой паузы, целая очередь. Люди завопили. Вся толпа вокруг Холдена и Миллера

хлынула в противоположные стороны: кто-то рвался на шум, а кто-то стремился подальше. Холдена закрутило в потоке. Миллер дотянулся и ухватил его за рубашку на спине, зажал ткань в кулаке и крикнул, чтобы держался рядом.

Примерно в дюжине метров дальше по коридору, в кофейне, отделенной черными перильцами высотой по пояс, оказался один из гангстеров, отрезанный штатскими от своих. Выставив пистолет, он пятился и орал: «Разойдитесь!» Люди продолжали надвигаться, их лица искажала безумная ярость бунтующей толпы.

Гангстер выстрелил, и маленькое тело качнулось вперед, рухнув к его ногам. Холден не мог разобрать, мальчик это или девочка, но убитому было не больше тринадцати или четырнадцати лет. Гангстер шагнул вперед, глянул на труп и снова навел пистолет на людей.

Это было уже слишком.

Холден понял, что бежит по коридору к убийце, выставив пистолет и крича, чтобы люди посторонились. Он был метрах в семи, когда толпа расступилась, позволив ему увидеть цель. Половина выстрелов ушла в сторону, в прилавок кафе и в стены, одна пуля раскидала стопку керамических тарелок. Но часть попала в гангстера,

отшвырнув его назад.

Холден перепрыгнул перильца и затормозил в трех метрах от самозваного копа и его жертвы. Пистолет выстрелил последний раз, и обойма открылась, показывая, что зарядов больше нет.

Бандит не упал. Он выпрямился, глянул на свое туловище, потом поднял глаза и прицелился в лицо Холдену. У Холдена хватило времени насчитать три вмятины на его нагруднике. «Умрем со славой под градом пуль», — подумал он.

Гангстер процедил:

— Тупой муди… — и голова его запрокинулась, выбросив красный фонтан.

— Просвет на шее, забыл? — сказал у него за спиной Миллер. — Нагрудник из пистолета не пробить.

Приступ тошноты заставил Холдена скрючиться вдвое, хватая ртом воздух. В горле стоял привкус лимона, и он дважды сглотнул, сдерживая рвоту. Он боялся обнаружить в ней кровь и слизистую желудка. Не нужно ему было этого видеть.

— Спасибо, — выдохнул он, обернувшись к Миллеру.

Тот кивнул куда-то в его сторону, потом подошел к охраннику и пошевелил тело ногой.

Холден, выпрямившись, оглядел коридор, ожидая неизбежного: свирепых мафиози, несущихся к ним. И ни одного не увидел. Они с Миллером очутились на островке спокойствия посреди Армагеддона. Кругом хлестали щупальца насилия. Люди разбегались во все стороны, громилы орали в усилители, подчеркивая приказы отдельными выстрелами. Но их были какие-то сотни на многие тысячи разъяренных или охваченных паникой штатских. Миллер указал на этот хаос.

— Вот так оно и бывает, — прокомментировал он. — Дайте банде йеху оружие, и они решат, будто знают, что делают.

Холден склонился над упавшим ребенком. Это оказался мальчик лет тринадцати с азиатскими чертами лица и черными волосами. Пульса Холден найти не смог. Кровь из зиявшей на груди раны текла не потоком, а тонким ручейком. Холден все-таки поднял его, отыскивая взглядом место, куда перенести.

— Он мертв, — сказал Миллер, заменяя истраченный патрон.

— Иди к черту. Мы же не знаем. Если сумеем донести до корабля, может…

Миллер покачал головой, глядя на ребенка на руках у Холдена грустно и отчужденно.

— Стреляли крупным калибром в центр тяжести, — сказал Миллер. — Ему конец.

— Пипец, — сказал Холден.

— Ты это уже говорил.

Яркая неоновая реклама над коридором, выводящим с уровня казино к порту, возвещала: «СПАСИБО ЗА ИГРУ» и «НА ЭРОСЕ ВЫ ВСЕГДА В ВЫИГРЫШЕ». Под ней путь преграждали два ряда охраны в тяжелой боевой броне. Даже отказавшись от мысли навести порядок в казино, они не собирались никого выпускать.

Холден с Миллером присели за перевернутой кофейной тележкой в сотне метров от громил. У них на глазах десяток людей, бежавших на охрану, скосили автоматным огнем, уложив рядом с теми, кто пытался прорваться раньше.

— Я насчитал тридцать четыре, — сообщил Миллер. — Сколько ты возьмешь на себя?

Холден в изумлении обернулся к нему и только по лицу бывшего копа догадался, что тот шутит.

— Кроме шуток, как нам здесь пройти? — спросил он.

— Тридцать человек с автоматами и открытой линией огня. Метров двадцать без всякого прикрытия, — ответил Миллер. — Нам не пробиться.

Глава 30
Миллер

Они сидели на полу, прижавшись спинами к ряду лишившихся игроков автоматов патинко, и наблюдали за приливами и отливами насилия, будто за футбольным матчем. Миллер приспособил свою шляпчонку на согнутое колено. Он спиной чувствовал вибрацию, когда автомат выходил в начало игровой программы. Мигали и переливались огоньки. Холден рядом с ним тяжело отдувался, словно после гонки. Перед ними творилось что-то из Иеронима Босха — казино готовилось к смерти.

Попытка бунта уже затухала. Мужчины и женщины сбивались в тесные группки. Между ними расхаживали охранники, разгоняли слишком большие или непокорные скопления людей угрозами. Где-то что-то горело настолько сильно, что воздухоочистители не справлялись с запахом расплавленной пластмассы. С криками, воплями и стонами отчаяния сливались мелодии Бхангры. Какой-то идиот орал на кого-то из тех, кого считал копами: он, видите ли, адвокат, он записал все на

видео, виновным это даром не пройдет. Миллер наблюдал, как на крик стягиваются люди. Парень в шлеме послушал, кивнул и прострелил адвокату коленную чашечку. Толпа рассеялась, только одна женщина, жена или подруга адвоката, склонилась над кричащим мужчиной. А в голове у Миллера все медленно рассыпалось на куски.

Он сознавал, что в нем поселились два разных человека. Один — знакомый ему Миллер. Тот, который обдумывал, что делать, когда они выберутся отсюда, какие предпринять шаги, чтобы связать точки между Фебой, Церерой, Эросом и Джульеттой Мао, как раскрыть дело. Эта часть сознания наблюдала за толпой, как он, бывало, рассматривал место преступления, ожидая проявления подробностей, изменений, которые стоят внимания, подскажут ему разгадку тайны. Близорукая, тупая часть, не желавшая смириться с тем, что впредь его не будет, и уверенная, что наверняка, наверняка остается какое-то «после».

Второй Миллер был иным. Спокойнее. Грустноватый, возможно, зато безмятежный. Много лет назад он прочел стихотворение, называвшееся «Тяга к смерти», но только сейчас понял эти слова. Узел в его душе распускался. Высвобождалась вся энергия, связывавшая воедино его мир: Цере-

ру, его жену, карьеру, его самого. Он за один этот день застрелил больше людей, чем за всю свою службу в охране. Он начал — всего лишь начал — сознавать, что влюблен в объект розыска, только после того, как нашел ее мертвой. Он без тени сомнений видел, что хаос, который он всю жизнь пытался сдержать, сильнее, обширнее и могущественнее, чем он был или когда-нибудь станет. Никакие компромиссы не помогли бы. Тяга к смерти разворачивалась в нем, легко распускала темные лепестки. Она приносила облегчение, расслабление, как долгий медленный выдох для того, кто всю жизнь сдерживал дыхание.

Он разваливался, но это ничего не значило, так как он умирал.

— Эй, — позвал Холден. Миллер не ожидал услышать такую силу в его голосе.

— Да?

— Ты в детстве смотрел «Миско и Мариско»?

Миллер нахмурился.

— Детскую передачу, что ли?

— Это где пять динозавров и злодей в большой розовой шляпе, — напомнил Холден и принялся напевать веселенький скачущий мотив. Миллер прикрыл глаза и вдруг начал подпевать. Когда-то он помнил и слова. Теперь остались только

взлеты и падения мелодии, бегущей вверх и вниз по широкой гамме, где каждый диссонанс разрешался следующей нотой.

— Верно, смотрел, — сказал Миллер, когда они допели.

— Я с ума сходил от этой передачи. Наверно, мне лет восемь или девять было, когда я последний раз смотрел, — сказал Холден. — Забавно, как эта ерунда остается в памяти.

— Точно, — согласился Миллер, закашлялся, отвернулся и сплюнул красным. — Ты как, держишься?

— Я в порядке, — сказал Холден и, помолчав, добавил: — Пока не надо вставать.

— Тошнит?

— Есть немного.

— Меня тоже.

— Что же это такое? — спросил Холден. — Я хочу сказать, за каким чертом это делается? *Зачем?*

Законный вопрос. Прикончить Эрос — как и любую станцию Пояса — было довольно просто. Всякий, владеющий основами орбитальной механики, нашел бы способ расколоть станцию, сбросив камень подходящего размера с подходящей скоростью. «Протоген», затратив не больше усилий, мог испортить систему циркуляции

воздуха или отравить ее — да что угодно. Здесь творилось не убийство. Даже не геноцид.

Да еще вся эта аппаратура наблюдения. Камеры, установки связи, сенсоры для анализа воды и воздуха. Для такой затеи могло быть всего две причины. Или какой-то сумасшедший ублюдок из «Протогена» вздумал полюбоваться, как гибнут люди, или…

— Они не знают, — сказал Миллер.

— Чего?

Он повернулся к Холдену. Теперь им правил первый Миллер, детектив и оптимист, которому все нужно было знать. Тяга к смерти не противилась — конечно, нет. Она вообще не имела способности к сопротивлению. Миллер поднял руку, словно наставлял новичка.

— Они не знают, зачем это… или, понимаешь, не знают, что из этого выйдет. Тут даже не камера пыток. За всем этим наблюдают, верно? Сенсоры воды и воздуха. Это чашка Петри.[25] Они не знают, что делает с людьми та дрянь, что убила Джули, и теперь собираются узнать.

Холден нахмурился.

— У них что, лабораторий нет? Можно ведь

---

[25] Примечания: 25

Плоская стеклянная посуда, использующаяся в лабораториях для экспериментов над микроорганизмами.

было испытать это дерьмо на животных или еще как. Для эксперимента все это выглядит грязновато.

— Может, им нужна была большая подборка образцов, — сказал Миллер. — А может, речь не о людях. Они хотят выяснить, что случится со станцией.

— Веселенькие у тебя мысли, — заметил Холден.

Джули Мао в сознании Миллера откинула с глаз локон. Она хмурилась, казалась задумчивой, заинтересованной, озабоченной. Во всем этом должен был таиться какой-то смысл. Это как одна из задач в курсе орбитальной механики — движения и повороты выглядят беспорядочными, пока не расставишь по местам все переменные. Тогда необъяснимое становится единственно возможным. Джули улыбнулась ему. Джули как она есть. Джули, какой он ее выдумал. Тот Миллер, что не смирился со смертью, улыбнулся в ответ. И когда она исчезла, его сознание переключилось на шум автоматов патинко и низкое дьявольское завывание толпы.

Еще одна группа — двадцать пригнувшихся, как полузащитники на футбольном поле, мужчин — рванулась к стражам, прикрывающим

выход в порт. Стрелки скосили всех.

— Будь у нас достаточно людей, — заговорил Холден, когда очереди смолкли, — мы бы пробились. Не могут же они убить всех.

— Для того эти громилы и патрулируют толпу, — возразил Миллер. — Чтобы не дать организоваться группе прорыва. Помешивают кашу в горшке.

— Но даже толпа, если она достаточно велика…

— Возможно, — согласился Миллер. В груди щелкнуло что-то, чего минуту назад там не было. Он медленно глубоко вздохнул, и щелчок повторился. Где-то в левом легком.

— Хоть Наоми выбралась, — сказал Холден.

— Это хорошо.

— Она потрясающая. Ни за что не подвергла бы опасности Амоса и Алекса, если б могла ее избежать. Понимаешь, она серьезный профессионал. Она сильная, понимаешь? То есть действительно, по-настоящему…

— И хорошенькая, — вставил Миллер. — Прекрасные волосы. И глаза мне нравятся.

— Да я не об этом, — сказал Холден.

— По-твоему, она не красавица?

— Она мой старпом, — объяснил Холден. —

Она… знаешь…

— За чертой?

Холден вздохнул.

— Она ведь выберется?

— Почти наверняка.

Они замолчали. Один из «полузащитников» закашлялся, встал и потащился обратно в казино, поливая пол кровью из дыры в ребрах. Бхангра сменилась попурри из афропоп-мелодий; низкий сладкий голос пел на незнакомом Миллеру языке.

— Она бы нас подождала, — сказал Холден. — Ты не думаешь, что она бы нас подождала?

— Почти наверняка, — откликнулась за Миллера тяга к смерти, которой было все равно, правда это или ложь.

Он долго обдумывал, наконец снова повернулся к Холдену.

— Слушай, тебе надо знать: я сейчас не то чтобы в лучшей форме.

— Понял.

— Вот и хорошо.

Тусклые оранжевые лампы стоп-сигнала станции «трубы» в дальнем конце зала переключились на зеленый свет. Миллер заинтересованно подался вперед. Спина казалась липкой, но, мо-

жет быть, это просто от пота. Не он один заметил перемену. Внимание толпы, как течение воды в баке, повернуло от цепи наемников на выходе в порт к блестящей стальной двери станции.

Дверь открылась, и появились первые зомби. Мужчины и женщины со стеклянными глазами и расслабленными мускулами, спотыкаясь, проходили в открытую дверь. Во время обучения на станции Церера Миллер видел документальный фильм о геморрагической лихорадке. Эти двигались так же: бессмысленно, жестко и машинально. Как бешеные собаки, уже сдавшиеся болезни.

— Эй! — Миллер положил руку на плечо Холдену. — Эй, вот оно и случилось.

Пожилой человек в форме медика скорой помощи двинулся навстречу шаркающей толпе пришельцев, выставив перед собой руки, словно надеялся сдержать их одной силой воли. Первый из зомби обратил к нему пустой взгляд и выблевал струю очень знакомой бурой жижи.

— Смотри, — сказал Холден.

— Вижу.

— Нет, *смотри!*

По всему уровню казино сигналы «Заперто» сменялись на «Открыто». Двери распахива-

лись. Люди устремлялись к открытым «трубам», манившим надеждой на спасение, и снова отшатывались от потока мертвецов, выходивших из вагонов.

— Блюющие зомби, — сказал Миллер.

— Из убежищ, — добавил Холден. — Та тварь, организм… она при радиации развивается быстрее, да? Вот почему эта твоя, как ее, била лампочки и таскалась в вакуумном скафандре.

— Ее зовут Джули. И да, для того и устроили инкубаторы. Прямо здесь. — Миллер вздохнул при мысли, что надо бы встать. — Ну вот, значит, мы умрем не от лучевой болезни.

— Почему было не распылить эту дрянь в воздухе? — спросил Холден.

— Она анаэробная, не забыл? Избыток кислорода ее убивает.

Забрызганный рвотой медик упорно пытался обращаться с шаркающими зомби как с пациентами. Словно те еще оставались людьми. Пятна бурой жижи виднелись на стенах, на одежде. Дверь «трубы» снова открылась, и Миллер увидел, как человек десять нырнули в вагон, залитый бурым. Толпа колебалась, клубилась на месте, коллективный разум отказал.

Один из копов выскочил вперед и начал поли-

вать зомби автоматными очередями. Из входных и выходных отверстий вырывались тонкие петли черных нитей, и зомби падали. Миллер захихикал, не успев еще понять, что его насмешило. Холден оглянулся на него.

— Они не знали, — объяснил Миллер. — Эти, в нашем снаряжении, — их и не собирались отсюда вытаскивать. Мясо для Машины, как все мы.

Холден согласно хмыкнул. Миллер покивал, но какая-то мысль забилась в подсознании. Гангстеров в снаряжении церерской службы принесли в жертву. Но это не значит, что пожертвовали всеми. Он выглянул из укрытия. В коридоре к порту еще оставались люди. Наемники держали цепь, не опускали оружия. Пожалуй, сейчас они выглядели более дисциплинированными, чем прежде. Миллер видел, как парень в черном, с дополнительной нашивкой на рукаве, рявкает что-то в микрофон.

Он решил, что надежда умерла. Подумал было, что шансов не осталось, и тогда сучья надежда за шкирку вытащила себя из могилы.

— Вставай, — велел Миллер.

— Что?

— Вставай. Они сейчас отойдут.

— Кто?

Миллер кивнул на наемников.

— Они знали, — сказал он. — Погляди на них. Они не паникуют. Ни малейшей растерянности. Они этого ждали.

— Ты думаешь, это значит, что они уйдут?

— А ты думаешь, они рискнут здесь застрять? Вставай.

Миллер со стоном и скрипом поднялся на ноги, словно повинуясь собственному приказу. Колени и позвоночник мучительно ныли. Щелчки в легких стали заметней. Живот издавал тихие сложные звуки, которые при иных обстоятельствах встревожили бы его. Едва начав двигаться, он ощутил, как далеко зашла лучевая болезнь. Кожа пока не болела, но чувство было такое, как ощущается серьезный ожог, прежде чем вздуется пузырем. Если Миллер выживет, плохо ему придется.

Если он выживет, *не только* ему придется плохо.

Тяга к смерти тащила его обратно. Почувствовать облегчение, покой потери всего, что было дорого. А дребезжащий, деловитый как машина разум все крутился со скрежетом, толкая вперед обмякшую, натертую до мозолей сердцевину души, взывавшую: «Погоди, присядь, подожди,

пока все само решится».

— Чего мы ждем? — спросил Холден. Он стоял на ногах. В левом глазу у него лопнули сосуды, и белок окрасился в мясной красный цвет.

«Чего ждать?» — откликнулась тяга к смерти.

— Они отступят, — сказал Миллер, отвечая первому. — Пойдем за ними. За пределами выстрела, чтобы последние нас не пристрелили.

— А если то же самое сделают все? Ведь когда они уйдут, все рванутся к порту?

— Думаю, что так, — признал Миллер. — Поэтому постараемся опередить основной поток. Вот, смотри…

Ничего особенного не произошло. Лишь легкая перемена в позах наемников, сдвиг их общего центра тяжести. Миллер кашлянул. Кашлять было очень больно.

«Чего ты ждешь? — все назойливее твердила тяга к смерти. — Ответа? Справедливости? Еще одного пинка по яйцам от вселенной? Что такое ты надеешься найти за этой аркой? Разве пуля в твоем пистолете не быстрее, не чище, не менее мучительна?»

Капитан наемников непринужденно отступил на шаг и зашагал по коридору, пока не скрылся из вида. На его месте возникла Джули Мао, глядев-

шая капитану вслед. Она обернулась к Миллеру, махнула ему.

— Рано, — сказал он.

— Когда? — спросил Холден, спугнув видение Джули и вернув Миллера к реальности.

— Уже скоро, — ответил он.

Надо бы предупредить парня. Это только честно. Если ты на срыве, должен хоть поставить в известность напарника. Миллер прочистил горло. Оно тоже отозвалось болью.

«Возможно, я начну галлюцинировать или попытаюсь покончить с собой. Возможно, тебе придется меня пристрелить».

Холден оглянулся на него. Автоматы патинко озарили их голубым и зеленым сиянием, завопили в поддельном восторге.

— Что? — спросил Холден.

— Ничего. Собираюсь с силами, — сказал Миллер.

За ними закричала женщина. Оглянувшись, Миллер увидел, как она отталкивает от себя блюющего зомби, а густая бурая жижа уже заливает живое тело. Наемники под аркой резко развернулись и стали уходить по коридору.

— Пошли, — сказал Миллер.

Они с Холденом направились к арке. Миллер

натянул шляпу на голову. Громкие голоса, вопли, низкий жидкий звук внезапной жестокой болезни. Очистители воздуха отказывали, появился густой вязкий запах говяжьего бульона и кислоты. Миллеру казалось, что в ботинке у него камешек, но он не сомневался — если посмотреть, найдет только красное пятно на месте, где начала лопаться кожа.

Никто в них не выстрелил. Никто не приказал остановиться. У арки Миллер отвел Холдена к стене и, пригнувшись, заглянул за угол. Доли секунды хватило, чтобы убедиться: длинный широкий коридор пуст. Наемники сделали свое дело и предоставили Эрос его судьбе. Окно было открыто, путь свободен.

«Последний шанс», — подумал он, подразумевая и шанс выжить, и шанс умереть.

— Миллер?

— Да, — отозвался он. — Похоже, все хорошо. Пошли, пока никто не додумался до того же.

Глава 31
Холден

В кишках у Холдена что-то шевелилось. Он не обращал внимания, уставившись в спину Миллеру. Тощий детектив пер по коридору к порту, временами останавливаясь, чтобы заглянуть за угол. Миллер превратился в машину. Холдену оставалось только по возможности не отставать. Далеко впереди виднелись наемники, охранявшие прежде выход из казино. Когда продвигались они, двигался вперед и Миллер. Когда они замедляли шаг, он тоже. Они расчищали путь к порту, однако, заметив, что кто-то из штатских оказался слишком близко, могли открыть огонь. Пока они без колебаний расстреливали всякого, кто оказывался перед ними. Застрелили двоих, бежавших навстречу. Обоих рвало коричневой жижей. «Откуда, черт возьми, так быстро повылезали эти зомби?»

— Откуда, черт возьми, так быстро повылезали эти зомби? — проговорил Холден в спину Миллеру.

Детектив повел левой рукой — в правой он

сжимал пистолет.

— Не думаю, что дерьма, выползшего из Джули, хватило бы, чтобы перезаразить всю станцию, — ответил он, не замедляя шага. — Думаю, это была первая партия. Из нее развели столько, чтобы хватило на убежища.

Это звучало правдоподобно. Если контролируемый эксперимент сорвался, выпускаешь все это на население. Пока люди сообразят, что происходит, половина уже перезаразится. А дальше уж дело времени.

Они задержались у пересечения коридоров, наблюдая за командиром группы, который остановился в ста метрах перед ними и минуту говорил по рации. Холден запыхался и пытался выровнять дыхание, но те, впереди, уже двинулись дальше, и Миллер заспешил за ними. Холден ухватил детектива за ремень и потащился следом. Откуда в этом тощем астере столько сил?

Детектив остановился. Лицо его было пустым.

— Они спорят, — сказал он.

— А?

— Командир со своими людьми. О чем-то спорят, — пояснил Миллер.

— И что? — Холден, закашлявшись, сплюнул в ладонь и тут же вытер о штаны, не глядя, есть ли

там кровь. «Пожалуйста, только не кровь».

Миллер снова повел ладонью.

— Похоже, они не все из одной команды.

Группа наемников свернула в новый коридор, и Миллер последовал за ними, волоча Холдена. Они были уже во внешних уровнях, занятых водохранилищами, складами запасов и ремонтными мастерскими. Здесь и в лучшие времена редко встречались пешеходы. Теперь полы под их ногами гудели эхом, словно в мавзолее. Группа впереди еще раз свернула, а между ними и развилкой вдруг показалась одинокая фигура.

Человек, очевидно, был безоружен, поэтому Миллер осторожно пошел ему навстречу, нетерпеливо сбросив руку Холдена со своего пояса. Освободившись, он вскинул левую руку в типично полицейском жесте.

— Здесь опасно гулять, сэр, — предупредил он.

До встречного оставалось меньше пятнадцати метров. Он рывками продвигался к ним. Мужчина в праздничной одежде: смокинг с кружевной манишкой и галстуком-бабочкой — красным с блестками. На одной ноге начищенный черный ботинок, другая в красном носке. Бурая рвота стекала из уголков рта и пачкала манишку.

— Дерьмо! — выругался Миллер, поднимая

пистолет.

Холден вцепился в его руку и заставил опустить оружие.

— Он в этом не виноват, — сказал Холден, до боли в глазах вглядываясь в больного, зачумленного человека. — Он невиновен.

— Однако он подходит, — бросил Миллер.

— Так идем быстрее, — поторопил Холден. — И если ты еще кого-нибудь застрелишь без моего разрешения, места на моем корабле не жди, понял?

— Поверь мне, — возразил Миллер, — смерть для этого парня — лучшее, на что он сегодня может надеяться. Почему бы не оказать ему услугу?

— Это не тебе решать. — В голосе Холдена звучал настоящий гнев.

Миллер хотел ответить, но Холден остановил его, вскинув руку.

— Хочешь попасть на «Роси»? Тогда босс — я. Без вопросов, без болтовни.

Кривая усмешка Миллера превратилась в улыбку.

— Есть, сэр, — отчеканил он. — Где там наши наемники? — Он кивнул на коридор и зашагал дальше ровной механической походкой. Холден не оборачивался, но еще долго слышал за спи-

ной плач человека, которого чуть не застрелил Миллер. Чтобы заглушить этот звук — возможно, существовавший только в его воображении, потому что они уже оставили за собой пару поворотов, — он опять принялся напевать тему из «Миско и Мариско».

Мама Элис, которая оставалась с ним дома, когда он был совсем мал, всегда приносила ему к телевизору чего-нибудь пожевать, а сама садилась рядом, ероша ему пальцами волосы. Она смеялась над шуточками динозавров еще увлеченнее, чем мальчик. Однажды она сделала ему на Хэллоуин розовую шляпу, чтобы он нарядился злым графом Мунго. Зачем вообще этот тип хотел изловить динозавров? Вопрос так и остался без ответа. Может, он просто любил ящеров. Один раз он применил уменьшающий луч и…

Холден ткнулся в спину Миллеру. Детектив внезапно остановился и теперь быстро отходил к стене, пригибаясь, чтобы все время оставаться в тени. Холден последовал его примеру. Метрах в тридцати перед ними сильно увеличившаяся группа наемников разбилась на две партии.

— Ого, — прошептал Миллер, — многим сегодня плохо приходится.

Холден кивнул и вытер мокрое с лица. Это

оказалась кровь. Едва ли он врезался в Миллера так основательно, чтобы пустить кровь из носа, а теперь нечего было и надеяться, что она перестанет сама по себе. Стенки сосудов становятся хрупкими. Один из симптомов лучевой болезни? Он оторвал полосу от рубашки и засунул в нос матерчатые тампоны, наблюдая за происходящим в коридоре.

Те, разбившись на две отчетливые группы, горячо препирались между собой. В другое время ему было бы все равно. Взаимоотношения наемников Холдена не волновали. Но эти, которых набралось уже около сотни, имели при себе оружие и преграждали дорогу к кораблю. Поэтому за их спором стоило проследить.

— Кажется, не все люди «Протогена» смылись, — шепнул Миллер, указывая на наемников. — Те парни, что справа, не похожи на здешних.

Холден пригляделся и кивнул. Стоявшие справа выглядели профессиональными солдатами. Бронежилеты хорошо сидели на них. Вторую группу составляли в основном самозванцы в полицейском снаряжении, и среди них всего несколько человек были в боевой броне.

— Попробуй угадать, о чем спор, — предложил

Миллер.

— «Эй, разве вы нас не захватите?» — Холден передразнивал акцент уроженцев Цереры. — «Э, нет, вы, ребята, должны остаться здесь и вроде как приглядеть, но мы обещаем, что это абсолютно *безопасно* и *не* превратит вас в блюющих зомби».

Ему почти удалось рассмешить Миллера, но тут коридор взорвался автоматным огнем. Обе стороны палили в упор. Очереди оглушали. Люди с криками рассыпались по коридору, брызгая друг на друга и на стены кровью и клочьями тел. Холден ничком бросился на пол, не прекращая, впрочем, наблюдать.

После первой перестрелки уцелевшие начали оттягиваться в противоположные стороны, продолжая стрелять на ходу. Пол на развилке был завален трупами. По оценке Холдена, в первые секунды стычки погибло больше двадцати человек. Звуки стрельбы удалялись по мере того, как две группы расходились все дальше друг от друга.

Один из «трупов» посреди развилки вдруг шевельнулся и поднял голову. Раненый не успел встать на ноги, как пуля, попавшая в центр лицевого щитка, сбила его обратно. В обмякшем теле теперь не осталось ничего живого.

— Где твой корабль? — спросил Миллер.

— Лифт в конце коридора.

Миллер сплюнул на пол кровавую мокроту.

— А поперечный коридор — зона боевых действий, и воюющие стороны ведут огонь справа и слева, — процедил он. — Пожалуй, можно попробовать проскочить…

— А других вариантов нет? — спросил Холден.

Миллер взглянул на свой терминал.

— Мы на пятьдесят три минуты отстаем от срока, установленного Наоми. Ты хочешь еще потратить время?

— Слушай, я плохой математик, — возразил Холден, — но, по-моему, по обе стороны этого коридора до сорока стрелков. А его ширина добрых три, если не три с половиной, метра. Значит, на расстоянии трех метров мы подставимся под выстрелы. Никакое везение не спасет. Давай подумаем над планом «Б».

Словно подтверждая его слова, из поперечного коридора ударила новая очередь, выбившая клочья из каучуковой изоляции стен и вспоровшая тела лежащих.

— Они продолжают отступать, — заметил Миллер. — Этот стрелял издалека. Наверно, можно просто переждать. Конечно, если у нас есть время.

Клочки материи, которые Холден затолкал в ноздри, не остановили кровотечения, а только закрыли ему выход. Он почувствовал, как струйка крови стекает в горло, и его чуть не вырвало. Миллер был прав. Пережидая здесь, они потеряют последние силы.

— Черт, хоть бы вызвать Наоми, спросить, ждут ли они, — сказал Холден, глядя на иконку «Нет доступа в сеть» на терминале.

— Ш-ш-ш! — Миллер прижал палец к губам, указал туда, откуда они пришли, и Холден услышал с той стороны тяжелые шаги. — Запоздавшие гости, — шепнул Миллер, и Холден согласно кивнул. Оба развернулись, нацелив стволы на коридор, и стали ждать.

Из-за угла вывернули четверо в полицейском снаряжении. Оружия в руках у них не было, а двое даже сняли шлемы. Очевидно, они ничего не знали о новых осложнениях. Холден ожидал выстрелов Миллера и, не дождавшись, оглянулся. Миллер в упор смотрел на него.

— Пешком мне не добраться, — почти виновато сказал Миллер. Холдену понадобилось полсекунды, чтобы понять, о чем он.

И дать ему разрешение, первым открыв огонь. Он прицелился в того мафиози, что был без шле-

ма, и выстрелил ему в лицо, а потом продолжал стрелять почти наугад, пока не выщелкнулась опустевшая обойма. Первый выстрел Миллера отстал на долю секунды, детектив тоже расстрелял все патроны. Четверо бандитов лежали в коридоре лицами вниз. Выдох Холдена перешел во вздох, и он сел на пол.

Миллер, на ходу вставляя в пистолет новую обойму, подошел к лежащим и пошевелил каждого ногой. Холден не стал перезаряжать свое оружие. Хватит с него стрельбы. Он положил пустой пистолет в карман и подошел к копу, нагнулся и принялся отстегивать наименее пострадавшую броню. Миллер поднял бровь, но промолчал и не попытался ему помочь.

— Нам придется бежать, — заговорил Холден, сглотнув подступившую к горлу кровавую рвоту и снимая нагрудник и спинной щиток с первого. — Может быть, эти штуки нас защитят.

— Возможно, — кивнул Миллер и стал снимать броню со второго.

Холден надевал на себя снятое с убитого, изо всех сил стараясь поверить, что розоватая струйка на броне не имеет отношения к выбитому мозгу. Возня с застежками отнимала много сил. Пальцы стали непослушными и неловкими. Он

взял набедренник и уронил обратно. Бежать надо быстро. Миллер тоже закончил одеваться и поднял один из неповрежденных шлемов. Холден нашел себе шлем всего с одной вмятиной и надел на голову. Изнутри шлем казался сальным, и Холден обрадовался, что не чувствует запаха. Он подозревал, что прежний владелец не часто принимал ванну.

Миллер возился со шлемом, пока не включилась рация. И тотчас в шлеме Холдена прозвучал голос детектива:

— Эй, не стрелять, мы выходим из коридора. Не стреляйте, мы идем к вам!

Прижав пальцем кнопку микрофона, он обернулся к Холдену.

— Ну, может, хоть с одной стороны стрелять не станут.

Они вернулись назад и прошли десять метров до перекрестка. Холден сосчитал до трех и со всех ног метнулся вперед. Он стал ужасающе медлительным: ноги как свинцом налились. Словно он бежал в воде. Словно в кошмаре. Он слышал за плечом шаги Миллера по бетонному полу, срывающееся дыхание.

А потом остался только грохот выстрелов. Непрерывная, оглушающая канонада началась, едва

он показался из-за угла перекрестка. Холден не знал, сработала ли уловка Миллера, стреляли ли только с одной стороны или с обеих. В трех шагах от дальнего угла он пригнул голову и прыгнул. В слабой гравитации Эроса прыжок получился почти летящим. Он уже достиг проема, когда пули ударили в броню на ребрах и отбросили его спиной в стену, едва не сломав хребет. Остаток пути он проделал ползком, а пули все били в пол под ногами, и одна из них прошила ему мясистую часть икры.

Миллер споткнулся о него, пролетел еще несколько шагов и рухнул мешком. Холден подполз к нему.

— Еще жив?

Миллер кивнул.

— Подстрелили. Сломана рука. Идем, — в три выдоха проговорил он.

Холден поднялся. Икра горела огнем — мышцы стягивались вокруг отверстия раны. Он подтянул за собой Миллера и тут же навалился на него, хромая к лифту. Левая рука Миллера свисала как тряпичная, и по ладони текла кровь.

Холден нажал кнопку вызова лифта, и они с Миллером привалились друг к другу в ожидании. Он замычал себе под нос тему из «Миско и

Мариско», и Миллер через несколько секунд стал подтягивать ему.

В лифте Холден нажал кнопку причала, где стоял «Роси», и ожидал, что дверь откроется в пустой серый шлюз. Он так мечтал о минуте, когда можно будет перестать спешить, что удивился бы себе, останься у него еще способность удивляться. Миллер выпустил его и съехал по стене лифта, оставив кровавый след и завалившись на пол. Глаза его были закрыты, он немного походил на спящего. Холден смотрел, как грудь полицейского вздымается короткими мучительными толчками, как они понемногу становятся мягче и ровнее.

Холден ему завидовал, но сам, прежде чем все кончится, должен был увидеть эту закрытую дверь шлюза. Он чуточку сердился на лифт, который шел слишком долго.

Лифт встал, дверь, весело звякнув, начала отходить.

Амос стоял напротив, с боевой винтовкой в каждой руке и двумя магазинными ремнями на плечах. Он с головы до пят оглядел Холдена, бросил взгляд на Миллера и снова посмотрел в лицо капитану.

— Господи, кэп, хреново же ты выглядишь!

Глава 32
Миллер

Сознание перезапускалось медленно, в несколько приемов. Во сне он складывал пазл, кусочки которого меняли форму, и всякий раз, когда картинка казалась почти готовой, сон начинался сызнова. Первым, что он осознал, была боль в пояснице, потом тяжесть в руках и в ногах, потом тошнота. Чем ближе он возвращался к сознанию, тем больше хотелось оттянуть возвращение. Воображаемые пальцы тщились сложить головоломку, но, прежде чем последний фрагмент лег на место, глаза его открылись.

Он не мог шевельнуть головой: мешало что-то в горле — толстый пук черных трубок выходил из него и тянулся куда-то за пределы поля зрения. Он хотел поднять руку, оттолкнуть этот чуждый, вампирический предмет, но не сумел.

«И до меня добралось, — содрогнувшись, подумал он. — Я заразился».

Слева от него появилась женщина. Он удивился, что она — не Джули. Темная кожа, глаза с чуть скошенной складкой век, падающие вниз

по щеке волосы.

Вниз! Здесь есть низ. Есть гравитация. Ускорение. Это показалось очень важным, только он не помнил почему.

— Привет, детектив, — сказала Наоми. — С возвращением.

«Где я?» — попытался произнести он. В горле что-то стояло. Плотно, как толпа, набившаяся в вагон «трубы».

— Не пытайтесь говорить и все такое, — предупредила она. — Вы были в отрубе тридцать шесть часов. Хорошо, что у нас есть отсек с диагностером военного качества и запасом медикаментов на пятнадцать марсианских солдат. Думаю, мы половину истратили на вас и капитана.

Капитан. Холден. Вот оно. Был бой. Они были в коридоре, кто-то стрелял. И кто-то был болен. Он вспомнил женщину, залитую бурой рвотой, ее пустой взгляд, но, возможно, это привиделось в кошмаре?

Наоми все говорила. Что-то о полном распаде плазмы и повреждениях клеток. Он попробовал поднять руку, дотянуться до нее, но помешал ремень. Боль в спине — это почки, и хотел бы он знать, что им пришлось отфильтровать из его крови. Миллер закрыл глаза и уснул, прежде чем

решил, стоит ли отдохнуть.

На этот раз его не мучили кошмары. Он опять очнулся, когда что-то сдвинулось у него в горле, зацепило гланды и ушло. Не открывая глаз он скатился на пол, откашлялся со рвотой и снова лег на спину.

Проснувшись, он дышал уже сам. Горло саднило, зато руки были свободны. Из живота и бока тянулись дренажные трубки, катетер толщиной с карандаш торчал из пениса. Особой боли он не чувствовал и заключил, что в него закачали чуть ли не все существующие наркотики. Он лежал голый, его скромность блюла только тонкая бумажная сорочка и гипс, каменно сжимавший левое плечо. Кто-то положил на соседнюю кровать его шляпу.

Теперь он смог рассмотреть медотсек, напоминавший станцию скорой помощи из солидного сериала. Не больница, а блистательная идея того, какой она должна быть. Мониторы, висевшие на сложных штативах, сообщали о его кровяном давлении, концентрации нуклеиновых кислот, насыщении кислородом, балансе жидкостей. Две дозирующие системы контролировали: одна — введение автофагов, другая — обезболивающих. А через проход, возле другой койки, примерно те

же показатели сообщали приборы над Холденом.

Холден походил на привидение. Кожа бледная, белки красные от сотен микроскопических кровоизлияний, лицо одутловатое от стероидов.

— Эй! — позвал Миллер.

Холден поднял руку и слабо помахал.

— Мы справились, — сказал Миллер. Голос звучал так, словно его волокли за ноги по переулку.

— Угу, — сказал Холден.

— Мерзко было.

— Угу.

Миллер кивнул. На большее сил уже не осталось. Он откинулся на подушку и если не заснул, то потерял сознание. Прежде чем накатило забытье, он улыбнулся. Он справился. Он — на корабле Холдена. И они найдут то, что оставила им Джули.

Его разбудили голоса.

— Может, не стоит…

Та женщина, Наоми. Миллер готов был обругать ее за то, что помешала спать, но разобрал в ее голосе нотки пусть не страха или гнева, но чего-то достаточно похожего, чтобы заинтересоваться. Он не шевельнулся, даже не стал целиком выплывать из забытья. Но прислушался.

— Приходится, — сказал Холден. Он говорил

глухо, словно в горле стояла мокрота. — То, что случилось на Эросе… у меня на многое открылись глаза. Я слишком долго молчал.

— Капитан…

— Нет, ты дослушай. Когда я там сидел, думая, что мне остались полчаса шума игровых аппаратов, а потом смерть, я понял, о чем жалею. Понимаешь? Я вспомнил все, что хотел сделать, но не собрался с духом. Теперь я просто не могу об этом забыть. Не могу притворяться, будто этого не было.

— Капитан, — повторила Наоми, и те нотки в ее голосе прозвучали отчетливей.

«Лучше промолчи, бедолага», — подумал Миллер.

— Я люблю тебя, Наоми, — сказал Холден.

Пауза длилась не дольше удара сердца.

— Нет, сэр, — сказала она, — это не так.

— Люблю. Я знаю, о чем ты думаешь. Я перенес тяжелую травму и хочу снова почувствовать себя живым и восстановить связь с жизнью, и, может, отчасти так и есть. Но ты должна поверить — я знаю, что чувствую. И там я знал, что больше всего я хочу вернуться к тебе.

— Капитан, сколько мы прослужили вместе?

— Что? Точно не помню.

— Навскидку.

— Восемь с половиной рейсов — это почти пять лет, — подсчитал Холден. Миллер угадал в его голосе недоумение.

— Хорошо. И со сколькими из нашей команды ты за это время делил койку?

— Это важно?

— Не слишком.

— С несколькими.

— Больше дюжины?

— Нет, — сказал он, но не очень уверенно.

— Ну, скажем, с десятью, — уступила Наоми.

— Пусть так. Но там было другое. Я говорю не о маленьких корабельных романах, чтобы скоротать время. С самого…

Должно быть, женщина взяла его за руку, — представилось Миллеру, — подняла ладонь или просто глянула на него, — но поток слов прервался.

— А знаешь, когда я в тебя влюбилась, сэр?

Грусть — вот что означали те нотки в ее голосе. Грусть. Разочарование. Сожаление.

— Когда… когда ты?..

— Могу назвать даже день, — продолжала Наоми. — Это была седьмая неделя твоего первого рейса. Я еще злилась, что какой-то землянин вы-

летел за эклиптику и занял мое место старпома. Ты мне с самого начала не понравился. Слишком обаятельный, слишком смазливый и, черт бы тебя побрал, слишком удобно устроился в моем кресле. Но тогда в машинном зале затеяли покер. Ты, я, пара механиков с Луны и Камала Траск. Помнишь Траск?

— Техник-связист. Та, что…

— Фигурой напоминала холодильник. А лицом — щенка бульдога.

— Я ее помню.

— Она больше всех сходила по тебе с ума. Проплакала в подушку весь рейс. Она не потому села играть, что любила покер. Она хотела дышать с тобой одним воздухом, и все это знали. Даже ты. И я весь вечер наблюдала за тобой, и ты ни разу не обманул ее. Ни разу не дал ей повод думать, что у нее есть шанс. И при том ты обращался с ней уважительно. Тогда я первый раз подумала, что из тебя может выйти приличный старпом, и в первый раз подумала, что хорошо бы оказаться в твоей койке после конца смены.

— Из-за Траск?

— И еще потому, что у тебя роскошная задница, сэр. Я это к тому, что мы летали вместе не один год. И я готова была прийти к тебе по первому

зову.

— Я не знал, — сказал Холден. Голос звучал придушенно.

— Ты не спрашивал. Ты каждый раз засматривался в другую сторону. И, честно говоря, я думала, что астерские женщины тебе не по нраву. Пока «Кент»… Пока нас не осталось всего пятеро. Я видела, как ты на меня смотришь. Я точно знала, что означает такой взгляд, я четыре года видела его со стороны. Но ты обратил на меня внимание только потому, что я осталась единственной женщиной на борту, а мне этого мало.

— Я не знал…

— Нет, сэр, ты не знал. О том я и говорю. Я не раз видела, как ты соблазняешь женщин, я знаю, как ты это проделываешь. Ты весь отдаешься ей, ты ею восхищаешься. Потом ты уверяешь себя, что между вами — особая связь, и к тому времени, как ты в это поверишь, она тоже верит. Потом вы некоторое время спите вместе, и связь малость бледнеет. И кто-то из вас заговаривает о «профессиональном поведении» или о «рамках приличия» или начинает беспокоиться, что подумает команда, и все сходит на нет. И после этого ты им по-прежнему нравишься. Всем им. Ты все так ловко проделываешь, что никому и в голову

не приходит тебя возненавидеть.

— Это неправда!

— Правда. И пока ты не сообразишь, что не обязательно любить каждую, с кем делишь койку, я не узнаю, правда ли ты меня любишь или просто хочешь затащить в постель. И я не лягу с тобой, пока *ты* сам этого не поймешь. Ставить на любовь я бы не стала.

— Я только…

— Если хочешь со мной переспать, — сказала Наоми, — будь честен. Из уважения ко мне, договорились?

Миллер кашлянул. Не нарочно, он даже не почувствовал приближения кашля. Живот сжало, горло перехватило, и он тяжело, влажно закашлялся. Начав, остановиться было не просто. Он сел, глаза слезились от напряжения. Холден лежал на спине. Наоми сидела на соседней кровати, улыбаясь так, словно подслушивать было нечего. Мониторы Холдена показывали учащенное сердцебиение и повышенное давление. Миллер мог только надеяться, что бедняга не заполучил эрекцию при торчащем из тела катетере.

— Привет, детектив, — сказала Наоми. — Как самочувствие?

Миллер кивнул и ответил:

— Случалось и хуже. — Подумав, он поправился: — Нет, не случалось. Но все нормально. А плохо было?

— Вы оба были покойниками, — сказала Наоми. — Серьезно, мне пришлось воевать с фильтрами очередности помощи. Система списывала вас в хоспис и норовила накачать морфием.

Она говорила легко, но Миллер ей поверил. Он попробовал сесть. Тело все еще казалось ужасно тяжелым, но он не знал — от слабости или от перегрузки. Холден лежал молча, стиснув челюсти. Миллер притворился, что ничего не замечает.

— Долгосрочный прогноз?

— Вам обоим придется до конца жизни ежемесячно проверяться на рак. Капитану вживили новую щитовидку, поскольку его собственная основательно сварилась. У вас пришлось удалить фута полтора тонкого кишечника, не перестававшего кровоточить. Вы оба в ближайшее время будете легко набивать синяки, а если вам вздумается завести детей, надеюсь, в каком-нибудь банке у вас отложена сперма, поскольку все ваши солдатики теперь двухголовые.

Миллер хихикнул. Мониторы тревожно мигнули и вернулись к норме.

— Вас послушать, вы настоящий медтехник, —

сказал он.

— Нет, я механик. Но я каждый день читала распечатки, так что набралась жаргона. Жаль, что здесь нет Шеда. — В ее голосе впервые прозвучала грусть.

Второй раз при нем упоминали Шеда. За этим стояла какая-то история, но Миллер не стал расспрашивать.

— Волосы выпадут? — спросил он.

— Возможно, — признала Наоми. — Вас накачали лекарствами, которые должны это предотвратить, но, если фолликулы мертвы, их не оживишь.

— Ну, хорошо, что я не потерял шляпу. А что с Эросом?

Наигранное легкомыслие покинуло Наоми.

— Мертв, — сказал Холден, поворачиваясь в постели, чтобы видеть Миллера. — Думаю, после нас оттуда не выбрался ни один корабль. Станция не отвечает на вызовы, а все автоматические системы предупреждают о карантине.

— Спасательные корабли? — спросил Миллер и опять закашлялся. Глотку все саднило.

— Никакой надежды, — ответила Наоми. — На станции было полтора миллиона человек. На спасоперацию таких масштабов ни у кого не

хватит ресурсов.

— Как-никак, — добавил Холден, — идет война.

Корабельные огни потускнели, обозначая наступление ночи. Миллер лежал в постели. Система сменила режим лечения, и последние три часа его то сжигала лихорадка, то бил озноб. Зубы стучали, десны и лунки ногтей ныли. О сне не приходилось и мечтать, поэтому он лежал в полутьме и пытался собраться с мыслями.

Он гадал, что подумали бы о его поведении на Эросе прежние напарники. Хэвлок. Мусс. Он попробовал представить их на своем месте. Он убивал людей, убивал хладнокровно. Эрос стал камерой смертников, а когда те, кому положено охранять закон, добиваются твоей смерти, закон перестает действовать. И кое-кто из убитых им ублюдков был повинен в гибели Джули.

Так. Убийство из мести. Неужели он в самом деле мстил? Невеселая мысль. Он попробовал представить, что Джули сидит рядом с ним, как Наоми сидела с Холденом. Она словно только и ждала приглашения. Джули Мао, которую он никогда не знал. Она приветственно махнула рукой.

«А что с нами? — спросил он, заглядывая в ее темные, невозможные глаза. — Я тебя люблю

— или просто так хочу любви, что не вижу разницы?»

— Эй, Миллер, — сказал Холден, и Джули пропала. — Не спишь?

— Ага, не спится.

— Мне тоже.

Минуту они молчали. Гудела аппаратура отсека. У Миллера зудела рука под гипсом — ткани проходили очередной этап насильственной регенерации.

— Ты в порядке? — спросил Миллер.

— Почему бы и нет? — резко отозвался Холден.

— Ты убил того парня, — объяснил Миллер. — На станции. Застрелил его. То есть я знаю, что ты и до того стрелял в людей, еще в отеле, но последнему ты выстрелил прямо в лицо.

— Да, выстрелил.

— Тебя это не мучает?

— Нисколько, — слишком поспешно отозвался Холден.

Гудела система воздушной циркуляции, манжета тонометра на здоровой руке Миллера сжимала ее, будто чья-то ладонь. Холден молчал, но Миллер, скосив глаза, увидел на мониторах повышение давления и активности мозга.

— Нас всегда заставляли брать отпуск, — сказал

Миллер.

— Что?

— Когда мы в кого-то стреляли. Не важно, убили или нет, нас всегда заставляли взять отпуск. Сдать оружие. Походить к психиатру.

— Бюрократы, — заключил Холден.

— В этом был смысл, — возразил Миллер. — Когда стреляешь в человека, в тебе что-то сдвигается. Если убиваешь… это еще хуже. Не важно, что они сами напрашиваются или у тебя нет выбора. Может, это немного помогает, но не спасает.

— Ты, однако, кажется, это пережил.

— Может быть, — ответил Миллер. — Слушай. Все, что я говорил тогда насчет убить того парня, насчет того, что оставлять их в живых — дурная услуга. Мне жаль, что я это говорил.

— Думаешь, ты ошибался?

— Нет. Но все равно мне жаль.

— Ладно.

— Господи! Слушай, я что хочу сказать: хорошо, что тебя это беспокоит. Хорошо, что все это стоит у тебя перед глазами и в ушах. Тебя это мучает? Так и должно быть.

Холден минуту молчал, а когда заговорил, голос у него был серым, как камень.

— Я, знаешь ли, и раньше убивал людей. Но те

казались просто кляксами на экране радара. Я…

— Здесь иначе, да? — подсказал Миллер.

— Нет, так же, — ответил Холден. — Это проходит?

«Иногда», — подумал Миллер.

— Нет, — сказал он. — Нет, если в тебе еще жива душа.

— Ясно. Спасибо.

— Еще одно…

— Да?

— Я знаю, это не мое дело, но я не хочу, чтобы она задурила тебе голову. Ну вот, ты разбираешься в сексе, любви и женщинах. Это всего лишь значит, что ты родился с яйцами. А эта девушка, Наоми… Похоже, она стоит того, чтобы ее добиваться. Понимаешь?

— Да, — сказал Холден и, помолчав, добавил: — Можно больше никогда об этом не говорить?

— Конечно.

Корабль скрипнул, сила тяжести сместилась вправо. Коррекция курса, ничего особенного. Миллер закрыл глаза, заставляя себя уснуть. В голове теснились мертвые, Джули, любовь и секс. Что-то важное сказал Холден о войне, но он не мог придумать, куда вставить этот фрагмент. Все смешалось перед глазами. Миллер вздохнул,

повернулся, пережав при этом одну из дренажных трубок, и ему пришлось сменить позу, чтобы успокоить тревожный сигнал.

Когда манжета на руке снова надулась — это было словно Джули сжала его запястье, склоняясь губами к самому уху. Он открыл глаза, видя одновременно воображаемую девушку и мониторы, которые она загородила бы, будь действительно здесь.

«Я тоже тебя люблю, — сказала она, — и я о тебе позабочусь».

Он улыбнулся, видя, как растут цифры на счетчике частоты пульса.

Глава 33
Холден

Еще пять дней Холден и Миллер провалялись в медотсеке, а вокруг них выгорала Солнечная система. Сообщения о гибели Эроса предполагали: экологическую катастрофу, вызванную сокращением поставок из-за войны, скрытую атаку марсиан, несчастный случай в тайной лаборатории астеров. Аналитики внутренних планет уверяли, что АВП и им подобные террористы наконец показали, какую угрозу они несут невинному мирному населению. Пояс обвинял Марс, или службу жизнеобеспечения Эроса, или АВП в том, что те не предотвратили несчастья.

А потом несколько марсианских фрегатов блокировали Палладу, бунт на Ганимеде привел к гибели шестнадцати человек, а новое правительство Цереры объявило, что все корабли с марсианской припиской, стоящие в их порту, будут интернированы. Угрозы и обвинения под бой барабанов войны перешли на новые темы. На Эросе случилась трагедия, но это было в прошлом, а в каждом уголке обжитого человечеством про-

странства появлялись очередные угрозы.

Холден выключил новости, поерзал на койке и попытался разбудить Миллера пристальным взглядом. Не сработало. Массивное облучение не наделило его экстрасенсорными способностями. Миллер начал похрапывать.

Холден сел, проверяя гравитацию. Меньше четверти *g*. Следовательно, Алекс не спешит. Наоми давала им с Миллером время поправиться до прибытия к таинственному астероиду Джули.

Дерьмо!

Наоми.

Последние пять раз, когда она заходила в медотсек, вышли неловкими. Она больше не возвращалась к теме неудачного объяснения, но Холден чувствовал вставшую между ними преграду и горько раскаивался. А Миллер, когда она выходила, каждый раз отводил взгляд и вздыхал, от чего становилось еще хуже.

Но не мог же он вечно избегать ее, каким бы идиотом себя ни чувствовал. Холден свесил ноги с кровати и дотянулся до пола. Мышцы ослабли, но слушались. Подошвы ног болели, но гораздо менее чувствительно, чем все остальное тело. Он встал, придерживаясь за кровать, и проверил равновесие. Качнулся, но устоял. Два шага убедили

его, что при слабой гравитации можно и ходить. Капельница потянула за руку. К нему шла трубка от одного-единственного мешка с каким-то голубоватым составом. Он понятия не имел, что в нем, но после рассказов Наоми о том, как близко они оказались к смерти, подозревал, что лекарство может быть важным. Он снял мешок со стены и поднял, держа в левой руке. В помещении пахло антисептиком и поносом. Хотелось уйти отсюда.

— Ты куда? — сонно спросил Миллер.

— Я пошел. — Он памятью тела вернулся во времена, когда ему было пятнадцать.

— Ну-ну. — Миллер перевернулся на бок.

От люка медотсека до центрального трапа было четыре метра, и Холден покрыл это расстояние медленными шаркающими шагами. Бумажные бахилы шуршали по матерчатой обивке металлической палубы. Трап он одолеть не сумел. Рубка располагалась всего одной палубой выше, но подъем на три метра оказался столь же недоступным, как будь он тысячеметровым. Он нажал кнопку вызова лифта, через пару минут люк в полу открылся и с электрическим визгом показался лифт. Холден хотел запрыгнуть на площадку, но только медленно завалился на колени, цепляясь за трап. Он остановил лифт, вы-

прямился, подтянувшись, и запустил его снова, к следующей палубе, куда рассчитывал явиться не таким побитым и больше похожим на капитана.

— Господи, кэп, ну и видок у тебя, — услышал он голос Амоса, едва лифт остановился. Механик развалился на двух креслах перед панелью сенсоров и жевал что-то, похожее на полоску кожи.

— Ты это уже говорил.

— Это все еще правда.

— Амос, тебе делать нечего? — одернула Наоми. Она сидела перед одним из компьютеров, наблюдая за мельканием на экране, и не обернулась к Холдену. Дурной признак.

— Не-а. Никогда еще не работал на таком скучном корабле, босс. Ничего не ломается, протечек нет, даже ничего не дребезжит, требуя подтянуть, — ответил Амос, всосав последнюю полоску закуси и причмокнув губами.

— Всегда можно заняться уборкой, — напомнила Наоми и постучала по экрану перед собой. Амос перевел взгляд с нее на Холдена, снова покосился на нее.

— Да, я тут вспомнил, мне надо в машинный зал, посмотреть… ну, то, что я хотел посмотреть. — Он поднялся. — Извини, кэп.

Протиснувшись мимо Холдена, он заскочил

в лифт и направил его к корме. Палубный люк закрылся за ним.

— Привет, — сказал Холден, когда Амос пропал из виду.

— Привет. — Она не обернулась. Это тоже не предвещало добра. Когда она выставила Амоса, он понадеялся, что она хочет поговорить. Но сейчас было не похоже. Холден вздохнул и прошаркал к соседнему с ней креслу. Рухнув в него, он почувствовал, как гудят ноги. Словно он не двадцать шагов прошел, а пробежал километровую дистанцию. Наоми распустила волосы, и они скрывали ее лицо. Холдену хотелось убрать их, но он опасался, что она ответит астерским кунг-фу и сломает ему локоть.

— Слушай, Наоми, — начал он, но она, не оборачиваясь, нажала кнопку на своей панели. Он замолчал, увидев перед собой лицо Фреда. — Это Фред? — спросил он, не придумав более дурацкого вопроса.

Наоми ткнула в кнопку «Пуск», и лицо на экране ожило.

«Наоми, кажется, вам туго пришлось. Эфир полон толков о закрытии станции, предполагают атомный взрыв. Никто не знает, что и думать. Держите нас в курсе. Мы тем временем сумели

взломать кубик, который вы нам оставили. Похоже, это пакет данных с „Доннаджера“, в основном с ЭМ-локатора. Мы искали зашифрованные сообщения, но мои люди ничего не нашли. Я прилагаю данные. Держите меня в курсе, если что-то обнаружите. Тихо, конец связи».

Экран потух.

— И что там за данные? — спросил Холден.

— Именно то, что он сказал, — ответила Наоми. — Показания электромагнитного локатора «Доннаджера» за время его преследования шестью кораблями и сражения. Я порылась в сыром материале в поисках скрытых сообщений, но, хоть убей, ничего не нашла. Я заставила «Роси» несколько часов копаться в данных, отыскивать закономерности. У него отличные софты для таких дел. Но пока ничего.

Она снова потыкала в экран, и на него, слишком быстро для Холдена, начали вываливаться данные. В маленьком окошке на экране трудилась, отыскивая смысл, распознающая закономерности программа «Росинанта». Холден минуту следил за ней, но глаза у него скоро заслезились.

— Лейтенант Келли умер за эти сведения, — сказал он. — Оставил корабль, когда его друзья еще вели бой. Десантник не пошел бы на это без

важной причины.

Наоми развела руками и безнадежно указала на экран.

— Вот то, что было в кубике, — проговорила она. — Может, там какая-то стенография, но у меня нет другого набора данных для сравнения.

Холден, забыв на время о боли и любовных неудачах, начал постукивать себя по колену.

— Предположим, здесь есть именно то, что есть. Никаких тайников. Что могла значить эта информация для марсианского флота?

Наоми откинулась в кресле и задумчиво прикрыла глаза, наматывая на палец завиток волос на виске.

— Здесь в основном ЭМ-данные, значит, много сведений о типе двигателя. Излучения двигателя — лучший способ распознавать корабли. Значит, можно понять, кто где находился во время боя. Тактические сведения?

— Возможно, — сказал Холден. — А это достаточно важно, чтобы отсылать с Келли?

Наоми набрала в грудь воздуха и медленно выдохнула.

— Не думаю.

— Я тоже.

Что-то билось у него на краю сознания, прося

впустить.

— А что это было с Амосом? — спросил он.

— С Амосом?

— Он, когда мы вошли, торчал у входа в шлюз с двумя пушками.

— Были неприятности с возвращением на корабль, — объяснила Наоми.

— У кого были неприятности? — уточнил Холден.

Наоми улыбнулась ему.

— Какие-то негодяи хотели, чтобы мы пропустили их к «Роси». Амос их отговорил. Вы же не думаете, что мы ждали *вас,* сэр?

Не померещилась ли ему улыбка в голосе? Намек на кокетство? На флирт? Он не позволил себе улыбнуться.

— Что сказал об этих данных «Роси», когда ты их ввела? — спросил он.

— Вот, — ответила Наоми и ткнула в панель. Экран начал прокручивать длинный список данных в текстовом виде. — Много записей электромагнитного и светового спектра, несколько утечек из поврежденных…

Холден взвыл. Наоми обернулась к нему.

— Какой же я идиот! — промычал Холден.

— Согласна. Уточнишь?

Холден потянулся к экрану и принялся прокручивать строки вверх и вниз. Ткнул в длинный список чисел и букв и с ухмылкой откинулся назад.

— Вот, вот оно, — сказал он.

— Что — «вот»?

— Структура корпуса — не единственный опознавательный признак. Он самый точный, но различается только на малой дальности, и, — он обвел рукой «Росинант», — его проще всего подделать. Второй способ — подпись двигателя. Невозможно скрыть свое излучение радиации и тепла. А различаются они издалека.

Холден включил экран перед своим креслом и вывел на него корабельную базу данных «Друг/враг», затем связал ее с информацией на экране Наоми.

— Вот что это такое, Наоми. Марсу сообщают, кто убил «Доннаджер», показывая подписи двигателей нападавших!

— Тогда почему было не передать просто: «Нас убили такие-то», в обычном читабельном текстовом файле? — Наоми скептически шевельнула бровями.

Холден наклонился вперед и застыл, приоткрыв рот, потом закрыл его и снова откинулся

со вздохом.

— Не знаю.

Брякнула гидравлика открывающегося люка. Наоми глянула через плечо Холдена на трап и предупредила:

— Миллер поднимается.

Обернувшись, Холден увидел, как завершает восхождение от медотсека детектив. Он выглядел ощипанным цыпленком: серовато-розовая кожа покрылась мурашками. Бумажный халат не слишком удачно сочетался со шляпой.

— Там же лифт есть, — сказал Холден.

— Жаль, не знал, — отозвался Миллер и, задыхаясь, выполз на палубу рубки. — Что у нас тут?

— Пытаемся разгадать тайну, — сказал Холден.

— Ненавижу тайны. — Миллер тяжело встал на ноги и добрался до кресла.

— Тогда разгадай нам вот такую. Ты узнаешь, кто кого-то убил. Сам ты не можешь его арестовать, поэтому посылаешь информацию напарнику. Но только вместо того, чтобы сообщить ему имя, передаешь все улики. Почему?

Миллер кашлянул и поскреб подбородок. Его взгляд уставился куда-то, словно он читал с экрана, невидимого для Холдена.

— Потому что я не доверяю себе. Я хочу, чтобы

напарник сам пришел к тому же заключению, без моей подсказки. Я даю ему точки, чтобы он сам соединил их линиями и увидел, какая получится картинка.

— Особенно если ошибка в предположении чревата последствиями, — добавила Наоми.

— Никому не хочется запороть дело об убийстве, — вставил Миллер. — Выглядит непрофессионально.

Панель перед Холденом бибикнула ему.

— Черт, понимаю, почему они осторожничали, — сказал он, прочитав сведения на экране. — «Роси» полагает, это были стандартные легкие крейсера с верфи Буша.

— Земные корабли? — не поверила Наоми. — Но они шли без сигналов и… Сукины дети!

Холден впервые слышал, как она бранится, и вполне ее понимал. Если замаскированные корабли Флота ООН убили «Доннаджер», значит, за всем этим стоит Земля. Возможно, даже за убийством «Кентербери». Значит, напрасно корабли марсиан убивали астеров. Таких, как Наоми.

Холден наклонился и вызвал дисплей связи, перевел его в положение открытого вещания…

— Надеюсь, кнопка, которую ты нажал, не та, что я думаю? — сдавленным голосом спросил

Миллер.

— Я доделываю то, чего не успел Келли.

— Понятия не имею, кто этот чертов Келли, — ответил Миллер, — но, пожалуйста, скажи мне, что он не собирался передать эти данные на весь эфир Солнечной системы.

— Люди должны знать, что происходит, — сказал Холден.

— Верно, должны, но, может, ты сам сперва разберешься, что происходит, прежде чем объяснять им? — очень живо возразил Миллер. — Ты ужасно легковерен.

— Эй, — предостерегающе начал Холден, но Миллер заговорил громче.

— Ты нашел марсианские батарейки, да? И рассказал об этом всей Солнечной системе, развязав самую — пока что — большую войну в истории человечества. Теперь, оказывается, может, и не марсиане ее там оставили. Потом шайка таинственных кораблей убивает «Доннаджер», и Марс винит астеров, а астеры, черт побери, даже не знали, что способны управиться с марсианским крейсером.

Холден открыл рот, но Миллер схватил оставленную Амосом на панели чашку кофе и запустил ему в голову.

— Дай мне кончить! А теперь ты нашел сведения, которые указывают на Землю. И первым делом выбалтываешь их на всю вселенную, чтобы Марс и Пояс втянули в это дело Землю, и большая война стала еще больше. Ты не замечаешь сходства?

— Да, — сказала Наоми.

— И что, ты думаешь, из этого выйдет? — спросил Миллер. — Вот так они и действуют! Свалили «Кентербери» на Марс. Это был не Марс. Свалили «Доннаджер» на Пояс. Опять не он. Теперь похоже, что все это — Земля? Попробуй экстраполировать. Возможно, это опять не она. Никогда, никогда не выдвигай обвинений, пока не знаешь точно. Смотри. Слушай. Держи рот на замке, черт бы тебя побрал, пока не узнаешь, а потом уже закрывай дело!

Детектив в изнеможении замолчал. Он был весь в поту. На палубе повисла тишина.

— Кончил? — спросил Холден.

Миллер кивнул, тяжело дыша.

— Может, я слегка погорячился.

— Я никого ни в чем не обвиняю, — сказал Холден. — Я не закрываю дела. Я просто передаю эти данные. Теперь это не тайна. Они что-то сотворили с Эросом. Они не хотели, чтобы им мешали.

Пока Марс и Пояс палили друг по другу, ни у кого не было возможности помочь.

— А теперь ты втянул в это и Землю, — сказал Миллер.

— Возможно, — признал Холден, — но убийцы действительно использовали корабли, построенные, по крайней мере частично, на орбитальной верфи Земли. Может, кто-то этим займется. А это — главное. Если всем все известно, не остается никаких тайн.

— Ну-ну, — протянул Миллер. Холден его не слышал.

— В конце концов кто-то составит полную картину. Такие штучки требуют скрытности, значит, раскрывая секреты, мы в конечном счете вредим им. Это единственный способ по-настоящему, навсегда с этим покончить.

Миллер вздохнул, кивнул самому себе, стянул шляпу и почесал в затылке.

— А я-то собирался просто вышвырнуть их из шлюза, — сказал он.

BA-834024112 был тот еще астероид. Тридцать метров в поперечнике, давным-давно разведан и признан лишенным любых ценных или полезных минералов. Его внесли в регистр только для того, чтобы предупредить корабли о возмож-

ности столкновения. Джули, улетая на своем челноке на Эрос, прицепила к нему миллиардное состояние.

Вблизи корабль, убивший «Скопули» и похитивший его команду, походил на акулу. Длинный, узкий, совершенно черный, почти невидимый невооруженным глазом на фоне космической тьмы. Изгибы, предназначенные сбить с толку радар, придавали ему обтекаемый вид, давно уже почти не встречающийся у космических судов. При виде его по коже Холдена поползли мурашки, и все же он был красив.

— Мудила грешный, — пробормотал себе под нос Амос, когда вся команда собралась в рубке «Росинанта», чтобы посмотреть на корабль.

— «Роси» его просто не видит, кэп, — сообщил Алекс. — Я окатил его лучом радара, а получил только чуть нагретое пятнышко на астероиде.

— Точно как Бекка перед гибелью «Кента», — вспомнила Наоми.

— Челнока на нем нет, так что это, пожалуй, тот самый корабль-невидимка, оставленный кем-то на камне, — добавил Алекс. — Он ведь не один такой.

Холден, взлетая над креслом пилота, коротко пробарабанил пальцами по его спинке.

— Там, возможно, полно блюющих зомби, — наконец подал он голос.

— Хочешь пойти посмотреть? — спросил Миллер.

— Еще бы, — ответил Холден.

Глава 34
Миллер

Скафандр оказался лучше тех, к каким привык Миллер. За время жизни на Церере он всего пару раз выходил наружу, а снаряжение «Звездной Спирали» уже тогда было устаревшим: тугие гофрированные сочленения суставов, отдельная дыхательная установка, перчатки, в которых рукам было градусов на тридцать холоднее, чем телу. На «Росинанте» имелись современные военные скафандры, не тяжелее стандартного полицейского снаряжения, с автономной системой жизнеобеспечения, которая, надо думать, не позволила бы пальцам замерзнуть, даже если бы ему отстрелили кисть. Миллер плавал, придерживаясь одной рукой за крепление в шлюзе, и сгибал пальцы, любуясь «акульей кожей» на суставах.

Он предпочел бы скорлупу потолще.

— Порядок, Алекс, — сказал Холден. — Мы на месте. Вели «Роси» постучаться.

Их пронзила низкая рокочущая дрожь. Наоми прижала руку к изгибу стены, чтобы удержаться на месте. Амос выдвинулся вперед с автоматом,

способным стрелять без отдачи. Когда он согнул шею, Миллер услышал по рации хруст позвоночника. Только так и можно было его слышать: их окружал вакуум.

— Есть, капитан, — ответил Алекс. — Провел стыковку. Стандартная система безопасности не работает, дай секунду… сейчас…

— Проблемы? — спросил Холден.

— Готово. Есть соединение, — ответил Алекс и через минуту добавил: — А похоже, дышать там нечем.

— Вообще? — спросил Холден.

— Ага. Жесткий вакуум. Обе двери шлюза открыты.

— Вот так, люди, — сказал Холден. — Посматривайте на свои дыхательные системы. Пошли.

Миллер глубоко вздохнул. Индикатор на наружной двери люка сменил красный свет на зеленый. Холден сдвинул ее в сторону, и Амос проскочил вперед, оставив капитана чуть позади. Миллер кивком просигналил Наоми. Дамы идут первыми.

Стыковочный туннель был укреплен против вражеских лазеров и низкоскоростных снарядов. К тому времени, как люк «Росинанта» закрылся за ними, Амос добрался до второго корабля. У

Миллера случился приступ головокружения, когда восприятие направления переключилось со «вперед» на «вниз», словно к чужому люку они не летели, а падали.

— Вы в порядке? — спросила Наоми.

Миллер кивнул. Амос уже скрылся в шлюзе. Они входили по одному.

Корабль был мертв. Лучи нашлемных фар скользили по плавным изгибам переборок, мягкой обивке стен, по серым дверцам шкафов со скафандрами. Одна дверца была погнута, будто кто-то или что-то проламывалось из шкафа наружу. Амос затормозил. В обычных обстоятельствах жесткий вакуум гарантировал, что никто не кинется на них из засады. Но сейчас Миллер принял бы разве что равное пари на свою безопасность.

— Здесь все закрыто, — сказал Холден.

— Может, что-то осталось в машинном зале? — предположил Амос.

— Значит, двигаемся отсюда к корабельной заднице, — сказал капитан.

— Примерно так.

— Осторожнее, — предупредил Холден.

— Я в рубку, — сказала Наоми. — Если там что-то работает от батарей, можно…

— Нет, — отрезал Холден. — Пока не поймем,

чего ищем, держимся вместе.

Амос двинулся вниз, погружаясь в темноту. Холден толкнулся за ним. Миллер следом. Поза Наоми выражала то ли обиду, то ли облегчение.

В камбузе оказалось пусто, но кое-где угадывались следы борьбы. Погнутая ножка стула, длинная угловатая царапина на стене, где краску сколупнули чем-то острым. Две пробоины высоко в переборке, оставленные шальными пулями. Миллер протянул руку, ухватился за один из столов и медленно развернулся.

— Миллер, — позвал Холден. — Ты идешь?

— Посмотри-ка, — отозвался тот. Темная лужица цветом напоминала янтарь и стеклянно блестела в свете фар. Холден склонился над ней.

— Рвота зомби? — предположил он.

— Думаю, да.

— Ну, я и так считал, что это тот самый корабль, что нам нужен. Хотя как понимать: «нужен»…

В жилом отсеке было тихо и пусто. Они обошли все каюты, но не обнаружили личных вещей: ни терминалов, ни фотографий, никаких намеков на имена мужчин и женщин, которые жили, дышали и, надо думать, умирали на этом корабле. Даже каюту капитана выдавали только более широкая койка и запертый сейф.

Центральное помещение по высоте и ширине превосходило корпус «Росинанта», из темноты проступали двенадцать громоздких цилиндров, окруженных узкими лесами и подмостками. Миллер заметил, как помрачнело лицо Наоми.

— Что это? — спросил Миллер.

— Торпедные установки.

— Торпедные установки? — повторил он. — Господи боже, сколько же у них было? Миллион?

— Двенадцать, — ответила она. — Всего двенадцать.

— Серьезные орудия, — заметил Амос. — Рассчитаны на то, чтобы прикончить цель с первого попадания.

— Цель вроде «Доннаджера»? — уточнил Миллер.

Холден взглянул на него; свечение налобного дисплея проявляло его черты.

— Или «Кентербери», — сказал он.

Все четверо молча обошли толстые черные трубы.

В механических мастерских приметы насилия были отчетливее. Кровь на полу и на стенах и тут же — потеки стеклянистой золотистой массы, оставленные зомби. Комками валялась форма, скрученная и пропитавшаяся чем-то, прежде

чем застыть в космическом холоде. Привычка, сложившаяся после осмотра сотен мест преступления, выявляла десятки мелочей: расположение царапин на стенах и дверях лифта, брызги крови и рвоты, отпечатки ног. Каждая что-то говорила Миллеру.

— Они в машинном, — сказал он.

— Кто? — не понял Холден.

— Команда. Те, кто был на корабле. Кроме одного. — Он указал на половинный отпечаток подошвы, направленный к лифту. — Видите, ее следы перекрывают другие. А здесь она наступила в кровь, уже засохшую. Остались не пятна, а чешуйки.

— Откуда ты знаешь, что это «она»? — спросил Холден.

— Это была Джули.

— Ну, кто бы там ни засел, они давно уже надышались вакуумом, — перебил их Амос. — Пойдем посмотрим?

Никто не сказал «да», но все проплыли к люку. Он был открыт. Темнота за ним казалась более плотной, более зловещей, более одушевленной, чем остальной корабль, — но это всего лишь воображение Миллера шутило с ним шутки. Он задержался, попробовал вызвать образ Джули, но

она не пришла.

Он вплыл в машинный зал, как в пещеру. Миллер видел лучи фонарей, скользящие по стенам и панелям в поисках механизма контроля — живого или такого, который еще можно было оживить. Свой луч он нацелил в глубь зала, и темнота поглотила его.

— Нашел батареи, кэп, — позвал Амос. — И… похоже, что реактор заглушен. Намеренно.

— Ты мог бы его включить?

— Надо бы провести диагностику, — ответил Амос. — У них могли быть причины его вырубить, и мне не хочется проверять на себе — какие.

— Разумная мысль.

— Но я могу хотя бы включить… вот… давай, ублюдок!

По всей палубе засияли бело-голубые огни. На полсекунды Миллер ослеп. Вместе с возвращающимся зрением нарастало смятение. Ахнула Наоми, вскрикнул Холден. Из сознания Миллера тоже рвался вопль, и он усилием воли загнал его обратно. Это просто место преступления. Это обычные тела.

Только это были не тела.

Реактор стоял перед ним, замерший, мертвый. Его окружал слой человеческой плоти. Миллер

узнавал руки, ладони с пальцами, растопыренными так широко, что больно было смотреть. Длинная змея выгнутого позвоночника, ребра, торчащие веером, как лапки мерзкого насекомого. Он пытался понять, что видит. Ему и раньше доводилось смотреть на расчлененные тела. Он узнавал в длинном мотке скрученных веревок человеческие внутренности. Он видел расширение кишечника, переходящего в прямую кишку. Проглянули характерные очертания черепа.

Но среди знакомой анатомии смерти и расчлененки виднелось иное: спирали раковины наутилуса, толстые пучки мягких черных волокон, бледный клок чего-то, похожего на кожу, прорезанную дюжиной жаберных щелей, полуоформленные конечности, напоминавшие одновременно ноги насекомого и эмбриона, — но не являвшиеся ни тем, ни другим. Застывшая мертвая плоть окружала реактор, как кожура апельсина. Команда корабля-невидимки. А может быть, и «Скопули».

Тела всех, кроме Джули.

— Н-да, — промычал Амос. — Это займет больше времени, чем я думал, кэп.

— Ничего, — сказал Холден. Его голос в динамике рации дрожал. — Не надо тебе этим

заниматься.

— Да что там. Если все это мерзкое дерьмо не пробило обшивку, реактор должен быть в порядке.

— А тебе это не… помешает? — спросил Холден.

— Честно говоря, кэп, я об этом не думаю. Дай мне двадцать минут, я скажу тебе, получим мы питание отсюда, или придется тянуть кабель с «Роси».

— Хорошо, — сказал Холден и уже более твердым голосом добавил: — Хорошо, только не касайся тут ничего.

— И не собирался, — уверил Амос.

Они проплыли через люк обратно. Холден, Наоми, последним Миллер.

— Вот это?.. — Наоми откашлялась и начала заново: — Вот это случилось с Эросом?

— Возможно, — ответил ей Миллер.

— Амос, — позвал Холден. — Ты можешь запитать компьютер от батарей?

Пауза. Миллер глубоко вдохнул, и запах пластика и озона из системы скафандра наполнил его ноздри.

— Думаю, да, — неуверенно ответил Амос, — но если мы прежде запустим реактор…

— Подключи компьютеры.

— Ты капитан, — согласился Амос. — В два счета.

Они молча плыли вверх — назад — к шлюзу и дальше, в командную рубку. Миллер приотстал, наблюдая, как траектория движения Холдена то ведет его ближе к Наоми, то снова в сторону.

«Хочет защитить и страшно стесняется», — подумал Миллер. Неудачное сочетание.

Джули объявилась в шлюзе. Не сразу, конечно. Миллер снова соскользнул в пустоту, в голове крутились детали увиденного, словно он занимался очередным делом. Обычным делом. Взгляд его упал на взломанный шкаф. На мгновение он оказался на Эросе, в номере, где умерла Джули. Там был изолирующий скафандр. И тут Джули оказалась рядом, пробиваясь наружу из шкафа.

«Что ты там делала?» — спросил он.

— Нет карцера, — сказала она.

— Что? — обернулся к нему Холден.

— Я просто заметил, — объяснил Миллер, — что на корабле нет карцера. Нет специальных помещений для пленников.

Холден согласно хмыкнул.

— Невольно задумаешься, что они собирались делать с командой «Скопули», — сказала Наоми

тоном, который ясно говорил, что тут и думать нечего.

— Не похоже, чтобы у них были особые планы, — медленно проговорил Миллер. — Все это… они импровизировали.

— Импровизировали? — переспросила Наоми.

— Корабль вез какую-то инфекцию в достаточно надежном контейнере. Захватил пленных, а держать их было негде. Они изворачивались по ходу дела.

— Или им приходилось спешить, — добавил Холден. — Что-то заставило их спешить. То, что они проделали на Эросе, готовилось много месяцев, если не лет. Так что могло случиться в последнюю минуту?

— Интересно знать, — сказал Миллер.

В сравнении с остальными помещениями рубка выглядела мирно. Обыкновенно. Компьютеры завершали диагностику, экраны успокоительно светились. Наоми приблизилась к одному, легонько коснувшись спинки кресла кончиками пальцев, чтобы прикосновение не отбросило ее назад.

— Я здесь сделаю, что могу, — сказала она. — Вы можете проверить мостик.

Повисла тяжелая пауза.

— Ничего со мной не случится, — добавила она.

— Конечно. Я знаю, ты… я… идем, Миллер.

Миллер пропустил капитана вперед. Диагностическая процедура экранов оказалась ему знакома. Места было больше, чем он ожидал: пять кресел-амортизаторов, приспособленных к чужим фигурам. Холден пристегнулся к одному из них. Миллер медленно повернулся, осматривая палубу. Все казалось на своем месте: ни крови, ни поломанных стульев или порванной обивки. Если здесь была драка, то внизу, у реактора. Знать бы, что это значит. Он уселся на место, которое при нормальных обстоятельствах служило бы постом безопасности, и открыл одноканальную связь с Холденом.

— Ищешь что-то конкретное?

— Журнал. Обзоры, — отозвался Холден. — Все может пригодиться. А ты?

— Пробую войти во внутреннюю систему наблюдения.

— Надеешься найти?..

— То, что нашла Джули, — сказал Миллер.

Система предполагала, что всякий, сидящий на этом месте, имеет право на низшие уровни доступа. Он потратил полчаса, чтобы войти в

командную структуру и ввести запрос. Дальше все было просто. Временная метка в корабельном журнале отметила день, когда пропал «Скопули». Камера наблюдения в шлюзовом отсеке показала, как вводят его команду, в основном — астеров. Захватчики были в броне, с опущенными лицевыми щитками. Миллер подумал, не нарочно ли они скрывали свои лица. Если так, они, возможно, намеревались оставить экипаж в живых. А возможно, просто опасались последней вспышки сопротивления. Экипаж «Скопули» был без скафандров и без брони. Двое даже не в форме.

На Джули форма была.

Странным показалось наблюдать ее в движении. Миллер только теперь осознал, что никогда не видел, как она двигалась. Все снимки в файлах на Церере были статичными. А теперь она плыла вместе со своими новыми соотечественниками, волосы откинуты от лица движением воздуха, челюсти сжаты. Она выглядела очень маленькой среди остальной команды и людей в скафандрах. Маленькая богачка, отказавшаяся от роскоши и положения в обществе ради угнетенных астеров. Девушка, которая предпочла позволить матери продать «Бритву» — любимый корабль, — не пожелав уступить эмоциональному шантажу.

Двигаясь, она немного отличалась от придуманного Миллером фантома — иначе откидывала плечи, по привычке касалась носками пола даже при нулевой *g*, — но в главном образ совпадал. Ему казалось, он не представляет ее заново, а восполняет недостающие детали.

Охранник что-то сказал — звука не было, камера работала в вакууме, — и люди со «Скопули» как будто ахнули. Затем их капитан медленно стянул с себя форму. Они раздевали пленников. Миллер покачал головой.

— Плохой план.

— Что? — встрепенулся Холден.

— Ничего, извини.

Джули не шевельнулась. Один из охранников двинулся к ней, упираясь ногами в стену. К Джули, которая пережила насилие или что-то столь же мерзкое. И которая занималась джиу-джитсу, чтобы это не повторилось. Может, они подумали, что она просто скромничает. Или боялись, что прячет под одеждой оружие. Так или иначе, они решили настоять на своем. Один из охранников протянул к ней руку, и Джули вцепилась в нее, словно от этого зависела ее жизнь. Миллер поморщился при виде неестественно вывернутого локтя мужчины, но в то же время улыбнулся.

«Так, девочка моя, — думал он. — Задай им».

И она задала. На добрых пятьдесят секунд шлюзовой отсек превратился в поле битвы. Вступить в нее попытался даже кое-кто из запуганной команды «Скопули». Но вот Джули пропустила нападение плечистого мужчины, зашедшего со спины. Миллер словно сам почувствовал удар железной перчатки в висок. Она не вырубилась, но «поплыла». Вооруженные люди холодно и умело раздели ее и, не найдя ни оружия, ни средств связи, швырнули ей тренировочный костюм и втолкнули в шкаф. Остальных увели внутрь корабля. Миллер заметил время и переключил программу.

Пленников провели в камбуз и привязали к столам. Один из охранников минуту-другую говорил, не поднимая щитка, и Миллер получил какое-то представление о содержании его речи только по реакции команды — он увидел круглые от недоверия глаза, смятение, гнев и страх. Сказано могло быть что угодно.

Миллер начал перещелкивать время. Несколько часов вперед, еще несколько. Корабль шел с ускорением, пленники сидели за столом, а не плавали рядом с ним. Он переключился на другой отсек. Шкаф Джули оставался запертым. Не

знай он наверняка, решил бы, что она умерла. Он перескочил еще вперед.

Через сто тридцать два часа команда «Скопули» дозрела. Миллер предвидел это еще прежде, чем дошло до схватки. Он сталкивался с тюремными бунтами и в пленниках заметил то же подавленное возбуждение. Запись показала участок стены, где остались пулевые пробоины. Пока их еще не было. Появятся. В кадр вошел человек с подносом еды.

«Вот оно», — подумал Миллер. Схватка оказалась короткой и жестокой. У пленников не было ни единого шанса. Миллер видел, как кого-то из них — с волосами песочного цвета — подтащили к шлюзу и вышвырнули в космос. Остальных крепко связали. Кто-то плакал, кто-то орал. Миллер промотал запись.

Это должно располагаться где-то здесь. Момент, когда оно — чем бы оно ни было — вырвалось на свободу. Однако либо это случилось в не охваченной наблюдением части корабля, либо оно находилось там с самого начала. Почти ровно через сто шестьдесят часов после того, как заперли в шкаф Джули, мужчина в белом джемпере с остекленевшим взглядом и неуверенной походкой завалился в жилой отсек, и его вырвало на

охранника.

— Твою мать! — вскрикнул Амос. Миллер вскочил с места, даже не разобравшись, что случилось. Холден тоже встал.

— Амос? — позвал он. — Что там у тебя?

— Погоди, — ответил Амос. — Да все нормально, кэп. Просто эти поганцы сорвали кусок реакторной обшивки. Я ее поставил, но схватил больше рад,[26] чем мне бы хотелось.

— Возвращайся на «Роси», — сказал Холден. Миллер, придержавшись за стену, толкнулся обратно к панели управления.

— Не взыщи, капитан, но я покуда не собираюсь ссать кровью или еще что, — ответил Амос. — Это я просто от неожиданности. Если станет не по себе, тут же вернусь, но, если ты позволишь поработать еще несколько минут, я обеспечу вам малость атмосферы.

Миллер вглядывался в лицо Холдена, тот пожал плечами. Он мог отдать приказ или оставить все как есть.

— Ладно, Амос. Но если вдруг закружится голова или еще что — что угодно! — тотчас в медотсек.

— Понял, понял, — отозвался Амос.

---

[26] Примечания: 26
Единица измерения радиации.

— Алекс, следи там за биометрией Амоса. Предупреди, если возникнут проблемы, — сказал Холден по общей связи.

— Роджер, — лениво протянул Алекс.

— Нашел что? — по личному каналу обратился Холден к Миллеру.

— Никаких неожиданностей, — ответил тот. — А ты?

Миллер подлетел к экрану, с которым работал Холден. Холден подтянул себя обратно в кресло и вывел на монитор запись.

— Я думал, кто-то должен был остаться последним, — сказал он. — То есть кто-то должен был пострадать меньше других, когда эта дрянь вырвалась на волю. Вот я и просмотрел активность системы перед отключением.

— И?

— Был всплеск за пару дней перед отключением, а потом целых двое суток пусто. И еще маленький пик. Доступ к файлам, диагностика системы. А потом кто-то взломал основные пароли, чтобы сдуть атмосферу.

— Значит, это Джули.

— Я так и подумал, — согласился Холден, — однако один из открытых ею файлов… черт, где же он? Был прямо… А, вот. Посмотри-ка.

Экран моргнул, контрольные лампочки просигналили готовность, и появилась эмблема в высоком разрешении, зеленая с золотом. Логотип корпорации «Протоген», с девизом, которого Миллер прежде не встречал: «Раньше всех. Быстрее всех. Дальше всех».

— Каким временем помечен файл? — поинтересовался Миллер.

— Оригинал был создан два года назад, — сказал Холден. — Копирован восемь месяцев назад.

Эмблема погасла, и на ее месте появился сидящий за столом человек приятной наружности. Темные волосы с намеком на седину на висках, готовые к улыбке губы. Он кивнул в камеру. Улыбка не коснулась взгляда, пустого, как у акулы.

«Социопат», — решил Миллер.

Губы мужчины беззвучно задвигались. Холден ругнулся и переключил звук на рацию их скафандров. Прокрутил видеозапись к началу и запустил снова.

«Мистер Дрезден, — начал мужчина, — я хотел бы поблагодарить вас и членов правления, которые нашли время просмотреть этот обзор. Без вашей поддержки, как финансовой, так и иного рода, невероятные открытия, сделанные в рамках этого проекта, были бы невозможны. Хотя работу

проводила моя группа, но постоянная заинтересованность „Протогена“ в прогрессе науки дала нам возможность заниматься ею.

Джентльмены, я буду откровенен. Протомолекула Фебы превзошла все наши ожидания. Я уверен, она представляет воистину революционный прорыв в технологии. Я знаю, что в такого рода презентациях нередко случаются преувеличения. Прошу обратить внимание, что я тщательно подобрал слова: „Протоген“ может стать наиболее значимой и могущественной организацией за всю историю человечества. Но для этого потребуются инициатива, целеустремленность и дерзость».

— Он говорит об убийствах, — вставил Миллер.

— Ты это уже смотрел? — спросил Холден.

Миллер покачал головой. Картинка сменилась. На месте оратора появилась мультипликация. Схематическое изображение Солнечной системы. Орбиты, обозначенные широкими цветными линиями, показывались в плоскости эклиптики. Виртуальная камера быстро двигалась от внутренних планет, где, надо полагать, находились мистер Дрезден и члены правления, к газовым гигантам.

«Для тех, кто не знаком с проектом, скажу, что восемь лет назад произошла первая высадка человека на Фебе», — произнес «социопат».

Картинка приблизила Сатурн; спутники и кольца проносились мимо в торжестве крутой графики над точностью отображения.

«Это маленькая ледяная луна, и предполагалось, что Феба, наряду с кольцами, может стать источником воды. Марсианское правительство отправило научную экспедицию скорее из соображений бюрократического порядка, нежели в расчете на реальный экономический выигрыш. Были взяты образцы ядра, и, когда в них обнаружились силикатные аномалии, пригласили „Протоген“ поучаствовать финансово в долгосрочных научных исследованиях».

Луна — Феба — заполнила экран, медленно повернулась перед камерой, словно проститутка в дешевом борделе. Испещренная кратерами глыба, неотличимая от тысяч знакомых Миллеру астероидов и планетоидов.

«Учитывая экстраэклиптическую орбиту Фебы, — продолжил „социопат“, — мы предположили, что это тело происходит из Пояса Койпера[27]

---

[27] Примечания: 27
Пояс Астероидов за орбитой Нептуна.

и было захвачено Сатурном. Однако факт существования сложных силиконовых структур во внутренних слоях льда наряду с предполагаемыми противоударными структурами в строении самого тела заставил нас принять другую точку зрения.

Применяя аналитические методы „Протогена“, пока недоступные марсианской группе, мы с большой достоверностью определили, что планетоид, который вы сейчас видите на экране, не образовался естественным путем, но был создан как оружие. Специфическое оружие, предназначенное, чтобы донести свой заряд из глубин космоса и доставить его на Землю два с третью миллиарда лет назад, на ранних стадиях формирования жизни. А заряд этот, джентльмены, был таков…»

Изображение переключилось на схему, ничего не говорившую Миллеру. Она напоминала устройство вируса, как его рисуют в медицинских справочниках, кольцевые структуры выглядели красивыми и неправдоподобными.

«Эта протомолекула первоначально заинтересовала нас своей способностью сохранять исходную структуру в широком диапазоне условий при вторичных и третичных изменениях.

Она также проявляла сродство к углеродным и силикатным структурам. Ее активность заставляла предположить, что, не будучи сама живой, она несет инструкцию по перестройке и изменению других реплицирующихся систем. Опыты на животных указывают, что она не только действует на простые репликаторы, а масштабируется».

— Опыты на животных, — повторил Миллер. — Они что, облили этим кошку?

«Из этого следует, прежде всего, — говорил между тем „социопат“, — существование более обширной биосферы, часть которой составляет наша система. Протомолекула — артефакт этой биосферы. Согласитесь, сама по себе такая новость произведет революцию в наших представлениях о вселенной. Позвольте вас уверить, что это лишь мелочь в сравнении с остальным. Если бы случайность орбитальной механики не остановила Фебу, то жизни, какой мы знаем ее ныне, не существовало бы. Но возникла бы другая. Первые клеточные структуры на Земле подверглись бы перестройке. Протомолекула перепрограммировала бы их».

Человек снова появился на экране. Он продолжал улыбаться, и улыбка теперь затронула и его глаза. Миллер чувствовал, как в нем зарождается

нутряная животная ненависть, и он хорошо знал ее причину. Страх.

«„Протоген“ может не только стать монопольным владельцем первого образца технологии инопланетного происхождения. В наших руках механизм, позволяющий манипулировать живыми системами, и первые сведения о природе большой — я бы сказал, галактической! — биосферы. Области его применения кажутся безграничными. Я считаю, что не только нам, но самой жизни представляется возможность небывало глубоких перемен. Более того, контроль над этой технологией отныне и навсегда станет фундаментом политической и экономической власти.

Я прошу вас обдумать технические детали, представленные в прилагаемом файле. Если в ближайшее время удастся понять принцип действия программирующего механизма и предназначение протомолекулы, исследовать ее прямое воздействие на человека, это определит прорыв „Протогена“ в будущее. Я настаиваю на немедленных и решительных действиях — мы и только мы должны иметь контроль над протомолекулой, — и я настаиваю на масштабных испытаниях.

Благодарю за внимание».

«Социопат» снова улыбнулся и скрылся за логотипом с девизом «Раньше всех. Быстрее всех. Дальше всех». У Миллера бешено стучало сердце.

— Вот как. Ладно же, — процедил он и добавил: — Чтоб меня.

— «Протоген», «протомолекула», — заговорил Холден. — Они понятия не имеют, как она действует, а уже прилепили к ней свою этикетку, будто сами создали. Они наткнулись на оружие пришельцев, а думают только о том, как бы запатентовать его.

— Похоже, что эти ребята весьма довольны собой, — кивнул Миллер.

— Я, конечно, никакой не ученый, — продолжал Холден, — но, сдается мне, запихнуть инопланетный супервирус в космическую станцию — не лучшая мысль.

— Прошло два года, — напомнил Миллер. — Они вели исследования. Они… не знаю, какой чертовщиной они занимались. Но выбрали Эрос. А что случилось с Эросом, знают все. Его погубили враги. И никто не послал спасателей или исследователей, потому что все заняты дракой друг с другом или что-то охраняют. Война? Отвлекающий маневр, вот что это такое.

— А «Протоген» тем временем… что?

— Наблюдает, как поведет себя игрушка, если ее завести, — предположил Миллер.

Оба долго молчали. Первым заговорил Холден.

— Значит, мы имеем компанию, похоже, начисто лишенную социальной ответственности и с достаточным правительственным финансированием, чтобы действовать чуть ли не как частный филиал военного ведомства. И на что они решатся ради святого Грааля?

— «Раньше всех. Быстрее всех. Дальше всех», — повторил Миллер.

— Угу.

— Парни, — сказала Наоми, — вы бы спустились сюда. Кажется, у меня кое-что есть.

Глава 35
Холден

— Я нашла журнал связи, — заговорила Наоми, когда Холден и Миллер вплыли в кабину.

Холден протянул руку к ее плечу, но тут же отдернул и возненавидел себя за это движение. Еще неделю назад он бы ничуть не постеснялся дружеского жеста и не побоялся ее реакции. Промолчи он тогда вовсе, и ему было бы лишь немногим хуже, чем плохо сейчас от стены, вставшей теперь между ними. И ему хотелось сказать ей об этом. Он спросил о другом:

— Нашла что-то полезное?

Наоми ткнула в экран, вызвав журнал.

— Дисциплину связи они соблюдали строго, — сказала она, указывая на длинный хронологический список. — Ни одной передачи по радио, только направленный луч. И все обиняками, множество явно кодовых фраз.

Губы Миллера за лицевым щитком шевельнулись. Холден постучал ему по шлему. Миллер закатил глаза и подключился к общей связи.

— Извините. Не привык к разговорам в ска-

фандре, — сказал он. — Так что тут можно понять?

— Не многое. Но последнее сообщение было на простом английском, — ответила Наоми и ткнула в верхнюю строчку списка.

«СТАНЦИЯ ТОТ
ПОТЕРИ В КОМАНДЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ
ПРОГНОЗ ПОТЕРЬ 100 % МАТЕРИАЛ В ХРАНИЛИЩЕ СТАБИЛИЗИРУЮ КУРС И СКОРОСТЬ
ДАННЫЕ ВЕКТОРА ПРИЛАГАЮТСЯ
СЕРЬЕЗНАЯ ОПАСНОСТЬ ЗАРАЖЕНИЯ ПРИ ПРОНИКНОВЕНИИ НА КОРАБЛЬ

КПТ ХИГГИНС»

Холден перечитал строчки несколько раз, представляя, как капитан Хиггинс наблюдает за распространением инфекции среди команды, не в силах остановить ее. Его людей рвало по всей герметичной металлической коробке, а всего одна молекула этой рвоты на твоей коже означала смертный приговор. Черные волокнистые щупальца прорастали у них из глаз и ртов. А потом этот… соус на реакторе. Холден позволил себе содрогнуться, пользуясь тем, что Миллер не видит его дрожи сквозь скафандр.

— Итак, этот Хигинс понял, что его команда превращается в блюющих зомби, и послал финальный сигнал своим боссам, так? — прервал его размышления Миллер. — Как понимать эти слова про вектор?

— Он знал, что они все умрут, и передал своим информацию о том, как найти корабль, — объяснил Холден.

— Но они не нашли, потому что Джули перехватила управление и увела его куда-то, — сказал Миллер. — А значит, они все еще ищут, так?

Холден, пропустив его слова мимо ушей, вернул руку на плечо Наоми, надеясь, что жест выглядит дружески непринужденным.

— Мы знаем направление луча и вектор, — сказал он. — Они сходятся в одном месте?

— Примерно. — Она сделала подтверждающее движение правой ладонью. — Не совсем, но все точки расположены на Поясе. Или, учитывая изменения курса и время передач, это одна точка, которая движется по устойчивой орбите.

— Значит, корабль?

Наоми снова кивнула.

— Возможно. Я поиграла с локацией и не нашла в регистре ничего похожего. Ни станции, ни обитаемой скалы. Корабль подошел бы. Но…

Холден ждал продолжения, однако Миллер нетерпеливо подался к ней.

— Что «но»?

— Но откуда они знали, где те окажутся? — ответила она. — Я не нашла в журнале входящих сообщений. Если корабль беспорядочно передвигался в пределах Пояса, как они узнавали, куда посылать передачи?

Холден сжал ей плечо, так слабо, что она, возможно, и не почувствовала сквозь изолирующий материал скафандра, затем оттолкнулся и всплыл к потолку.

— Значит, не беспорядочно, — заключил он. — Была какая-то закономерность в местонахождении этой штуки в момент очередной передачи. Возможно, это тоже корабль-невидимка.

Наоми развернулась в кресле, чтобы видеть его.

— Или станция, — сказала она.

— Лаборатория, — вмешался Миллер. — Если на Эросе проводили эксперимент, белые халаты нужны были поблизости.

— Наоми, — сказал Холден. — «Материал в хранилище». В капитанской каюте есть запертый сейф. Ты сумела бы его вскрыть?

Наоми повела одной рукой.

— Не знаю. Может быть. Или Амос мог бы сломать его взрывом, мы ведь нашли в оружейном ящике взрывчатку.

Холден рассмеялся.

— Там, возможно, полно пробирок с мерзким инопланетным вирусом, так что о взрыве лучше не думать.

Наоми закрыла журнал связи и вывела на экран общее корабельное меню.

— Я поищу код доступа к сейфу в компьютере, — сказала она. — Попробую вскрыть таким способом. Это займет какое-то время.

— Постарайся, — попросил Холден. — Мы не будем дышать тебе в спину.

Он оттолкнулся от потолка в сторону люка и подтянулся сквозь него в коридор. Миллер последовал за ним спустя несколько секунд. Прилепившись к палубе магнитными подошвами, детектив выжидательно уставился на Холдена.

Тот проплыл к нему над палубой.

— Что скажешь? — спросил он. — Все это — «Протоген»? Или опять: выглядит, как будто они, значит, не они?

Миллер молчал два долгих вздоха.

— Здесь уже пахнет правдой, — неохотно выдавил он.

Амос подтянулся снизу по трапу, таща за собой большой металлический ящик.

— Эй, кэп, — позвал он, — я нашел в мастерской целую коробку топливных стержней к реактору. Может, стоит захватить ее с собой?

— Молодец, — похвалил Холден, одной рукой махнув Миллеру подождать. — Давай, отнеси. И еще: подумай, как взорвать этот корабль?

— Что-что? — Амос не верил своим ушам. — Эта штуковина потянет на миллионы баксов. Боевой корабль-невидимка? АВП продаст за него собственную бабушку. И шесть труб еще не выпустили своих рыбок. Флагманское вооружение. Такими можно расплавить небольшую луну. Да что там бабушка, АВП своих дочерей на панель пошлет за такое снаряжение. Какого хрена пускать его на воздух?

Холден недоуменно уставился на него.

— Ты что, забыл, что у него в машинном зале?

— Черт, кэп, — ухмыльнулся Амос. — То дерьмо все вымерзло. Пару часов с горелкой, и я все это разрублю на куски и повыкидываю в шлюз. Туда ему и дорога.

Холдена чуть не вырвало, когда он представил, как Амос рубит оттаявшие тела прежней команды плазменной горелкой и бодро забрасывает

куски в шлюз. Возможно, умение великана-механика не замечать неприятного было сподручным, когда он ползал в тесноте между грязными от смазки частями двигателя. Но когда он, как ни в чем не бывало, взялся изрубить останки дюжины людей, в Холдене начало подниматься раздражение, угрожавшее перейти в ярость.

— Не говоря о том, что это была бы грязная работа, — сказал он, — причем с вполне реальной возможностью заразиться. И есть еще одно обстоятельство: кто-то сейчас усердно разыскивает этот очень ценный и очень невидимый корабль, а *того, кто его ищет, Алекс пока засечь не сумел!*

Холден замолчал и только кивал механику, пока тот переваривал услышанное. По лицу Амоса он мог проследить, какие мысли складывались у того в голове. «Мы нашли корабль-невидимку. Кто-то еще ищет корабль-невидимку. Мы не видим тех, кто его ищет. Дерьмо!»

Амос побледнел.

— Точно, — сказал он. — Я установлю реактор так, чтобы превратить его в кусок шлака. — Он опустил взгляд на встроенный в рукав дисплей. — Черт, слишком долго там проторчал. Пора на выход.

— Пора, — согласился Миллер.

Наоми знала свое дело. Знала очень хорошо. Холден обнаружил это, когда нанялся на «Кентербери», а в следующие годы вписал этот факт в перечень других наряду со «В космосе холодно» и «Гравитация направлена вниз». Если на их водовозе что-то отказывалось работать, стоило сказать Наоми: «Наладь!» — и больше не думать об этом. Иногда она заявляла, что не может что-то починить, но всякий раз это оказывался всего лишь способ поторговаться. Короткие переговоры приводили к требованию достать запасные части или нанять в ближайшем порту еще одного человека в команду, и все приходило в порядок. В устройстве корабля и электронике для нее не было неразрешимых проблем.

— Я не могу открыть сейф, — сказала она.

Она плавала рядом с сейфом в капитанской каюте, легонько опираясь одной ногой о койку, чтобы жестикуляция не отбросила ее в сторону. Холден держался на полу на магнитных подошвах. Миллер торчал в люке из коридора.

— Чего тебе не хватает? — спросил Холден.

— Если ты не позволяешь его взорвать или разрезать, я его не открою.

Холден помотал головой, но Наоми этого не заметила или не захотела замечать.

— Сейф открывается подачей очень специфического набора магнитных полей на переднюю пластину, — говорила она. — Ключ для этого у кого-то был, но на корабле его нет.

— Он на той станции, — сказал Миллер. — Не будь у них возможности его вскрыть, не стали бы туда посылать.

Холден минуту созерцал сейф, постукивая пальцами по переборке рядом с дверцей.

— Каковы шансы, что, разрезав его, мы включим ловушку? — спросил он.

— Отличные шансы, кэп, — отозвался Амос, слушавший разговор из торпедного отсека, где переводил маленький ядерный двигатель одной из торпед на критический режим. Возиться с главным реактором при поврежденной обшивке было слишком опасно.

— Наоми, мне очень нужен этот сейф, образцы из него и данные экспериментов, — сказал Холден.

— Откуда тебе знать, что там именно они? — возразил Миллер и рассмеялся. — Нет, конечно, там именно они. Но нам не пойдет на пользу, если он взорвется или, хуже того, кусочек вымазанной той жижей шрапнели проделает дырочку в наших замечательных костюмчиках.

— Я готов рискнуть. — Холден вытащил кусок мела и провел линию по переборке вокруг сейфа. — Наоми, сделай отверстие в переборке и проверь, есть ли там что-то, что не позволит нам просто вырезать эту дрянь и захватить с собой.

— Нам пришлось бы вынести половину стены.

— Согласен.

Наоми нахмурилась, потом развела руками, улыбнулась и подтверждающе шевельнула одной ладонью.

— Ну что ж, — сказала она. — Собираешься доставить его людям Фреда?

Миллер снова рассмеялся сухим невеселым смешком, от которого Холдену стало не по себе.

Пока они ждали заканчивавших свою работу Наоми и Амоса, детектив снова и снова пересматривал видео, где Джули Мао дралась с тюремщиками. У Холдена зародилась беспокойная догадка, что Миллер заучивает запись наизусть. Заряжается горючим для какого-то замысла.

— Марс охотно обменяет его на ваши жизни, — заметил Миллер. — Я слыхал, богачам на Марсе хорошо живется.

— Что там богатство, — буркнул возившийся где-то внизу Амос. — Они нам памятник поставят!

— По соглашению с Фредом он вправе первым заключить с нами контракт, — напомнил Холден. — Конечно, пока мы не по найму работаем…

Наоми улыбнулась и подмигнула ему.

— А кто мы тогда, сэр? — с легкой подначкой спросила она. — Герои АВП? Марсианские миллиардеры? Зачинатели новой биотехнической фирмы? Что мы здесь делаем?

Холден оттолкнулся от сейфа и полетел к люку, где среди других инструментов лежал плазменный резак.

— Пока не знаю, — ответил он, — а все же приятно, что у нас снова есть выбор.

Амос еще раз нажал кнопку. В темноте не вспыхнула новая звезда. Сенсоры, улавливающие радиацию и тепло, молчали.

— Должно было взорваться, да? — спросил Холден.

— Да, нах, — отозвался Амос и в третий раз основательно ткнул в кнопку на черной коробочке, которую держал в руке. — Это, понятно, не слишком точная наука. Двигатели у этих торпед проще простого. Просто реактор без одной стенки. Невозможно точно предсказать…

— Это не ракетостроение, — усмехнулся Холден.

— Что? — Амос готов был взорваться при первом намеке на насмешку.

— Так говорится, — пояснил Холден. — «Не ракетостроение» — значит «не сложно». Ты — ракетчик, Амос. Правда. Ты всю жизнь работаешь с атомными реакторами и двигателями. Пару сотен лет назад за твои знания люди выстроились бы в очередь, предлагая в обмен родных детей.

— Какого х… — начал Амос и осекся, когда за окном рубки разгорелось и почти сразу угасло новое солнце. — Видал? Не говорил ли я, что должно сработать?

— Я и не сомневался, — заверил Холден и, хлопнув Амоса по мясистому плечу, поплыл головой вниз к трапу.

— Что ж это за хрень была? — спросил Амос, ни к кому не обращаясь, потому что Холден уже скрылся.

Он спустился на командную палубу. Место Наоми пустовало. Он приказал ей выспаться. К палубе петлями креплений был притянут сейф корабля-невидимки. Вырезанный из стены, он казался больше. Черный, внушительно надежный — в таком контейнере и следовало держать конец света или, по крайней мере, Солнечной системы.

Холден завис над ним и тихо сказал:

— Сезам, откройся.

Сейф его игнорировал, зато открылся палубный люк, и в помещение просунулся Миллер. Он сменил скафандр на пахнущий потом синий тренировочный костюм с неизменной шляпой. В лице его было нечто, встревожившее Холдена. Притом что он и раньше чувствовал себя не в своей тарелке в присутствии детектива.

— Привет, — сказал Холден.

Миллер только кивнул и, подтянувшись к одному из постов, пристегнулся к креслу.

— Уже определили пункт назначения? — спросил он.

— Нет. Я велел Алексу просчитать пару вариантов, но еще не решил.

— Новости-то смотрел? — спросил детектив.

Холден покачал головой и передвинулся через кресло к другой стене. Что-то в выражении лица Миллера заставило его похолодеть.

— Нет, — сказал он. — Что-то случилось?

— Для тебя нет преград, Холден. Пожалуй, я тобой восхищаюсь.

— Говори уже, — попросил Холден.

— Нет, кроме шуток. Многие верят в разные вещи. «Семья — прежде всего», но в день получки

тратят пятьдесят долларов на шлюху. «Страна — прежде всего», но не платят налогов. Ты не таков. Если ты говоришь, что все должны всё знать, то и действуешь соответственно.

Миллер подождал ответа, но Холден не понимал, что нужно сказать. Похоже, детектив отрепетировал свою речь заранее. Пусть уж договаривает до конца.

— Итак, Марс узнаёт, что Земля, возможно, тайно строит корабли и запускает их без сигналов. Не исключено, что какой-то из них убил марсианский флагман. Можно поручиться, что Марс потребует проверки. Я к тому, что Коалиция флотов Земля — Марс была большой счастливой гегемонией. Сотню лет они вместе поддерживали порядок в системе. Старшие офицеры чуть ли не спали друг с другом. Значит, тут, наверно, какая-то ошибка, так?

— Согласен. — Холден ждал продолжения.

— Итак, Марс посылает запрос, — сказал Миллер. — То есть я не знаю, но ручаюсь, что с этого началось. Какая-то большая шишка с Марса вызывает большую шишку с Земли.

— Звучит резонно, — согласился Холден.

— Чем, ты думаешь, отвечает Земля?

— Не знаю.

Миллер протянул руку, включил экран и вывел на него какой-то файл с меткой времени меньше часа назад. Видеозапись новостей с Марса демонстрировала ночное небо сквозь купол. Небо, полное вспышек и светящихся полос. Титры внизу сообщали, что земные корабли на орбите Марса внезапно и без предупреждения открыли огонь по марсианским союзникам. Полосы в небе — следы торпед. Искры — гибнущие корабли. Потом огромная белая вспышка на несколько секунд превратила марсианскую ночь в день, и бегущая строка сообщила, что уничтожена радарная станция на Деймосе.

Холден сидел, наблюдая живую картину гибели Солнечной системы с комментариями экспертов. Он ждал, что полосы света протянутся к самой планете, что купола разлетятся в атомном взрыве, но, по-видимому, кто-то решил держаться в рамках, и сражение пока ограничивалось небесами.

Это не могло продолжаться вечно.

— Ты обвиняешь в этом меня, — проговорил Холден. — Не передай я тех данных, эти корабли остались бы живы. И люди.

— Ну да. И еще, если те мерзавцы хотели отвлечь внимание от Эроса, они своего добились.

Глава 36
Миллер

Сюжеты о войне текли потоком. Миллер смотрел по пять выпусков новостей в день, на его терминале теснились строки последних известий. Он был потрясен, поражен, почти болен. Война между Поясом и Марсом — величайший, самый опасный конфликт в истории человеческого рода — вдруг отступила на задний план. Комментаторы Сил Безопасности Земли использовали всю гамму: от спокойного рационального обсуждения мер обороны до проклятий с пеной у рта в адрес марсиан — скотов, насилующих младенцев. Атака на Деймос превратила спутник в постепенно распыляющееся кольцо гравия на прежней орбите, в кляксу в небе Марса, после чего игра пошла по новым правилам.

Миллер десять часов наблюдал, как штурм превращается в блокаду. Рассеянный по всей системе марсианский флот на полной тяге спешил домой. Станции АВП называли это победой и, возможно, отчасти были правы. Изображение передавалось с корабельных датчиков. Убитые военные ко-

рабли со вспоротыми бортами вращались как в гробах по своим непостоянным орбитам. Медицинские отсеки, такие же как на «Роси», были заполнены мальчиками и девочками вдвое моложе Миллера: умирающими от потери крови, от ожогов. Каждое следующее сообщение приносило новые картины бойни и смерти. И всякий раз, когда в эфире появлялся очередной клип, Миллер подавался вперед, прижав ладони ко рту, ожидая одного слова. Одного события, которое означало бы конец всего.

Но оно не приходило, и каждый час без него приносил новую толику надежды, что, может быть, *может быть,* этого не случится.

— Эй, — сказал Амос, — ты вообще спал?

Миллер поднял голову. Шея затекла. Механик, с красными морщинками от подушки на щеке и на лбу, стоял в открытых дверях каюты Миллера.

— Что? — спросил Миллер. — А, нет… Я… смотрел.

— Кто-нибудь сбросил скалу?

— Пока нет. Всё на орбитах и выше.

— Что за недоделанный Апокалипсис они там затеяли?

— Дай им время. Опыта нет.

Механик помотал тяжелой головой, но Миллер

видел под наигранным отвращением облегчение. Пока на Марсе стоят купола, пока нет прямой угрозы балансирующей на грани биосфере Земли, человечество еще живо. Миллер невольно гадал, на что надеются в Поясе. Неужто они убедили себя, что подобие экологических пузырей на астероидах способно к самостоятельному существованию?

— Пива хочешь? — спросил Амос.

— Ты пьешь пиво на завтрак?

— Прикинул, что для тебя это все-таки ужин, — пояснил Амос.

Он был прав. Миллер нуждался во сне. После осмотра корабля-невидимки он только пару раз урвал по несколько минут, чтобы подремать, да и те оказались наполнены странными сновидениями. Он подумал о зевоте и зевнул, но напряжение внутри подсказывало, что он, скорее всего, опять проведет день без отдыха, за новостями.

— А может, уже снова завтрак, — сказал Миллер.

— Хочешь пива на завтрак?

— Конечно.

Он шел по «Росинанту», как сомнамбула. Тихое гудение воздуховодов, мягкий воздух. Путь к кораблю Джули он проделал в мареве боли и стра-

дания. А прежде, на Эросе, был кошмар, навсегда застрявший в памяти. Чистые функциональные коридоры, легкое давление тяги, прижимавшее к полу, отсутствие чувства угрозы внушали подозрения. Миллер представил, что рядом с ним идет Джули, и ему полегчало.

Пока он ел, загудел его терминал — автоматика напоминала об очередном переливании крови. Он встал, поправил шляпу и пошел в медотсек, чтобы позволить иглам и инжекторам сделать свое дело. Капитана он застал уже на месте, подсоединенным к системе.

Холден выглядел спящим, но не спокойно. У него, в отличие от Миллера, не было черных синяков под глазами, но плечи выдавали напряжение, лоб морщился. Миллер задумался, не следовало ли ему быть с парнем чуть помягче.

«Я же говорил» — важное предупреждение, но груз гибели невиновных, гибели цивилизации мог оказаться непосильным для одного человека.

А может, он все еще маялся по Наоми.

Холден махнул ему рукой, не занятой капельницей.

— Утро доброе, — сказал Миллер.

— Привет.

— Уже решил, куда мы направляемся?

— Нет еще.

— До Марса добраться становится все трудней, — заметил Миллер, отдаваясь привычным объятиям медицинской системы. — Если лететь туда, лучше не тянуть.

— Хочешь сказать, пока Марс еще жив?

— В том числе, — согласился Миллер.

Из точно прилаженной крепежной системы вынырнула игла. Миллер смотрел в потолок, стараясь не напрягаться, когда устройство проникало в вену. За мгновенным уколом последовала тупая боль, сменившаяся онемением. Монитор над его головой докладывал о его состоянии врачам, наблюдавшим, как умирают молодые солдаты в милях над вершиной Олимпа.[28]

— Думаешь, их это остановит? — спросил Холден. — Я хочу сказать, Земля пошла на такое потому, что «Протоген» купил каких-то генералов, или сенаторов, или еще кого, да? Это все потому, что они хотят быть единоличными владельцами той дряни. Если Марс ее получит, «Протоген» лишится повода для войны.

Миллер моргнул. Прежде чем он успел выбрать

---

[28] Примечания: 28
Название высочайшей вершины Марса.

между: «Они постараются полностью аннигилировать Марс» и «До чего же ты наивен, капитан!» — Холден продолжил:

— На хрен. У нас база данных. Я передам ее в эфир.

Ответ вырвался сам собой:

— Ничего подобного!

Холден приподнялся, лицо его было мрачнее тучи.

— Я ценю твои соображения, — отчеканил он, — но это мой корабль. Ты — пассажир.

— Верно, — признал Миллер, — но тебе плохо удается стрелять в людей, а меня тебе придется пристрелить, прежде чем ты обнародуешь эти данные.

— Что-что?

Свежая кровь, вливавшаяся в жилы Миллера, ручейком ледяной воды подбиралась к сердцу. Медицинская система перешла на новый режим, подсчитывая аномальные клетки, попавшие в фильтры.

— Тебе пришлось бы меня пристрелить, — медленно повторил Миллер. — Ты уже дважды получал возможность выбора: расколоть Солнечную систему или повременить, и каждый раз портачил с решением. Не хочу видеть, как ты ее

добьешь.

— Думаю, ты преувеличиваешь влияние старпома с водовозной баржи. Да, война идет. И да, я присутствовал при ее начале. Но Пояс ненавидел внутренние планеты задолго до того, как погиб «Кент».

— Ты и внутренние планеты умудрился поссорить, — напомнил Миллер. Холден склонил голову набок.

— Земля всегда ненавидела Марс. — Таким тоном сообщают, что вода мокрая. — Когда я служил на флоте, мы просчитывали такое. План боевых действий на случай, если до них дойдет. Земля проигрывала во всех вариантах. Кроме одного: когда она наносит первый решительный удар, от которого уже не подняться.

Может, дело было в расстоянии, может, в недостатке воображения, но Миллер никогда не рассматривал внутренние планеты порознь.

— Серьезно? — спросил он.

— Они — колония, но лучшие игрушки у них, и это всем известно, — напомнил Холден. — К тому, что сейчас происходит, шли сотню лет. Не будь все готово, этого бы не случилось.

— Оправдываешься? «Это не моя бочка с порохом, я только спичку поднес»?

— Я не оправдываюсь, — отрезал Холден. Показатели его давления и частоты пульса скакнули вверх.

— Это мы уже проходили, — сказал Миллер, — так что позволь просто спросить, с чего ты взял, что на этот раз выйдет иначе?

— На этот раз все иначе! — ответил Холден. — Все, что сейчас творится, — результат неполной информации. Марс и Пояс не развязали бы войну, знай они то, что знаем мы. Марс и Земля не стреляли бы друг в друга, если б знали, что конфликт подстроен. Проблема не в том, что люди знают слишком много, а в том, что они знают недостаточно.

Что-то зашипело, и Миллера накрыла волна химической релаксации. Он сопротивлялся, но избавляться от наркотика было поздно.

— Нельзя так просто швырять людям информацию, — сказал он. — Нужно понять, что она значит. Как она подействует. У нас на Церере произошел такой случай. Убили маленькую девочку. В первые восемнадцать часов все были уверены, что это сделал папаша. Пропащий тип. Пьянчуга. Он последний видел ее живой. Все классические приметы. На девятнадцатом часу мы получили наводку. Оказалось, папаша сильно задолжал

местным синдикатам. Дело осложнилось. У нас появились новые подозреваемые. Думаешь, если бы я обнародовал все, что знал в первые восемнадцать часов, папочка дожил бы до новой версии? Или кто-нибудь сложил бы все улики и пришел к очевидным выводам?

Медицинская установка Миллера запищала. Еще один зародыш раковой опухоли. Ему было не до того. У Холдена процедура заканчивалась, его покрасневшие щеки говорили и о свежей крови в организме, и об эмоциональном состоянии.

— Такая же этика и у них, — сказал он.

— У кого?

— У «Протогена». Пусть вы по разные стороны, но ведете одну игру. Если бы все рассказывали всё, что им известно, ничего этого не случилось бы. Если бы первый лаборант на Фебе, обнаружив что-то странное, сказал бы: «Слушайте все, тут что-то странное!» — ничего этого не случилось бы.

— Еще бы, — протянул Миллер. — Нет лучше способа сохранить мир и спокойствие, как рассказать всем и каждому про инопланетный вирус, который хочет всех убить.

— Миллер, — проговорил Холден, — я не хочу тебя пугать, но инопланетный вирус существует.

И хочет всех убить.

Миллер покачал головой и улыбнулся, словно услышал шутку.

— Ну ладно, может, я не могу под дулом пистолета заставить тебя поступать как надо. Но позволь еще вопрос, а?

— Спрашивай, — сказал Холден. Миллер откинулся назад. Веки его отяжелели от действия лекарств.

— Что получится? — спросил он.

Последовало долгое молчание. Новый гудок медицинской установки. Новая волна холода в венах Миллера.

— Что получится? — повторил Холден. Миллеру пришло в голову, что вопрос следовало бы уточнить. Он с усилием разлепил глаза.

— Ты передаешь в открытый эфир все, что мы нашли. Что из этого выйдет?

— Война прекратится. Люди займутся «Протогеном».

— Здесь есть пара дыр, но допустим. Что дальше?

Несколько мгновений Холден молчал.

— Люди займутся вирусом с Фебы, — сказал он.

— Они начнут эксперименты. Станут драться за него. Если эта маленькая дрянь так важна, как

думают в «Протогене», ты не прекратишь войны. Ты можешь только изменить ее причину.

Холден нахмурился, сердитые морщины пролегли в углах губ и глаз. Миллер наблюдал, как гибнет малая доля его идеализма, и стыдился своей радости.

— Итак, что случится, если мы доберемся до Марса? — понизив голос, рассуждал Миллер. — Мы продадим нашу протомолекулу, станем богаты как никогда. Если нас попросту не пристрелят. Марс победит Землю. И Пояс. Или можно отправиться к АВП, они — первая надежда Пояса на независимость и шайка безумных фанатиков, половина из которых всерьез верит, будто может обойтись без Земли. Поверь мне, они тоже вполне могут нас пристрелить. Или ты всем все рассказываешь и, что бы ни случилось, делаешь вид, что твои руки чисты.

— Это будет правильно, — сказал Холден.

— Нет тут ничего правильного, дружище, — возразил Миллер. — У тебя полный набор блюд, каждое из которых может оказаться слишком большой ошибкой.

Переливание крови у Холдена закончилось. Капитан выдернул иглу из сгиба локтя и позволил втянуться тонкому блестящему щупальцу. Пока

он опускал рукав, лицо его смягчилось.

— Люди вправе знать, что происходит, — сказал Холден. — Все твои аргументы сводятся к тому, что у людей не хватит ума правильно воспользоваться информацией.

— Хоть кто-то воспользовался хоть одним из твоих сообщений для чего-нибудь, кроме возможности пострелять в тех, кто им давно не нравился? Дав им новый предлог, ты никому не помешаешь убивать друг друга, — сказал Миллер. — Ты начал эту войну, капитан. Это не значит, что ты сумеешь ее прекратить. Но ты должен попытаться.

— И как ты предлагаешь это сделать? — спросил Холден то ли с отчаянием, то ли с гневом. А может быть, в его голосе звучала мольба.

Что-то сдвинулось в животе у Миллера, какой-то воспаленный орган остыл настолько, что встал на место. Он и не сознавал, что там что-то не так, пока не почувствовал, что все снова как надо.

— А ты спроси себя: «Что из этого выйдет?» — посоветовал Миллер. — Спроси себя, что сделала бы Наоми.

Холден издал лающий смешок.

— Вот как ты принимаешь решения…

Миллер позволил себе закрыть глаза. Джульетта Мао была здесь. Сидела на койке в своей старой

квартирке на Цереpе. Дралась до последнего с командой корабля-невидимки. Выблевывала чужой вирус на полу душевой кабины.

— Примерно так, — признался Миллер.

Ночью пришло сообщение с Цереры, отличавшееся от обычных военных пресс-релизов. Совет АВП, правящий станцией, объявил о раскрытии сети марсианских шпионов. Видео показывало трупы, выплывающие из промышленного шлюза, кажется, в старом доке шестого сектора. На расстоянии мертвецы смотрелись почти мирно. Передача переключилась на главу службы безопасности. Капитан Шаддид выглядела старше. Жестче.

— Мы сожалеем о необходимости этих действий, — обратилась она ко всей системе, — но в борьбе за свободу не может быть компромиссов.

«Вот до чего дошло, — думал Миллер, потирая ладонью подбородок. — Погромы. Отрубим еще всего сотню голов, всего тысячу голов, всего десять тысяч голов, и мы свободны!»

Прозвучал тихий предупреждающий гудок, и через пару секунд гравитация сместилась на несколько градусов влево. Перемена курса. Холден принял решение.

Миллер нашел капитана одного, перед мони-

тором в командной рубке. Лицо его освещалось снизу, скрывая глаза в тени. Капитан тоже выглядел постаревшим.

— Выходил в эфир? — спросил Миллер.

— Нет. Мы — один-единственный корабль. Сообщим всем, что существует эта штука и что она у нас, — и с нами покончат раньше, чем с «Протогеном».

— Возможно. — Миллер, крякнув, опустился на свободное место. Сиденье беззвучно приспособилось к его телу. — Но мы куда-то направляемся.

— Я им не доверяю, — сказал Холден. — Я никому не доверю этого сейфа.

— Возможно, это разумно.

— Я иду к станции Тихо. Там есть человек, которому я… верю.

— Веришь?

— Скажем, не слишком не доверяю.

— Наоми считает, что это правильно?

— Не знаю. Я ее не спрашивал. Но думаю, что так.

— Почти попал, — сказал Миллер.

Холден в первый раз поднял взгляд от монитора.

— Ты знаешь, что было бы правильно? — спросил он.

— Угу.

— Что же?

— Вышвырнуть сейф в направлении Солнца и придумать способ, чтобы никто никогда больше не попал на Фебу и Эрос, — сказал Миллер. — И сделать вид, будто ничего не было.

— Почему же мы этого не делаем?

Миллер медленно покачал головой.

— Как же можно выбросить святой Грааль?

Глава 37
Холден

Два часа, пока готовили и ели обед, Алекс вел «Росинант» на трех четвертых *g*. Он собирался вернуться к трем *g* после перерыва, но пока что Холден наслаждался возможностью стоять на своих ногах при гравитации, не слишком отличающейся от земной. Для Наоми и Миллера она была немного велика, но ни один не жаловался. Оба понимали, что нужно спешить. Когда отвалились высокие перегрузки, команда тихо собралась на камбузе и принялась за стряпню. Наоми смешивала в блендере эрзац-яйца с эрзац-сыром. Амос готовил из томатной пасты и остатков свежих грибов красный соус, который даже пах как настоящий. Алекс был на вахте, но перевел данные из рубки на экран камбуза и сел за стол рядом, намазывая сырную пасту с соусом на лепешки в надежде получить нечто, приближенное к лазанье. Холден занялся духовкой и, пока лазанья была еще не готова, выпекал хлеб из замороженного теста. В камбузе пахло почти настоящей едой.

Миллер пришел сюда с остальными, но, как видно, стеснялся попросить себе какое-нибудь занятие. Поэтому, накрыв на стол, он уселся за него и стал наблюдать. Он не то чтобы избегал взгляда Холдена, но и не хотел привлекать к себе внимание. Новостные каналы, по молчаливому согласию, они держали выключенными. Холден не сомневался, что каждый после еды бросится к экранам, чтобы продолжить следить за ходом военных действий, но пока все трудились в дружелюбном молчании.

Когда хлеб испекся, Холден поставил в духовку посуду с лазаньей. Наоми подсела к Алексу и завела негромкий разговор о чем-то, что увидела на экране рубки. Холден разрывался между нею и лазаньей. Она рассмеялась над какими-то словами Алекса и бессознательно навернула на палец локон. Холден ощутил, как что-то поджалось у него в животе.

Уголком глаза он видел, что Миллер пристально следит за ним. Когда он взглянул прямо, детектив отвернулся, и на его лице мелькнула тень улыбки. Наоми опять рассмеялась. Она положила ладонь на локоть Алекса. Пилот покраснел и, можно сказать, тараторил так быстро, как позволял его дурацкий тягучий выговор.

Видно было, что они друзья. Холден радовался и ревновал одновременно. Он не знал, вернется ли его дружба с Наоми.

Она поймала его взгляд и заговорщицки подмигнула. В этом подмигивании, возможно, крылся бы глубокий смысл, если б он сумел разобрать, о чем говорит Алекс. Холден улыбнулся и подмигнул в ответ. Он был благодарен, что его приняли в компанию. Шипение сбоку отвлекло его. Лазанья пузырилась и переливалась через край.

Он надел рукавицу-прихватку и открыл дверцу.

— Суп подан, — объявил он, выставляя на стол первое блюдо.

— Очень уж он гадок на вид, — заметил Амос.

— А, да, — согласился Холден. — Так всегда говорила мама Тамара, закончив готовить. Не знаю уж, откуда это пошло.

— Одна из твоих трех матерей занималась стряпней? — усмехнулась Наоми. — Как традиционно.

— Ну, они более или менее поровну разделили кухню с Цезарем, одним из моих отцов.

Теперь Наоми действительно улыбалась ему.

— Наверно, это было приятно, — сказала она. —

Такая большая семья.

— Да, верно, — ответил он, и ему представилось пламя атомного взрыва, пожирающее и обращающее в прах дом его детства в Монтане. Если такое случится, Миллер наверняка не преминет напомнить, что это его вина. А он уже не был уверен, найдет ли что возразить.

Пока они ели, Холден ощущал, как медленно отступает общее напряжение. Амос громко рыгнул и ответил возмущенному хору еще более громкой отрыжкой. Алекс повторял шутку, которая так насмешила Наоми. Даже Миллер воодушевился и поведал длинную, становившуюся чем дальше, тем неправдоподобнее историю об охоте за контрабандным сыром, закончившейся перестрелкой с девятью голыми австралийцами в борделе. К концу рассказа Наоми хохотала так, что забрызгала слюной свою рубашку, Амос же словно мантру твердил: «Ни хрена себе!»

История была достаточно забавной, да и сухая манера повествования Миллера к ней подходила как нельзя лучше, но Холден почти не слушал. Он наблюдал за командой, видел, как расслабляются лица и плечи. Они с Амосом были землянами, хотя он догадывался, что Амос забыл родину после первого же рейса. Алекс родился на Марсе и явно

до сих пор любил его. Одна ошибка какой-либо стороны, и обе планеты к концу обеда превратятся в радиоактивный шлак. Но сейчас всех их объединила общая трапеза. И это правильно. За это Холден готов был драться.

— Помню, и правда случился как-то дефицит сыра, — сказала Наоми, когда Миллер закончил рассказ. — По всему Поясу. Так это вы виноваты?

— Да ну, не попытайся они протащить сыр мимо таможни, не было бы и проблем, — оправдался Миллер. — А они еще завели привычку стрелять в других контрабандистов. Плохой способ вести бизнес.

— Из-за хренова сыра? — поразился Амос, брякнув вилкой о тарелку. — Ты это серьезно? Я понимаю — наркота, азартные игры и все такое. Но сыр!..

— Азартные игры почти всюду ведутся легально, — объяснил Миллер, — а химики могут сварганить наркотики на любой вкус у себя в ванной, так что контролировать поставки невозможно.

— Настоящий сыр ввозят с Земли и Марса, — добавила Наоми. — Так что с наценками за доставку и пятидесятипроцентными пошлинами он стоит дороже топливных стержней.

— У нас в хранилище для улик оказалось тогда сто тридцать кило вермонтского чеддера, — сказал Миллер. — Загнав по рыночной цене, можно было бы купить собственный корабль. Только он исчез в тот же день. Мы его списали как испортившийся. Никто и слова не сказал, потому что каждый унес домой по головке.

Детектив задумчиво откинулся назад.

— Господи, вкусный же был сыр, — мечтательно улыбнулся он.

— Ну да, у этого поддельного — вкус дерьма, — заметил Амос и поспешно оговорился: — Не в обиду тебе, босс, ты с ним здорово управилась. А все же мне странно, что можно драться за сыр.

— Потому-то и убили Эрос, — сказала Наоми.

Миллер кивнул, но промолчал.

— Это как понимать? — спросил Амос.

— Ты давно летаешь? — спросила в ответ Наоми.

— Не помню. — Он зашевелил губами, подсчитывая в уме. — Лет двадцать пять.

— И часто летал с астерами, так?

— Точно, — подтвердил Амос. — Из астеров получается лучшая команда. Если, понятно, не считать меня.

— Ты летал с нами двадцать пять лет, ты вы-

учил диалект. Бьюсь об заклад, ты сумеешь заказать пиво и девку на любой станции Пояса. Черт, будь ты потощее и повыше ростом, мог бы сойти за нашего.

Амос польщенно улыбнулся.

— И все равно ты не понимаешь нас, — продолжала Наоми. — Не понимаешь до конца. На это не способен никто, росший в свободной атмосфере. Вот почему они смогли убить полтора миллиона наших, чтобы выяснить, как действует вирус.

— Эй, эй! — вмешался Алекс. — Ты это серьезно? Думаешь, внутряки и внешники считают друг друга настолько чужими?

— Конечно, — вставил Миллер. — Мы слишком высокие, слишком тощие, головы у нас слишком большие, а суставы слишком узловатые.

Холден заметил, как задумчиво разглядывает его через стол Наоми. Ему хотелось сказать: «Мне нравится твоя голова», но облучение не наделило его способностью к телепатии — ее лицо не изменилось.

— У нас и язык, можно сказать, особый, — добавил Миллер. — Видали когда-нибудь, как землянин спрашивает дорогу в глубоких уровнях?

— Шлаух по вращу к тубе и ацима идо, — пере-

дразнила Наоми с преувеличенным астерским акцентом.

— Иди в направлении вращения к станции «трубы», и она довезет тебя в док, — перевел Амос. — И что такого сложного?

— У меня был напарник, который провел на Церере два года и все равно не понял бы ни слова, — сказал Миллер. — А Хэвлока не назовешь дураком. Просто он был… не здешний.

Холден слушал разговор, хлебной коркой гоняя по тарелке остывшую пасту.

— Ладно, дошло, — сказал он. — Вы — иные. Но убить полтора миллиона человек из-за различий в строении скелета и жаргоне…

— Бывало, людей отправляли в огонь за меньшее — с тех пор как изобрели огонь, — ответил ему Миллер. — Если тебе от этого станет легче, многие из нас видят в вас коротышек-микроцефалов.

Алекс качал головой.

— Все равно не понимаю, как можно было выпустить эту заразу на Эрос, даже если ты питаешь личную ненависть ко всем его обитателям до единого. Кто знает, что сотворит эта дрянь?

Наоми прошла к мойке сполоснуть руки, и звук бегущей воды заставил всех обернуться к ней.

— Я об этом думала, — сказала она, поворачиваясь и вытирая руки полотенцем. — То есть какой в этом смысл.

Миллер собирался ответить, но Холден коротким жестом остановил его и стал ждать, что скажет Наоми.

— Так вот, — говорила она. — Я взглянула на это как на компьютерную задачу. Если вирус — или наномеханизм, или протомолекула, или что-то такое — был создан, то с каким-то назначением, так?

— Несомненно, — согласился Холден.

— И похоже, он пытается что-то сделать — что-то сложное. Для того чтобы убить человека, такая существенная перестройка не нужна. Изменения, которые он производит, по-моему, выглядят целенаправленными, только… незаконченными.

— Пожалуй, — сказал Холден. Алекс с Амосом тоже кивнули, но молча.

— Так не исключено, что эта протомолекула пока еще недостаточно умна. Можно ужать много данных в очень малый объем, но их обработка потребует места, если у вас не квантовый компьютер. Самый простой способ запустить процесс крошечного механизма — через распределение. Может, эта протомолекула не заканчивает свою

работу просто потому, что еще недостаточно поумнела. Пока.

— Их слишком мало, — подсказал Алекс.

— Точно. — Наоми бросила полотенце в бачок под мойкой. — Так вот, дайте им побольше биомассы, над которой можно работать, и посмотрите, что у них выйдет в конечном итоге.

— Если верить тому типу с видео, их сконструировали, чтобы подсадить к земным организмам и уничтожить нас, — напомнил Миллер.

— И тут, — сказал Холден, — Эрос подходит идеально. Много биомассы в пробирке, изолированной вакуумом. А если эксперимент выйдет из-под контроля, что ж, война уже идет. Если угроза покажется реальной, под рукой множество кораблей и снарядов, готовых превратить Эрос в стеклянную глыбу. Новый игрок, рвущийся на поле, мигом заставит нас забыть о своих разногласиях.

— Фью, — присвистнул Амос. — Ну и гады же они!

— Хорошо, — сказал Холден, — но даже если произошло именно это, я не могу поверить, что в одном месте собралось достаточно мерзавцев, чтобы все согласились пойти на такое. Это не преступление одиночки. Здесь действуют де-

сятки, если не сотни, очень умных людей. Или «Протоген» завербовал всех оказавшихся под рукой Сталиных и Джеков потрошителей?

— Я непременно спрошу об этом мистера Дрездена, — с непонятным выражением произнес Миллер, — когда мы наконец встретимся.

Жилые кольца Тихо безмятежно вращались вокруг невесомого заводского пузыря в центре. Массивные строительные уолдо,[29] торчавшие на верхушке, разворачивали гигантский кусок обшивки корпуса «Наву». Холден, пока Алекс заканчивал подготовку к стыковке, разглядывал станцию на экране с чувством, похожим на облегчение. Пока Тихо была единственным местом, где никто не пытался их расстрелять, взорвать, заблевать ядовитой жижей, и станция представлялась практически родным домом.

Холден взглянул на сейф, надежно закрепленный на палубе, и понадеялся, что не погубил всю Тихо, доставив его сюда.

Миллер, словно подслушав его мысли, выплыл из люка и продрейфовал к сейфу. Он послал Холдену многозначительный взгляд.

— Можешь не говорить. Я как раз об этом ду-

---

[29] Примечания: 29
Механизмы с дистанционным управлением.

мал, — ответил ему Холден.

Миллер повел руками и подплыл к командному посту.

— Большой, — сказал он, глядя на «Наву».

— Корабль поколений, — отозвался Холден. — Такие доставят нас к звездам.

— Или к смерти на долгом одиноком пути в никуда, — возразил Миллер.

— Знаешь, — сказал Холден, — какие-то существа представляют себе великое галактическое приключение как стрельбу отравленными вирусом пулями по соседям. Я думаю, в сравнении с ними мы чертовски благородны.

Миллер, как видно, обдумал его слова, кивнул и стал смотреть, как растет на мониторе станция, к которой подводил их Алекс. Детектив придерживался за консоль, чтобы его не отбросила неожиданная перемена гравитации при маневрах. Холден пристегнулся к креслу. Даже подготовившись, он не так легко переносил невесомость, сменяющуюся неожиданными рывками. Его мозг просто не мог забыть о двадцати с лишком годах, проведенных при постоянной силе тяжести.

Наоми была права. Так легко видеть в астерах чужаков. Черт, дай им время, они изобретут

встроенные в организм механизмы хранения и восстановления кислорода, сведут изолирующие скафандры к минимуму, необходимому для обогрева, и появятся астеры, которые проводят в открытом космосе больше времени, чем на станции.

Может быть, для того их и облагали непомерными налогами. Птичка вылетела из клетки, но нельзя позволить ей слишком расправлять крылышки, не то она забудет, что хозяева — вы.

— Ты веришь этому Фреду? — спросил Миллер.

— В некотором роде, — ответил Холден. — Он хорошо обошелся с нами в прошлый раз, когда все только и думали, как бы нас убить или запереть.

— Он из АВП?

— Да, — согласился Холден. — Только, я думаю, из настоящего АВП. Не из тех ковбоев, которые мечтают перестрелять внутряков. И не из тех психов, которые по радио призывают к войне. Фред — политик.

— А те, что держат сейчас Цереру?

— Не знаю, — сказал Холден. — О тех не знаю. Но Фред — лучшее, что у нас есть. Наименьшее зло.

— Не так плохо, — сказал Миллер. — Но, знаешь, нам не нужны политические договоренности с «Протогеном».

— Верно, — сказал Холден и, услышав стальной лязг становящегося в док «Роси», стал отстегивать крепления. — Но Фред *не только* политик.

Фред сидел за своим громадным деревянным столом, читая отчет Холдена об Эросе, поисках Джули и обнаружении корабля-невидимки. Миллер располагался напротив, наблюдая Фреда, как энтомолог — новую и, возможно, кусачую разновидность насекомого. Холден устроился подальше, справа от Фреда, и старался не глядеть на часы своего терминала. На большом экране позади стола проплывал «Наву» — металлический скелет мертвого, распавшегося левиафана. Холдену видны были крошечные ослепительные огоньки сварки на корпусе и каркасе. Чтобы чем-то занять себя, он стал их подсчитывать.

Счет дошел до сорока трех, когда в поле зрения появился маленький челнок, сжимавший в лапах манипуляторов груз стальных балок. Он летел к недостроенному кораблю. Прежде чем остановиться, челнок уменьшился до размеров кончика пера, и Холден вдруг осознал, что «Наву» — не большой корабль совсем рядом, а гигантский — довольно далеко. У него закружилась голова.

Его ручной терминал бибикнул почти одновременно с терминалом Миллера. Он не глядя

стукнул по экрану, обрывая сигнал. Это уже стало рутиной. Он вытащил бутылочку, достал две голубые таблетки и проглотил их всухую. Он слышал, как Миллер тоже гремит таблетками. Корабельная медицинская система выдавала новый запас еженедельно с предупреждением, что пропуск очередного приема приведет к ужасной смерти. Он принимал. И будет принимать до конца жизни. Если пропустит несколько раз — жизнь окажется очень короткой.

Фред закончил чтение, бросил свой терминал на стол и долго протирал глаза ладонью. Холдену показалось, что он постарел с их последней встречи.

— Должен сказать, Джим, я не знаю, что и думать, — произнес он.

Миллер вопросительно взглянул на Холдена и одними губами повторил: «Джим?» Холден проигнорировал вопрос.

— Вы прочли приписку Наоми в конце? — спросил он.

— Насчет запуска нановируса в сеть для увеличения его рабочей мощности?

— Да, — кивнул Холден. — В этом есть смысл, Фред.

Фред невесело рассмеялся и ткнул пальцем в

терминал.

— В этом, — сказал он, — смысл увидит только психопат. В здравом уме никто на такое не пойдет. Что бы они ни надеялись с этого получить.

Миллер кашлянул.

— Хотите что-то добавить, мистер Мюллер? — спросил Фред.

— Миллер, — поправил детектив. — Да. Во-первых, — не примите за обиду — не будьте ребенком. Геноцид — очень древнее изобретение. Во-вторых, факты не подлежат сомнению. «Протоген» заразил Эрос смертельной болезнью чужой расы и наблюдает за результатом. Зачем — не так важно. Мы должны их остановить.

— И, — добавил Холден, — мы считаем, что смогли бы выследить их наблюдательные станции.

Фред откинулся на спинку кресла. Кожзаменитель и металлическая рама даже при одной трети *g* заскрипели под его тяжестью.

— Остановить — как? — спросил он. Фред знал ответ. Он просто хотел услышать его от них. Миллер подыграл ему.

— Я бы предложил подлететь к станции и расстрелять ее.

— Кому? — спросил Фред.

— У АВП полно горячих голов, рвущихся пострелять по Земле и Марсу, — сказал Холден. — Мы укажем им настоящего врага.

Фред кивнул, но его кивок не означал согласия.

— А ваши образцы? Капитанский сейф? — спросил он.

— Он мой, — отрезал Холден. — Об этом не торгуемся.

Фред снова засмеялся, на этот раз чуть веселее. Миллер удивленно заерзал и, поняв, подавил усмешку.

— Почему я должен соглашаться? — спросил Фред.

Холден вздернул подбородок и улыбнулся.

— А если бы я сказал вам, что спрятал сейф на планетоиде, заряженном атомной миной, способной разорвать на атомы всякого, кто его коснется, если даже сумеет найти?

Фред долго и пристально смотрел на него, потом сказал:

— Но ты этого не сделал.

— Ну, нет, — признал Холден, — но мог бы сказать, что сделал.

— Слишком ты честен, — сказал Фред.

— И такое серьезное дело никому нельзя доверить. Вы уже знаете, как я намерен с ним

поступить. Вот почему, пока мы не найдем лучшего варианта, вы оставите его у меня.

Фред кивнул.

— Да, — сказал он, — пожалуй, оставлю.

Глава 38
Миллер

Обзорная палуба выходила на «Наву», огромный, как библейское чудовище. Миллер, сидевший на краю мягкой кушетки, сплетя пальцы на колене, озирал пространство стройки. После перелета на корабле Холдена, после Эроса с его старомодно тесной архитектурой в этом зрелище виделось нечто искусственное. Одна обзорная палуба казалась шире всего «Росинанта», к тому же была декорирована мягкими травами и вьющимися растениями. Восстановители воздуха работали так бесшумно, что тишина казалась жутковатой, а Кориолисова сила, даже притом что гравитация вращения почти не отличалась от церерской, была немного непривычной.

Он всю жизнь провел в Поясе и впервые попал на станцию, всем своим устройством демонстрирующую богатство, хороший вкус и могущество. Это было приятно — пока он не слишком об этом задумывался.

Не его одного привлекали открытые пространства Тихо. Здесь сидели компаниями или

прогуливались несколько десятков работников станции. Час назад мимо прошли, увлеченно беседуя, Алекс с Амосом, поэтому Миллер не слишком удивился, когда, встав, увидел одиноко сидевшую Наоми. Рядом с ней стоял поднос с остывшей едой, а смотрела она на свой терминал.

— Эй! — окликнул он.

Наоми подняла взгляд, узнала его и рассеянно улыбнулась.

— Привет.

Миллер кивнул на открытый терминал и жестом задал вопрос.

— Журнал связи того корабля, — сказала она. О нем всегда говорили: «тот корабль» — отметил Миллер. Так же, как место особенно богомерзкого преступления называют: «то место». — Все шло по направленному лучу, я и подумала, что не так трудно будет провести триангуляцию. Однако…

— Не выходит?

Наоми подняла брови и вздохнула.

— Я вычислила орбиту, — сказала она, — но не нашла ничего подходящего. Собственно, там могли летать беспилотники с передатчиками. Подвижные цели, на которые была настроена корабельная система, а уж они передавали со-

общения на настоящую станцию. Или на другой беспилотник, а с него на станцию — откуда мне знать.

— С Эроса им что-нибудь поступало?

— Думаю, что да, — сказала Наоми, — но вряд ли это упростит дело.

— А ваши друзья из АВП ничего не могут сделать? — спросил Миллер. — У них мощности больше, чем у наших персоналок. И возможно, их карта Пояса тоже точнее.

— Возможно, — согласилась она.

Миллер не мог понять, то ли она не доверяет этому Фреду, которому выдал их всех Холден, то ли хочет самостоятельно справиться с расследованием. Он подумал, не попробовать ли ее отговорить, посоветовать разделить ношу с другими, но усомнился, что у него хватит авторитета, чтобы заставить себя слушать.

— Что? — неуверенно улыбнувшись, спросила Наоми.

Миллер моргнул.

— Вы посмеивались про себя, — объяснила она. — Я, кажется, впервые увидела, как вы смеетесь — то есть кроме как над шуткой.

— Просто вспомнил слова моего напарника насчет бросить дело незаконченным, когда тебя

отстраняют.

— И что он говорил?

— Говорил, это как наполовину просраться, — признался Миллер.

— Он ловко обращался со словами.

— Он был неплох для землянина, — подтвердил Миллер, и что-то щелкнуло у него в голове. Помедлив секунду, он сказал: — О господи, кажется, есть мысль.

Хэвлок встретился с ним на закрытом канале, обслуживавшемся кластером серверов с Ганимеда. Задержка сигнала не позволяла вести настоящий разговор. Это больше напоминало переброску записочек, но было пригодно для цели. Ожидание выводило Миллера из себя. Он каждые три минуты обновлял свой терминал.

— Хотите еще что-нибудь? — обратилась к нему официантка. — Еще бурбон?

— С удовольствием, — отозвался Миллер и проверил, не пришел ли ответ. Ответа еще не было.

Бар, как и обзорная палуба, выходил на «Наву», но отсюда он открывался чуть под другим углом. Корабль выглядел укороченным, световые дуги освещали его там, где сваривали керамические плиты обшивки. Компания религиозных фанатиков собиралась погрузиться на

этот громадный корабль, внутрь этого крошечного самообеспечивающегося мирка, и забросить себя в межзвездную тьму. На нем будут жить и умирать несколько поколений, и даже если им неимоверно повезет найти в конце пути планету, люди, которые высадятся на нее, не будут знать ни Земли, ни Марса, ни Пояса. Они уже превратятся в чужих. А если их встретят там создатели этой протомолекулы?

Тогда все погибнут, как погибла Джули?

Там, вовне, была жизнь. Теперь это доказано. И доказательство объявилось в виде оружия — что прикажете думать? Кроме того, что мормоны заслуживали небольшого предупреждения об опасности, возможно поджидающей их правнуков?

Он засмеялся про себя, сообразив, что рассуждает точь-в-точь как Холден.

Бурбон подали в тот самый момент, когда загудел терминал. Видеофайл был зашифрован, и, чтобы его запустить, ушла целая минута. Это само по себе показалось хорошим знаком.

Файл открылся, и Хэвлок улыбнулся ему с экрана. После Цереры он подтянулся, и очертания скул стали жестче. Кожа тоже была темнее, хотя Миллер не знал, косметика ли тому причиной

или его прежний напарник успел понежиться под искусственным солнышком. Так или иначе, землянин выглядел богатым и здоровым.

«Привет, дружище, — заговорил Хэвлок. — Приятно получить от тебя весточку. После того что случилось с Шаддид и АВП, я боялся, что мы окажемся на разных сторонах. Рад, что ты выбрался оттуда прежде, чем дерьмо полетело из вентилятора.

Да, я по-прежнему в „Протогене“, и, должен тебе сказать, этот народ меня малость пугает. Я к тому, что и прежде работал в контрактных службах безопасности, и не ошибусь, когда вижу крутых парней. Эти ребята не копы. Они военные, понимаешь?

Официально мне о станциях Пояса ни хрена не известно, но сам знаешь, как это бывает. Я землянин. Здесь много таких, что пристают ко мне с Церерой. Мол, работал с головастиками и тому подобное. Но тут такие дела, что приходится держаться лучших из худших. Такая уж работа».

Он смотрел и говорил, словно извинялся. Миллер понял. Работать в иных корпорациях — все равно что попасть в тюрьму. Приходится принимать взгляды тех, кто тебя окружает. Астера могут туда нанять, но он никогда не станет своим. Как

с Церерой, только с точностью до наоборот. Если Хэвлок завел дружбу с наемниками-внутряками, которые проводят свободное время, поколачивая астеров в барах, так тому и быть.

Но завести дружбу еще не значит стать таким же, как они.

«Ну вот. Не под протокол — в Поясе есть „черная“ станция. Я не слыхал, чтобы ее называли „Тот“, но возможно. Там ведутся какие-то кошмарные исследования и разработки. Солидная научная команда, но станция невелика. Думаю, о ней можно сказать „скромная“. Серьезная оборонительная автоматика, а основная команда малочисленная.

Тебе можно не говорить, что за утечку координат мне здесь прижгут задницу. Так что сотри файл и давай больше долго-долго не будем разговаривать».

Приложенный файл оказался маленьким. Три строчки орбитальных данных открытым текстом. Миллер сохранил их в своем терминале и уничтожил файл на сервере Ганимеда. Бурбон все еще стоял перед ним, и он осушил рюмку. Тепло в груди разлилось не от алкоголя, а от предвкушения победы.

Он повернулся к камере терминала.

— Спасибо. Я твой должник. Возвращаю часть долга. Что случилось с Эросом? В этом участвовал «Протоген», и дело серьезное. Если будет возможность разорвать с ними контракт, так и сделай. А если они вздумают перевести тебя на ту «черную» станцию, не соглашайся.

Миллер нахмурился. Прискорбная истина состояла в том, что Хэвлок, возможно, был его единственным настоящим партнером. Единственным, кто видел в нем равного. Такого детектива, каким представлял себя Миллер.

— Береги себя, партнер, — сказал он и, закрыв файл, зашифровал и отправил его. В глубине души он чувствовал, что последний раз говорил с Хэвлоком.

Он послал запрос на связь с Холденом. Экран заполнило открытое, обаятельное, чуть наивное лицо капитана.

— Миллер? — спросил Холден. — Все в норме?

— Да, все отлично. Но мне нужно потолковать с этим Фредом. Можешь устроить?

Холден нахмурился и одновременно кивнул.

— Конечно. Что такое?

— Я узнал, где находится станция Тот, — сказал Миллер.

— Узнал *что?*

Миллер кивнул.

— Какой черт тебе сказал?

Миллер ухмыльнулся.

— Если я выдам тебе эту информацию, погибнет хороший человек, — сказал он. — Видишь, как это бывает?

Пока Миллер с Холденом и Наоми дожидался Фреда, ему пришло в голову, что он знаком с великим множеством внутряков, сражающихся против внутренних планет. Или, по крайней мере, не за них. Фред — предположительно высокопоставленный член АВП. Хэвлок. Три четверти команды «Росинанта». Джули Мао.

Он такого не ожидал. Но возможно, он был близорук. Он смотрел на вещи так же, как Шаддид и «Протоген». Верно, шла борьба между двумя сторонами, но эти стороны — не внутренние планеты и Пояс. Люди, которые полагали вполне допустимым убивать тех, кто выглядит и ведет себя иначе, боролись против тех, кто так не считал.

А может, это тоже хреновое рассуждение. Потому что, дай ему шанс вышвырнуть в шлюз команду ученых «Протогена» вместе с советом директоров и этим дерьмецом Дрезденом, Миллер не задумался бы и на полсекунды. Он тоже

был не ангелом.

— Мистер Миллер? Чем могу служить?

Фред. Землянин из АВП. В голубой рубашке с потайной застежкой и мягких брючках. Его можно было принять за архитектора или менеджера среднего звена в любой добротной почтенной корпорации. Миллер попытался представить его распоряжающимся ходом сражения.

— Вы можете меня убедить, что располагаете средствами покончить со станцией «Протогена», — ответил Миллер. — Тогда я сообщу вам, где она находится.

Брови Фреда на миллиметр приподнялись вверх.

— Пройдемте в мой кабинет, — предложил он.

Миллер прошел. Наоми и Холден — тоже. Когда за ними закрылась дверь, Фред заговорил первым:

— Я не совсем понял, чего вы от меня хотите. Не имею привычки обнародовать свои боевые планы.

— Мы говорим о штурме станции, — уточнил Миллер. — Станции с чертовски хорошей системой обороны и, возможно, охраняемой кораблями вроде тех, что убил «Кентербери». Не в обиду вам, но это довольно серьезная преграда

для компании дилетантов вроде АВП.

— Э, Миллер?.. — вмешался Холден. Миллер поднял руку, прося его помолчать.

— Я могу дать вам наводку на станцию Тот, — продолжал он. — Но если я это сделаю, а окажется, что у вас не хватит сил с ней покончить, много хороших людей погибнут зря. Я этого не хочу.

Фред склонил голову набок, как собака, прислушивающаяся к незнакомому звуку. Наоми с Холденом обменялись загадочным для Миллера взглядом.

— Идет война. — Миллер начал горячиться. — Мне уже приходилось иметь дело с АВП, и, честно говоря, вы больше похожи на мелкие партизанские группки, чем на серьезную организацию. От вашего имени выступают люди, половина из которых — психи, дорвавшиеся до передатчика. Вижу, что денег у вас хватает. Вижу, что у вас роскошный кабинет. Но не вижу — а должен видеть, — чем вы располагаете, чтобы разгромить этих ублюдков. Захват станции — не игра. Не знаю, сколько раз вы проигрывали штурмы на симуляторах, но в этот раз все по-настоящему. Я стану вам помогать, только если поверю, что вы справитесь.

Последовало долгое молчание.

— Миллер, — спросила Наоми, — вы ведь знаете, кто такой Фред?

— Представитель АВП на Тихо, — ответил Миллер. — Меня это как-то мало впечатляет.

— Он — Фред *Джонсон,* — сказала Наоми. Брови Фреда поднялись еще на миллиметр. Миллер нахмурился и скрестил руки. — *Полковник Фредерик Люциус Джонсон,* — уточнила Наоми.

Миллер моргнул.

— Палач станции Андерсон?

— Он самый, — ответил Фред. — Я говорил с центральным советом АВП. Мне предоставят грузовой корабль с командой, которой более чем достаточно, чтобы удержать станцию. Поддержку с воздуха обеспечит один из лучших торпедоносцев марсианского флота.

— «Роси»? — догадался Миллер.

— «Росинант», — согласился Фред. — И, хоть вы мне и не верите, но я знаю, что делаю.

Миллер уставился в пол, потом обернулся к Холдену.

— *Тот самый* Фред Джонсон? — спросил он.

— Я думал, ты знаешь, — сказал Холден.

— Ну, я чувствую себя завзятым идиотом, — признался Миллер.

— Это пройдет, — сказал Фред. — Хотите потре-

бовать чего-то еще?

— Нет, — ответил Миллер и, подумав, поправился: — Да. Я хочу участвовать в высадке. Когда мы захватим команду станции, я хочу быть там.

— Уверены? — спросил Фред. — Захват станции — не игра. С чего вы взяли, что годитесь на такое дело?

Миллер пожал плечами.

— Для захвата прежде всего требуются координаты, — сказал он. — У меня они есть.

Фред рассмеялся.

— Мистер Миллер, если вы настаиваете на том, чтобы вместе с нами спуститься на станцию и подставиться под пули, я не стану вам мешать.

— Спасибо, — буркнул Миллер и, достав свой терминал, переслал Фреду координаты. — Начинайте. Мой источник надежен, но получает сведения не из первых рук. Надо будет проверить, прежде чем приступать.

— Я не дилетант, — отозвался полковник Фред Джонсон, разглядывая полученный файл. Миллер кивнул, поправил шляпу и вышел. Наоми с Холденом пристроились по бокам. Когда они выбрались в широкий, чистый общий коридор, Миллер обернулся вправо и поймал взгляд Холдена.

— Я в самом деле думал, что ты знаешь, — сказал Холден.

Через восемь дней пришло сообщение. Прибыл грузовой корабль «Гай Молинари» с бойцами АВП. Координаты Хэвлока подтвердились. Что-то там точно было, и это что-то, похоже, принимало по направленному лучу сообщения с Эроса. Если Миллер хотел участвовать, настало время двигаться.

Он, похоже, в последний раз сидел в своей каюте на «Росинанте». Что-то сжалось в нем, когда он с удивлением и грустью понял, что станет скучать. Холден, при всех своих недостатках, сколько бы ни ворчал на него Миллер, был приличным парнем. Влез не в свое дело и вряд ли полностью понимает это, но Миллер мог бы назвать многих, о ком можно было сказать то же самое. Он станет скучать по протяжному выговору Алекса и постоянному сквернословию Амоса. Он станет гадать, уладилось ли у Наоми с капитаном.

Расставание напомнило о том, что он давно знал: что грядущее неизвестно, что денег у него почти нет и что — хоть он не слишком сомневался в возвращении со станции Тот — дальше придется по ходу дела соображать, куда податься. Может, получится отыскать какой-нибудь корабль, куда

его согласятся нанять. Может, найдется работа, которая позволит покрыть нынешние медицинские расходы.

Он проверил обойму в пистолете. Сложил скудный запас одежды в побитый чемоданчик, с которым улетал с Цереры. Чемоданчик по-прежнему вмещал все его имущество.

Затем выключил свет и по короткому коридору прошел к трап-лифту. Холден сидел в камбузе и нервно дергался. Ужас приближавшегося боя уже проявлялся в уголках его глаз.

— Ну, — сказал Миллер, — вот и отправляемся, а?

— Угу, — согласился Холден.

— Отпадный был рейс, — продолжил Миллер. — Не могу сказать, что все было приятно, и тем не менее…

— Угу.

— Передай остальным, что я попрощался, — сказал Миллер.

— Передам, — ответил Холден и добавил, когда Миллер прошел мимо него к лифту: — А если, допустим, мы выберемся, где встречаемся?

Миллер обернулся.

— То есть?

— Да, я понимаю. Слушай, я верю Фреду, не то бы

меня здесь не было. Думаю, он честный человек и использует нас правильно. Но это не значит, что я доверяю всему АВП. Когда мы покончим с этим делом, я хотел бы собрать всю команду. Просто на случай, если надо будет спешно смываться.

У Миллера что-то сжалось за грудиной. Острой боли не было, просто вдруг заныло. И горло перехватило. Он откашлялся, чтобы прочистить его.

— Как только мы там разберемся, выйду на связь, — пообещал он.

— Ладно, но не слишком затягивай. Если на станции Тот найдется хоть одна стоящая шлюха, мне нужна будет помощь, чтобы вытащить оттуда Амоса.

Миллер открыл рот, закрыл и попробовал заново.

— Есть, капитан! — Он сумел произнести это легко и небрежно.

— Осторожней там, — сказал Холден.

Миллер вышел, постоял в переходе от корабля к станции, пока не убедился, что слезы высохли, и двинулся дальше по направлению к грузовику и бою.

Глава 39
Холден

«Росинант» несся сквозь пространство, как мертвое тело, кувыркаясь по всем трем осям. С заглушённым реактором, с перекрытой вентиляцией кают, он не излучал ни тепла, ни электромагнитного шума. Если бы не то обстоятельство, что он приближался к станции Тот со скоростью, значительно большей, чем у ружейной пули, его нельзя было бы отличить от любого камня в Поясе. Отставший на полмиллиона километров «Гай Молинари» орал всем, кто мог услышать, о полной невинности «Роси» и медленно набирал ускорение.

С отключенной рацией Холден не слышал, что там говорили, но сообщение, которое он сам помогал составлять, эхом отдавалось у него в голове: «Внимание! Случайный взрыв на судне „Гай Молинари“ сорвал большой грузовой контейнер. Внимание всем кораблям на его пути: контейнер движется с большой скоростью и без собственного управления. Внимание!»

Они немного поспорили, нужна ли вообще та-

кая передача. Тот, будучи станцией-невидимкой, располагал только пассивными датчиками. Если бы они шарили вокруг себя радарами и ладарами, то светились бы, как рождественская елка. Возможно, с отключенным реактором «Роси» сумел бы подкрасться к станции незамеченным. Однако Фред рассудил, что если их все же засекут, то подозрительное тело, возможно, спровоцирует «Протоген» на немедленную контратаку. Так что решили, что громкий шум и смятение, которое он вызовет, будут лучше тишины.

Если повезет, система охраны станции Тот подтвердит, что они — действительно кусок металла, летящий по постоянному вектору и лишенный признаков жизни, и позволит подобраться достаточно близко. «Роси» вряд ли сумел бы пробить оборонительную систему издалека, а вот вблизи маневренный кораблик мог шнырять вокруг станции и разносить ее на куски. Легенда прикрытия предназначалась, чтобы выиграть время, пока охрана станции сообразит, что к чему.

Фред, а следовательно, и вся штурмовая группа могли поручиться, что станция не откроет огонь, пока не будет абсолютной уверенности, что на них напали. «Протоген» потратил уйму сил, чтобы скрыть свою лабораторию, а стоит

им выпустить первую ракету, и анонимности конец. Воюющие стороны немедленно заметят след торпеды и заинтересуются им. Отстреливаться станция Тот могла лишь при последней крайности.

Теоретически.

Сидя в пузыре воздуха своего скафандра, Холден думал, что, если они ошиблись, он об этом не узнает. «Роси» летел вслепую, без радиосвязи. У Алекса имелись механические часы со светящимся в темноте циферблатом, а программу действий он вызубрил наизусть. В высоких технологиях им было не равняться с Тотом, значит, они попытаются поразить его отсутствием технологий. Но если расчет не оправдается и станция выстрелит в них, «Роси» превратится в пар, не узнав об этом. У Холдена был когда-то роман с буддисткой, которая уверяла, будто смерть — лишь иное состояние бытия, а страшит людей неизвестность, лежащая по ту сторону. Внезапная смерть предпочтительней, потому что устраняет всякий страх.

Сейчас Холден нашел бы, что ей возразить.

Чтобы занять голову, он принялся заново повторять план. Когда они подберутся так близко, что до станции Тот можно будет доплюнуть, Алекс включит реактор и проведет маневр тор-

можения на десяти *g*. «Гай Молинари» выдаст в эфир радио- и лазерные помехи, чтобы не дать станции взять «Роси» на прицел в те несколько секунд, пока он выйдет на курс атаки. «Росинант» отвлечет оборону, выведет из строя все, что могло бы повредить «Молинари», а грузовик тем временем взломает обшивку станции и высадит штурмовую группу.

В этом плане хватало слабых мест.

Если станция решит заранее открыть огонь, «Роси» погибнет еще до начала боя. Если оборонительная система станции пробьет помехи, созданные «Молинари», корабль могут расстрелять, пока он выходит на позицию. И даже если все пройдет гладко, остается еще штурмовая группа, которой предстоит пробиваться по коридорам, чтобы захватить контроль над мозговым центром. Даже лучшие десантники внутренних планет побаивались подобных штурмов, и неспроста. При движении по незнакомым, лишенным укрытий металлическим переходам, когда защитники обстреливают вас с каждого перекрестка, неизбежны большие потери. Холден ни разу не видел, чтобы на учебных симуляторах земного флота десантники обошлись менее чем шестьюдесятью процентами потерь. А здесь были

не земные десантники, тренировавшиеся много лет, с первоклассным вооружением. Здесь были ковбои из АВП, а снаряжение наскребли с миру по нитке в последнюю минуту.

Но больше всего беспокоило Холдена даже не это.

По-настоящему его беспокоила обширная, чуть теплее космического пространства область в нескольких десятках метров над Тотом. «Молинари» засек ее и предупредил их перед выбросом. Никто из команды «Роси», уже повидавшей корабли-невидимки, не сомневался, что это такое. Бой со станцией был достаточно опасен, даже на ближней дистанции, где она теряет многие преимущества обороны. Но Холдена совершенно не радовала мысль в то же время уворачиваться от торпед с фрегата. Алекс уверял, что, если они подойдут достаточно близко к станции, фрегат не сможет выпустить торпеду из боязни задеть своих, и к тому же «Роси» превосходит в маневренности большой и более тяжеловооруженный корабль. Фрегаты-невидимки, повторял он, оружие стратегическое, а не тактическое. Холден воздержался от вопроса: «Зачем тогда они его здесь держат?»

Он взглянул на свое запястье и досадливо фырк-

нул, ничего не увидев в чернильной темноте командного поста. Питание скафандра было отключено: и хронометры, и освещение. Действовала только система воздушной циркуляции, чисто механическая. Если в ней что-то откажет, не загорятся даже тревожные сигналы: он просто задохнется и умрет.

Вглядываясь в темноту, он проговорил:

— Ну, долго еще?

Словно в ответ в рубке стали разгораться огоньки. В шлеме взорвался шум помех, затем голос Алекса лениво протянул:

— Внутренняя связь действует.

Холден защелкал тумблерами, подключая остальные системы.

— Реактор? — спросил он.

— Две минуты, — ответил сквозь шум машинного зала Амос.

— Тридцать секунд до перезагрузки, — сообщила Наоми и помахала ему через рубку. Света уже хватало, чтобы видеть друг друга.

— Оружие?

В смешке Алекса по связи прозвучал неподдельный восторг.

— Подключаю, — отозвался он. — Как только Наоми даст мне наводящий компьютер, все будет

готово на раз.

Голоса команды после долгой безмолвной темноты взбодрили Холдена. Вид Наоми, занимающейся своим делом в дальнем конце рубки, заставил отступить ужас, присутствия которого он до сих пор не сознавал.

— Наводка действует, — доложила Наоми.

— Роджер, — подтвердил Алекс. — Оптика есть. Радар есть. Ладар есть… черт, Наоми, ты видишь?

— Вижу, — ответила Наоми. — Капитан, получили подпись двигателя корабля-невидимки. Они тоже разводят пары.

— Мы этого ждали, — напомнил Холден. — Всем по местам.

— Одна минута, — сказал Амос.

Холден повернулся к своей панели и подключил тактическую программу. На оптическом экране лениво вращалась станция Тот, но чуть теплое пятнышко над ней нагрелось настолько, что позволяло получить очертания корпуса.

— Алекс, он не похож на тот фрегат, — сказал Холден. — «Роси» его уже распознал?

— Нет еще, капитан, обрабатывает.

— Тридцать секунд, — предупредил Амос.

— Приняла ладарный луч со станции, — сказа-

ла Наоми, — и болтовню в эфире.

Холден на экране следил, как Наоми поспешно вычисляет длину волны прицельного луча станции и заливает станцию лазерным шумом на той же волне, чтобы сбить наводку.

— Пятнадцать секунд, — сказал Амос.

— Ну, пристегнитесь, ребятки, — предупредил Алекс. — Получайте свой «сок».

Он еще не договорил, когда Холден почувствовал десятки булавочных уколов. Кресло накачивало его наркотиком, позволяя пережить перегрузки. Кожа загорелась, яички втянулись. Голос Алекса слышался словно в замедленной записи.

— Пять… четыре… три… два…

«Один» так и не прозвучало, а тысяча фунтов уже навалилась на грудь Холдену, и гигант расхохотался низким рокочущим смехом, когда двигатель «Роси» десятью *g* ударил по тормозам. Холден чувствовал, как легкие скребут по внутренней стороне ребер норовившей провалиться внутрь грудной клетки. Но кресло держало его в мягких гелевых объятиях, а наркотик заставлял сердце биться и мозг — действовать. Он не вырубится. Если перегрузки убьют его, то он умрет в полном сознании.

Его шлем наполнился шумом булькающего затрудненного дыхания — не только его собственного. Амос успел выговорить половину ругательства прежде, чем челюсти его свело тяжестью. Холден не слышал, как содрогается резко меняющий курс «Роси», но чувствовал это всем телом. «Роси» крепкий. Крепче любого из них. К тому времени, как пострадает корабль, они давно станут покойниками.

Тяжесть отвалилась так внезапно, что Холдена чуть не стошнило. Наркотик в крови подавил и рвоту. Он глубоко вздохнул, и связки ребер хрустнули, становясь на место.

— Доложитесь, — буркнул он. Челюсти болели.

— Передатчик на прицеле, — тут же отозвался Алекс. Передающая и наводящая установка станции Тот числилась у них первоочередной целью.

— Зеленый свет, — сказал снизу Амос.

— Сэр! — предостерегающе окликнула Наоми.

— Дерьмо, я тоже вижу, — ответил ей Алекс. Холден перевел к себе изображение с экрана Наоми, чтобы видеть то же, что видела она. На ее экране «Роси» объяснял, почему не мог опознать корабль-невидимку.

Там было два корабля: не один громоздкий и неповоротливый фрегат-торпедоносец, который

позволил бы им приплясывать вокруг, расстреливая его с разных сторон. Нет, все было не так просто. Два маленьких вражеских корабля стояли вплотную друг к другу, чтобы обмануть датчики врага. И сейчас они расходились, разогрев двигатели.

«Ладно, — подумал Холден, — новый план».

— Алекс, отвлеки их, — велел он. — Не позволяй добраться до «Молинари».

— Роджер, — сказал Алекс. — Одна пошла.

«Роси» вздрогнул, когда Алекс выпустил торпеду по одному из двух кораблей. Легкие суденышки быстро меняли скорость и курс, а торпеда была выпущена в спешке и под неудачным углом. Попасть она не могла, зато теперь все видели в «Роси» угрозу. Тут все было в порядке.

— Наоми, Алекс, можете сказать, с чем мы имеем дело? — спросил Холден.

— «Роси» их так и не распознал, — ответила Наоми.

— Новый дизайн корпуса, — заглушил ее ответ Алекс, — но летят они как скоростные перехватчики. Думаю, одна-две торпеды в брюхе и рельсовая пушка по килю.

Быстрее и маневреннее, чем «Роси», но могут стрелять только в одном направлении.

— Алекс, обходи с… — Приказ Холдена оборвал толчок. «Росинант» бросило в сторону так, что ремни врезались в его едва заживший бок.

— Нас подбили! — одновременно выкрикнули Алекс и Амос.

— Станция выпустила в нас тяжелый гауссов снаряд, — сказала Наоми.

— Ущерб? — спросил Холден.

— Прошел навылет, кэп, — доложил Амос. — Камбуз и машинный зал. На панели желтые лампочки, но это не смертельно.

«Не смертельно» — звучало приятно, но Холдену стало ужасно жаль кофеварку.

— Алекс, — заговорил он, — забудь об этих малютках, убей передатчик.

Последовал ответ: «Роджер», — и «Роси» завалился набок, когда Алекс развернул его для торпедной атаки.

— Наоми, как только первый из них соберется ударить, пусти ему в глаза лазерный луч на полной мощности и начинай выбрасывать «снег».[30]

— Есть, сэр, — ответила она. Может быть, лазер сумеет на несколько секунд сбить им наводку.

---

[30] Примечания: 30
Мелкие точечные помехи на экране радара.

— Станция подключила ОТО, — предупредил Алекс. — Нас малость потрясет.

Холден переключился с экрана Наоми на Алекса. Его монитор наполнился тысячами летящих огоньков на фоне вращавшейся на заднем плане станции. Защитный компьютер «Роси» обозначал снаряды орудий точечной обороны яркими точками. Двигались они неимоверно быстро, но так пилот мог, по крайней мере, видеть, откуда летят снаряды и в каком направлении. Алекс реагировал на угрозу, умело уходя с линии огня короткими, почти беспорядочными рывками, заставлявшими автоматический прицел орудий непрерывно перестраиваться. Это походило на игру. Станция выбрасывала невероятно быстрые цепочки пузырьков, похожие на длинные тонкие жемчужные ожерелья. Корабль непрестанно смещался, находя просветы между их нитями и уклоняясь от ближайших, не позволяя им коснуться себя. Но Холден знал, что каждый светящийся пузырек — это стальной снаряд в тефлоновой оболочке с сердечником из обедненного урана, летящий со скоростью тысячи метров в секунду. Если Алекс проиграет, они узнают об этом, когда «Роси» развалится на куски.

Холден чуть не выскочил вон из кожи, услышав

голос Амоса:

— Сэр, где-то утечка. Три маневровых двигателя теряют воду гидравлической системы. Собираюсь залатать течь.

— Хорошо, Амос. Поторопись, — сказал Холден.

— И пригибайся пониже, — добавила Наоми.

Механик только фыркнул.

На экране Холдена станция Тот росла в оптическом прицеле. Где-то сзади их, возможно, догоняли два перехватчика. Холдену до зуда в затылке хотелось оглянуться, но он заставлял себя сосредоточиться на главном. «Роси» нес слишком мало торпед, поэтому Алекс не мог позволить себе выпускать их одну за другой издалека в надежде, что хоть одна пробьет точечную оборону. Он должен был подвести корабль настолько близко, чтобы ядра не сбили торпеду с курса.

Участок станции, окружавший ее ось, высветился на экране голубым. В дополнительном окне возникло ее увеличенное изображение. Холден рассмотрел тарелки и антенны передатчика и наводящей станции.

— Одна пошла, — сказал Алекс, и «Роси» вторично вздрогнул, выпустив торпеду.

Холдена отчаянно затрясло, а потом вдавило в кресло, когда Алекс провел серию резких манев-

ров и дал полный газ, уклоняясь от последних снарядов ОТО. На экране Холдена красная точка их торпеды пронеслась к станции и ударила в установку связи. На секунду экран осветился целиком, потом потемнел. Огонь оборонительных орудий прекратился почти тотчас.

— Хороший вы… — Холдена прервал вопль Наоми:

— Призрак стреляет! Два снаряда!

Холден переключился на ее экран и увидел два перехватчика, а между ними, на пересекающемся с «Роси» курсе, два маленьких объекта, двигавшихся гораздо быстрее.

— Алекс! — позвал он.

— Есть, шеф. Перехожу к обороне.

Холдена снова вдавило в кресло — Алекс набирал скорость. Ровный шум двигателя словно бы запнулся, стал заикающимся, и Холден понял, что их собственные орудия ведут точечный огонь в попытке расстрелять приближающиеся торпеды.

— Ну, бля, — деловито произнес Амос.

— Ты где? — Холден переключился на камеру скафандра Амоса. Механик находился в полутемном тесном пространстве, наполненном кабелями и трубами. Между наружной и внут-

ренней обшивкой. Перед ним сломанной костью торчали обломки поврежденной трубы. Рядом плавал плазменный резак. Корабль жестоко мотало, и механик бился о низкий потолок. Алекс по рации взвыл:

— Мимо!

— Скажи Алексу, чтоб не тряс так, — попросил Амос, — мне не удержать инструменты.

— Амос, возвращайся в амортизатор! — велела Наоми.

— Извини, босс. — Амос крякнул, выдергивая один конец поломанной трубки. — Если это не починить, давление упадет, и Алекс не сумеет лечь на правый борт. Нам это надо?

— Продолжай работу, Амос, — сказал Холден, не слушая протестов Наоми. — Только держись за что-нибудь. Дальше будет хуже.

— Роджер, — согласился Амос. Холден снова переключился на экран боевого компьютера Алекса.

— Холден, — сказала Наоми. В ее голосе звучал страх. — Амос там…

— Он делает свое дело. Займись своим. Алекс, нам надо покончить с этой парочкой прежде, чем подойдет «Молинари». Двигай на перехват одному из них и давай надерем ему задницу.

— Роджер, кэп, — ответил Алекс. — Иду на «Призрак-два». С «Призраком-один» мне бы не помешала помощь.

— Первым займется Наоми, — решил Холден. — Постарайся не позволить ему зайти сзади, пока мы прикончим его дружка.

— Роджер, — напряженно проговорила Наоми.

Холден снова подключился к камере в шлеме Амоса, но у механика, как видно, все было в порядке. Он вырезал поврежденный участок, а сменный кусок трубы плавал рядом.

— Закрепи ее, Амос, — приказал Холден.

— Я вас уважаю, кэп, — отозвался механик, — но техника безопасности может поцеловать меня в жопу. Я хочу поскорей закончить и выбраться отсюда.

Холден заколебался. Если Алекс начнет коррекцию курса, плавающая труба запросто превратится в тяжелый снаряд, способный убить Амоса или повредить «Роси». «Это же Амос, — сказал себе Холден. — Он знает, что делает».

Он переключился на экран Наоми, которая заливала всем, что у нее было, маленький перехватчик в надежде ослепить его световыми и радиопомехами. Холден вернулся к своему тактическому дисплею. «Роси» и «Призрак-два» с

самоубийственной скоростью неслись друг другу навстречу. Едва они миновали точку, после которой невозможно было уклониться от торпеды, «Призрак» выпустил оба своих снаряда. Алекс отметил их как цель ОТО, но остался на прежнем курсе и своих торпед не тратил.

— Алекс, почему мы не стреляем? — спросил Холден.

— Собью его торпеды, подберусь поближе и размечу его снарядами точечной, — ответил пилот.

— Зачем?

— Торпед у нас не так уж много, а новых взять негде. Нечего расходовать их на этих беззубых.

На экране Холдена нацеленные в них торпеды по дуге ушли вверх, и он почувствовал, как ОТО «Роси» бьет по ним снарядами.

— Алекс, — сказал он, — нам этот корабль даром достался. Не беспокойся о расходах. Если меня убьют из-за того, что ты экономил боеприпасы, я запишу тебе выговор в личное дело.

— Ну, если так... — протянул Алекс и добавил: — Одна пошла.

Красная точка устремилась к «Призраку-два». Его торпеды все приближались, а потом одна из них исчезла с экрана.

Алекс тихо ругнулся, и «Росинанта» так завалило набок, что Холден разбил себе нос о щиток шлема. На всех переборках закрутились желтые аварийные огни — корабль терял воздух. Хорошо еще, что Холдену не слышно было сирены, тщетно вопившей по всем отсекам. Его тактический дисплей мигнул, затемнился и через секунду включился снова. На нем уже не было ни трех торпед, ни второго «Призрака». Первый по-прежнему надвигался с кормы.

— Доложить о повреждениях! — заорал он в надежде, что связь еще действует.

— Крупное повреждение наружной обшивки, — отозвалась Наоми. — Четыре маневровых двигателя пропали. Одно ОТО бездействует. Потеряли кислород, провиант, и командный люк, похоже, заплавился.

— Почему мы живы? — спросил Холден, прокрутив сообщения об ущербе и переключаясь на скафандр Амоса.

— Это не торпедный удар, — объяснил Алекс. — Торпеду сбили ОТО, но слишком близко. Детонировавшая боеголовка и нас зацепила.

Амос, кажется, не двигался. Холден выкрикнул:

— Амос, доложись!

— А, да, жив еще, капитан. Просто зацепился тут, на случай, если нас снова этак тряхнет. Похоже, сломал ребро о крепление обшивки, но пристегнуться успел. Хорошо, однако, что не стал тратить времени на ту трубку.

Отвечать Холдену было некогда. Он снова переключился на тактику, глядя, как быстро приближается «Призрак-один», уже истративший свои торпеды, — впрочем, на таком расстоянии им и от пушек плохо придется.

— Алекс, ты сумеешь развернуться и обстрелять этого задиру? — спросил он.

— Работаю. Маневренности мало осталось, — ответил Алекс, и «Роси» короткими рывками стал разворачиваться.

Холден переключился на телескоп и увеличил изображение перехватчика. Вблизи рыло его пушки зияло широким, как астероидная нора, отверстием и, казалось, целило прямо в него.

— Алекс, — позвал он.

— Действую, шеф, но «Роси» сильно досталось.

Орудия вражеского корабля засветились, приготовившись к выстрелу.

— Алекс, бей его! Бей, бей, бей!

Экран Холдена автоматически переключился с телескопа на тактический дисплей. Торпеда

«Роси» рванулась к перехватчику, и в тот же миг «Призрак» открыл огонь. На дисплее приближающиеся снаряды изображались красными точками, но уследить за их движением взгляд не успевал.

— Идут… — начал он, и тут «Роси» у него перед глазами развалился на куски.

Холден пришел в себя.

Кругом летали обломки и раскаленные брызги металла, напоминавшие движение искр в замедленном воспроизведении. В безвоздушном пространстве они отскакивали от стен и плавали, медленно остывая, как ленивые светляки.

Он смутно помнил, как угол настенного монитора отвалился и, отскочив от трех переборок, как искусно посланный бильярдный шар, угодил ему прямо в солнечное сплетение. Опустив глаза, он обнаружил обломок монитора плавающим в нескольких сантиметрах от груди, но дыры в его скафандре не было. Живот болел.

В кресле поста, рядом с местом Наоми, дыра имелась: зеленый гель, вытекая, собирался шариками и уплывал в невесомость. Мысленно соединив эту дыру с соответствующей пробоиной в переборке, Холден понял, что снаряд прошел в нескольких сантиметрах от ноги Наоми. Его

пробрал озноб, оставивший после себя сильную тошноту.

— Алекс? — позвал он.

— Жив еще, капитан. — Голос пилота звучал неестественно спокойно.

— Мой экран сдох, — сказал Холден. — Мы подбили этого сукина сына?

— Да, кэп, он убит. «Роси» досталось полдюжины снарядов. Похоже, они нас прошили от носа до кормы. Эта антиосколочная обивка переборок и впрямь помогает от шрапнели, а?

Теперь голос Алекса дрогнул. Он хотел сказать: «Нам всем полагалось бы быть покойниками».

— Дай связь с Фредом, Наоми, — попросил Холден.

Она не шевельнулась.

— Наоми?

— Да… С Фредом? — повторила она и постучала по своему экрану.

На секунду шлем Холдена наполнился шумом помех, сменившихся голосом Фреда.

— Здесь «Гай Молинари». Рад, что вы живы, ребята.

— Роджер. Начинайте. Дайте нам знать, когда можно будет дохромать до какого-нибудь дока.

— Роджер, — ответил Фред. — Мы подберем вам

лучшее местечко. Фред, связь кончаю.

Холден отключил застежки кресла и всплыл к потолку, обмякнув всем телом.

«Давай, Миллер. Твоя очередь!»

Глава 40
Миллер

— Ой, Пампо! — заговорил мальчонка в амортизаторе справа от Миллера. — Лопни клапан и ба-бах, а?

Боевой скафандр его был серо-зеленого цвета с герметичными сочленениями на суставах и царапинами на груди, оставленными ножом или острым инструментом. За щитком шлема виднелось лицо пятнадцатилетнего подростка. Его жесты говорили о детстве, проведенном в вакуумных скафандрах, а по выговору он был чистый креол-астер.

— Да, — признался Миллер, поднимая руку, — побывал в переделке. Но все обойдется.

— Круто, хомбре, — ответил мальчишка, — но держи фока, и нето воздух не выпустит, а?

«Ни на Марсе, ни на Земле никто бы не понял, что он хочет сказать, — подумал Миллер. — Черт, да такой акцент сбил бы с толку и половину жителей Цереры. Неудивительно, что они так легко убивают нас».

— Согласен, — ответил он. — Ты держись впе-

реди, а я присмотрю, чтобы никто не выстрелил тебе в спину.

Мальчик ухмыльнулся. Миллер повидал тысячи таких, как он. Подростков, как везде и всюду, привлекал риск и возможность показать себя перед девочками, только жили они в Поясе, где один неверный шаг вел к смерти. Он повидал тысячи таких. Арестовывал сотни. Несколько десятков у него на глазах упаковывали в мешки для трупов.

Он подался вперед, чтобы видеть длинные тесные ряды шарнирных амортизаторов, забивших брюхо «Гая Молинари». Навскидку он сказал бы, что здесь собралось человек девяносто или сто. Так что до ужина он, очень может быть, увидит смерть еще пары дюжин.

— Как тебя зовут, малыш?

— Диого.

— Миллер, — представился он и протянул парнишке руку. Взятый на «Росинанте» боевой скафандр марсиан позволял пальцам сгибаться намного легче, чем перчатке парня.

По правде сказать, Миллер был не в лучшем для штурма состоянии. На него накатывали волны беспричинной тошноты, и плечи ныли, когда падал уровень лекарств в крови. Но он умел об-

ращаться с оружием и, возможно, имел больше опыта боев в коридорах, чем девять десятых старателей и рудокопов вроде Диого, набранных АВП. Как-нибудь обойдется.

Щелкнула корабельная система оповещения.

— Говорит Фред. Мы получили известие от поддержки с воздуха: через десять минут — зеленый свет. Приступайте к проверке снаряжения, люди.

Миллер развалился на койке. Вокруг щелкала и звякала сотня боевых скафандров, сотня пистолетов, сотня штурмовых винтовок. Свое снаряжение он проверил уже не раз и не собирался проделывать все заново.

Через несколько минут навалится перегрузка. Антиперегрузочный коктейль дозировали скупо, ведь им прямо из амортизаторов предстояло вступить в бой. Нет резона сверх самого необходимого накачивать наркотиками свою штурмовую группу.

Джули присела к нему на койку, волосы плавали над ее головой, словно под водой. Ему представилась рябь света, пробегающая по ее лицу. Портрет юной гонщицы в образе русалки. Она улыбнулась его мыслям, и Миллер улыбнулся в ответ. Он знал, что она с ними. С Диого, с Фредом, с остальными бойцами АВП, патриотами вакуума,

она лежала в амортизаторе в чужом скафандре, направляясь к станции, где ее убьют в борьбе за лучшее будущее. Миллер знал, что его бы здесь не оказалось. Если бы не она. В каком-то смысле он занял ее место. Он стал ею.

«Они справились, — сказала или просто подумала Джули. — Если переходят к штурму, значит, „Росинант“ уцелел — во всяком случае, успел прорвать оборону». Миллер кивнул, соглашаясь с ней, и позволил себе минуту порадоваться этой мысли, прежде чем гравитация ускорения вжала его в амортизатор с такой силой, что сознание помутилось и трюм в глазах потемнел. Он почувствовал и рывок торможения, когда все амортизаторы перевернулись на шарнирах к новому «верху». В кожу Миллера впились иглы. Произошло что-то глубокое и громкое, от чего «Молинари» загудел огромным колоколом. Проломили оболочку станции. Мир жестко дернулся влево, койка в последний раз перевернулась, когда штурмовой корабль включился во вращение станции.

Кто-то орал на него:

— Пошли, пошли, пошли!

Миллер взял свою штурмовую винтовку, хлопнул по прицепленной на бедро кобуре пистолета

и влился в плотный поток у выхода. Ему не хватало привычной шляпы.

Служебный коридор, в который они вломились, был узким и темным. Схемы, набросанные инженерами Тихо, предсказывали, что с настоящим сопротивлением они столкнутся только в обитаемой части станции. Расчет не подтвердился. Движение застопорилось, когда автоматический защитный лазер разрезал надвое первый ряд бойцов АВП.

— Группа три, газ! — рявкнул Фред прямо в ухо каждому, и в воздухе распустились полдюжины белых клубов антилазерной дымовой завесы. При следующей вспышке лазера стены засветились безумной радугой и воздух наполнился запахом горящего пластика, но никто не погиб. Миллер двинулся дальше и вверх по металлической эстакаде. Полыхнул резак, и служебная дверь распахнулась.

Коридоры станции Тот оказались широкими и просторными, длинные плети плюща были заботливо уложены по спирали, через каждые несколько шагов попадались ниши, в которых стояли со вкусом подсвеченные деревца бонсай. Мягкий, похожий на солнечный, свет придавал обстановке сходство со спа-салоном или богатым

домом. На полах лежали ковры.

Дисплей его скафандра замигал, указывая предполагаемое направление штурма. Биение сердца перешло на ровную частую дробь, но в сознании воцарилось идеальное спокойствие. На первом перекрестке стоял дорожный барьер, охраняемый дюжиной человек в форме службы безопасности «Протогена». Ряды АВП оттянулись, используя как укрытие изгиб потолка. Линия огня приходилась на уровень коленных чашечек.

Гранаты были идеально круглыми, даже без отверстия для чеки. По мягким ковровым настилам они катились не так хорошо, как по камню или плитке, поэтому три штуки взорвались, не достигнув барьера. Взрыв молотом ударил по ушам, в узком коридоре им досталось от взрывной волны не намного меньше, чем противнику. Но барьер рухнул, и охранники отступили.

Все рванулись вперед, и Миллер услышал восторженные вопли своих новых соратников, вкусивших первой победы. Вопли доносились до него приглушенно, словно издалека. Возможно, его наушники не так уж хорошо смягчили удар. Нелегко будет продолжать штурм с лопнувшими перепонками.

Но тут включился Фред, и его голос прозвучал

вполне явственно.

— Прекратить наступление! Назад!

Этого оказалось почти достаточно. Бойцы АВП замедлили бег, одернутые приказом Фреда, как поводком. Не военные. Даже не копы. Это была добровольная милиция астеров: никто не привил им дисциплину и уважение к власти. Все же они замедлили шаг. Они стали осторожнее. И поэтому, повернув за угол, не попали в ловушку.

Следующий коридор был длинным, прямым и вел — если верить навигатору — к служебному ходу с эстакадой в командный центр. Коридор казался пустым, но на трети расстояния до изгиба горизонта ковер вдруг полетел рваными клочьями. Один из ребят рядом с Миллером крякнул и повалился.

— Они используют шрапнельные снаряды рикошетом от изгиба, — сказал в ухо каждому Фред. — Осколки отскакивают «блинчиками». Не высовывайтесь и точно исполняйте приказы.

Его спокойный тон подействовал сильнее всякого крика. Миллер не мог сказать наверняка, что ему не почудилось, но в голосе слышалось и нечто большее. Уверенность. Палач станции Андерсон делал дело, которое знал лучше всего, направлял свое войско против тактической и

оборонительной системы, которую сам помогал создавать, когда был их врагом.

Штурмовая группа медленно продвигалась вперед, поднялась коридором выше, и еще, еще. Воздух помутнел от дыма и разбитых панелей. Широкие коридоры выходили на площади и скверы, просторные, как тюремные дворы, с бойцами «Протогена» на сторожевых вышках. Боковые коридоры были перекрыты — обороняющие стремились загнать их под перекрестный огонь.

Не вышло. Штурмующие взламывали боковые двери, укрывались в полных дисплеями помещениях — то ли лекториях, то ли производственных комплексах. Дважды на них бросались безоружные штатские, продолжавшие работу даже во время штурма. Ребята из АВП скосили их очередями. Та часть Миллера, что еще оставалась копом, а не солдатом, дрогнула. Это же штатские. Убивать их — по меньшей мере неспортивно. Но Джули шепнула ему в ухо: «Здесь нет невиновных», — и ему пришлось согласиться.

Оперативный центр располагался на трети высоты мелкого гравитационного колодца станции, и оборона здесь была сильнее, чем все, с чем им до сих пор пришлось столкнуться. Миллер и еще пятеро, следуя указаниям всевидящего Фреда,

укрылись в узком служебном коридоре и вели постоянный огонь, подавляя оборону коридора и не оставляя без ответа ни единого выстрела со стороны «Протогена». Миллер проверил штурмовую винтовку и удивился, увидев, как много осталось патронов.

— Ой, Пампо, — протянул его сосед, и Миллер улыбнулся, узнав под щитком шлема лицо Диого. — Денек так денек, пасса?

— Видал я и похуже, — согласился Миллер и замолчал. Ему захотелось почесать поврежденный локоть, но сквозь скафандр ничего не получилось.

— Ту бит? — спросил Диого.

— Нет, все в порядке. Просто… место странное. Не понимаю. Обстановка спа-салона, а устройство тюрьмы.

Парень вопросительно шевельнул рукой. Миллер в ответ встряхнул его кулак и заговорил, соображая на ходу:

— Всюду прямые линии и запирающиеся боковые проходы. Если бы я собирался построить что-то в этом роде, я бы…

Воздух запел, и Диого повалился, запрокидывая голову. Миллер вскрикнул и резко обернулся. Позади, в боковом коридоре, спешили в укрытие

двое в форме «Протогена». Что-то с шипением пролетело мимо левого уха Миллера. Что-то еще как молотком ударило в нагрудник его усовершенствованной марсианской брони. Ему и в голову не пришло поднять винтовку: она сама оказалась в руках, выкашливая ответный огонь, словно продолжение его воли. Еще трое бойцов подошли на помощь.

— На места, — рявкнул Миллер. — Глаз не сводить с проклятого коридора. Главного. Этим я займусь.

«Глупо, — сказал он себе. — Глупо было подпустить их сзади. Глупо было останавливаться поболтать посреди боя». Окажись он умнее, не отвлекся бы, и тогда бы мальчик не…

Смех?

Диого сел, поднял свою винтовку и забросал пулями боковой коридор. Потом неуверенно встал на ноги и издал ухающий крик — как пацан, свалившийся с велосипеда. Широкая полоса белой пены тянулась от его ключицы вверх по правой стороне лицевого щитка. Лицо за щитком широко ухмылялось. Миллер покачал головой.

— Какого черта они используют оружие для разгона толпы? — спросил он скорее самого себя, чем мальчика. — Они что, думают, здесь уличные

беспорядки?

— Передовая группа, — сказал ему в ухо Фред, — приготовьтесь. Движение через пять секунд. Четыре. Три. Два. Вперед!

«Я не знаю, что нас там ждет», — подумал Миллер, присоединяясь к общему рывку по коридору, ведущему к главной цели штурма. Широкая эстакада вывела к противоударным дверям с отделкой под дерево. Позади что-то взорвалось, но Миллер только пригнулся пониже и не стал оглядываться. Напор одетых в разнородную броню тел усилился, и Миллер споткнулся обо что-то мягкое. Тело в форме «Протогена».

— Дайте место! — закричал женский голос впереди. Миллер протиснулся к женщине, плечами и локтями рассекая толпу бойцов АВП. Он был уже рядом, когда она снова закричала.

— Что такое? — спросил он.

— Не могу разрезать эту дрянь, когда напирают все эти сопляки, — объяснила она, показывая уже раскалившийся по краям добела резак. Миллер кивнул и повесил винтовку за спину. Ухватив два первых подвернувшихся под руку плеча, он встряхнул их, добившись, чтобы его заметили, и сцепился с соседями локтями.

— Технику нужно место, — сказал он, и все трое

навалились на своих же, оттесняя их назад.

«Сколько сражений в истории были проиграны из-за таких заминок?» — думал он. Победа почти достигнута, и тут союзники начинают наступать друг другу на ноги. Резак у него за спиной включился, в спину даже сквозь броню ударило жаром. На краю толпы плюнул и захлебнулся автомат.

— Как там? — спросил Миллер через плечо.

Женщина не ответила. Казалось, проходили часы, хотя это не могло занять больше пяти минут. Воздух наполнялся дымкой горячего металла и испарений пластика.

Так же внезапно резак выключился. Через плечо Миллер увидел, как просела и сдвинулась переборка. Техник сунула в щель между пластинами тонкий, как карточка, рычаг, запустила его и отступила назад. Станция вокруг них застонала от нового давления и нагрузок на металл. Переборка вскрылась.

— Пошли! — крикнул Миллер и сам, втянув голову в плечи, двинулся в открывшийся проход и вверх по ковровой эстакаде, в оперативный центр. Со своих постов управления на него круглыми от страха глазами таращились дюжина мужчин и женщин. — Вы арестованы! — выкрикнул Миллер, окруженный кипящей толпой

солдат АВП. — Нет, не то, но… руки вверх и отойти от управления!

Один из мужчин — высокий, как астер, но крепкого, сформированного полной силой тяжести сложения — вздохнул. На нем был хороший костюм из льна и плотного шелка, без швов и складок, цифрового покроя.

— Исполняйте, что они говорят, — сказал человек в костюме. Он выглядел раздраженным, а не испуганным.

Миллер прищурился:

— Мистер Дрезден?

Тот поднял ухоженные брови и, помедлив, кивнул.

— Вы-то мне и нужны, — сказал Миллер.

Фред вошел в центр управления как хозяин. Чуть расправились плечи, на один градус выпрямилась спина, и место главного инженера Тихо занял генерал. Он осмотрел центр, одним взглядом отметив каждую деталь, и кивнул технику АВП.

— Все перекрыто, сэр, — доложил техник. — Станция наша.

Миллер впервые присутствовал при мгновении искупления. Это было явлением таким редким, таким интимным, что наводило на мысль о рели-

гии. Десятилетия назад этот человек — моложе, крепче, не такой седой — вступил на космическую станцию по колено в крови, ступая по телам убитых астеров, а теперь, по тому, как чуть заметно расслабились его челюсти, как распрямились плечи, Миллер видел, что бремя сброшено. Может быть, не совсем, но большей частью. Многим такое не удается за целую жизнь.

Он задумался, что почувствует, если подобное выпадет и ему.

— Миллер, — сказал Фред, — я слышал, вы хотели тут с кем-то потолковать.

Дрезден поднялся с кресла, игнорируя наставленные на него пистолеты и винтовки, словно все это не имело к нему отношения.

— Полковник Джонсон, — заговорил он. — Я должен был ожидать, что за всем этим стоит фигура вашего калибра. Меня зовут Дрезден.

Он вручил Фреду матовую черную визитку. Фред машинально принял ее, но не стал смотреть.

— Вы отвечаете за все, что здесь творится?

Дрезден ответил ему ледяной улыбкой и, прежде чем заговорить, огляделся вокруг.

— Я бы сказал, что за некоторую часть ответственны вы, — ответил он. — Вы только что

убили несколько человек, просто исполнявших свою работу. Но, может быть, мы отложим поиски виновных и перейдем к более существенным вопросам?

Улыбка Фреда почти коснулась глаз.

— И каким же?

— К условиям сделки, — пояснил Дрезден. — Вы — человек опытный. Вы понимаете, что победа ставит вас в невыгодное положение. «Протоген» — одна из крупнейших земных корпораций. Атака на нее обойдется АВП тем дороже, чем дольше вы будете удерживать станцию.

— Неужели?

— Разумеется. — Дрезден небрежно отмахнулся от иронии в тоне Фреда. Миллер покачал головой. Этот человек действительно не понимал, что происходит. — Вы взяли заложников. Что ж, вот они — мы. Мы можем подождать, пока Земля пришлет несколько боевых фрегатов, чтобы вы вели переговоры под их прицелом, или можем покончить с этим сразу.

— Вы спрашиваете меня… сколько денег я хочу получить за то, что заберу своих людей и уйду? — спросил Фред.

— Если вам нужно денег. — Дрезден пожал плечами. — Или оружия. Сведений. Медикамен-

тов. Что там вам требуется, чтобы продолжать вашу несчастную войну, лишь бы поскорей покончить.

— Мне известно, что вы сделали с Эросом, — тихо сказал Фред.

Дрезден хихикнул. От этого звука по спине у Миллера пробежали мурашки.

— Мистер Джонсон, — возразил Дрезден. — *Никто* не знает, что мы сделали с Эросом. И каждая минута, которую я трачу на то, чтобы играть в ваши игры, отрывает меня от важных дел. Уверяю вас — более выгодной позиции для торговли у вас уже не будет. В ваших интересах не затягивать.

— И что вы предлагаете?

Дрезден развел руками.

— Все, что пожелаете, и амнистию сверх того. Лишь бы вы убрались отсюда и дали нам вернуться к работе. Мы оба останемся в выигрыше.

Фред рассмеялся. Смех был невеселым.

— Позвольте уточнить, — сказал он. — Вы сулите мне все царства земные, если я единожды поклонюсь вам?[31]

Дрезден качнул головой.

— Не узнаю цитаты, — сказал он.

---

[31] Примечания: 31
Аллюзия на евангельскую сцену искушения Христа.

Глава 41
Холден

«Росинант» причалил к станции Тот на последнем вздохе маневровых двигателей. Холден ощутил, как сомкнулись на корпусе причальные зажимы дока и гравитация вернулась к едва ощутимой трети *g*. Взорвавшаяся рядом плазменная боеголовка вырвала наружную дверь шлюза и залила шлюзовую камеру перегретым газом, мгновенно намерзшим на люк. Значит, им придется выходить через грузовой шлюз на корме и пробираться по наружной оболочке станции.

Ничего, они в скафандрах. В «Роси» было уже столько дыр, что система восстановления не успевала восполнять потери воздуха, а их запас кислорода улетел в пространство с тем же взрывом, что прикончил входной шлюз.

Алекс вывалился из рубки: лица за шлемом было не различить, но брюшко выдавало его даже под скафандром. Наоми закрыла свои программы, отключила питание корабля и присоединилась к Алексу. Все трое спустились по трапу к корме. Там их ждал Амос, уже пристегнувший к скафандру

ранец и заряжавший его азотом из баллона. Механик заверил Холдена, что тяги маневрового ранца хватит, чтобы преодолеть вращение станции и вывести их к люку.

Все молчали. Холден ждал ругани. Ему даже хотелось услышать, как они петушатся. Но раненый «Роси», видно, располагал к молчанию. Возможно, даже к благоговейному молчанию.

Холден привалился к переборке грузового отсека и закрыл глаза. Слышалось только шипение его воздуховода и слабые помехи в рации. Сломанный, забитый кровью нос не различал запахов, а во рту стоял меднистый вкус. И все равно он не мог согнать с лица улыбку.

Победа. Они добрались до «Протогена», отбили все удары мерзавцев и расквасили *им* нос! Уже сейчас бойцы АВП штурмуют станцию, стреляют в тех, кто помогал убить Эрос.

Холден не чувствовал к ним жалости — и считал, что это нормально. Моральные сложности возросли настолько, что мозг не успевал их обрабатывать, а просто купался в теплой расслабленности победы.

Рация загудела, и Амос доложил:

— Готов двигаться.

Холден кивнул, вспомнил, что на нем скафандр,

и ответил:

— Выходим. Всем закрепиться.

Они с Алексом и Наоми вытянули буксирные концы и прицепили их к широкому поясу Амоса. Тот запустил открытие шлюза, и люк отошел, выбросив облачко газа. Вращение станции тотчас выбросило их наружу, но Амос сразу выровнял движение и потянул всех обратно к аварийному шлюзу Тота.

Пролетая вслед за Амосом мимо «Роси», Холден осматривал корабль снаружи и наскоро прикидывал, какой потребуется ремонт. Десятки пробоин в обшивке носа и, соответственно, во всех внутренних переборках. Ядра гауссовых пушек перехватчика вряд ли потеряли скорость, проходя через отсеки «Роси». Им очень повезло, что ни одно не угодило в реактор и не пробило в нем дыру.

Еще имелась здоровенная вмятина в маскировочных надстройках, придававших кораблю вид газового танкера. Холден не сомневался, что в наружной броне тоже появилась уродливая рана. Удар не дошел до внутренней обшивки, не то он расколол бы корабль надвое.

Поврежденный шлюз, потеря запасов кислорода и восстановительной системы — ущерб на

миллионы долларов, и починка займет не одну неделю, если допустить, что они сумеют дотащить корабль до сухого дока.

Может, «Молинари» возьмет их на буксир.

Амос, предупреждая, трижды мигнул желтым огоньком ранца, и аварийный люк станции стал открываться. Когда они влетели внутрь, там их ждали четверо астеров в боевой броне.

Как только камера заполнилась воздухом, Холден стащил шлем и ощупал свой нос. Он казался размером вдвое против обычного и пульсировал с каждым ударом сердца. Наоми обхватила ладонями его лицо, прижала большие пальцы по обе стороны носа. Прикосновение показалось удивительно нежным.

Она повертела его вправо-влево, чтобы лучше рассмотреть, и выпустила.

— Нужна пластическая операция, не то останется кривым, — сообщила она. — Ничего, ты был слишком смазлив, а теперь в лице появится характер.

Губы Холдена невольно расползлись в широкой ухмылке, но ответить он не успел, потому что заговорил боец АВП.

— Видел драчку, эрмано.[32] Вы пару задниц напинали!

— Спасибо, — ответил за всех Алекс. — А как у вас здесь?

Старший, судя по звездочкам на эмблеме АВП, сказал:

— Сопротивлялись меньше, чем мы ждали, но охрана «Протогена» дерется за каждый фут своего поместья. На нас даже яйцеголовые кидаются. Нескольких пришлось пристрелить.

Он указал на внутреннюю дверь шлюза.

— Фред пробивается к центру. Велел вас доставить, пронто.[33]

— Показывайте дорогу, — гундосо согласился Холден.

— Как твоя нога, кэп? — спросил Амос, когда они вышли в коридоры станции. Холден только сейчас вспомнил о хромоте, оставшейся на память от зацепившей икру пули.

— Не болит, только мышца немного онемела, — ответил он. — А твоя?

Амос с ухмылкой глянул на ногу, хромавшую

---

[32] Примечания: 32
Братец *(исп.).*

[33] Примечания: 33
Живо, сейчас же *(исп.).*

после перелома на «Доннаджере».

— Чепуха, — ответил он. — Что не насмерть, то не в счет.

Холден начал отвечать и осекся, когда они, свернув за угол, очутились посреди бойни. Они явно шли по следам штурмовой группы, потому что коридор здесь был завален телами, на стенах остались пулевые пробоины и ожоги. Холден с облегчением заметил, что людей в форме «Протогена» — больше, чем в скафандрах АВП. Но и мертвых астеров было достаточно, чтобы у него что-то сжалось под ложечкой. Когда они проходили мимо мертвеца в лабораторном халате, он едва удержался, чтобы не сплюнуть на пол. Охранники могли ошибиться, неудачно выбрать компанию-нанимателя, а вот научники этой станции убили полтора миллиона человек, лишь бы посмотреть, что из этого выйдет. Холден не прочь был убить их еще раз.

Что-то заставило его замедлить шаг. Рядом с мертвым ученым лежал нож вроде кухонного.

— Эй, — позвал Холден, — он что, с этим на вас кинулся?

— Да уж, псих, а? — отозвался один из сопровождающих. — Слыхал я, как лезут с ножом в перестрелку, но…

— Центр дальше, — напомнил командир. — Генерал ждет.

Войдя в командный центр станции, Холден увидел Фреда, Миллера, несколько бойцов АВП и одного незнакомца в дорогом костюме. Техников и операторов уже уводили, сковав им запястья наручниками. По стенам от пола до потолка тянулись экраны и мониторы, и по ним бежали строчки данных, прочесть которые Холден не успевал.

— Позвольте уточнить, — говорил Фред. — Вы сулите мне все царства земные, если я единожды поклонюсь вам?

— Не узнаю цитаты, — ответил незнакомец.

Их разговор прервался, когда Миллер заметил Холдена и тронул Фреда за плечо. Холден мог бы поклясться, что детектив встретил его теплой улыбкой, хотя на сумрачном лице она почти потерялась.

— Джим, — сказал Фред и поманил их к себе. Он держал в руках черную матовую визитку; глядя на нее, он представил: — Познакомьтесь: Энтони Дрезден, исполнительный директор биологической программы «Протогена» и автор проекта «Эрос».

Мерзавец в костюме сделал движение, словно

рассчитывал на рукопожатие. Холден не удостоил протянутую руку взгляда.

— Фред, — сказал он. — Много потерь?

— Поразительно мало.

— Половина их охраны была вооружена травматикой, — пояснил Миллер. — Снаряжение для контроля толпы. Пули-липучки и все такое.

Холден кивнул, потом покачал головой и нахмурился.

— Я видел в коридорах много охранников «Протогена». Что же, они наняли столько народа, а потом дали им оружие, не способное остановить абордажную команду?

— Хороший вопрос, — признал Миллер.

Дрезден хихикнул.

— Об этом я и говорю, мистер Джонсон, — сказал он и повернулся к Холдену. — Джим? Пусть будет Джим. Тот факт, что вы не понимаете назначения охраны станции, указывает, что вы не представляете, во что влезли. А я полагал, вы знаете не меньше меня. Я как раз говорил здесь Фреду…

— Энтони, тебе бы лучше заткнуться, — предупредил Холден, сам удивившись внезапной вспышке гнева. Дрезден разочарованно взглянул на него.

Этот ублюдок не имеет права чувствовать себя так уверенно. Держаться так снисходительно. Холден хотел увидеть его перепуганным насмерть, умоляющим о пощаде, а не скрывающим за благовоспитанностью презрительную усмешку.

— Амос, если он еще раз обратится ко мне без разрешения, сломай ему челюсть.

— С удовольствием, капитан, — ответил Амос и сделал полшага вперед.

Дрезден криво усмехнулся при виде грозного кулака механика, но промолчал.

— Что нам известно? — С этим вопросом Холден обратился к Фреду.

— Мы знаем, что данные с Эроса поступают сюда и что всё там управляется с этой навозной кучи. Узнаем больше, когда разберем здесь все по винтикам.

Холден снова повернулся к Дрездену, оценивая внешность европейского аристократа, вылепленное гимнастикой тело, дорогую стрижку. Даже сейчас, в окружении вооруженных людей, Дрезден умудрялся выглядеть начальником. Холдену представилось, что он сейчас взглянет на часы, прикидывая, сколько еще драгоценного времени придется потратить на непрошеных гостей.

— Я хочу его спросить, — сказал он.

Фред кивнул.

— Ты это заслужил.

— Зачем? — спросил Холден. — Я хочу понять: зачем?

Улыбка Дрездена стала почти жалостливой, он засунул руки в карманы, словно болтал о футболе в портовом баре.

— А, это главный вопрос, — сказал он. — Затем, что такова воля Божья? Или вы хотите уточнить вопрос?

— Я об Эросе.

— Ну, Джим…

— Можете называть меня капитан Холден. Я тот самый, кто нашел ваш пропавший корабль, так что я смотрел видеозапись с Фебы. И знаю, что такое протомолекула.

— Неужто? — Улыбка Дрездена стала чуть более искренней. — Я должен поблагодарить вас за находку вирулентного агента на Эросе. Утрата «Анубиса» отбросила бы нас на месяцы назад. Зараженное тело, обнаружившееся прямо на станции, было даром божьим.

«Я знал. Твою мать, я так и знал», — подумал Холден. Вслух он повторил:

— Зачем?

— Вы же знаете, что это за агент. — Впервые с тех пор, как Холден вошел в комнату, Дрезден выглядел растерянным. — Теряюсь, что еще сказать. Это самое важное событие в истории человеческого рода. Это одновременно и доказательство, что мы не одиноки во вселенной, и наш билет за пределы пузырьков воздуха и камня, к которым мы привязаны.

— Вы не ответили на вопрос. — Холден чувствовал, что из-за сломанного носа угроза выходит довольно комичной. — Я хочу понять, зачем вы убили полтора миллиона человек.

Фред прокашлялся, но перебивать не стал. Дрезден бросил взгляд на полковника и снова обратился к Холдену:

— Я ответил, капитан. Полтора миллиона человек — мелочь, пустяк. То, над чем мы здесь работаем, много важнее. — Дрезден прошел к своему креслу и сел, поддернув штанины, чтобы не вытянулись пузыри на коленях. — Вы знаете, кто такой Чингисхан?

— Что? — в один голос спросили Холден и Фред. Миллер только разглядывал Дрездена и с непроницаемым лицом постукивал стволом пистолета по набедреннику скафандра.

— Чингисхан. Некоторые историки утвержда-

ют, что в своем завоевательном походе он убил или согнал с места четверть населения Земли того времени, — пояснил Дрезден. — Он стремился построить империю, каковая распалась сразу после его смерти. По меркам нашего поколения, чтобы приблизиться к его масштабам, пришлось бы убить около десяти миллиардов. Эрос в сравнении с этим просто потеряется при округлении.

— Вам действительно все равно, — тихо проговорил Фред.

— А мы, в отличие от хана, строим не эфемерную империю. Знаю, о чем вы думаете. Что мы мечтаем о величии. Рвемся к власти.

— А это не так? — спросил Холден.

— Конечно рвемся, — отрезал Дрезден. — Но вы мелко мыслите. Построить величайшую в истории империю — все равно что построить самый большой муравейник. Это мелочь. Где-то там существует цивилизация, которая два миллиарда лет назад создала протомолекулу и забросила ее к нам. Уже в то время они были богами. Чем они стали за эти два миллиарда лет прогресса?

Холден слушал Дрездена, и в нем нарастал ужас. Наверняка подобные речи звучали и прежде. Быть может, много раз. И они делали свое дело. Они убеждали тех, кто обладал властью. Вот

почему «Протоген» получил корабли-невидимки с земных верфей и неограниченную тайную поддержку.

— Нам ужасно много придется наверстывать, джентльмены, — продолжал Дрезден, — но, к счастью, нам поможет в этом оружие нашего врага.

— Наверстывать? — спросил боец, стоявший слева от Холдена. Дрезден кивнул ему и улыбнулся.

— Протомолекула способна преобразовать организм-хозяин на молекулярном уровне, она производит генетические изменения в мухе. Не только в ДНК, во всех устойчивых репликаторах. Но она — всего лишь машина. Она не мыслит. Она следует инструкции. Если мы научимся изменять программу, *мы* станем управлять этими изменениями!

Холден перебил его:

— Она была предназначена, чтобы стереть земную жизнь и заменить ее такой, какая угодна создателям протомолекулы. И вы хотите выпустить ее на волю?

— Отличный вопрос! — Дрезден воздел палец, словно профессор, читающий лекцию. — К протомолекуле не прилагалось руководство пользователя. В сущности, у нас еще не было слу-

чая наблюдать за ее действием, за исполнением программы. Молекуле требуется значительная биомасса для начала работы, какой бы она ни оказалась.

Дрезден обвел руками покрытые строками данных экраны.

— Мы хотим пронаблюдать за ее действием. Увидеть, что она намерена сделать. И каким образом. И мы надеемся в процессе узнать, как можно изменить ее программу.

— Вы могли бы проделать то же в баке с бактериями, — сказал Холден.

— Меня не интересует перестройка бактерий, — возразил Дрезден.

— Ты псих долбаный, — проговорил Амос и сделал еще шаг к Дрездену. Холден положил руку на тяжелое плечо механика.

— Так, — сказал он. — Вы узнаете, как действует этот вирус, и что дальше?

— Дальше — все! Астеры смогут работать в открытом космосе без скафандров. Люди получат способность спать столетиями во время перелетов к звездам. Мы освободимся от миллионов лет эволюции при силе тяжести в одну *g*, мы больше не будем рабами воды и кислорода. Мы сами решим, какими хотим стать, и перепрограммируем

себя в соответствии. Вот что дает нам протомолекула.

Воодушевленный собственной речью, Дрезден снова встал, его лицо горело пророческим пылом.

— То, к чему мы стремимся, — первая и единственная надежда человечества, если оно хочет выжить! Выбравшись отсюда, мы столкнемся с богами!

— А если мы не выберемся отсюда?

Лицо Фреда было задумчиво.

— Они однажды уже выстрелили в нас оружием судного дня, — ответил ему Дрезден.

Минуту стояла тишина. Холден чувствовал, как испаряется его уверенность. Он ненавидел все аргументы Дрездена, но не находил возражений. Он костями чувствовал, что что-то в них смертельно не так, но не мог найти слов.

Голос Наоми заставил его вздрогнуть.

— Их это убедило? — спросила она.

— Простите? — переспросил Дрезден.

— Ученых. Техников. Всех, кто понадобился вам для этого дела. Ведь исполнять-то пришлось им. Они должны были смотреть по видео, как на Эросе умирают люди. Они должны были устраивать эти радиоактивные душегубки. Если вы не собра-

ли и не отправили в аспирантуру всех серийных убийц в системе — как вы этого добились?

— Мы модифицировали нашу научную группу, устранив моральные ограничения.

В голове у Холдена что-то щелкнуло, и не раз.

— Социопаты, — проговорил он. — Вы превратили их в социопатов.

— Весьма эффективных социопатов, — кивнув, подтвердил Дрезден с явной гордостью. — И весьма любознательных. Пока мы предоставляли им интересные проблемы и неограниченные ресурсы для их решения, они оставались достаточно смирными.

— А на случай, если бы они взбунтовались, вы держали охрану, вооруженную слаботравматичным оружием, — вставил Фред.

— Да, время от времени в ней возникала надобность, — признал Дрезден, и на лбу у него проявились тонкие морщинки. — Понимаю. Вам это представляется чудовищным, но ведь я спасаю *человечество!* Я дарю человечеству *звезды!* Вы меня не одобряете? Хорошо. Позвольте спросить: вы можете спасти Эрос? Прямо сейчас?

— Нет, — ответил Фред, — но мы можем…

— Пустить на ветер собранный материал, — перебил Дрезден, — чтобы все мужчины, женщины,

дети, погибшие на Эросе, умерли зря.

Все молчали. Фред хмуро скрестил руки. Холден понимал, какая борьба происходит в его сознании. Все, что говорил Дрезден, было отвратительно, жутко, и во всем этом чувствовалось слишком много правды.

— Или, — продолжал Дрезден, — мы могли бы сторговаться, после чего вы бы отправились восвояси, а я смог…

— Ладно, хватит, — впервые за долгое время заговорил Миллер. Холден оглянулся на него. Невыразительное лицо детектива застыло камнем. И он перестал постукивать себя пистолетом по бедру.

«О черт!»

Глава 42
Миллер

Дрезден ничего не понял. Даже когда Миллер поднял пистолет, его взгляд не отметил угрозы. Он видел только, что у Миллера в руках какой-то предмет — кажется, пистолет. Тут и пес испугался бы, но только не Дрезден.

— Миллер! — выкрикнул откуда-то издалека Холден. — Не надо!

Нажать курок было легко. Тихий щелчок, удар отдачи, смягченный перчаткой, и так еще дважды. Голова Дрездена откинулась назад, расцвела красным. Кровь залила экран, скрыв строки данных. Миллер шагнул ближе, выпустил еще два заряда в грудь Дрездену, мгновение подумал и вложил пистолет в кобуру.

В комнате было тихо. Парни из АВП уставились друг на друга и на Миллера. Внезапная смерть поразила их даже после жестокости атаки. Наоми с Амосом смотрели на Миллера, а капитан — на труп. Разбитое лицо Холдена застыло маской, выражавшей ярость, гнев, а возможно, и отчаяние. Миллер его понимал. Делать, что должно, было

для Холдена неестественным. В другие времена это и Миллеру далось бы не так легко.

Только Фред не дрогнул и не встревожился. Он не улыбнулся и не нахмурился, и он не отвел взгляда.

— Что за черт? — прогундосил Холден. — Ты же его хладнокровно пристрелил.

— Угу, — сказал Миллер.

Холден покачал головой.

— А как же суд? Как же справедливость? Ты сам решаешь и сам исполняешь, да?

— Я коп, — ответил Миллер и удивился тому, как виновато прозвучал его голос.

— И уже не человек, так?

— Хватит, джентльмены, — раскатился в тишине голос Фреда. — Представление окончено. Вернемся к работе. Мне здесь нужна группа дешифровщиков. Надо эвакуировать пленных и разобрать станцию.

Холден, стиснув зубы, глядел то на него, то на Миллера, то на лежащего перед ними Дрездена.

— Эй, Миллер, — окликнул он.

— Да? — негромко отозвался Миллер. Он знал, чего ждать.

— Обратно добирайся без меня, — сказал капитан «Росинанта» и, развернувшись, зашагал

прочь вместе со своей командой. Миллер посмотрел им вслед. В сердце мягко толкнулось раскаяние, но исправить уже ничего было нельзя. Взломанная переборка поглотила их. Миллер повернулся к Фреду.

— Подкинете меня?

— Вы носите наши цвета, — ответил Фред. — До Тихо мы вас доставим.

— Ценю, — отозвался Миллер и чуть погодя добавил: — Знаете, это было необходимо.

Фред ничего не ответил. А что он мог ответить?

Станция была повреждена, но не убита. Пока еще нет. Известие о команде социопатов распространилось быстро, и силы АВП учли предостережение. Фаза оккупации и захвата сотрудников длилась сорок часов вместо двадцати, которые потребовались бы на нормальных пленников. На людей. Миллер по возможности помогал с охраной пленных.

Ребятишки из АВП очень старались, но вряд ли кому-то из них приходилось прежде работать с задержанными. Они не умели сковать наручниками запястья и локти, чтобы преступник не смог задушить охранника, протянув руки вперед. Они не знали, как завязать веревку на шее таким уз-

лом, чтобы пленник ни намеренно, ни случайно не задушил самого себя. Половина из них даже охлопать человека в поисках оружия не умели. Миллер знал и умел все это, как правила игры, в которую играл с самого детства. За четыре часа он только на научных сотрудниках обнаружил двадцать спрятанных ножей. Он действовал, почти не задумываясь.

Прибыла вторая волна транспортных кораблей: пассажирские, выглядевшие так, словно готовы были развалиться от одного плевка, эвакуаторы, уже занимавшиеся разборкой защиты и надстроек станции, корабли снабжения, доставившие провиант и медикаменты и забиравшие в обмен ящики и упаковки с драгоценным оборудованием. К тому времени, когда известие о штурме достигнет Земли, от станции останется один скелет, а ее население попрячут по незарегистрированным тюремным камерам в разных частях Пояса.

«Протоген», разумеется, должен был узнать раньше. Они держали форпосты не на внутренних планетах, а много ближе. Уже проводились расчеты: когда ожидать ответа, и в чью пользу шансы. Математика войны и пиратства. Миллер обо всем этом знал, но не позволял себе заду-

мываться. Это пусть решает Фред со своими помощниками. Миллер для одного дня проявил более чем достаточно инициативы.

Зачеловеческое.

Это слово появлялось в новостях каждые пять или шесть лет и всякий раз относилось к чему-то новому. Гормон, вызывающий восстановление нервных клеток? Зачеловеческое. Секс-роботы со встроенным псевдоинтеллектом? Зачеловеческое. Самообучающаяся маршрутная сеть? Зачеловеческое. Это было словцо из рекламного буклета, пустое и бездушное, и всегда оно вызывало у него мысль о том, как ограничены представления людей о своих способностях.

Сейчас, переводя дюжину пленных в форме «Протогена» на транспорт, направляющийся бог весть куда, он находил в этом слове новый смысл.

Уже не человеческое?

Собственно, буквально «зачеловеческое» означало — «уже не человеческое». Что бы там ни было с протомолекулой, «Протогеном», Дрезденом, подражавшим одновременно Менгеле[34] и

[34] Примечания: 34

Врач, ставивший в концлагерях нацистской Германии эксперименты на людях. Стал символом аморальности в науке.

Чингисхану, но Миллер подозревал, что сам он уже свернул за поворот. Много лет назад перестал быть человеком.

Они управились за сорок часов, и пришла пора отправляться. АВП ободрал станцию до костей, и следовало поторапливаться, пока не объявились мстители. Миллер сидел в кресле-амортизаторе, кровь кипела на остатках амфетаминов, а сознание то погружалось, то выныривало из посттравматического психоза. Перегрузка навалилась как подушка на лицо. Он смутно осознал, что плачет. Это ничего не значило.

В полубреду Миллер снова слышал Дрездена, изливавшего посулы и ложь, полуправду и видения будущего. Слова представлялись ему темным дымом, пронизанным черными волокнами протомолекулы. Их нити тянулись к Холдену, Наоми, Амосу. Он искал пистолет, чтобы прекратить это, сделать, что д***о***лжно. Собственный вопль отчаяния разбудил его и напомнил, что это уже сделано.

Джули сидела рядом, опустив прохладную ладонь ему на лоб. В ее улыбке была нежность, понимание. Прощение.

«Спи», — сказала она, и он погрузился в черную глубину.

— Ой, Пампо, туды-сюды, сабез?

Это было десятое утро Миллера на Тихо, седьмое пробуждение в душной и тесной, как чулан, каютке Диого. По звону в голосе парня он чувствовал, что оно окажется и последним. Рыба и компания на третий день начинают пованивать. Он скатился с тощей койки, расчесал пальцами волосы и кивнул. Диого разделся и молча влез на освободившееся место. От него несло спиртным и дешевой гидропонной марихуаной.

Терминал Миллера сообщил, что вторая смена два часа как закончилась, третья наполовину прошла. Он собрал свои вещи в чемоданчик, выключил свет над захрапевшим уже Диого и потащился в общий душ, чтобы истратить еще несколько оставшихся кредитов и выглядеть не таким бездомным.

По возвращении на Тихо он приятно удивился, обнаружив, как вырос его счет. АВП — читай, Фред Джонсон — заплатил ему за Тот. Миллер об этом не просил, и что-то в нем требовало вернуть деньги. Окажись у него выбор, он, вероятно, так и сделал бы. Но выбора не было, и он старался растянуть средства, насколько возможно, и оценить иронию положения. В конечном счете ему и капитану Шаддид платили по одной ведомости.

Первые дни после возвращения на Тихо Миллер ожидал появления штурма станции Тот в новостях. «ОБЕЗУМЕВШИЕ АСТЕРЫ ЛИШАЮТ ЗЕМНУЮ КОРПОРАЦИЮ НАУЧНОЙ БАЗЫ!» Ему бы следовало найти себе работу и место, куда его пустят не из милости. Он все собирался, но часы словно растворялись, пока он сидел в баре или на террасе, говоря себе, что еще только пару минут посмотрит новости.

Марсианский флот претерпел еще несколько атак от астеров. Полтонны разогнанного до высоких скоростей щебня заставили два их боевых корабля сменить курс. Уменьшение добычи воды в кольце Сатурна было вызвано то ли запретом на нелегальные работы, то ли необходимостью усиленной охраны. Две принадлежащие Земле рудные шахты подверглись атаке — Марса или АВП. Погибло четыреста человек, пошел третий месяц блокады Марса, установленной Землей. Коалиция ученых и специалистов по терраформированию вопила об угрозе каскадному процессу, о том, что, если война продлится еще год или два, недостатки снабжения отбросят проект терраформирования на поколения назад. Все винили друг друга в истории с Эросом. Станции Тот как будто и не существовало.

Однако она должна была объявиться.

Учитывая, что б***о***льшая часть марсианского флота все еще находилась у внешних планет, земная осада оказывалась очень ненадежной. Время истекало быстро. Марсианские корабли либо вернутся домой и попытаются разогнать несколько более устаревшие и медлительные, зато более многочисленные земные корабли, либо двинутся на саму Землю. Земля все еще поставляла тысячи наименований продуктов, которые не росли больше нигде, но стоило кому-то выйти из себя, преисполнившись самоуверенности или отчаяния, и камни запросто начнут валиться в гравитационный колодец.

Все это было отвлекающим маневром.

Когда-то ходил такой анекдот, Миллер уже не помнил, от кого его слышал. Девушка на похоронах своего отца знакомится с отличным парнем. Они разговаривают, влюбляются, но он уходит прежде, чем она успела взять у него номер. Девушка не знает, как его найти.

И неделю спустя она убивает свою мамочку.

Можно смеяться.

Такова логика «Протогена», Дрездена, Тота. «Существует проблема, — говорят они себе, — и существует решение». Невинная кровь, заливаю-

щая эту проблему, значит не больше, чем шрифт, которым записываются расчеты. Они отделили себя от человечества. Отключили те группы клеток в мозгу, которые делают чужую жизнь священной. Или ценной. Или стоящей спасения. И это ничего им не стоило, кроме разрыва всех связей с людьми.

Забавно, как знакомо это звучит.

Парень, который вошел в бар и кивнул Миллеру, был из приятелей Диого. Лет двадцати, может, чуть меньше. Ветеран станции Тот, совсем как Миллер. Он не помнил, как зовут мальчишку, но видел его достаточно часто, чтобы заметить: он держится иначе, чем другие. Замкнут на все замки. Миллер стукнул по экрану, отключив звук, и подошел к парню.

— Привет, — сказал он, и тот резко вскинул голову. Лицо его напряглось, но поверх была натянута мягкая нарочитая улыбка. «Это же старый дедок Диого. Тот самый, как известно всему Тихо, что прикончил главного ублюдка во вселенной». Миллер заслужил пару очков, и парень кивнул ему на стул рядом. — Все довольно хреново, а? — заговорил Миллер.

— Ты и половины не знаешь, — ответил паренек. У него был резкий выговор. Астер, если

судить по росту, но из образованных. Может, техник. Паренек отстучал заказ на выпивку, и бар выдал стакан прозрачной жидкости, такой летучей, что Миллер видел парок над ней. Парень выпил ее залпом.

— Не помогает, — заметил Миллер.

Парень взглянул на него. Миллер развел руками.

— Говорят, выпивка помогает, а на самом деле — нет, — пояснил он.

— Нет?

— Нет. Помогает иногда секс, если найти девчонку, которая с тобой потом поговорит. И стрельба в тире. Спускаешь пар, знаешь ли. А от выпивки легче не становится. Только меньше замечаешь, как тебе плохо.

Паренек усмехнулся и покачал головой. Он готов был что-то рассказать, поэтому Миллер сел поудобнее и предоставил молчанию говорить за себя. Он догадывался, что мальчик кого-то убил, возможно, на Тоте, и его это преследовало. Но парень, вместо того чтобы выложить свою историю, взял у Миллера терминал, набрал несколько локальных кодов и вернул. На экране появилось обширное меню — видео, аудио, давление и состав воздуха, уровень радиации. Миллер только

через полсекунды понял, *что* перед ним. Они раскололи шифр передач с Эроса.

Он видел протомолекулу в действии. Он видел полную экспертизу трупа Джульетты Андромеды Мао. На мгновение бесплотный образ Джули возник рядом с ним.

— Если ты когда-то сомневался, правильно ли пристрелил того типа, — сказал парень, — посмотри это.

Миллер открыл файл.

Длинный коридор, такой широкий, что двадцать человек могли бы пройти в ряд. Пол влажно блестит и колеблется, как поверхность канала. Что-то маленькое неуклюже катится по луже. Приблизив изображение, Миллер увидел человеческое туловище — грудную клетку, позвоночник, волочащиеся концы бывших внутренностей, превратившихся в длинные щупальца протомолекулы. Оно подтягивалось вперед на культях рук. Голова отсутствовала. Нижняя строка показывала, что запись сопровождается звуком, и Миллер включил аудио. Высокий писк напомнил ему голос напевающего про себя недоразвитого ребенка.

— И всюду так, — сказал мальчик. — Вся станция кишит… таким.

— Что там происходит?

— Строит что-то. — Паренек содрогнулся. — Я подумал, тебе надо это видеть.

— Да? — отозвался Миллер, приковавшись взглядом к экрану. — Чем я тебя так обидел?

Парень рассмеялся.

— Все считают тебя героем за то, что ты убил того типа, — объяснил он. — Думают, что всех, кого мы захватили на станции, надо бы повышвыривать в шлюз.

«Возможно, надо бы, — подумал Миллер, — если мы не найдем способа снова сделать их людьми». Он переключил запись. Уровень казино, где побывали они с Холденом, или другое очень похожее место. По потолку наросла сеть из чего-то, напоминающего кости. Между ними шныряли черные слизняки длиной в ярд. Звук в динамике походил на шум прибоя по песку. Он снова переключился. Портовый док, переборка закрыта и поросла огромными спиралями наутилусов, казалось передвигавшимися под его взглядом.

— Все считают, что ты офигенный герой, — повторил паренек, и на этот раз его слова задели Миллера. Он покачал головой.

— Нет, — сказал он, — я просто бывший коп.

Почему перестрелка и вторжение на вражескую станцию, полную людей и автоматики, готовых тебя убить, пугают меньше, чем разговор с людьми, с которыми недели провел на одном корабле?

И все же.

Шла третья смена, бар на обзорной платформе затемнили по ночному. Воздух ароматизировали чем-то похожим на дымок, но другого происхождения. Пианино лениво пререкалось с басом на фоне поющего по-арабски человеческого голоса. Тусклая подсветка освещала ножки столов, отбрасывала мягкие тени на лица и тела, подчеркивая бедра, животы и груди. Верфь за окнами, как всегда, деловито трудилась. Подойди он ближе, мог бы различить еще залечивавшего раны «Росинанта». То, что не убивает, делает нас сильнее. Корабль набирал силу.

Амос с Наоми заняли угловой столик. Алекса не было видно. И Холдена не было видно. Это упрощало дело. Не то чтобы сильно, но упрощало. Он подошел к ним. Наоми увидела его первой, и Миллер заметил в ее лице мелькнувшую неловкость, тут же стертую при его приближении. Амос повернулся, чтобы посмотреть, что ее встревожило, но ни уголки его губ, ни глаза не дрогнули,

отражая неприязнь или улыбку. Миллер почесал локоть, который вовсе не чесался.

— Эй, — сказал он. — Позволите поставить выпивку?

Молчание длилось мигом дольше, чем должно было, а потом Наоми вымучила улыбку.

— Конечно. Только один круг. У нас… дела. Капитан велел.

— А, да. — Амос лгал еще более неуклюже, чем Наоми, и не пытался этого скрыть. — Дела. Важные.

Миллер сел, поднял руку, подзывая официанта, и, когда тот кивнул, облокотился на стол. Он словно сидя принял боевую стойку, пригнулся вперед, так что плечи защищали мягкий живот и шею. Так держится человек, ожидающий удара.

Подошел официант, разлили пиво. Миллер расплатился деньгами АВП и отпил глоток.

— Как корабль? — спросил он наконец.

— Собирается помаленьку, — ответила Наоми. — Его и вправду чертовски измордовали.

— Но летать будет, — добавил Амос. — Крепкий сукин сын.

— Это хорошо. Когда… — Миллер запнулся на слове и начал заново: — Когда улетаете, люди?

— Когда скажет капитан, — пожал плечами

Амос. — Воздух мы уже держим, можем отправляться хоть завтра, если он решит, куда хочет попасть.

— И если Фред нас отпустит, — сказала Наоми и поморщилась, будто тут же пожалела о своих словах.

— Вот в чем дело? — спросил Миллер. — АВП держится за Холдена?

— Просто подумалось, — возразила Наоми. — Слушайте, спасибо за выпивку, Миллер, но, право, мне кажется, нам пора идти.

Миллер глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух.

— Да, — проговорил он, — конечно.

— Ты иди, — обратился к Наоми Амос. — Я догоню.

Наоми недоуменно взглянула на него, но Амос в ответ только улыбнулся. Толковать эту улыбку можно было по-разному.

— Хорошо, — сказала Наоми. — Только не задерживайся надолго, а? Дела.

— Капитан велел, — согласился Амос. — Не волнуйся.

Наоми встала и пошла прочь. Заметно было, как трудно ей не оглядываться через плечо. Миллер посмотрел на Амоса. Освещение придавало

облику механика нечто демоническое.

— Наоми — хороший человек, — сказал Амос. — Она мне нравится, понимаешь? Похожа на мою маленькую сестренку, только головастая, и я бы ее взял, если бы она согласилась. Понимаешь?

— Еще бы, — сказал Миллер. — Мне она тоже нравится.

— Она не такая, как мы, — сказал Амос, и его теплая улыбка пропала.

— Потому-то она мне и нравится, — сказал Миллер. Это был правильный ответ. Амос кивнул.

— Ну вот. Что до капитана, ты сейчас в полном дерьме.

Каемка пены на краях его стакана в полумраке светилась белым. Миллер чуть повернул стакан, пристально наблюдая за пузырьками.

— Потому что я убил того, кого давно надо было? — спросил он. Горечь в собственном голосе его не удивила, но она оказалась глубже, чем он ожидал. Амос ее не услышал или не захотел услышать.

— Потому что это вошло у тебя в привычку, — сказал он. — Кэпу это не по вкусу. Он нервничает, когда людей убивают, не потолковав прежде. Ты не раз проделывал это на Эросе, но… знаешь?

— Да, — сказал Миллер.

— Станция Тот была не Эрос. И куда бы ты ни попал дальше, там тоже будет не Эрос. Капитан не хочет иметь тебя рядом.

— А вы, остальные? — спросил Миллер.

— Мы тоже не хотим, — ответил Амос. Это было сказано не жестоко и не мягко. Так он мог говорить о поломке в машине. О чем угодно. Его слова ударили Миллера в живот, как раз туда, где он ждал удара. Отбить их было невозможно. — Ну вот, — продолжал Амос. — Мы с тобой довольно похожи. Меня жизнь покрутила. Знаю, что я такое, а мой моральный компас… Скажу тебе, он давно отказал. Кое-что виделось иначе, когда я был мальчишкой. Я мог оказаться с теми бандитами на Тоте и знаю это. Капитан не мог бы. В нем этого нет. Он ближе к праведнику, чем любой здесь. И если он велит тебя вычеркнуть, так тому и быть, потому что, как мне видится, он, может, и прав. Уж точно, скорее он прав, чем я.

— Понятно, — сказал Миллер.

— Угу. — Амос допил пиво — свое, потом Наоми. И ушел, оставив Миллера наедине с собой и пустотой внутри. «Наву» осветился переливающейся россыпью огоньков — там что-то проверяли. Миллер ждал.

Рядом с ним, на месте, покинутом Амосом, ока-

залась за столом Джули Мао.

«Ну вот, — сказала она. — Похоже, остались только ты да я».

— Похоже на то, — сказал он.

Глава 43
Холден

Рабочие «Тихо» в синих комбинезонах и масках сварщиков заваривали дыру в переборке камбуза. Холден наблюдал за работой, прикрыв глаза от резкого голубого сияния горелок. Когда стальную пластину закрепили, сварщица сдвинула маску на лоб, чтобы проверить шов. У нее были голубые глаза, личико пикси[35] в форме сердечка и рыжие волосы, собранные калачиком. Звали ее Сэм, и она числилась бригадиром ремонтной команды на «Росинанте». Амос безуспешно таскался за ней две недели. Холдена это радовало, потому что пикси оказалась лучшим из знакомых ему механиков, и он предпочитал, чтобы она занималась только его кораблем.

— Превосходно, — сказал он, когда она провела рукой в перчатке по остывающему металлу.

— Нормально. — Она пожала плечами. — Подчистим поглаже, закрасим, и вы и не вспомните, что кораблику сделали бо-бо. — У нее был на

[35] Примечания: 35
Маленький эльф из английского фольклора.

удивление низкий голос, противоречивший ее виду и обыкновению употреблять смешные детские словечки. Холден догадывался, что из-за внешности ее, при той профессии, которую она выбрала, когда-то многие недооценивали. Он не собирался повторять их ошибку.

— Ты сделала потрясающую работу, Сэм, — сказал Холден. Он догадывался, что «Сэм» — сокращение полного имени, но не спрашивал какого, а сама она об этом молчала. — Я не раз говорил Фреду, как мы счастливы, что этим делом занимаешься ты.

— Может, в следующем приказе меня отметят золотой звездочкой, — отозвалась она, отложила горелку и встала. Холден поискал, что еще сказать, и не нашел. — Извини. — Она повернулась к нему лицом. — Я ценю, что ты хвалил меня боссу. И, честно говоря, заниматься твоим малышом было приятно. Кораблик что надо. Такая трепка любой из наших превратила бы в лом.

— И нас чуть не превратила, — заметил Холден.

Сэм кивнула и принялась снимать рабочее снаряжение. В это время по трапу с верхней палубы спустилась Наоми с инструментами электрика на сбруе серого комбинезона.

— Как там дела? — спросил Холден.

— Девяносто процентов. — Наоми прошла через камбуз к холодильнику и достала бутылку сока. — Плюс-минус. — Взяв вторую бутылку, она перебросила ее Сэм, и та поймала одной рукой.

— Наоми! — Она шутливо подняла бутылку в тосте, прежде чем выдуть половину одним глотком.

— Сэмми. — Наоми, ухмыльнувшись, ответила тем же.

Они сразу отлично поладили, и Наоми теперь проводила много времени с Сэм и ее бригадой. Холден скрывал от самого себя, что злился, перестав быть единственной ее компанией. А когда, как сейчас, ему приходилось это признать, чувствовал себя мерзавцем.

— Сегодня устроим «Голго» в рубке? — спросила Сэм, допив остатки сока.

— Думаешь, Си-7 не надоело, что мы подтираем им задницы? — ответила ей Наоми. Для Холдена все это звучало как шифрованные переговоры.

— Можно дать им фору, — предложила Сэм. — Потом подтянем, хряпнем молотком и подотрем то, что останется.

— По мне, хорошая мысль, — согласилась Наоми и, бросив бутылку в утилизатор, повернулась

обратно к трапу. — Значит, встречаемся в восемь. — Она вдруг вспомнила о Холдене. — До скорого, капитан.

— Как ты думаешь, долго еще? — спросил Холден в спину собиравшей инструменты Сэм.

Та пожала плечами.

— Пара дней, если доводить до совершенства. Лететь можно хоть сейчас, если не думать о косметике и мелочах.

— Еще раз спасибо. — Когда Сэм обернулась, Холден протянул ей руку. У нее была жесткая от мозолей ладонь и крепкое пожатие. — Надеюсь, вы подотрете пол за этими Си-7?

Она хищно усмехнулась ему.

— Даже не сомневайся.

По распоряжению Фреда Джонсона АВП обеспечил команде жилье на станции на время ремонта, и за эти несколько недель каюта Холдена стала для него домом. Станция Тихо была богата и не жалела денег на своих сотрудников. На одного Холдена пришлось три комнаты, считая ванную и кухонный уголок в гостиной. На других станциях подобная роскошь полагалась разве что губернатору, но у Холдена сложилось впечатление, что для управленческого персонала Тихо это была стандартная квартира.

Он бросил перемазанный костюм в стиральную машину и включил кофеварку, прежде чем заскочить в персональный душ. Душ каждый вечер после работы — тоже невообразимая роскошь. Недолго и расслабиться. Поверить, что период ремонта и тихой домашней жизни — норма, а не короткая интерлюдия. Холден не мог себе этого позволить.

Действия Земли против Марса заполняли все новости. Купола еще стояли, но два метеоритных ливня изрыли оспинами широкие склоны горы Олимп. Земля заверяла, что это падали обломки Деймоса, Марс — что это преднамеренная угроза и провокация. Марсианские корабли на полной тяге шли от гигантов к родной планете. С каждым днем, с каждым часом близилось время, когда Земле придется уничтожить Марс или отступить. Ораторы АВП упорно твердили, что, кто бы ни остался победителем, следующим ходом он уничтожит их. Холден совсем недавно помогал Фреду в операции, которую Земля должна была расценить как самое крупное пиратское нападение за историю Пояса.

А на Эросе умирали полтора миллиона человек. Холден вспомнил видео, показывавшее, что происходит с людьми на станции, и содрогнулся,

хотя стоял под горячим душем.

Да, и еще пришельцы. Чужаки, которые два миллиарда лет назад пытались овладеть Землей и потерпели неудачу, потому что на дороге подвернулся Сатурн. Нельзя было забывать о чужаках. Его мозг еще не справлялся с обработкой этой мысли и притворялся, будто ее не существует.

Холден взял полотенце и, вытираясь, включил настенный экран в гостиной. Воздух наполняла смесь запахов кофе, влажных испарений душа и легкого травяного и цветочного аромата, который на Тихо полагался всем жилым помещениям. Холден начал с новостей, но в рассуждениях о военных действиях не нашел ничего нового. Он переключился на шоу какого-то конкурса с невразумительными правилами и идиотски хихикающими участниками. Потом перебрал несколько программ, в которых опознал комедии по паузам в тех местах, где актеры ожидали взрывов смеха.

Когда у него заныли челюсти, он сообразил, что все это время стискивал зубы. Выключив экран, он забросил пульт на кровать в спальне. Обернул полотенце вокруг бедер, налил себе чашку кофе и рухнул на диван в тот самый момент, когда в

дверь позвонили.

— Кто там? — во всю мощь легких рявкнул он. Ответа не было. На Тихо отличная звукоизоляция. Он пошел к двери, по пути стыдливо поправляя полотенце, и рывком распахнул ее.

За дверью стоял Миллер. На нем был мятый серый костюм, возможно привезенный еще с Цереры, а в руках он тискал свою нелепую шляпчонку.

— Холден… — начал он, но Холден немедленно оборвал его.

— Какого черта тебе надо? — спросил он. — Ты и впрямь мнешься у меня на пороге со шляпой в руках?

Миллер улыбнулся и нахлобучил шляпу на голову.

— Знаешь, я никогда не понимал, что это значит.

— Теперь знаешь, — отрезал Холден.

— У тебя найдется минута? — спросил Миллер.

Холден поколебался, разглядывая тощего детектива. И быстро сдался. Он был тяжелее Миллера килограммов на двадцать, но невозможно принять угрожающий вид перед человеком, который смотрит на тебя с высоты лишнего фута.

— Ладно, входи, — сказал он, направляясь в

спальню. — Дай мне одеться. Там есть кофе.

Он не ждал ответа: просто закрыл дверь спальни и сел на кровать. После возвращения на Тихо они с Миллером не обменялись и дюжиной слов. Он понимал, что так это оставить невозможно, как бы ему ни хотелось. Он обязан был Миллеру, по крайней мере, объяснением перед окончательным разрывом.

Он натянул теплые хлопчатые штаны и джемпер, провел ладонью по влажным волосам и вернулся в гостиную. Миллер сидел на диване с чашкой в руках.

— Хороший кофе, — похвалил детектив.

— Ну, я слушаю, — ответил Холден, заняв стул напротив.

Миллер отпил кофе и начал:

— Ну…

— Я хочу сказать, ты намерен мне объяснить, что был прав, выстрелив в лицо безоружному, а я просто слишком наивен, чтобы это понять, так?

— Собственно…

— Я тебе говорил, — продолжал Холден, с удивлением чувствуя, как щеки заливает жаром, — что если ты еще раз разыграешь судью, присяжных и палача в одном лице, можешь искать другой транспорт, а ты все-таки это сделал.

— Да.

Простое согласие сбило Холдена.

— Почему?

Миллер сделал еще глоток кофе и отставил чашку. Сняв шляпу, бросил ее рядом с собой и откинулся назад.

— Потому что он готов был вывернуться.

— Прошу прощения? — ответил Холден. — Ты что, не слышал его признания?

— Не признания, а самовосхваления. Он был неуязвим и знал об этом. Слишком много за ним стояло власти и денег.

— Ерунда. Никто не остается безнаказанным, убив полтора миллиона.

— Такое случалось и случается. Виновен как дьявол, но что-то мешает. Свидетели, политика… У меня была напарница, Мусс. Когда Земля бросила Эрос…

— Стоп, — перебил его Холден. — Мне не интересно. Не хочу больше слышать, как работа копа сделала тебя мудрее, глубокомысленнее и научила разбираться в людях. Насколько я могу судить, эта работа тебя сломала и ничего больше. Так?

— Ну, так.

— Дрезден и его дружки из «Протогена» считали, что вправе решать, кому жить, кому умереть.

Ничего не напоминает? И не говори, что в этот раз было по-другому, потому что так говорят все, каждый раз. И это неправда.

— Я не мстил, — с излишней запальчивостью возразил Миллер.

— Да ну? И та девушка из отеля тут ни при чем? Джули Мао?

— Я хотел его поймать из-за нее. Но убил…

Миллер вздохнул и кивнул сам себе, затем поднялся и открыл дверь. Остановившись на пороге, он обернулся. Лицо его исказилось настоящей болью.

— Он нас заговаривал, — сказал Миллер. — Весь этот треп о звездах и обороне от тех, кто забросил эту дрянь на Землю. Я задумался, не следует ли его отпустить. Может, это дело слишком велико, чтобы судить, кто прав, кто виноват. Не скажу, что он меня убедил. Но он заставил задуматься: «А может быть?..» Понимаешь, «может быть».

— И за это ты его застрелил.

— Да.

Холден вздохнул, привалился к стене у открытой двери и скрестил руки.

— Амос назвал тебя праведником, — сказал Миллер. — Ты знаешь?

— Амос считает себя плохим человеком, потому

что совершал поступки, которых стыдится, — ответил Холден. — Он не всегда доверяет себе, но, по мне, уже то, что ему стыдно, говорит, что он *не* плохой человек.

— Да, — начал Миллер, но Холден еще не кончил.

— Он заглядывает себе в душу, видит пятна и хочет очиститься, — сказал он. — А ты? Только плечами пожимаешь.

— Дрезден был…

— Речь не о Дрездене. Речь о тебе, — сказал Холден. — Я не могу доверить тебе людей, которыми дорожу.

Холден уставился на Миллера, ожидая ответа, но коп только грустно кивнул, надел свою шляпу и пошел по плавно изгибающемуся коридору. Он не оглядывался.

Холден вернулся в каюту и попробовал расслабиться, но чувствовал себя как на иголках. Без Миллера он ни за что не выбрался бы с Эроса, тут и говорить не о чем. Вышвырнуть его, не дослушав, представлялось неправильным. Что-то они не договорили.

По правде сказать, у него мурашки ползали по загривку всякий раз, как он оказывался с Миллером в одном помещении. Коп напоминал ему

непредсказуемого пса, с которым никогда не знаешь, лизнет он тебе руку или вцепится в ногу.

Холден подумал, что надо бы позвонить Фреду и предостеречь его. Вместо этого он вызвал Наоми.

Она ответила со второго гудка. На заднем плане слышалось бесшабашное, подогретое алкоголем веселье.

— Наоми, — сказал он и задумался, подыскивая оправдание для звонка. Ничего не придумав, он сказал: — Здесь был Миллер.

— Да, недавно он загнал в угол и нас с Амосом. Чего хотел?

— Не знаю, — вздохнул Холден. — Может, попрощаться.

— Ты чем сейчас занят? — спросила Наоми. — Хочешь, встретимся?

— Да. Да, хочу.

Холден не сразу узнал бар, но, заказывая профессионально вежливому официанту скотч, вспомнил, что как раз здесь — кажется, целую вечность назад — Наоми пела караоке. Она вошла и плюхнулась за столик напротив него. Официант, принесший ему заказ, вопросительно улыбнулся.

— Нет, ничего. — Она поспешно махнула ему рукой. — Мне на сегодня хватит. Только воду,

спасибо.

Когда официант отошел, Холден спросил:

— Как у тебя с… между прочим, что такое «Голго»? И как у тебя с ним?

— А, это здешняя игра. — Наоми взяла у возвратившегося официанта стакан и сразу выпила половину. — Гибрид дартса и футбола. Никогда раньше не видела, но у меня хорошо получается. Мы выиграли.

— Здорово, — сказал Холден. — Спасибо, что пришла. Знаю, что уже поздно, но это дело с Миллером меня малость встряхнуло.

— Думаю, он хочет получить у тебя отпущение грехов.

— Потому что я «праведник», — саркастически усмехнулся Холден.

— Да, — без тени иронии подтвердила Наоми. — То есть это сильно сказано, но ты к этому ближе всех, кого я знаю.

— Я все провалил, — выпалил Холден, не успев подумать. — Все, кто пытался нам помочь и кому мы пытались помочь, погибали. Вся эта долбаная война. И капитан Макдауэлл, и Бекка, Ада. И Шед… — Ему пришлось замолчать, чтобы проглотить вставший в горле ком.

Наоми только кивнула и, потянувшись через

стол, взяла его руку в ладони.

— Мне нужна победа, Наоми, — продолжал он. — Я должен сделать такое, что изменит хоть что-нибудь. Судьба, или карма, или Бог, что бы там ни было, швырнули меня в самую гущу, и я должен знать, что хоть что-нибудь сделал.

Наоми улыбнулась ему и пожала руку.

— С благородством у тебя отлично получается, — сказала она. — Только тебе надо почаще устремлять взор вдаль.

— Ты надо мной смеешься.

— Да, — согласилась она, — смеюсь. Хочешь, пойдем ко мне?

— Я… — Холден запнулся и уставился на нее в уверенности, что это розыгрыш. Наоми по-прежнему улыбалась ему, но взгляд был теплым и самую чуточку озорным. Пока он пялился, локон упал ей на глаза, и она смахнула его, не отводя взгляда. — Погоди, как это? Я думал, ты…

— Я просила не признаваться мне в любви ради того, чтобы затащить в койку, — сказала она, — но еще я говорила, что уже четыре года как готова прийти к тебе в каюту по первому зову. Не думала, что это так уж трудно истолковать, и все равно я устала ждать.

Холден откинулся на спинку диванчика и по-

пытался вспомнить, как надо дышать. Улыбка Наоми стала совсем озорной, одна бровь вздернулась кверху.

— Ты жив, моряк? — спросила она.

— Я думал, ты меня не хочешь, — заговорил он, как только обрел голос. — Или ты вздумала хоть в этом отдать мне победу?

— Не хами, — сказала она, но в ее голосе не было и следа обиды. — Я которую неделю жду, пока ты соберешься с духом, а корабль почти готов. Значит, ты вот-вот втянешь нас в новую безумную авантюру, и на сей раз удача может нам изменить.

— Ну… — сказал он.

— И если мы до того не попробуем хоть разок, мне будет очень-очень жаль.

— Наоми, я…

— Это так просто, Джим. — Она за руку притянула его к себе и сама склонилась над столом, так что лица их почти соприкоснулись. — Просто ответь: да или нет.

— *Да.*

Глава 44
Миллер

Миллер сидел один у широкого обзорного окна, но вида не замечал. Уровень виски из грибной культуры, стоявшего рядом на длинном черном столике, не изменился с тех пор, как ему принесли заказ. Собственно, это была не выпивка. Это был предлог посидеть. Даже на Церере всегда находилась горстка неприкаянных. Мужчин и женщин, от которых отвернулась удача. Некуда пойти, не у кого попросить помощи. Ни одной ниточки в великой сети людских связей. Он всегда сочувствовал им как братьям по духу.

Теперь он и на деле принадлежал к их неприкаянному племени.

На шкуре огромного корабля поколений что-то полыхнуло — быть может, сварщики налаживали тонкую сеть соединений. За «Наву», угнездившимся в вечном гудящем улье станции Тихо, виднелся «Росинант», занимавший полградуса, — как далекий потерянный дом. Миллер помнил историю Моисея, узревшего Землю обетованную, в которую ему не суждено было вступить, и гадал,

что чувствовал бы пророк, если б его забросили туда — на день, на неделю или месяц, — а потом изгнали назад в пустыню. Милосерднее никогда ее не покидать. Надежнее.

Джульетта Мао наблюдала за ним из отведенного для нее уголка сознания.

«Я должен был спасти тебя, — подумал он. — Найти тебя. Найти правду».

«А разве ты не нашел?»

Он улыбнулся ей, и она улыбнулась ему, такому, как он был, побитому жизнью и усталому. Ведь он, конечно, нашел. Нашел ее, нашел, кто ее убил, и — Холден прав — он отомстил. Все, что обещал себе, он исполнил. Только это его не спасло.

— Могу я для вас что-то сделать?

Полсекунды Миллер думал, что это сказала Джули. Официантка открыла рот, чтобы повторить вопрос, но он уже покачал головой. Ничего она не может. А если бы и могла, ему это не по карману.

«Ты знал, что это ненадолго, — сказала Джули. — Холден, его команда. Ты знал, что тебе среди них не место. Ты мой».

Короткий всплеск адреналина подстегнул его усталое сердце. Он оглянулся, ища ее взглядом, но Джули исчезла. Его настроенный на вечную

борьбу генератор реакций не допускал грез наяву. А все же. «Ты мой!»

Он задумался, сколько из тех, кого он знавал, избрали этот путь. У копов обыкновение глотать пули восходило ко временам, когда человечество еще не выбралось из гравитационного колодца. Вот он тут, как есть, без дома, без друзей, и на руках у него больше крови, чем было за все прежние годы работы. Психолог службы безопасности на Церере, проводивший с ним вступительное собеседование, назвал это суицидальным настроем. Этого полагалось остерегаться, как лобковых вшей или высокого уровня холестерина. Ничего особенного, просто надо поберечься.

Вот он и побережется. Пока. Посмотрит, что будет дальше.

Он встал, поколебался три мгновения и залпом допил свой бурбон.

«Жидкий кураж» — так его называли, и он действовал. Миллер достал свой терминал, ввел запрос на связь и как мог собрался с духом. Он еще не там, а пока он жив, ему нужна работа.

— Сабез нихьт,[36] Пампо, — сказал Диого. На парнишке была рубашка из сетки и модно обре-

[36] Примечания: 36
Не знаю *(жаргонная смесь исп. и нем.).*

занные штаны, такие молодежные и уродливые, что в прежней жизни Миллер сразу списал бы его со счетов, решив, что такой юнец действительно ничего не может знать. Теперь он ждал. Если из Диого удалось бы что-нибудь выжать, это сулило бы Миллеру шанс заполучить собственную нору. Молчание затягивалось. Миллер прикусил язык, чтобы не начать упрашивать.

— Ну, — осторожно начал Диого, — ну, есть один хомбре, он мог бы. Только рука и глаз.

— Работа охранника мне вполне подойдет, — сказал Миллер. — Любая, лишь бы платили.

— Иль конверса а до. «Слышу, что сказал».

— Я буду благодарен, если ты попробуешь, — ответил Миллер и махнул на кровать. — Ты не против, если я?..

— Ми кама эс су кама,[37] — сказал Диого. Миллер лег.

Диого скрылся в маленькой душевой, и звук струй, бьющих по коже, заглушил воздуховод. Миллер не испытывал такой близости ни с кем со времени брака, даже на тесном транспортном корабле. Все же он остерегся бы назвать Диого другом.

---

[37] Примечания: 37
Моя постель — твоя постель *(исп.).*

Вакансий на Тихо было меньше, чем ему бы хотелось, а с рекомендациями у него обстояло не слишком. Те немногие, кто его знал, не замолвили бы за него ни слова. Но наверняка что-то подвернется. Ему нужно было только время, чтобы переделать себя, начать заново и стать иным.

Если, конечно, Земля или Марс — кто там возьмет верх в войне — не сотрут с лица небес АВП и все верные ему станции. И если протомолекула не вырвется с Эроса, чтобы погубить планеты. Или станции. Или его. На мгновение он похолодел, вспомнив, что образцы так и остались на «Роси». Случись что с кораблем, Холден с Наоми, Амосом и Алексом присоединятся к Джули раньше его.

Он сказал себе, что это уже не его проблема. И все же понадеялся, что с ними все будет хорошо. Он желал им добра, что бы ни случилось с ним самим.

— О, Пампо, — сказал Диого, когда дверь душевой скользнула в сторону. — Слыхал, Эрос заговорил?

Миллер приподнялся на локте.

— Си, — продолжал Диого. — Та дерьмовина вышла в эфир. Там даже какие-то слова слышатся. У меня есть запись, хочешь послушать?

«Нет, — думал Миллер. — Нет, я видел те кори-

доры. То, что случилось с ними, едва миновало меня. Не хочу иметь ничего общего с тем ужасом».

— Конечно, — сказал он вслух.

Диого откопал свой ручной терминал и вызвал запись. Терминал Миллера принял передачу и загудел, сообщая о новой загрузке.

— Чика пердида[38] из связистов смешала отрывки записи с Бхангрой. — Диого, покачивая бедрами, изобразил несколько коленец танца. — Круто, а?

Диого с добровольцами АВП взломали ценнейшую научную станцию, набили морду самой могущественной и злобной корпорации в истории власти и зла. А теперь они кладут на музыку вопли умирающих. Или мертвых. И пляшут под нее в дешевом клубе. «Каково это, — подумал Миллер, — быть молодым и бессердечным?»

Хотя нет. Он несправедлив. Диого — добрый мальчик. Просто он наивен. Вселенная это исправит, дай только срок.

— Круто, — согласился он. Диого ухмыльнулся.

Запись ждала подключения. Миллер выключил свет, откинулся на узкую кровать, уносившую его

---

[38] Примечания: 38
Маленькая безобразница *(исп.)*.

против вращения. Он не хотел слышать. Не хотел знать. Должен был.

Поначалу звуки ничего не значили: электронный визг и бешеная буря помех. Потом, как будто из глубины этого шума, музыка. Хор скрипок, нарастающих в протяжном далеком крещендо. А потом, явственно, словно говорили в микрофон, — голос.

— Кролики и хомячки. Экология нестабильная, круглая и голубая, как лунный луч. Август.

Конечно, говорил не человек. Компьютерная система Эроса могла генерировать вполне убедительные голоса и акценты. Мужские, женские, детские голоса. И сколько миллионов часов записей сохранилось на компьютерах по всей станции?

Опять электронный щебет, словно выпустили стайку вьюрков. И снова голос — женский, негромкий, на фоне пульсирующего ритма.

— Пациент жалуется на учащенное сердцебиение и ночную потливость. Симптомы продолжаются три месяца, однако история… — Голос затух, а пульс ударов стал громче. Сложная система Эроса впала в маразм, как старикашка, у которого мозги превращаются в швейцарский сыр. Эрос умирал, менялся, терял разум. А «Протоген» по-

заботился о звуковой передаче, поэтому Миллер мог слышать, как гибнет станция.

— Я ему не сказала, я ему не сказала, я ему не сказала. Восход. Никогда не видела восхода.

Миллер закрыл глаза и соскользнул в сон под серенаду Эроса. Когда сознание померкло, ему померещилось рядом, на кровати, тело, живое и теплое, тихо дышавшее в ритме белого шума.

Управляющий был тощим человечком. Пышно зачесанные волосы напоминали волну, вечно собирающуюся разбиться о лоб. Комнатушка теснила его, гудя, когда инфраструктура Тихо — вода, воздух, энергия — возбуждалась к действию. Бизнес велся среди труб и проводки. Дешевый импровизированный кабинет. Самое дно.

— Сожалею, — сказал управляющий. Миллер почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Среди всех унижений, уготованных ему вселенной, этого он не предвидел и потому рассердился.

— Вы считаете, я не справлюсь? — спросил он.

— Не в том дело, — ответил тощий. — Видите ли, между нами, мы ищем руки без головы, понимаете? Этот склад может сторожить любой кретин. А у вас такой опыт. К чему нам умение контролировать беспорядки? Или вести рассле-

дование? Я хочу сказать — чего там, на этот пост даже оружия не положено.

— Мне все равно, — сказал Миллер. — Мне нужна любая работа.

Тощий вздохнул и развел руками в преувеличенно астерском жесте.

— Вам нужна не такая работа, — сказал он.

Миллер сдержал смешок, испугавшись, что в нем прозвучит отчаяние. Он уставился на стену из дешевого пластика за спиной нанимателя, дожидаясь, пока тот задергается. Он попал в ловушку. Он слишком опытен, чтобы начинать сначала. Слишком много знает, так что невозможно вернуться назад и начать с чистого листа.

— Ладно, — сказал он наконец, и управляющий испустил облегченный вздох. У него хватило порядочности выглядеть смущенным.

— Можно спросить, — решился он, — почему вы оставили прежнее место?

— Церера перешла в другие руки, — ответил Миллер, нахлобучив шляпу. — Я не подошел новой команде, только и всего.

— Церера? — Явное недоумение управляющего, в свою очередь, удивило Миллера. Он взглянул на свой терминал. Там было его резюме, посланное нанимателю. Не мог же управляющий его не

прочесть?

— Я там служил, — сказал Миллер.

— Да, в полиции. Но я говорил о последней работе. То есть я же в курсе. Ясно, что вы не вписали работу на АВП в резюме, но вы должны понимать, что здесь все в курсе вашей роли… вы знаете, в деле со станцией и все такое.

— Вы полагаете, я работал на АВП, — сказал Миллер.

Тощий кивнул.

— Работали, — сказал он.

И ведь он был прав.

В кабинете Фреда ничего не изменилось — и изменилось все. Обстановка, запах, ощущение чего-то среднего между залом совещаний и командным центром. Может, корабль поколений за окном выглядел на полпроцента ближе к завершению, но дело было в другом. В игре сменились ставки, и то, что начиналось как война, стало чем-то иным. Чем-то более важным. Это светилось в глазах Фреда и делало жестче его осанку.

— Нам бы пригодился человек с вашими навыками, — согласился Фред. — Именно на мелочах обычно и спотыкаешься. Как провести обыск и тому подобное. Безопасность на Тихо справляется с работой, но когда мы выбираемся со станции

и нацеливаемся куда-то еще, дело становится хуже.

— А вы намерены развивать это направление? — спросил Миллер, притворяясь, будто шутит. Фред не ответил. На мгновение рядом с генералом встала Джули. Миллер видел отражение обоих в экранах: задумчивое лицо мужчины, усмешку призрака. Может, Миллер ошибался с самого начала, и раскол между Поясом и внутренними планетами был глубже, чем политика и состязание за ресурсы. Он не хуже других знал, что жизнь в Поясе суровее и опаснее, чем на Земле или Марсе. И все же она манила людей — лучших людей — выбраться из гравитационного колодца и броситься во тьму.

Тяга исследовать, стремиться вдаль, покидать дома. И достигнуть края вселенной. А теперь, когда «Протоген» и Эрос предложили шанс стать богами, превратить человечество в нечто, способное перешагнуть предел надежд и мечтаний, Миллер подозревал, что таким, как Фред, нелегко будет отринуть искушение.

— Вы убили Дрездена, — сказал Фред. — Вот в чем проблема.

— Это было необходимо.

— Не уверен, — возразил Фред, но возразил

осторожно, испытующе. Миллер улыбнулся не без грусти.

— Именно поэтому его надо было убить, — произнес он.

Смешок, похожий на кашель, сказал Миллеру, что Фред его понял. Затем генерал снова повернулся к нему, и лицо его было бесстрастным.

— Когда дело дойдет до переговоров, кому-то придется за это ответить. Вы убили беззащитного человека.

— Да, — сказал Миллер.

— Когда настанет время, я первым делом брошу вас волкам. Я не намерен вас защищать.

— Я и не просил меня защищать, — сказал Миллер.

— Даже если бывшему копу-астеру грозит земная тюрьма?

«Тюрьма» была эвфемизмом, и оба об этом знали. «Ты мой», — сказала Джули. А если так, какая разница, как это случится?

— Я не раскаиваюсь, — сказал он и полвздоха спустя с изумлением понял, что сказал почти правду. — Если найдутся судьи, которые захотят меня допросить, я отвечу. Сейчас я ищу работы, а не покровительства.

— Вы ставите меня в сложное положение, —

сказал Фред. — Все, что вы говорите, правильно. Но мне трудно поверить, что вы и действовать будете в том же духе. Вносить вас в списки рискованно. Это подорвет мою позицию при мирных переговорах.

— Рискованно, — признал Миллер, — но я побывал на Эросе и на Тоте. Я летел на «Росинанте» с Холденом и его командой. Когда дело дойдет до анализа протомолекулы и всего, что привело к этой каше, вы вряд ли отыщете лучший источник информации. Вы сможете утверждать, что я слишком много знал. Что был слишком ценен, чтобы меня упустить.

— Или слишком опасен.

— Конечно. Или так.

Минуту оба молчали. На «Наву» золотисто-зеленым узором вспыхнули огоньки — и погасли.

— Консультант службы безопасности, — заговорил Фред. — Независимый. Чина я вам не дам.

«АВП не хочет пачкать об меня руки», — с проблеском юмора подумал Миллер.

— Если к этому прилагается собственная койка, я принимаю, — сказал он. «Это только на время войны. Потом он пойдет на мясо для машины. И пусть так». Фред откинулся назад. Его кресло тихо зашипело, меняя форму.

— Договорились, — сказал он. — Вот вам первое задание. Ваш анализ. В чем моя основная проблема?

— Самосохранение, — сказал Миллер.

— Вы полагаете, я не сумею замолчать сведений о станции Тот и протомолекуле?

— Конечно не сумеете, — ответил Миллер. — Прежде всего, об этом слишком многим известно. Далее, один из этих многих — Холден, и если он еще не вещает об этом на всех частотах, так скоро начнет. И, кроме того, вы не сможете заключить мир, не объяснив, как все это вышло. Рано или поздно все неизбежно выплывет на свет.

— И что бы вы посоветовали?

На минуту Миллер вернулся во тьму, вслушиваясь в бред умирающей станции. Голоса мертвых звали его через вакуум.

— Защищайте Эрос, — сказал он. — Все стороны захотят получить образцы протомолекулы. Если доступ будет в ваших руках, вы наверняка обеспечите себе место за столом переговоров.

Фред хмыкнул.

— Милая идея. Но как вы предлагаете защищать объект такой величины, как Эрос, если Земля и Марс двинут на него флоты?

Это был веский аргумент. Миллеру стало горь-

ко. Пусть даже Джули Мао — его Джули — умерла и пропала, ему представлялось предательством сказать то, что он сказал.

— Тогда избавьтесь от него, — произнес он.

— И как я это сделаю? — спросил Фред. — Даже облепив эту штуку ядерными зарядами, мы не получим уверенности, что малая крошка от нее не залетит в колонии или в колодец. Взорвать станцию — все равно, что пустить по ветру пух одуванчика.

Миллер никогда не видел одуванчиков, но понял, о чем речь. Даже малая частица жижи, наполнившей Эрос, могла положить начало новым злостным экспериментам. А питалась эта жижа радиацией, так что атомные заряды скорее подстегнут ее, чем прикончат. Для полной уверенности, что протомолекула не распространится с Эроса, им пришлось бы разложить станцию на составные атомы…

— О! — сказал он.

— О?

— Да. Только вам это не понравится.

— А вы попробуйте.

— Ладно. Сами спросили. Загоните Эрос на Солнце.

— На Солнце, — повторил Фред. — Вы хоть

представляете, о какой массе речь?

Миллер кивнул на широкое прозрачное окно-экран, за которым шло строительство. Сборка «Наву».

— На этой штуковине большие двигатели, — сказал он. — Вызовите на станцию несколько скоростных кораблей, постарайтесь, чтобы вас никто не опередил. Направьте «Наву» на Эрос. Подтолкните его к Солнцу.

Взгляд Фреда обратился внутрь: он соображал, подсчитывал.

— Надо будет, чтобы никто его не перехватил, пока он не погрузится в корону. Нелегкая задача, хотя Земля и Марс постараются не столько заполучить его себе, сколько не дать добраться до него другим.

«Прости, что я не придумал ничего лучше, Джули, — сказал про себя Миллер. — Зато получатся дьявольские похороны».

Дыхание Фреда стало глубоким и ровным, Взглядом он словно читал в воздухе нечто, видимое ему одному. Миллер не мешал, хоть молчание и стало тяжелым. Прошла целая минута, прежде чем Фред коротко, прерывисто выдохнул.

— Мормоны будут в ярости, — сказал он.

Глава 45
Холден

Наоми разговаривала во сне. Холден многое узнал о ней за эту ночь. Хотя им не раз приходилось спать в соседних амортизаторах, но Холден ничего такого не слышал. А теперь, когда она прижалась лицом к его груди, он кожей чувствовал движение губ и тихие отрывистые выдохи слов. Он не слышал, что она говорила.

Еще у нее был шрам на спине, чуть выше левой ягодицы. Шрам трех дюймов длиной, с неровными краями — скорее от разрыва, чем от пореза. Может, корабль резко сманеврировал, когда она пробиралась в тесноте между механизмами. Специалист по пластической хирургии за один визит сделал бы его незаметным. То, что она не собралась и, как видно, даже не думала делать операцию, тоже кое-что о ней говорило.

Она перестала шептать, несколько раз причмокнула губами и произнесла:

— Пить хочется.

Холден выскользнул из-под нее и отправился на кухню. Он знал за собой такую угодливость,

приходившую с каждой новой любовницей. В ближайшую пару недель он волей-неволей будет исполнять все капризы Наоми. Такое поведение вписано у некоторых мужчин на генетическом уровне: их ДНК заботятся, чтобы первый раз не стал и последним.

Планировка каюты у нее была не такой, как у него, и он неуклюже ворочался в темном незнакомом кухонном уголке, разыскивая стакан. Пока нашел, пока наполнил и вернулся в спальню, Наоми уже сидела на кровати. Простыня сползла ей на колени. Увидев ее полуобнаженной в полумраке, он со стыдом ощутил эрекцию.

Наоми скользнула взглядом по его телу, задержавшись на середине, потом посмотрела на стакан и спросила:

— Это для меня?

Холден не знал, о чем именно она спрашивает, и просто ответил:

— Да.

— Ты спишь?

Наоми уткнулась лицом ему в живот и медленно глубоко дышала, но, к его удивлению, отозвалась:

— Нет.

— Можно нам поговорить?

Наоми скатилась с него и подтянулась повыше, головой к нему на подушку. Волосы падали ей на глаза, и Холден смахнул их движением, которое показалось таким интимным и собственническим, что ему пришлось сглотнуть комок в горле.

— Ты готовишь меня к серьезному разговору? — спросила она, приоткрыв глаза.

— Да. — Он поцеловал ее в лоб.

— Последний любовник у меня был год назад, — сказала она. — Я — серийная моногамка. Что касается меня, ты получил на меня эксклюзивные права, пока один из нас не передумает. И если ты сделаешь предварительное предупреждение, что решил разорвать контракт, никаких обид не будет. Я готова принять, что это не просто секс, но мой опыт подсказывает, что так получается само собой, если отношения затягиваются. Мои яйцеклетки хранятся на Европе и на Луне, если для тебя это важно.

Она приподнялась на локте, склонившись к его лицу.

— Я все вопросы осветила?

— Нет, — возразил он, — но условия меня устраивают.

Она снова опрокинулась на спину, испустив

долгий довольный вздох.

— Вот и хорошо.

Холдену хотелось ее обнять, но он боялся, что слишком разгорячен и вспотел, поэтому он просто дотянулся до ее ладони. Ему хотелось объяснить, как много это значит, что для него это *уже* не просто секс, но все слова, приходившие на ум, звучали фальшиво или слащаво.

— Спасибо тебе, — сказал он, но она уже тихонько посапывала.

Утром они снова занимались любовью. После долгой и почти бессонной ночи Холдену это казалось скорее работой, чем отдыхом, но работой приятной — как будто такой секс, не выносящий мозг, почему-то был необычнее, забавнее и нежнее всего, что случалось прежде. Потом Холден пошел на кухню варить кофе и принес его в постель на подносе. Они пили молча, какая-то доля неловкости, изгнанная ночью, вернулась с искусственным светодиодным утром.

Наоми отставила пустую чашку и потрогала его распухший сломанный нос.

— Жуткий вид? — спросил Холден.

— Нет, — сказала она. — Прежде ты был слишком совершенным. Так ты выглядишь солиднее.

Холден расхохотался.

— Солидными бывают толстяки или профессора истории.

Наоми с улыбкой коснулась его груди кончиками пальцев. Эта была не попытка начать сначала, а просто узнавание, которое приходит, когда насыщение выводит из уравнения секс. Холден попробовал вспомнить, когда трезвость, наступающая после секса, оказывалась такой же приятной, но, может, такого никогда и не бывало. Он собирался провести остаток дня в постели Наоми, перебирал в уме список ресторанов, когда его терминал, оставшийся на тумбочке, загудел.

— Чтоб ему провалиться, — выругался он.

— Тебе не обязательно отвечать, — напомнила Наоми и перешла к изучению его живота.

— Ты не заметила, что происходит в последние пару месяцев? — возразил Холден. — Если это не ошибка с номером, возможно, нам сообщают, что Солнечная система пошла прахом и до эвакуации станции остается пять минут.

Наоми поцеловала его в ребро, одновременно пощекотав и заставив пересмотреть свою способность к восстановлению.

— Не смешно, — сказала она.

Холден вздохнул и дотянулся до терминала. Он снова загудел, высветив имя Фреда.

— Это Фред, — сообщил он.

Наоми прервала поцелуй и села.

— Тогда, скорей всего, плохие новости.

Холден стукнул пальцем по экрану, принимая вызов.

— Фред?

— Джим? Постарайся зайти ко мне, как только сможешь. Это важно.

— Хорошо, — ответил Холден. — Буду через полчаса.

Он прервал связь и швырнул терминал на груду одежды, оставленную в ногах кровати.

— Приму душ и пойду повидаю Фреда, — сказал он, скидывая простыню и садясь.

— Можно мне с тобой? — спросила Наоми.

— Шутишь? Я теперь глаз с тебя не спущу.

— Ты меня пугаешь, — сказала Наоми, но, говоря это, она улыбалась.

Первым неприятным сюрпризом оказалось присутствие в комнате Миллера. Холден коротко кивнул ему и обратился к Фреду:

— Мы пришли. Что случилось?

Фред жестом предложил им сесть и, когда они устроились, заговорил:

— Мы обсуждали, что делать с Эросом.

Холден пожал плечами.

— Ну и что с ним?

— Миллер считает, что кто-нибудь попытается на нем высадиться и получить новые образцы протомолекулы.

— Охотно верю, что такие идиоты найдутся, — кивнул Холден.

Фред, поднявшись, постучал пальцами по столу. Экраны, обычно показывавшие вид на рабочую площадку «Наву», переключились на двухмерную схему Солнечной системы, где светящиеся точки разных цветов показывали расположение флотов. Марс окружал сердитый рой зеленых точек, и Холден решил, что зеленым обозначены земные корабли. В Поясе и у внешних планет светились желтые и красные огоньки. Значит, красные, вероятно, Марс.

— Симпатичная карта, — заметил Холден. — Точная?

— В разумных пределах, — ответил Фред и несколькими быстрыми ударами пальца приблизил одну часть Пояса. Посередине экрана оказалась похожая на картофелину штуковина с надписью «ЭРОС». К ней ползли две зеленые точки, остававшиеся пока на расстоянии нескольких метров.

— Это земной исследовательский корабль

«Чарльз Лайель» на полной тяге идет к Эросу. Его, как мы полагаем, сопровождает конвойный корабль класса «Фантом».

— Земной братец нашего «Роси», — заметил Холден.

— Ну, «Фантомы» — более старая модель и большей частью переведены во второй эшелон, но все же они быстрее всего, что мог бы выставить АВП, — ответил Фред.

— Зато самый подходящий корабль для сопровождения научников, — сказал Холден. — Как это они так быстро добрались? И почему их только двое?

Фред отдалил схему, пока снова не открылся вид на всю систему.

— По чистой случайности. «Лайель» возвращался к Земле после картографирования не принадлежащих к Поясу астероидов. Его завернули к Эросу. Он оказался рядом, а больше никого не случилось. Похоже, Земля увидела шанс сцапать образец, пока остальные только раскачиваются.

Холден посмотрел на Наоми, но ее лицо оставалось непроницаемым. Миллер разглядывал Холдена, как энтомолог, прикидывающий, куда бы воткнуть булавку.

— Стало быть, они знают? — спросил Холден. —

О «Протогене» и об Эросе?

— Надо полагать, да, — сказал Фред.

— И вы хотите, чтобы мы их отогнали? То есть, я думаю, мы сумели бы, но только на время, пока Земля не подошлет им на подмогу еще несколько кораблей. Не так уж много времени мы выиграем.

Фред улыбнулся.

— Много нам и не надо, — сказал он. — У нас есть план.

Холден кивнул, показывая, что готов слушать, однако Фред вернулся на место и развалился в кресле. Миллер же, встав, вывел на экран крупный план Эроса.

«Сейчас мы узнаем, зачем Фред держал здесь этого шакала», — подумал Холден, но промолчал.

Миллер указал на изображение Эроса.

— Эрос — старая станция. Ее сильно сокращали. Осталось много дыр в оболочке, в основном мелких доков для обслуживания, — заговорил бывший детектив. — Большие доки собраны в пять групп по окружности станции. Мы думаем послать к Эросу вместе с «Росинантом» пять снабженческих грузовиков. «Роси» задержит научников, а грузовики пришвартуются к станции,

по одному на каждую группу доков.

— Мы посылаем туда людей? — спросил Холден.

— Не внутрь, — успокоил его Миллер. — Только на поверхность. В общем, шестой грузовик забирает команды с пришвартовавшихся. Каждый из оставленных кораблей будет снабжен мощными термическими боеголовками, подключенными к детекторам кораблей. Если кто-то вздумает приблизиться к станции, его встретит взрыв мощностью в несколько сотен мегатонн. Этого должно хватить, чтобы отвадить любой корабль, а если не хватит, все равно доки оплавятся настолько, что высадка станет невозможной.

Холден прокашлялся.

— Хм, и ООН, и Марс располагают саперными частями. Они придумают, как обойти твое минное поле.

— Если у них хватит времени, — согласился Фред.

Миллер продолжал так, словно его не перебивали:

— Эти мины — всего лишь вторая линия обороны. Первая — «Росинант», вторая — мины. Мы выигрываем время, за которое люди Фреда подготовят «Наву».

— «Наву»? — повторил Холден, а полвздоха спустя Наоми тихо присвистнула. Миллер кивнул ей, словно раскланивался на аплодисменты.

— «Наву» выйдет на плавный параболический курс и наберет скорость. Если он ударит Эрос под нужным углом и с достаточной силой, то вышибет его к Солнцу. Заодно детонируют заряды. Энергии толчка и взрыва боеголовок, по нашим расчетам, должно хватить, чтобы раскалить поверхность Эроса. Тогда температура и радиация сварят любого, кто попытается высадиться, а потом уж будет поздно, — закончил Миллер и сел на место, оглядываясь в ожидании реакции.

— Это твоя идея? — спросил его Холден.

— Что касается «Наву» — моя. Но мы еще не знали о «Лайеле», когда начинали разговор. Так что мысль о ловушке — вроде как импровизация. Однако, я думаю, она сработает. Выиграет нам нужное время.

— Согласен, — сказал Холден. — Нельзя отдавать Эрос ни в чьи руки, и лучшего способа я предложить не могу. Мы отгоним корабль научников, пока вы сделаете дело.

Фред, скрипнув креслом, склонился вперед и сказал:

— Я знал, что вы возьметесь. Сомневался Мил-

лер.

— Мне казалось, что тебя возмутит мысль сбросить в Солнце миллион человек, — с невеселой ухмылкой пояснил детектив.

— На этой станции не осталось людей. А у тебя в этом деле какая роль? Ты теперь в начальственном кресле?

Это прозвучало злее, чем он намеревался, но Миллер как будто не обиделся.

— Я координирую меры безопасности.

— Безопасности? Нам понадобится охрана?

Миллер улыбнулся. Он всегда улыбался так, словно услышал анекдот на похоронах.

— На случай, если что-нибудь выползет из шлюза и попробует оседлать нас, — сказал он.

Холден насупился.

— Мне не хочется верить, что эта дрянь может расползтись в вакууме. Мысль мне совсем не нравится.

— Когда мы доведем температуру поверхности до приятных тепленьких десяти тысяч, думаю, это будет уже не так важно, — успокоил Миллер. — До тех пор лучше перестраховаться.

Холден поймал себя на том, что завидует уверенности детектива.

— Каковы шансы, что удар и взрыв просто рас-

колют Эрос на миллион кусков и разбросают их по всей системе? — спросила Наоми.

— Фред посадил своих лучших инженеров рассчитывать все до последней запятой, чтобы этого не случилось, — ответил Миллер. — «Тихо» ведь участвовал в строительстве Эроса. У них остались кальки.

— Теперь, — подал голос Фред, — обсудим последний вопрос.

Холден ждал.

— Протомолекула еще у вас, — сказал Фред.

Холден кивнул.

— И?..

— И, — продолжал Фред, — в прошлый раз, когда мы вас выпустили со станции, ваш корабль едва не разбили. После уничтожения Эроса у вас останется единственный подтвержденный образец, что бы там ни было на Фебе. Не могу найти причины оставлять его у вас. Я прошу вас передать его на Тихо.

Холден поднялся, качая головой.

— Вы мне нравитесь, Фред, но я не отдам эту дрянь человеку, который может увидеть в ней товар на продажу.

— Не думаю, что у вас большой… — начал Фред, но Холден остановил его, подняв палец. Под

удивленным взглядом Фреда он взял терминал и открыл канал связи с командой.

— Алекс, Амос, кто из вас на корабле?

— Я здесь, — отозвался через секунду Амос. — Заканчиваю кое-какие…

— Запрись там, — не дослушав, приказал Холден. — Сейчас же. Чтобы ни щелки не осталось. Если я не вызову тебя через час или если кто-то кроме меня попытается взойти на борт, выходи из гавани и гони от Тихо во всю прыть. Направление выберешь сам. Если придется, уходи с боем. Понял меня?

— Слышимость отличная, кэп, — откликнулся Амос. Тем же тоном он ответил бы, попроси его Холден приготовить чашку кофе.

Фред недоверчиво уставился на него.

— Не вынуждайте меня, Фред, — сказал Холден.

— Если вы считаете, что можете мне угрожать, то ошибаетесь, — пугающе бесстрастно ответил Фред.

Миллер расхохотался.

— Что смешного? — обернулся к нему Фред.

— Это не угроза, — проговорил Миллер.

— Да? А как бы вы это назвали?

— Точным описанием картины мира, — от-

ветил Миллер и лениво потянулся, объясняя: — Окажись на борту Алекс, он мог бы решить, что капитан вздумал кого-то припугнуть, и, возможно, тянул бы до последнего. Но Амос? Амос будет пробиваться с боем, даже если сам рискует пропасть вместе с кораблем.

Фред поморщился, и Миллер покачал головой.

— Это не блеф, даже не думайте.

Фред прищурил глаза, и Холден задумался, не довел ли он наконец этого человека до грани. Наверняка он оказался бы не первым, кого приказал пристрелить Фред Джонсон. А рядом с ним был Миллер. Полоумный детектив, возможно, выстрелит в него при первом намеке, что кому-то это кажется удачной мыслью. Один факт, что Миллер оказался здесь, пошатнул доверие Холдена к Фреду.

И тем больше он удивился, когда Миллер его спас.

— Слушайте, — заговорил детектив, — нельзя не признать, что Холден лучше всех сохранит образцы, пока вы не решите, что с ними делать.

— Попробуйте меня убедить. — Голос Фреда еще звенел от ярости.

— Когда Эрос рванет, они с «Роси» окажутся с голыми задницами. Кто угодно может со злости

торпедировать их просто из принципа.

— И как это обеспечит сохранность образцов? — спросил Фред, но Холден уже понял, к чему ведет Миллер.

— Сохранности это не обеспечит, — пояснил тот, — зато повышает вероятность, что миссия удастся. Кроме того, он идеалист, — добавил Миллер. — Предложите Холдену его вес в золоте, так он только оскорбится, что его сочли за взяточника.

— Вы хотите сказать, что ему можно доверять, а мне нет? — уточнил Фред.

— Я думал скорее о команде, — ответил Миллер. — У Холдена всего трое, и они поступят, как он скажет. Считают, раз он праведник, то и они с ним заодно.

— Мои люди пойдут за мной, — сказал Фред.

Улыбка Миллера была усталой и непробиваемой.

— В АВП много народу, — сказал он.

— Ставки слишком высоки, — сказал Фред.

— Если вы не любите риска, надо было выбрать другую карьеру, — возразил Миллер. — Я не говорю, что это прекрасный план. Просто лучшего вы не придумаете.

В щелках глаз Фреда на миг блеснула досада и

ярость. Минуту он беззвучно двигал челюстью, прежде чем заговорить:

— Капитан Холден. Я разочарован в вас. После всего, что я сделал для вас и ваших людей, вы мне не доверяете.

— Через месяц, если человечество еще будет существовать, я принесу извинения, — пообещал Холден.

— Уводите свою команду, пока я не передумал.

Холден встал, кивнул Фреду и вышел вместе с Наоми.

— Ну, едва пронесло, — тихо заметила она.

Когда они отошли от кабинета, Холден признался:

— Я думал, Фред готов приказать Миллеру меня пристрелить.

— Миллер на нашей стороне. Неужели ты еще не понял?

Глава 46
Миллер

Принимая сторону Холдена против своего нового босса, Миллер знал, что даром ему это не пройдет. Его положение в АВП было зыбким с самого начала, а указывая, что Холден с его командой не только более преданы делу, но и более надежны, он не ждал, что его расцелуют. То, что он сказал правду, только усугубляло положение.

Он ожидал расплаты. Было бы наивным ждать другого.

— «Восстань, народ Господень, — пели обороняющиеся, — день бра-атства настает, ночь зла навек ухо-одит…»

Миллер снял шляпу и провел пальцами по редеющим волосам. Все предвещало нехороший день.

Внутри «Наву» оказалось больше заплат и недоделок, чем можно было подумать, глядя на корпус. Дизайнеры, располагавшие двумя километрами длины, создавали не просто огромный корабль. Просторные уровни громоздились один на другой, балки поддерживали будущие пасторальные

лужайки. Архитектура напоминала о великих соборах Земли и Марса, высокие своды обеспечивали надежность при перегрузках и славили Господа. Пока что здесь был только металлический костяк и площадки для агрикультурного субстрата, но Миллер уже мог представить, каким окажется целое.

Корабль поколений казался воплощением непомерного честолюбия и всеобъемлющей веры. Мормоны это сознавали и принимали. Корабль, созданный ими, был одновременно молитвой, благочестием и празднеством. «Наву» предстояло стать величайшим храмом в истории человечества, пастырем своей команды в странствии по непреодолимым морям межзвездных пространств, первой надеждой человека достичь звезд.

Предстояло бы, если б не Миллер.

— Дать газ, Пампо? — спросил Диого.

Миллер оглядел ряды защитников корабля. На взгляд, их было около двух сотен. Люди растянулись плотной цепью по рабочим лесам и подмосткам. Пассажирские лифты и промышленные уолдо отдыхали, их дисплеи потемнели, их батареи отключили.

— Да, пожалуй, — отозвался Миллер.

Команда безопасников — его команда — насчитывала меньше трех дюжин. Мужчины и женщины, объединенные скорее нарукавными повязками АВП, нежели совместными тренировками, опытом, узами верности или политическими взглядами. Если мормоны решат сменить пассивное сопротивление на активное, здесь будет кровавая баня. Если они наденут скафандры, она может затянуться на много часов. Если не дней. Но Диого уже дал сигнал, и через три минуты четыре маленькие кометы описали дугу в невесомости, виляя хвостами из NNLP-альфа и тетрагидроканнабинола.

Это было самое мягкое, безобидное в его арсенале средство против беспорядков. Те, у кого слабые легкие, все-таки пострадают, но так или иначе через полчаса все они окажутся в ступоре и воспарят к вершинам блаженства. Миллер ни разу не применял эту комбинацию газов на Церере. Окажись такие у них на складах, сотрудники быстро растаскали бы все для офисных вечеринок. Он попытался утешиться этой мыслью. Как будто час блаженства мог восполнить отнятые мечты и труды многих жизней.

Рядом с ним смеялся Диого.

Основное прочесывание корабля заняло три

часа, а еще пять ушло, чтобы вытащить попрятавшихся по воздуховодам и кладовкам в надежде объявиться в последнюю минуту и саботировать миссию. Всех их, рыдающих, выволокли с корабля. Миллер подумал, что, возможно, спас им жизнь. Если все, что он сделал, — это избавил Фреда Джонсона от выбора: позволить ли горстке невинных погибнуть вместе с «Наву» или допустить к Эросу внутренние планеты, — это не так уж мало.

Как только Миллер дал добро, в действие вступила команда техников АВП. Они разбирали уолдо, устраняли поломки — последствия сотен актов мелкого саботажа, предназначенных помешать включению двигателей, — выносили оборудование, которое не хотели терять. Миллер наблюдал, как грузовые лифты, где могла бы поселиться семья из пяти человек, уносили контейнер за контейнером, разгружая то, что совсем недавно было погружено. В доках оказалось людно, как на Церере в середине смены. Миллер почти готов был увидеть прежних соратников, бродящих среди стивидоров и труб, поддерживая то, что могло сойти за порядок.

В минуты затишья он настраивал свой терминал на передачу с Эроса. В его детстве была такая

композиторша — помнится, ее звали Джила Сорормайя. Кажется, она нарочно повреждала цифровые записи, а потом запускала разрозненные клочки в свой синтезатор. Она нарвалась на неприятности, когда в запись попал и растиражировался чей-то цельный код доступа. Миллер не жалел о ней. Он решил, что теперь чокнутой художнице придется заняться настоящей работой, и мир станет только лучше.

Слушая передачи Эроса — «Волну свободного Эроса», как он их называл, — он думал, что, пожалуй, был слишком жесток к бедняжке Джиле. Визг и смешение голосов, поток помех, разрезанных словами, пугал и захватывал. В них звучала музыка гибели.

«…asciugare il plus che possano sentirsi meglio…»

«…ja mina nouscivat kuolleista ja halventaa kohtalf pacottaa minut ja siskoni…»

«…делай, как знаешь…»

Он часами слушал передачу, разбирая голоса. Однажды все затрепетало, стало затухать, словно рация приготовилась отключиться. Только когда она включилась снова, Миллеру пришло в голову, что паузы могли быть кодом Морзе.

Он прислонился к переборке, над ним возвышался тяжелый массив «Наву». Корабль еще

не родился, а уже был предназначен в жертву. Джули села рядом с ним, подняла взгляд. Волосы плавали вокруг ее лица, глаза улыбались. Какой бы фокус сознания ни мешал его собственной Джульетте Андромеде Мао возвращаться к нему в виде трупа, он был благодарен за него.

«А круто, да? — спросила она. — Летать в вакууме без скафандра. Проспать сотню лет и проснуться от света другого солнца».

— Надо было раньше пристрелить ублюдка, — вслух сказал Миллер.

«Он мог подарить нам звезды».

Новый голос заглушил ее слова.

— Антихрист!

Миллер моргнул, возвращаясь к реальности, и отключил канал Эроса. Через док лениво проплывал транспорт с пленниками, к опорным стойкам была привязана дюжина техников-мормонов. Юноша с рябым лицом ненавидящим взглядом уставился на Миллера.

— Ты — Антихрист, ты, злое подобие человека. Господь знает тебя. Он запомнит тебя.

Миллер приподнял шляпу, кланяясь пленнику.

— Звездам лучше без нас, — проговорил он так тихо, что его услышала одна Джули.

Десятки буксирных тросов тянулись перед «Наву» — нанотрубочные канаты, неразличимые на расстоянии. Миллер просто увидел, как гигантский кашалот, составлявший такую же часть Тихо, как переборки и воздух, шевельнулся на своем ложе, вздрогнул и пришел в движение. Двигатели буксиров осветили внутреннее пространство станции, завели точно отрепетированный хоровод, словно на рождественском представлении, и почти неощутимое содрогание отозвалось в глубине стальных костей Тихо. Через восемь часов «Наву» отведут достаточно далеко, чтобы можно было задействовать огромные двигатели, не угрожая выхлопом станции. После этого пройдет больше двух недель, пока он достигнет Эроса.

Миллеру предстояло убить еще восемьдесят часов.

— Ой, Пампо! — сказал Диого. — Дело-дело?

— Да, — со вздохом ответил Миллер. — Я готов. Собирай всех.

Мальчишка ухмыльнулся. За те часы, что прошли с отправки «Наву», он налепил на три передних зуба яркие пластиковые накладки. Вероятно, в молодежной культуре Тихо они несли глубокий смысл, придавали ему крутость,

а может, и сексуальность. Миллер мимолетно порадовался, что ему больше не придется греть парню койку.

Теперь, когда он заведовал службой безопасности АВП, он яснее прежнего видел разнородность этой организации. Было время, он считал, что АВП мог бы управиться с Землей и Марсом, если дойдет до настоящей войны. Денег и иных средств у них определенно имелось больше, чем он когда-то думал. И еще у них был Фред Джонсон. А теперь и Церера, если они сумеют ее удержать. Они взялись за станцию Тот — и справились.

А все же кое-кто из ребятишек, с которыми он штурмовал Тот, участвовал и в подавлении обороны «Наву», и больше половины будут на корабле-смертнике, когда он вылетит к Эросу. Вот этого Хэвлоку никогда не понять. Наверно, никому из живших в даровой надежности естественной атмосферы никогда полностью не понять силы и уязвимости общества, основанного на устремленности делать то, что д***о***лжно, быть быстрым и гибким — каким и был АВП. На умении соединить все свои фрагменты подвижными сочленениями.

Если Фред не добьется участия в мирных переговорах, АВП ни за что не победит дисциплини-

рованного, единого флота внутренних планет. Но и не потерпит поражения. Войне не будет конца.

Ну что ж, разве не такова вся история?

И что тут изменят звезды?

Зайдя в свою квартиру, он запросил связь с терминалом Фреда. Фред Джонсон на экране выглядел усталым, но держался молодцом.

— Миллер, — поздоровался он.

— Мы можем выводить корабль, если ваши службы готовы.

— Идет погрузка, — ответил Фред. — Грузится взрывчатый материал, после которого поверхность Эроса станет недоступной на годы. Осторожней с ним. Если кому-то из ваших мальчиков вздумается закурить в неположенном месте, мы уже не успеем заменить мины.

А не: «...вы все погибнете». Ценно оружие, а не люди!

— Да, я присмотрю, — сказал Миллер.

— «Росинант» уже в пути.

Этого Миллеру знать было не обязательно, однако Фред счел нужным упомянуть. В его старательно нейтральном тоне крылось подобие укора. Единственные известные образцы протомолекулы вышли из сферы влияния Фреда.

— Мы успеем присоединиться к нему и отогнать

от Эроса кого угодно, — пообещал Миллер. — Нет проблем.

На крошечном экране трудно было разобрать, много ли искренности в улыбке Фреда.

— Надеюсь, ваши друзья в самом деле справятся, — заметил он.

У Миллера возникло странное чувство — какая-то пустота прямо за грудиной.

— Они — не мои друзья, — сказал он.

— Правда?

— У меня, строго говоря, нет друзей. Все больше люди, с которыми я работал.

— Холдену вы многое доверили, — заметил Фред. Это прозвучало почти вопросом. Или вызовом. Миллер улыбнулся, помня, что и Фреду трудно будет определить степень искренности его улыбки.

— Это не доверие, а точная оценка, — возразил он.

Фред кашлянул.

— Вот почему у вас нет друзей, друг мой.

— Отчасти, — сказал Миллер.

Больше говорить было не о чем. Миллер прервал связь. Так или иначе, у него теперь имелась почти своя нора.

Ничего особенного — стандартная клетушка,

в которой личного было еще меньше, чем в его норе на Церере. Он присел на койку, просмотрел на терминале статус корабля-смертника. Он помнил, что пора идти в док. Диого и прочие уже собирались, и, хотя вряд ли угар прощальных вечеринок позволит им явиться в срок, все же это могло произойти. У Миллера не было даже такого оправдания.

Джули поместилась у него в голове за глазами. Она подогнула ноги калачиком. Она была красива. Она была такой же, как Фред, Холден и Хэвлок. Родилась в гравитационном колодце и пришла на Пояс по собственному выбору. Этот выбор убил ее. Она искала на Эросе помощи и тем погубила его. Если бы она осталась на корабле-невидимке…

Джули искоса взглянула на него, ее волосы развевались наперекор гравитации вращения. В ее глазах стоял вопрос. Конечно, она была права. Возможно, это немного оттянуло бы события, но не остановило бы их. В конце концов «Протоген» и Дрезден отыскали бы ее. Наверняка. Или вернулись бы обратно и откопали новые образцы. Их ничто бы не остановило.

И он знал о Джули — знал, как он мог знать о самом себе, — что она была не такой, как другие.

Что она понимала Пояс и астеров и понимала, что надо пробиваться дальше. Если не до звезд, то хоть поближе к ним. Ей была доступна роскошь, какой Миллер никогда не знал и не узнает. И она от нее отказалась. Она пришла сюда и осталась, даже когда они угрожали продать ее гоночную шлюпку. Ее детство. Ее гордость.

Вот почему он любил ее.

Добравшись до дока, Миллер сразу понял: что-то произошло. Понял по тому, как держались докеры, по их взглядам, в которых читались довольные усмешки. Миллер внес пароль и прополз по неудобному шлюзу модели «Оджино-Гуч», устаревшему еще семьдесят лет назад и узкому, как торпедный порт, в тесный кубрик «Тэлбота Лидса». Корабль как будто склепали из двух корабликов поменьше, не слишком озаботившись дизайном. Амортизаторы были установлены в три яруса. Воздух пропах застарелым потом и горячим металлом. Кто-то курил здесь марихуану так недавно, что фильтры еще не вытянули дым. Кроме Диого в кубрике сидела дюжина ребят — все в разной форме, но с одинаковыми нарукавными повязками АВП.

— Ой, Пампо! Оставил а дир лучшую койку.

— Ценю, — отозвался Миллер.

Тринадцать дней. Ему предстояло провести тринадцать суток в этом тесном помещении с командой смертников. Тринадцать суток бок о бок на койках над мегатоннами взрывчатки в трюмах. Однако все, кроме него, улыбались. Миллер подтянулся на койку, оставленную ему Диого, и подбородком указал на остальных:

— У кого-то день рождения?

Диого выразительно развел руками.

— А с какой стати все раздолбаи так довольны? — спросил Миллер резче, чем ему бы хотелось. Диого не обиделся, а показал в улыбке все бело-красные зубы.

— Ауди-нихьт?

— Нет, не слышал, а то бы не спрашивал, — ответил Миллер.

— Марс разобрался, — сообщил Диого. — Поймал волну Эроса, сложил два и два, и…

Мальчишка шмякнул кулаком по открытой ладони. Миллер тщетно соображал, о чем речь. Атака на Эрос? Взялись за «Протоген»?

А, «Протоген». «Протоген» и Марс. Миллер кивнул.

— Научная станция Фебы, — сказал он. — Марс ввел карантин.

— Шиш тебе, Пампо. Дезинфекцию! Той луны

больше нет. Каждый атом на частицы разобрали!

«Хорошо бы так», — думал Миллер. Феба была невелика. Если Марс действительно уничтожил ее так, что на осколках не осталось ни единой протомолекулы…

— Ту сабез?[39] — продолжал Диого. — Они теперь на нашей стороне. Коалиция АВП — Марс!

— Об этом и не думай.

— Ага. — Диого как будто с гордостью признавал, как хрупки, как обманчивы его надежды. — Но мечтать-то не вредно, кве но?

— Лишь бы не думать, — согласился Миллер и откинулся назад.

Амортизирующий гель был слишком густым, чтобы проминаться под его телом при трети *g* на станции, но Миллер чувствовал себя удобно. Он просмотрел новости на терминале и убедился, что кто-то в марсианском флоте разобрался в положении дел. Им пришлось пойти на большие траты, притом что кругом стреляли, но они не пожалели боеприпасов. У Сатурна стало одной луной меньше и больше одним тоненьким, неоформившимся, лохматым кольцом, если

---

[39] Примечания: 39
«Ты знаешь?» *(исп.)*

после взрыва осталось достаточно материи на кольцо. На взгляд неспециалиста, походило — взрыв рассчитали так, чтобы направить обломки в сокрушительные недра газового гиганта.

Глупо было надеяться, что правительство Марса не захочет получить образец протомолекулы. И наивно предполагать, что организация такой величины и сложности добьется единодушия по любому вопросу, не говоря уже о таком грозном и многообещающем.

И все же.

Возможно, было достаточно знать: кто-то по ту сторону увидел те же признаки и пришел к тем же выводам. Возможно, это оставляло место надежде. Он опять переключил терминал на волну Эроса. За каскадом шумов мерно бился мощный звук. Голоса возвышались, затихали и возвышались вновь. Потоки данных сплетались в паутину, и после каждого цикла распознающее устройство загоралось, находя в ее узоре какой-то смысл. Джули взяла его за руку, сон был таким убедительным, что он почти поверил, будто чувствует прикосновение.

«Ты мой», — сказала она.

«Как только все кончится», — пообещал он. Правда, он все оттягивал окончание дела. Сперва

ему нужно было найти Джули, потом — отомстить за нее, а теперь — уничтожить проект, лишивший ее жизни. Но, когда все закончится, он сможет уйти.

Осталось одно, последнее дело.

Через двадцать минут прозвучала сирена. Через тридцать минут ожили двигатели, и сокрушительная перегрузка на тринадцать дней втиснула его в гель амортизатора. Каждые четыре часа полагался час на одном *g* для естественных отправлений. А в конце его сборную разношерстную команду ждала установка атомных мин, любая из которых могла превратить их в газ, стоило ребятам чуть напортачить.

Но там, по крайней мере, будет Джули. Не настоящая, и все же.

Мечтать не вредно.

Глава 47
Холден

Даже влажный целлюлозный вкус искусственного омлета не разрушил теплого самодовольного сияния, окружавшего Холдена. Он запихивал в рот куски болтуньи, стараясь сдержать ухмылку. Слева от него за камбузным столом, причмокивая, уплетал завтрак Амос. Справа Алекс гонял еду по тарелке куском такого же ненастоящего тоста. Напротив прихлебывала чай Наоми, поглядывая на него сквозь волну волос. Ему хотелось ей подмигнуть.

Они обсуждали, как сообщить команде новость, но так и не пришли к согласию. Холден терпеть не мог умолчаний. Хранить секрет — будто это что-то грязное или стыдное! Родители воспитали его в убеждении, что сексом не занимаются открыто не потому, что это неприлично, а потому, что это личное дело. При пяти отцах и трех матерях раздел постелей всегда был непрост, но никто не скрывал от него сложностей.

Между тем Наоми не желала нарушать хрупкое равновесие, установившееся в команде, а Холден

доверял ее суждению. Она чувствовала настроения в группе, а он этого не умел. Так что пока он следовал ее примеру.

Кроме того, это было бы хвастовством, а хвастаться невежливо.

Самым нейтральным, деловым тоном он попросил:

— Наоми, ты не передашь перец?

Амос вскинул голову и с громким стуком уронил вилку на тарелку.

— Срань господня, решились наконец!

— Гм? — выговорил Холден. — Что?..

— Я чувствовал это с тех пор, как мы собрались на «Роси», только не мог понять, в чем дело. А вот оно что! Вы, ребятки, наконец завели игру в «спрячь норку»!

Холден поморгал, не зная, что отвечать. В поисках поддержки взглянул на Наоми, но та опустила голову, и волосы совсем скрыли ее лицо.

— Господи, кэп, — Амос ухмылялся во всю ширь круглого лица, — ты уж так долго тянул. Если бы она мне так вешалась на шею, я б уже по уши влип.

— Ух! — Удивление Алекса ясно говорило, что он не был столь проницателен, как Амос. — Ух ты!

Наоми перестала смеяться и стерла слезы с уголков глаз.

— Попались, — сказала она.

— Слушайте, ребята, вы знаете, очень важно, чтобы это не повредило нашим…

Амос прервал его речь, громко фыркнув.

— Эй, Алекс, — позвал он.

— Йо! — откликнулся тот.

— Если старпом валяет кэпа, ты станешь совсем дерьмовым пилотом?

— Это вряд ли. — Алекс усмехнулся, нарочито растягивая слова.

— И я, как ни странно, не чувствую потребности превратиться в паршивого механика.

Холден сделал еще одну попытку.

— Мне кажется важным, чтобы…

— Кэп, — не слушая его, продолжал Амос, — считай, нам всем по-хрен, работе это не помешает, так что просто получай удовольствие, тем более нам, может, и жить осталось всего ничего.

Наоми снова расхохоталась.

— Отлично, — сказала она. — То есть все понимают, что я просто добиваюсь повышения. Эй, постойте-ка! Я же вторая в команде. Что, не произведут ли меня в капитаны?

— Нет, — сквозь смех ответил Холден. — Это

грязная работа. Я никогда тебе такой не подсуну.

Наоми с ухмылкой развела руками: «Видали? И мне случается ошибаться». Холден взглянул на Алекса, который смотрел на него с неподдельной симпатией и явно был счастлив, что они с Наоми вместе. Все было хорошо.

Эрос крутился картофелиной, толстая скальная кожура скрывала ужасы внутри. Алекс подвел корабль поближе для подробного сканирования станции. На экране у Холдена астероид виднелся на расстоянии вытянутой руки. Наоми со второго поста управления обводила поверхность ладаром, выискивая все, что могло бы представлять угрозу грузовикам с Тихо, отставшим от них на несколько дней пути. На тактическом экране Холдена научный корабль ООН вспыхивал маневровыми двигателями, направляясь к Эросу, и конвойный не отставал от него.

— Все молчат, а? — спросил Холден.

Наоми кивнула и постукала по своему экрану, переводя данные наблюдения к нему на пост.

— Угу, — подтвердила она. — Но они нас видят. Уже пару часов шарят радаром.

Холден барабанил пальцами по подлокотнику, обдумывая варианты. Возможно, переделанный на Тихо корпус одурачил распознающую про-

грамму земного корвета. Возможно, они просто игнорировали «Роси», считая его случайно затесавшимся в окрестности газовым танкером астеров. Однако «Роси» шел без опознавательного сигнала, а значит — вне зависимости от конфигурации корпуса, — нарушал закон. И то, что корвет не пытался отогнать темный корабль, нервировало Холдена. Астерское судно без позывных болтается вокруг Эроса, к которому летят два земных корабля. Если капитан не совсем безмозглый, он этого так не оставит.

Молчание корвета означало нечто иное.

— Наоми, у меня предчувствие, что этот корабль попытается нас подорвать, — со вздохом произнес Холден.

— Я бы так и сделала, — согласилась она.

Холден напоследок отстучал на подлокотнике сложную дробь и надел наушники.

— Ладно. Тогда первый ход за мной.

Не желая шуметь на всю округу, Холден нацелил на корвет лазерный передатчик «Роси» и послал общий запрос на связь. Через несколько секунд загорелся зеленым сигнал «Связь установлена». В наушниках зашипели слабые фоновые помехи. Холден ждал, но землянин и не думал здороваться. Хотел, чтобы он заговорил первым.

Он переключил микрофон на общее оповещение команды.

— Алекс, давай двигайся. Пока на одной *g*. Если я не сумею его надуть, будет дуэль. Постарайся выстрелить первым.

— Роджер, — протянул Алекс. — Пойдем на «соке», на всякий случай.

Холден оглянулся на пост Наоми, но та уже подключила свой тактический экран и заставила «Роси» рассчитывать баллистику и курсы сближающихся кораблей. До сих пор она побывала всего в одном сражении, но уже действовала как испытанный ветеран. Холден улыбнулся ей в спину и поспешил отвернуться, пока она не почувствовала взгляда.

— Амос? — позвал он.

— Все налажено как часы, кэп. «Роси» бьет копытом. Давай напинаем им задницы.

«Давай надеяться, что не придется», — подумал Холден и вернул микрофон в прежнюю позицию.

— Капитан Джеймс Холден с «Росинанта» вызывает капитана приближающегося корвета ООН, позывные неопознаны. Прошу ответить.

Последовала наполненная помехами пауза, а затем:

— «Росинант», немедленно покиньте район. Если вы не начнете движение от Эроса со всей возможной скоростью, я открываю огонь.

Голос казался молодым. На устаревшем корвете с рутинным заданием сопровождать картографов вряд ли большой конкурс на капитанский пост. Капитаном там, наверно, лейтенантик без связей и покровителей. Неопытный, но может искать столкновения как возможности показать себя перед начальством. А значит, очень важно не допустить ошибки в прокладке курса.

— Простите, — сказал Холден. — Я все еще не знаю вашего имени и названия корабля. Но приказа исполнить не могу. Собственно, я никому не позволю высадиться на Эрос. Я вынужден помешать вам приблизиться к станции.

— «Росинант», не думаю, чтобы вам…

Холден взял на себя управление наводкой и запятнал корвет прицельным лазером.

— Позвольте мне объяснить, что происходит, — сказал он. — В данный момент ваши датчики показывают нечто, похожее на танкер-развалину, от которого у вашей опознающей программы случился нервный припадок. И ни с того ни с сего, прямо сейчас, он запятнал вас самой современной наводящей системой.

— Мы не…

— Не лгите. Я знаю, что это так. Так вот, предлагаю сделку. Мой корабль, как бы он ни выглядел, новее вашего, быстрее его, крепче и лучше вооружен. Доказать это я могу, только открыв огонь, но надеюсь, что этого делать не придется.

— Вы мне угрожаете, «Росинант»? — В юношеском голосе в наушниках Холдена недоверие и надменность смешались в точных пропорциях.

— Вам? Нет, — заверил Холден. — Я угрожаю этому большому, жирному, медлительному и безоружному кораблю, который вам полагается защищать. Если вы продолжите движение к Эросу, я выпущу все, чем располагаю, в него. И гарантирую, что мы разнесем эту летучую лабораторию по всему небу. Возможно, вы тем временем нас достанете, но задание уже будет провалено, не так ли?

Опять настала тишина, и только помехи в наушниках подтверждали, что связь не прервалась.

Ответ прозвучал по корабельной системе.

— Они тормозят, капитан, — сказал Алекс. — Жесткое торможение. Расчет курса показывает, что относительной неподвижности достигнут в двух миллионах кэмэ от нас. Подлететь на-

встречу?

— Нет, выводи нас на стационарную позицию над Эросом, — ответил Холден.

— Роджер.

— Наоми. — Холден развернул кресло к ней. — Они еще что-нибудь делают?

— Если и так, то мне не рассмотреть за выхлопом. Но они могут передавать сообщения по направленному лучу, и мы этого никак не узнаем, — сказала она.

Холден отключил общую связь, минуту чесал в затылке, а потом отстегнул ремни креплений.

— Ну, пока что мы их остановили. Я смотаюсь в гальюн, а потом схожу за выпивкой. Тебе что-нибудь принести?

— Знаешь, он правильно сделал, — сказала в тот вечер Наоми.

Холден парил в невесомости в нескольких футах над постом управления. Он приглушил огни, так что свет напоминал лунную ночь. Алекс с Амосом спали двумя палубами ниже — все равно что за миллион световых лет. Наоми парила над своим постом, и ее распущенные волосы стояли вокруг головы темным облаком. Панель освещала ее лицо в профиль: длинный лоб, плоский нос, полные губы. Он видел, что глаза ее закрыты. Ему

казалось, будто в мире не осталось никого, кроме них двоих.

— Кто правильно сделал? — спросил он, лишь бы что-нибудь сказать.

— Миллер, — ответила она, словно это разумелось само собой.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Наоми рассмеялась и помахала рукой, чтобы развернуться к нему в воздухе. Глаза ее теперь были открыты, и, хотя панель освещала ее сзади, он их видел, как темные озерца на лице.

— Я думала о Миллере, — сказала она. — Я плохо обошлась с ним на Тихо. Не хотела его замечать, потому что ты сердился. А ведь я у него в долгу.

— С какой стати?

— Он спас тебе жизнь на Эросе.

Холден фыркнул, но она упрямо продолжала:

— Когда ты служил на флоте, что полагалось делать, если кто-то из команды свихнулся? И его действия угрожают остальным?

Холден, полагая, что речь все еще идет о Миллере, ответил:

— Скрутить и запереть, чтобы предотвратить угрозу для корабля и команды. Но Фред…

— А если идет война? — спросила она. — Если во время боя?

— Если его невозможно удержать, старший вахты обязан защищать корабль любыми необходимыми средствами.

— Даже застрелить его?

— Если это — единственный способ, — признал Холден. — Конечно. Но только при крайней необходимости.

Наоми шевельнула ладонью, соглашаясь, отчего ее тело медленно развернулось в другую сторону. Она машинально остановила вращение отработанным жестом. Холден отлично справлялся с невесомостью, но до нее ему было далеко.

— Пояс — это сеть, — сказала Наоми. — Это как один большой шумный корабль. У нас есть узлы, обеспечивающие воздух, воду, питание, материалы. Пусть между этими узлами миллионы километров, но они все равно тесно связаны.

— Вижу, к чему ты ведешь, — вздохнул Холден. — Дрезден был как безумец на корабле. Миллер застрелил его, чтобы защитить остальных. На Тихо он произнес мне целую речь на эту тему. Только не убедил.

— Почему?

— Потому, — ответил Холден, — что Дрезден не представлял не посредственной угрозы. Всего

лишь мелкий мерзавец в дорогом костюме. У него не было пистолета в руке, пальца на пусковой кнопке. А я не доверяю людям, которые полагают, что могут решать, кто достоин казни, в одностороннем порядке.

Холден дотянулся ступней до переборки и чуть толкнулся, желая подлететь на несколько футов ближе к Наоми — так, чтобы увидеть ее глаза и понять, что в них.

— Если этот научник снова двинется к Эросу, я выпущу в него все торпеды и скажу себе, что защищал Солнечную систему от угрозы, которую несет в себе Эрос. Но если бы я открыл огонь сейчас, при мысли, что он мог бы двинуться к Эросу, это было бы убийством. Миллер совершил убийство.

Наоми улыбнулась ему, уцепила за складку скафандра и привлекла к себе для поцелуя.

— Ты, наверно, лучший из людей, кого я знаю. Но тебя совершенно невозможно переубедить, когда ты уверен, что прав, и за это самое ты ненавидишь Миллера.

— Я?

— Да, — сказала она. — Его тоже невозможно переубедить, только у него другой взгляд на вещи. И ты это ненавидишь. Для Миллера Дрезден был

активной угрозой кораблю. Каждый миг, когда он оставался в живых, увеличивал опасность. Для Миллера это была самозащита.

— Но он ошибался. Этот человек был безоружен.

— Этот человек убедил Флот ООН предоставить его компании новейшие корабли, — напомнила она. — Он убедил свою компанию пойти на убийство полутора миллионов человек. Все, что говорил Миллер насчет того, что нам лучше избавиться от протомолекулы, относится и к Дрездену. Долго ли АВП удержал бы его под замком, прежде чем он нашел бы тюремщика, которого можно подкупить?

— Он был пленником, — сказал Холден, чувствуя, что проигрывает спор.

— Он был чудовищем, обладавшим властью, связями и союзниками, и мог заплатить любую цену, лишь бы сохранить свой проект, — сказала Наоми. — И, говорю тебе как астер, Миллер правильно сделал.

Холден не отвечал, плавая рядом с Наоми, удерживая ее на своей орбите. Что больше разгневало его: убийство Дрездена или то, что Миллер принял решение, наперекор Холдену?

А ведь Миллер знал. Когда Холден сказал ему,

чтобы искал другой транспорт до Тихо, он понял это по унылому, как морда бассета, лицу детектива. Миллер это предвидел и не пытался сопротивляться или спорить. Следовательно, он принимал решение, полностью осознавая цену, и готов был платить. Это кое-что значило. Холден не взялся бы сказать, что именно, но что-то значило.

На стене замигал красный сигнал, панель Наоми пробудилась к жизни и принялась сбрасывать данные на экран. Она подтянулась к креслу, взявшись за спинку, и отстучала несколько коротких команд.

— Дерьмо, — сказала она.

— Что такое?

— Должно быть, тот корвет или научники вызвали помощь. — Наоми указала на экран. — Сюда собираются корабли со всей системы.

— Сколько? — спросил Холден, которому экран был плохо виден.

Наоми издала горлом невнятный звук: смешок или кашель.

— Навскидку? Я бы сказала — все, сколько их есть.

Глава 48
Миллер

«Ты есть, и тебя нет, — твердила станция Эрос сквозь пульсирующий шум помех. — Ты есть, и тебя нет. Ты есть, и тебя нет».

Маленький корабль содрогнулся и подпрыгнул. Техник АВП из соседнего амортизатора отозвался потоком брани, примечательной скорее свежестью выражений, чем живым чувством. Миллер закрыл глаза, сдерживая тошноту от нестандартной стыковки при микрогравитации. После нескольких дней сокрушающего суставы ускорения и столь же жесткого торможения мелкие маневры корабля производили странное, непривычное впечатление.

«Ты есть, есть, есть, есть, есть, есть…»

Он немало времени провел, слушая новости. Через три дня после их вылета с Тихо вышло на свет известие о связи «Протогена» с Эросом. Как ни удивительно, утечка обошлась без Холдена. С тех пор корпорация от уверенных опровержений перешла к обвинению злонамеренных субподрядчиков, а позже заявила о своем иммунитете

под покровительством оборонной программы Земли. Это не произвело благоприятного впечатления. Земля все еще держала блокаду Марса, но основное внимание переместилось к внутренней борьбе сил Земли, и марсианский флот замедлил движение, давая Земле передышку до принятия окончательных решений. Похоже, они все же сумели на неделю-другую оттянуть Армагеддон. Миллер обнаружил, что новости его отчасти радуют. А также утомляют.

Гораздо чаще он слушал голоса Эроса. Иногда смотрел и видеопередачу, но обычно включал только звук. Вслушиваясь часами и целыми днями, он начал различать если не порядок, то, по крайней мере, подобие системы. Часть голосов умирающей станции звучала постоянно — он догадывался, что это новостные и развлекательные аудиофайлы, запасенные в архивах. В музыке тоже прослеживалась некая специфическая тенденция. Часы беспорядочных свистящих помех и обрывков фраз отступали, и Эрос зацеплялся за одно или несколько слов, твердя их с возрастающей интенсивностью, пока они не рассыпались в хаосе.

«Ты, ты, ты есть, ЕСТЬ, ЕСТЬ…»

«Нет меня», — подумал Миллер, и корабль вне-

запно вздыбился, оставив его желудок в полуфуте от положенного места. Последовала серия звонких щелчков и короткий гудок сирены.

— Дьё! Дьё![40] — взвыл кто-то. — Бомбы сон вамен роха! Решили его поджарить. И нас тода!

Крикуну ответили вежливые смешки — одна и та же шутка повторялась за время пути не раз, и ее автор — пухлый паренек-астер не старше пятнадцати лет — ухмыльнулся, довольный собственным остроумием. Если он не угомонится, кто-нибудь поколотит его гаечным ключом еще до возвращения на Тихо. Но Миллер полагал, что это будет уже без него.

Резкий рывок вперед вмял его в амортизатор, и гравитация вернулась к обычной трети *g*. Может, чуть больше. Разве что пилоту — из-за того, что шлюзы были обращены к корабельному «низу», — пришлось вливаться во вращение Эроса брюхом вперед, так что гравитация вращения превратила потолок в пол, а нижний ряд коек стал теперь верхним. Хотя заряды они пристропили к причальным шлюзам, всем им придется вылезать на холодную темную скалу, которая постарается стряхнуть их в вакуум.

---

[40] Примечания: 40
«Боже! Боже!» *(фр.)*

Вот вам радости саботажа.

Миллер оделся. После качественного военного скафандра с «Росинанта» в сборной одежке из запасов АВП он чувствовал себя как в тряпках из плохонького секонд-хенда. Внутри пахло чужим телом, а на майларовом лицевом щитке осталась вмятина на месте запаянной трещины. Не хотелось думать, что случилось с бедолагой, который носил костюм до него. Магнитные башмаки с толстыми слоями выщербленного пластика накопили столько грязи между пластинами и выключателем, что Миллер на каждом шагу ощущал, как они пощелкивают, норовя отойти. Ему представлялось, как подошвы приклеятся к Эросу и откажутся выключаться.

Эта картина вызвала у него улыбку. «Ты мой», — сказала его собственная Джули. Она говорила правду, и теперь, попав сюда, он был совершенно уверен, что здесь и останется. Он слишком долго прослужил копом и при одной мысли о попытке заново воссоединить человечество ощущал усталую злобу. Он должен закончить здесь свою часть работы, а потом — с него хватит.

— Ой, Пампо!

— Иду, — отозвался Миллер. — Не гони лошадей. Никуда от нас станция не денется.

«Радуга — это невидимый круг. Невидимый. Невидимый…» — напевным детским голоском сказал Эрос. Миллер приглушил звук.

Каменная поверхность станции была не слишком удобной для работы в скафандрах и с манипуляторами. Два других корабля сели на полюсах, где им не приходилось бороться с центробежной силой, но тошноту от Кориолисовой силы ощутят все. Команде Миллера предстояло цепляться за стальные пластины дока, повиснув мухами над звездной бездной.

Инженерам пришлось потрудиться, вычисляя расположение термических зарядов. Если энергии, выплеснутой минами в станцию, окажется слишком мало, поверхность быстро остынет и позволит желающим совершить высадку научной группы прежде, чем солнечная корона поглотит станцию вместе с теми обломками «Наву», которые останутся на ней. Даже лучшие умы «Тихо» не могли дать полной гарантии, что не произойдет синхронной детонации. Если взрывные волны, проходя через астероид, случайно попадут в резонанс, станция лопнет, как яйцо, рассеяв протомолекулу по широким путям Солнечной системы, подобно горсти пыли. Так что победу от поражения отделяли буквально

считаные метры.

Миллер выполз из шлюза на поверхность. Первая волна техников уже устанавливала резонансные сейсмографы, свечение рабочих сигналов и датчиков затмевало все небесные тела. Миллер укрепил подошвы на широкой полосе металлокерамического сплава и позволил течению центробежной силы разогнуть ему спину. После многосуточного лежания в амортизационной койке свобода принесла чувство эйфории. Кто-то из техников поднял руки — астерский жест, требующий внимания. Миллер увеличил звук в рации скафандра.

«…букашки ползают сюр ма пью…»

Он нетерпеливо переключился с волны Эроса на канал группы.

— …придется переместиться, — произнес женский голос. — Здесь слишком много плитки. Надо перейти на ту сторону доков.

— Это добрых два километра, — напомнил Миллер.

— Точно, — согласилась женщина. — Можно отчалить и перевести корабль на двигателях или буксировать его. Буксиров у нас хватит.

— Какой способ быстрее? У нас не так много времени в запасе.

— Буксировка.

— Значит, буксируем, — решил Миллер.

Корабль медленно приподнялся. Казалось, двадцать маленьких, медлительных транспортных жучков тащат за собой огромный металлический дирижабль. Кораблю суждено было остаться на станции, привязанным к ней, словно оставленным в жертву богам. Миллер вместе со своей командой прошел по закрытой створке портового шлюза. Он ничего не слышал, кроме стука собственных подошв, когда электромагниты прилипали к поверхности, и щелчков, когда они отключались. Никаких запахов, кроме запаха собственного тела и свежего пластика из восстановителя воздуха. Металл у него под ногами сверкал, словно кто-то надраил его до блеска. Всю пыль и мелкие камушки давным-давно унесло в пространство.

Они торопились управиться с работой: установить корабль, подготовить детонаторы, ввести защитные коды. Каждый держал в уме, что гигантский снаряд, в который превратился «Наву», стремительно несется к ним.

Если здесь сядет чужой корабль, то, попытавшись разминировать ловушку, он невольно отправит синхронные сигналы всем остальным

кораблям-минам, причаленным к поверхности астероида. Три секунды спустя с этой поверхности снесет все подчистую. Запасы воздуха, воды, оборудование разгружали с кораблей и стягивали в узлы, чтобы потом подобрать. Нет смысла тратить ресурсы зря.

Никакие ужасы не выползали из шлюза, чтобы броситься на команду, так что Миллер, пожалуй, оказался бесполезен. А может, и нет. Может, он был нужен здесь для другого.

Когда все, что можно, было сделано, Миллер послал сигнал готовности через систему связи корабля-смертника. Транспорт, который забирал их, подходил медленно, выглядел сперва разгорающейся все ярче световой точкой, которая затем понемногу начала расти. Причальные крепления в невесомости растянулись паутиной, похожей на строительные леса. По команде с транспорта группа Миллера отключила подошвы и запустила простенькие маневровые двигатели своих скафандров, а те, у кого скафандры оказались слишком старой модели, прицепились к общей маневровой капсуле. Миллер смотрел, как они падают в сторону корабля.

— Кати ва, Пампо, — позвал откуда-то Диого. Миллер уже не мог отличить его голос от дру-

гих. — Эта «труба» ждать не станет.

— Я остаюсь, — сказал Миллер.

— Са кве?

— Я решил. Я останусь здесь.

Последовала пауза. Миллер ее ожидал. У него были коды доступа. Если придется заползти в скорлупу, оставшуюся от корабля-смертника, и запереться в нем — он справится. Но ему бы этого не хотелось. Он заранее продумал аргументы: вернувшись на Тихо, он стал бы для Фреда Джонсона простой пешкой в переговорах; он устал, он стар, и его старость исчисляется не в годах жизни. Он уже умирал на Эросе и хотел закончить это дело здесь же. Он заслужил такое право. Диого и остальные обязаны ему хоть этим.

Он ждал ответа мальчишки, попытки отговорить его.

— Все правильно, — сказал Диого. — Буона морте.[41]

— Буона морте, — ответил Миллер и отключил рацию. Вселенная молчала. Звезды под ним едва уловимо, но все же заметно сдвигались в лад вращению станции. Одной из этих звезд был «Росинант». Две другие — посланные Холденом

---

[41] Примечания: 41
Доброй смерти *(исп.)*.

корабли-эвакуаторы. Миллер не сумел бы отличить их от настоящих звезд. Джули парила рядом с ним, ее темные волосы плавали в пустоте, сквозь них просвечивали звезды. Она выглядела умиротворенной.

«Если бы тебе пришлось повторить? — спросила она. — Если бы ты мог проделать все с самого начала?..»

— Я бы не стал, — сказал он.

Транспорт АВП включил двигатели, вспыхнул золотым и белым огнем и отдалился, превращаясь в еще одну звезду. Уменьшился и затерялся среди других. Миллер отвернулся к темному пустому ландшафту и вечной ночи.

Ему требовалось лишь продержаться здесь еще несколько часов, и они оба будут спасены. Все будут спасены. Этого будет достаточно. Миллер заметил, что улыбается и плачет, слезы стекали из глаз на виски и смачивали волосы.

«Со мной все будет хорошо», — сказала Джули.

— Я знаю, — ответил Миллер.

Он стоял молча почти час, потом повернулся и медленно, осторожно дошел до оставленного в жертву корабля, пробрался сквозь шлюз в сумрачное брюхо. Воздуха осталось достаточно, чтобы ему не пришлось спать в скафандре. Он разделся

догола, выбрал себе койку и свернулся калачиком на упругом голубом геле. В каких-нибудь двадцати метрах от него ждали сигнала заряды, готовые вспыхнуть ярче солнца. Над ним все, что когда-то было людьми станции Эрос, изменялось и превращалось, переливаясь из образа в образ, словно на ожившей картине Иеронима Босха. А до удара «Наву» — Молота Господня — оставался еще целый день.

Миллер настроил скафандр на воспроизведение песенок, которые любил в детстве, и позволил себя убаюкать. Когда он уснул, ему приснилось, что он отыскал туннель, ведущий к его старой норе на Церере, и это означало, что он наконец — *наконец!* — свободен.

Его последний завтрак составляла жесткая питательная плитка и горсть шоколада из забытого пакета НЗ. Он запил его тепловатой восстановленной водой с привкусом железа и гнили. Сигналы новостей почти утонули в осциллирующих частотах, вырывающихся со станции над его головой, однако Миллер разобрал достаточно, чтобы усвоить положение дел.

Как он и ожидал, Холден победил. АВП отвечал на тысячи гневных обвинений с Земли и Марса и — как же иначе? — от фракций внутри Альянса.

Все они опоздали. «Наву» осталось несколько часов полета. Конец приближался.

Миллер в последний раз надел скафандр, выключил свет и прополз через шлюз. Внешний люк долго не хотел открываться, аварийный сигнал горел красным, и Миллер успел испугаться, что проведет последние минуты здесь, зажатым в трубе, как торпеда перед выстрелом. Однако он перезапустил питание шлюза и выбрался.

Эрос теперь шумел без слов, монотонным ропотом прибоя о скалы. Миллер прошагал по широкой крыше порта. Небо над ним повернулось, и «Наву» всплыл над горизонтом, подобно солнцу.

Даже раскинув во всю ширь руки, он не смог бы объять сияние его двигателя. Миллер повис на подошвах, наблюдая за приближением корабля. Призрачная Джули смотрела вместе с ним.

Если он не ошибся в расчетах, удар «Наву» придется по центру главной оси Эроса. Миллер успеет увидеть, как это произойдет. Азарт предвкушения в груди напомнил ему молодость. Это будет зрелище! Да, будет на что посмотреть. Он подумал, не включить ли запись. Его скафандр мог записывать простые видеофайлы и передавать их в реальном времени. Но нет. Это будет

его минута. Его и Джули. Остальное человечество может гадать, как это выглядело, — если захочет.

Сияние «Наву» заполняло уже четверть небосвода, его круг целиком оторвался от горизонта. Бормотание Эроса сменилось чем-то более сложным: возвышающийся по спирали звук без видимых причин напомнил ему зеленые волны на экранах радаров из старинных фильмов. За шумом мерещились голоса, но он не разбирал ни слов, ни даже языка.

Огромный факел «Наву» закрыл уже половину неба, звезды вокруг погасли в сиянии полной тяги. Скафандр Миллера застрекотал, предупреждая об опасном излучении, и он отключил датчик.

Будь на нем команда, «Наву» никогда бы не взял такого ускорения: в самых лучших амортизаторах перегрузка размолола бы кости. Миллер попытался прикинуть скорость корабля в момент столкновения.

Скорости хватит. А остальное было не важно. Скорости хватит.

В центре огненного цветка Миллер разглядел темное пятнышко не больше карандашного кончика. Сам корабль. Он набрал воздуха в грудь. Зажмурился, но свет пробился сквозь веки крас-

ным сиянием. К тому моменту, когда он открыл глаза, «Наву» обрел длину. Форму. Он стал иглой, стрелой, снарядом. Кулаком, вздымающимся из глубины. Впервые на своей памяти Миллер ощутил благоговейный трепет.

Эрос вскрикнул: «НЕ ТРОНЬ МЕНЯ, ГАД!»

Цветок выхлопа медленно превращался из круга в овал с огромным огненным хвостом. Миллер разинул рот.

«Наву» промахнулся. Корабль отворачивал. Он теперь, прямо сейчас, проносился мимо Эроса. Но не было же протуберанцев маневровых ракет? Да и невозможно развернуть подобную махину, движущуюся на такой скорости, в единый миг, не разорвав корабль на части? Одна перегрузка ускорения…

Миллер уставился на звезды, словно надеялся получить от них ответ. И с изумлением увидел его. Полоса Млечного Пути, неисчислимая россыпь звезд, осталась в небе. Но виделась под другим углом. Эрос сменил вращение, перешел в другую плоскость эклиптики.

Для «Наву» мгновенное изменение курса без разрушения корабля было невозможно. Он и не менял курса. Объем Эроса — что-то около шестисот кубических километров. До «Протогена» в

нем умещался второй по величине порт Пояса.

Однако станция Эрос, даже не стряхнув с себя висящего на магнитных подошвах Миллера, увернулась.

Глава 49
Холден

— Срань господня, — невыразительно пробормотал Амос.

— Джим, — в спину Холдену сказала Наоми, но он только рукой махнул и открыл канал связи с Алексом.

— Алекс, мы и вправду видели то, что говорят мои датчики?

— Да, капитан, — ответил из рубки пилот. — Радар и оптика в один голос уверяют, что Эрос отскочил на двести кэмэ по вращению меньше чем за минуту.

— Срань господня, — все тем же совершенно бесстрастным тоном повторил Амос. Металлический лязг открывшихся и закрывшихся палубных люков отдался по кораблю, указывая, что Амос лезет к ним по трапу.

Холден подавил вспышку раздражения на механика, оставившего свой пост. С этим он разберется потом. Прежде ему надо было увериться, что вся команда «Росинанта» не страдает коллективными галлюцинациями.

— Наоми, дай связь, — попросил он.

Та обернула к нему пепельное лицо.

— Как ты можешь… так спокойно? — спросила она.

— Паника никому не поможет. Надо понять, что произошло, чтобы составить разумный план. Пожалуйста, переключи связь на меня.

— Срань господня, — проговорил Амос, выбираясь на палубу поста. Коротко лязгнул, закрывшись за ним, люк.

— Не помню, когда я приказывал тебе покинуть пост, матрос, — проговорил Холден.

— Разумный план… — Наоми повторила его слова так, будто они прозвучали на незнакомом, но смутно понятном языке. — Разумный план!

Амос бросился в кресло с такой силой, что гелевая подушка обняла его и не позволила подскочить.

— Эрос — здоровенная хреновина, — сказал он.

— Разумный план. — Наоми разговаривала сама с собой.

— То есть охренительно большая, — поправился Амос. — Знаешь, сколько энергии ушло, чтобы раскрутить этот камешек? Его же годами раскручивали!

Холден надел наушники, чтобы отстранить

голоса болтунов, и снова вызвал Алекса.

— Алекс, Эрос меняет скорость?

— Нет, кэп. Торчит скалой.

— Вот и хорошо, — сказал Холден. — У Наоми с Амосом клапана сорвало. Ты там как?

— Не сниму руки с рычага, пока этот ублюдок в пределах видимости, можешь не сомневаться.

«Слава тебе, Господи, за военную выучку», — подумал Холден.

— Хорошо, удерживай нас на постоянной дистанции пять тысяч кэмэ до новых распоряжений. Дай знать, если он снова сдвинется хоть на дюйм.

— Роджер, капитан, — подтвердил Алекс.

Холден медленно снял наушники и обернулся к остальной части команды. Амос рассеянно уставился в потолок, подсчитывая на пальцах.

— Даже не могу с ходу припомнить массы, — заговорил он, ни к кому не обращаясь.

— Около семи тысяч триллионов кило, — подсказала Наоми. — Плюс-минус. А тепловая подпись сдвинулась градуса на два вверх.

— Господи! — простонал механик. — В уме не подсчитать. Сколько нужно, чтобы разогреть на два градуса такую массу?

— Много, — отрезал Холден. — Так что пойдем

дальше…

— Около десяти экзаджоулей, — ответила Наоми. — Это прикидочно, и я не учитывала объема и прочего.

Амос свистнул.

— Десять экзаджоулей — это что, пара гигатонн термического заряда?

— Около десяти кило, непосредственно обращенных в энергию, — ответила Наоми. Голос ее стал тверже. — Только это, конечно, невозможно. Разве что чудом.

Холден почти физически ощутил, как его рассудок вцепился в слова Наоми. Она, в сущности, самая умная из всех, кого он знал. И сейчас она обратилась прямо к неясному страху, который он затаил со времени прыжка Эроса: что это волшебство, что протомолекула не повинуется физическим законам. Потому что, если это так, у человечества не остается никаких шансов.

— Объясни, — сказал он.

— Ну, — ответила она, щелкая клавиатурой, — от одного нагрева Эрос бы с места не сдвинулся. Поэтому я принимаю, что это остаток тепла от того, что они там сделали на самом деле.

— А это значит?..

— Что закон энтропии еще действует. Что они

не способны напрямую преобразовать массу в энергию. Что их механизмы, или процессоры, или чем там они пользуются, чтобы передвинуть семь тысяч триллионов тонн камня, все же истратили малость энергии. Примерно на полугигатонную бомбу.

— А…

— Никто не может передвинуть Эрос на двести километров мощностью двух гигатонн, — фыркнул Амос.

— Конечно, — согласилась Наоми. — Это просто остаточное тепло. Нагрев — это побочный результат. КПД все равно невероятный, но не стопроцентный. А значит, законы физики пока не отменяются. Значит, это не чудо.

— Может, лучше бы было чудо, — буркнул Амос.

Наоми смотрела на Холдена.

— Итак, мы… — начал он, когда Алекс перебил его по общей связи:

— Кэп, Эрос снова двигается.

— Следуй за ним и, как только сумеешь, определи курс и скорость, — велел Холден, отворачиваясь к своей панели. — Амос, возвращайся к машинам. Если еще раз бросишь их без прямого приказа, заставлю старпома убить тебя гаечным

ключом.

Вместо ответа послышалось шипение открывающегося люка и грохот крышки, упавшей за исчезнувшим механиком.

— Алекс, — позвал Холден, глядя на поток данных об Эросе, которыми потчевал его «Роси», — скажи мне что-нибудь.

— Точно можно сказать одно — курс в сторону Солнца. — Голос Алекса звучал с прежним профессиональным спокойствием.

Холден начинал службу сразу офицером. Он не бывал в школе военных пилотов, но знал, что годы тренировок как бы разделили мозг Алекса на две части: для решения задач пилотирования и, вторым планом, для всего прочего. Движение за Эросом и вычисление его курса относилось к первому. Пришельцы из чужой системы, пытающиеся уничтожить человечество, к пилотированию не относились, и о них можно было спокойно забыть, пока он не покинет рубку. Алекс сделает свое дело.

— Держись все так же на пяти тысячах кэмэ и поддерживай постоянный курс, — приказал ему Холден.

— Ха, — выдохнул Алекс. — С постоянным курсом будут сложности, кэп. Эрос только что исчез

с радара.

У Холдена перехватило горло.

— Повтори?

— Эрос исчез с экрана радара, — повторил Алекс, но Холден уже не слушал его, настраивая датчики, чтобы убедиться своими глазами. Телескоп показывал, что астероид продолжает движение в сторону Солнца. Термоскопы показывали, что он чуть теплее окружающего пространства. Поток голосов и безумия так же сочился из станции, разве что стал чуть слабее. Но радар уверял, что там пусто.

«Чудо», — повторил тихий голосок на краю сознания.

Никаких чудес. Люди тоже создали кораблиневидимки. Всего-то и нужно: поглощать луч радара, а не отражать его. Но тем важнее стало удерживать астероид в прямой видимости оптики. Эрос доказал, что способен быстро двигаться и свободно маневрировать, а теперь еще и укрылся от радара. Вполне возможно, что глыба размером с гору и вовсе исчезнет. Стала нарастать перегрузка — «Роси» вслед за Эросом гнал к Солнцу.

— Наоми?

Она глянула на него. В глазах стоял страх, но она держалась. Пока.

— Джим?

— Связь. Ты не могла бы?..

Впервые за несколько часов ему стало спокойнее, когда он увидел досаду на ее лице. Она перевела на него контроль связи, и Холден тотчас послал запрос:

— Корвет ООН, «Росинант» просит ответить.

— Говорите, «Росинант», — после полуминутной паузы отозвались с корвета.

— Прошу сверить показания наших датчиков, — сказал Холден и переслал им данные по движению Эроса. — Вы это видели, ребята?

Новая пауза продлилась дольше.

— Роджер, «Росинант».

— Я помню, что мы только что собирались палить друг в друга, но, думаю, это уже в прошлом, — заговорил Холден. — Словом, мы намерены преследовать Эрос. Но если мы потеряем его из вида, рискуем уже никогда не найти. Хотите присоединиться к охоте? Неплохо бы иметь поддержку, если ему вздумается в нас выстрелить или еще что.

Эта пауза затянулась на добрые две минуты, а потом в наушниках зазвучал новый голос. Не такой молодой, женский и совершенно лишенный злости и заносчивости, которые он до сих пор

слышал в голосе молодого мужчины.

— «Росинант», говорит капитан Макбрайд с конвойного корвета ООН «Рави».

«А, — сообразил Холден, — значит, до сих пор я говорил со старпомом. А теперь наконец за рупор взялся капитан. Добрый знак».

— Я связалась с командованием флота, но задержка сигнала составляет двадцать три минуты, а эта глыба набирает скорость. У вас есть план?

— Собственно, нет, «Рави». Просто следовать за ним и собирать сведения, пока не подвернется случай что-то изменить. Но если вы нас проводите, может, хоть ваши люди не расстреляют нас по ошибке.

Новая долгая пауза. Холден понимал: капитан «Рави» сейчас взвешивает шансы — говорит он правду или представляет угрозу научному кораблю. И что, если он как-то замешан в только что произошедшем? На ее месте он думал бы о том же. Молчание на том конце связи длилось несколько минут.

— Капитан, — заговорила Макбрайд, — я полагаю, мое командование приказало бы мне не спускать с вас глаз. Мы проводим вас, пока там разберутся.

Холден позволил себе протяжный шумный

вздох.

— Спасибо, Макбрайд. Постарайтесь связаться со своими. Я тоже сделаю несколько вызовов. Два корвета не решат проблемы.

— Роджер, — согласился «Рави» и прервал связь.

— Я открыла канал с Тихо, — сообщила Наоми.

Холден откинулся в кресле, чувствуя, как давит на него перегрузка ускорения. Во внутренностях собирался водянистый ком, предупреждавший, что он не представляет себе дальнейших действий, что самые лучшие планы закончились провалом и что конец близок. Короткая вспышка надежды уже угасала.

«Как можно… так спокойно?..

Кажется, я наблюдаю конец человеческого рода, — думал Холден. — Я вызываю Фреда, так что не моя вина, если я не знаю, как его остановить. Какое там спокойствие.

Я просто стараюсь разделить вину».

— С какой скоростью? — недоверчиво переспросил Фред.

— Четыре *g*, и продолжает ускоряться, — низким от сдавленного горла голосом ответил Холден. — Да, и он теперь невидим для радара.

— Четыре *g*. Вы знаете массу Эроса?

— Мы это… гм, обсуждали. — Если бы не давящая тяжесть, нетерпение прорвалось бы в голосе Холдена. — Вопрос в том, что дальше. «Наву» пропал. Наши планы пошли прахом.

Тяжесть ощутимо нарастала. Алекс продолжал разгон. Еще немного, и говорить станет невозможно.

— Он точно направляется к Земле? — спросил Фред.

— Алекс с Наоми уверены процентов на девяносто. Трудно быть совершенно точным, полагаясь только на визуальное наблюдение. Но я им верю. Я бы тоже на месте вируса рвался к тридцати миллиардам новых хозяев.

Тридцать миллиардов новых хозяев. Восемь из них — его родители. Он представил отца Тома в виде пучка трубок, изливающих бурую жижу. Маму Луизу в виде грудной клетки, ползущей по полу, подтягиваясь на единственной костяной руке. А получив столько биомассы, на что окажется способен вирус? Передвинуть Землю? Отвернуть от Солнца?

— Надо их предупредить, — выговорил Холден, чуть не подавившись языком.

— Вы думаете, они не знают?

— Они предвидят угрозу. Но вряд ли — конец

всего живого, зародившегося в Солнечной системе, — сказал Холден. — Вам нужен был предлог для переговоров? Как насчет такого: объединяйтесь или умрите?

Минуту Фред молчал. Фоновое излучение обращалось к Холдену таинственным шепотом, полным мрачных знамений. «Пространствуй в пространстве этак четырнадцать миллиардов лет. Повидай то, что я видел. Тогда вся эта ерунда покажется не слишком важной».

— Я попробую что-нибудь сделать. — Фред прервал речь вселенной. — А пока скажите, что намерены делать вы.

— Жду предложений.

— Возможно, вы могли бы подорвать несколько зарядов, размещенных на поверхности нашей командой. Сбить Эрос с курса. Выиграть время.

— У них контактные детонаторы. Мне до них не добраться, — возразил Холден. Последнее слово перешло в вопль, когда его кресло воткнуло в него дюжину иголок и впрыснуло через них жидкий огонь. Алекс посадил их на «сок», значит, Эрос продолжает ускоряться. Он опасался, что все они потеряют сознание. До какой же скорости он намерен дойти? Даже на «соке» продолжительное ускорение в восемь или девять *g* представляло

серьезную угрозу людям. Если Эрос удержит взятый разгон, он от них оторвется.

— Есть и удаленный допуск к детонаторам, — сказал Фред. — У Миллера должны быть коды. Пусть саперная команда рассчитает, какой взрыв даст максимальный эффект.

— Роджер, — согласился Холден. — Я свяжусь с Миллером.

— А я займусь внутряками. — Фред без малейшего смущения ввернул жаргонное словечко астеров. — Посмотрим, что можно сделать.

Холден прервал связь и вызвал корабль Миллера.

— Йо! — приветствовал его связист.

— Это Холден с «Росинанта». Дайте мне Миллера.

— Э… — Голос запнулся. — Сейчас.

Щелчок, шум помех — и голос Миллера со слабым эхом. Стало быть, он еще не снял шлема.

— Миллер, это Холден. Надо обсудить последние события.

— Эрос движется.

Голос звучал странно, словно Миллер, говоря с ним, думал о другом. Холден подавил злость. Хочешь не хочешь, сейчас Миллер ему нужен.

— Слушай, — сказал он, — я только что гово-

рил с Фредом, и он просит нас координировать действия саперов. У тебя коды удаленной детонации. Если подорвать все мины с одной стороны, можно сбить его с курса. Собери своих технарей, и подумаем.

— А, да, выглядит разумно. Я пошлю им коды, — отозвался Миллер. В голосе больше не было рассеянности, но чувствовался скрытый смех. — Только с техниками я тебе помочь не смогу.

— Черт, Миллер, ты и с ними рассорился?

Теперь Миллер смеялся открыто: свободным тихим смехом, какой может позволить себе человек без навалившейся на грудь тяжести. Соль шутки ускользнула от Холдена.

— Да, — признался Миллер, — наверно. Но я не потому не могу их собрать. Я сейчас не у них на корабле.

— Что?

— Я еще на Эросе.

Глава 50
Миллер

— Как понимать: на Эросе? — не понял Холден.

— Более или менее так и понимать, — ответил Миллер, прикрывая нарастающий стыд небрежностью тона. — Вишу вверх ногами над служебными доками, где мы причалили один корабль. Чувствую себя летучей мышью.

— Но…

— И вот что забавно: я не почувствовал, когда эта штука сдвинулась. Казалось бы, такое ускорение должно было меня стряхнуть или расквасить в лепешку. Однако ничего подобного.

— Ладно, держись. Мы идем за тобой.

— Холден, — проговорил Миллер, — бросил бы ты это, а?

Молчание длилось не больше дюжины секунд, но было полно смысла. «Опасно вести „Росинант“ к Эросу», и «Я пришел сюда, чтобы умереть», и «Вы только хуже сделаете».

— Ну, я только… — начал Холден и оборвал фразу. — Ладно. Дай мне… дай мне заняться вашими техниками. Я… Господи, я дам тебе знать,

что они скажут.

— Только еще одно, — сказал Миллер. — Вы подумываете сбить эту штуку с курса. Тогда имейте в виду: это уже не астероид. Это корабль.

— Так, — отозвался Холден. И чуть погодя: — Ладно.

Связь, щелкнув, оборвалась. Миллер проверил обеспечение кислородом. В скафандре оставалось на три часа, но можно будет еще до того вернуться на кораблик и пополнить запас. Так значит, Эрос движется? Он по-прежнему ничего не чувствовал, но за изгибом горизонта астероида видел мелкие метеориты, налетающие неизменно с одной стороны и отскакивающие от поверхности. Если станция начнет разгоняться, они пойдут гуще и будут бить с большей силой. Ему лучше оставаться в корабле.

Он опять переключил терминал на волну Эроса. Станция под ним потрескивала и бормотала, из нее исходили низкие протяжные звуки, похожие на запись песни китов. После сердитых разговоров и помех голос Эроса звучал покоем. Миллер задумался, какую музыку сотворила бы из него приятельница Диого. Кажется, медленные танцы — не их стиль. В пояснице возник раздражающий зуд, и он поерзал в скафандре, пытаясь

почесаться. Сам не заметил, когда появилась улыбка. И вдруг рассмеялся. На него накатила волна эйфории.

Во вселенной существовала нечеловеческая жизнь, и он оседлал ее, как клещ — собаку. Станция Эрос двигалась собственной свободной волей и силой невообразимых механизмов. Он не помнил, сколько лет не чувствовал трепета. Он забыл это чувство. Он развел руки в стороны, словно мог объять бесконечный темный вакуум под собой.

Затем вздохнул и вернулся к кораблю.

Под его надежной обшивкой он снял вакуумный скафандр и подключил к восстановителю воздуха. Даже маломощная система жизнеобеспечения справится за час, если ей приходится обслуживать всего одного человека. Корабельные аккумуляторы заряжены почти на полную. Его терминал дважды гуднул, напоминая, что опять пора принимать средства против рака. Который он заработал на Эросе. И который останется с ним до конца жизни. Хорошая шутка.

Термические заряды хранились в грузовом трюме: серые прямоугольные ящики, в длину примерно вдвое больше, чем в высоту, они напоминали кирпичи в известке из серой связывающей пены. Двадцать минут ушло на обыски

шкафов, но он все же нашел баллон, где еще остался растворитель. Спрей пахнул озоном и смазкой, твердая розовая пена расползалась под ним. Миллер присел на корточки рядом с минами и съел пайковую плитку, довольно убедительно имитировавшую вкус яблока. Джули сидела около него, положив невесомую голову ему на плечо.

Миллер несколько раз заигрывал с верой. Большей частью в молодости, когда хотелось все испытать. Потом еще раз — когда стал старше, мудрее, поизносился и пережил сокрушительную боль развода. Ему была понятна тоска по чему-то большему, по великому и милостивому разуму, способному взирать на мир с такой высоты, что с нее незаметны мелочность и злоба и все видится таким, как надо. Он и посейчас испытывал эту тоску, только не мог заставить себя поверить, что это правда.

И все же, не исключено, существует нечто вроде плана. Может, вселенная поместила его именно туда, куда нужно и когда нужно, чтобы он сделал то, чего не сделал бы никто другой. Может, вся его боль и страдания, все разочарования и разъедающие душу годы возни с худшими отбросами человечества были для того, чтобы

привести его сюда, к этой минуте, когда он ценой своей жизни готов купить человечеству малую отсрочку гибели.

«Приятно было бы так думать», — сказала в его мыслях Джули.

— Приятно, — со вздохом согласился он. При звуке голоса видение исчезло, как обычная греза наяву.

Он успел забыть, сколько весят мины. При полной гравитации он бы не сумел их и сдвинуть. При одной трети это оказалось трудно, но возможно. Мучительно преодолевая сантиметр за сантиметром, он взвалил одну на тележку и вывез в док. Эрос над его головой напевал про себя.

Перед самым трудным этапом работы пришлось отдохнуть. Шлюз позволял протиснуться зараз либо человеку, либо мине. Миллер пробрался по нему, чтобы открыть наружный люк, после чего пришлось поднимать мину на стропах от грузовых креплений. А затем тут же крепить к кораблю магнитными защелками, чтобы инерция вращения Эроса не сбросила ее в пустоту. Вытащив мину и пристегнув к тележке, он отдыхал целых полчаса.

Столкновений стало больше: это был знак, что Эрос в самом деле набирал скорость. Каж-

дый метеорит, как ружейная пуля, мог прошить насквозь и его, и корабль, если вдруг отлетит в подходящую сторону. Однако шансы, что случайный камешек угодит именно в его муравьиную фигурку, ползающую по поверхности, были ничтожны. Так или иначе, когда Эрос выйдет из Пояса, они исчезнут. Это если Эрос уходит из Пояса. Миллер сообразил, что представления не имеет, куда направляется Эрос. Он предполагал, что к Земле. Холден уже должен бы знать точно.

После работы ныли плечи, но не слишком сильно. Он беспокоился, не перегрузил ли тележку. Ее колеса были крепче его магнитных башмаков, но и они могли не выдержать. Астероид над ним дернулся, встревожив Миллера, но движение не повторилось. Ручной терминал прервал передачу с Эроса, уведомляя, что получил запрос на связь. Он глянул, передернул плечами и принял вызов.

— Наоми, — заговорил он, опередив ее, — как поживаете?

— Привет, — сказала она. Молчание между ними потрескивало.

— Стало быть, поговорили с Холденом?

— Да, — сказала она. — Он все еще думает, как бы вас снять.

— Хороший человек, — сказал Миллер. — По-

старайтесь отговорить его — ради меня, а?

Молчание затянулось настолько, что Миллеру стало не по себе.

— Что вы там делаете? — спросила Наоми. Как будто на этот вопрос можно было ответить. Как будто всю его жизнь можно было свести к ответу на простой вопрос. Он обошел скрытый смысл и ответил на то, о чем она его спросила явно.

— Ну, я перегрузил ядерную бомбу в погрузочную тележку. Провезу ее через люк на станцию.

— Миллер…

— Штука в том, что мы все время представляем себе каменную глыбу. Нет, все понимают, что это некоторое упрощение, но людям нужно время, чтобы перестроиться. Флоты и сейчас считают эту штуковину чем-то вроде бильярдного шара, который можно ударить кием.

Он говорил слишком быстро. Слова лились из него потоком. Если не делать пауз, она не заговорит. И он не услышит, что она хочет сказать. Ему не придется с ней спорить.

— Там наверняка есть какие-то двигатели или центр управления. Что-нибудь. Если я отволоку эту штуку вниз, расположу ее поближе и подорву, станция снова превратится в бильярдный шар. Хотя бы ненадолго, но это даст вам шанс.

— Я догадалась, — сказала она. — Звучит разумно. Так и надо сделать.

Миллер хихикнул. Что-то крепко ударило в обшивку корабля под его ногами, вибрация отозвалась в костях. Из новой дыры вырывался газ. Станция набирала ход.

— Ага, — сказал он. — Ну вот.

— Я говорила с Амосом, — продолжила Наоми. — Вам понадобится «мертвая рука». Чтобы, если что случится, бомба все равно взорвалась. Если у вас есть коды доступа…

— Есть.

— Хорошо. Я составила простенькую программу, которую вы можете ввести в ручной терминал. Вам придется держать палец на выбранной кнопке. Если нажим прервется на пять секунд, она подаст сигнал пуска. Хотите, я вам ее загружу?

— Тогда мне придется бродить по станции, зажав пальцем кнопку?

Тон Наоми стал извиняющимся.

— Они могут прострелить вам голову. Или свалить вас. Чем дольше задержка, тем больше шансов, что протомолекула успеет разрядить мину до взрыва. Если вам нужно больше, я могу перепрограммировать.

Миллер смотрел на мину, возлежавшую на тележке у самого люка. Все датчики светились зелеными и золотистыми огоньками. От его вздоха лицевой щиток чуть затуманился.

— Да нет. Хватит и пяти. Загружайте. Мне придется все время нажимать или я могу поставить на нее постоянный зажим?

— Вот файл, — сказала Наоми. — Решайте сами.

Терминал звякнул, предупреждая о получении нового файла. Миллер принял и загрузил его. Не сложнее, чем набрать код дверного замка. Почему-то ему казалось, что заставить атомную бомбу взорваться под ним должно быть не так просто.

— Получил, — сказал он. — Можно начинать. То есть мне еще надо довезти эту гадину, но в остальном все. Кстати, насколько мы с этой штукой разогнались?

— Он понемногу выходит к предельной скорости «Роси». Четыре *g*, и не думает снимать ногу с газа.

— Я совсем ничего не чувствую, — сказал он.

— Зря я так в прошлый раз, — призналась вдруг Наоми.

— Паршивая получилась ситуация. Все мы делали то, что должны были. Как всегда.

— Как всегда, — эхом повторила она.

Несколько минут они молчали.

— Спасибо за программу, — сказал Миллер. — Передайте Амосу мою благодарность.

Он разорвал связь, не дав ей ответить. Он никогда не терпел долгих прощаний. Мина лежала в тележке, магнитные защелки были на месте, широкий стальной пояс охватывал ее посередине. Миллер медленно двинулся по металлической поверхности дока. Если тележка сорвется с Эроса, у него не хватит силы притянуть ее обратно. А если одна из града пуль угодит в него, это будет вроде расстрела, так что слишком задерживаться на поверхности тоже не стоило. Он держал в уме обе угрозы и продолжал работу. За десять нервозных минут его скафандр пропах перегретым пластиком. Но все диагностеры держались в пределах крайней нормы, и, когда восстановитель очистил воздух, запасы уменьшились не слишком сильно. Еще одна маленькая тайна, разгадывать которую он не собирался.

Бездна над ним сияла немигающими звездами. Одна из светящихся точек была Землей. Которая — он не знал.

Служебный люк обнаружился в естественном скальном выступе, ферритовая колея серебри-

лась в темноте. Крякнув, Миллер с тележкой, миной и собственным измотанным телом одолел поворот, и гравитация вращения снова перетекла ему в подошвы, вместо того чтобы разгибать колени и спину. Голова закружилась. Он набрал код, и люк открылся.

Эрос лежал перед ним, темнее пустого неба.

Он сквозь скафандр настроил терминал на связь, вызвав Холдена — в последний раз, как он полагал.

— Миллер, — почти тотчас же ответил Холден.

— Я вхожу, — сообщил он.

— Подожди. Слушай, мы могли бы устроить автоматическую тележку. Если «Роси»…

— Да, но ты же понимаешь. Я уже здесь. И мы не знаем, какую скорость способен развить этот сукин сын. Есть проблема, ее надо решать. Так у нас принято.

Холден и без того почти не надеялся. Проформа. Жест и, подумал Миллер, может быть, даже от души. Он пытается спасти всех — праведник до последнего.

— Понимаю, — наконец проговорил Холден.

— Вот и хорошо. Так, после того как я взорву ту чертовщину внутри?..

— Мы обдумываем возможность аннигилиро-

вать станцию.

— Хорошо. Не хотелось бы тратить силы даром.

— Ты… я мог бы что-то для тебя делать? Потом?

— Нет, — сказал Миллер, и Джули возникла рядом, волосы плавали вокруг головы, словно под водой. В них сияло больше звезд, чем было на самом деле. — Постой. Да. Пара дел. Родители Джули. Они возглавляют торговое предприятие «Мао — Квиковски». Они заранее знали о войне. Они наверняка связаны с «Протогеном». Постарайся, чтобы это не сошло им с рук. И если их увидишь: скажи, я жалею, что не успел найти ее вовремя.

— Сделаю, — сказал Холден.

Миллер присел в темноте. Что-то еще? Должно ведь остаться что-то еще? Послать весточку Хэвлоку? Или Мусс? Или Диого и друзьям из АВП? Но ему нечего было им сказать.

— Ладно, — произнес наконец Миллер. — Тогда все. Приятно было с тобой работать.

— Мне жаль, что так обернулось, — сказал Холден. В его словах не слышалось извинения за дела и поступки, за выбор и отказ.

— Угу, — сказал Миллер. — Но ты не мог по-другому, верно?

Ни один из них не нашел слов для прощания. Миллер отключил связь, вывел и запустил установку программы, полученной от Наоми. Пока она инсталлировалась, он снова поймал волну Эроса.

Тихий шорох, будто ногтем ведут по бесконечной бумажной полоске. Он включил фары тележки, темный вход окрасился промышленной серой краской, тени шмыгнули по углам. Его Джули стояла в луче фар, как на сцене, свет прожектора освещал и ее, и все, что было у нее за спиной, — почти иссякший призрак долгой мечты. Он снял тормоз, подтолкнул тележку и в последний раз двинулся внутрь Эроса.

Глава 51
Холден

Холден знал, что короткое время человеческий организм справляется с экстремальными перегрузками. При соответствующей системе поддержки рисковые профессионалы выдерживали толчки в двадцать пять *g* и выживали. Тело поддавалось естественной деформации, поглощало энергию мягкими тканями и распределяло давление на большую площадь.

Знал он и о том, что продолжительные перегрузки выявляют все слабые места в системе кровообращения. У вас в артерии есть слабое место, которое через сорок лет могло бы развиться в аневризму? Несколько часов при семи *g*, и она лопнет. Глазные капилляры начинают кровоточить. Сам глаз деформируется, иногда непоправимо. А еще существуют пустоты в легких и пищеварительном тракте. Надави на них как следует, и они коллапсируют. Так что, хотя боевые корабли позволяли себе очень высокие кратковременные перегрузки при маневрировании, каждая лишняя минута под ускорением

увеличивала опасность. Эросу не придется в них стрелять. Он может просто наращивать скорость, пока их тела не лопнут под давлением. Его табло показывало пять *g* и на глазах переходило к шести. Этого им не выдержать. Эрос уйдет, и ничего тут не поделаешь.

И все же он не приказывал Алексу прекратить разгон.

Наоми словно прочитала его мысли, и на его экране подписала: «МЫ НЕ ВЫДЕРЖИМ ТАКОЙ ГОНКИ» — своим пользовательским кодом. Он ответил: «ФРЕД ДУМАЕТ. КОГДА ОНИ СОСТАВЯТ ПЛАН, МЫ НУЖНЫ БУДЕМ ПОБЛИЖЕ К ЭРОСУ». Мучительно было даже на несколько миллиметров двигать пальцами, чтобы использовать специально для этой цели встроенную в кресло клавиатуру.

«ЗАЧЕМ?» — набрала Наоми.

Холден не ответил. Он сам не знал. В крови горели наркотики, позволявшие ему оставаться в сознании вопреки раздавленному телу. Они создавали двойственный эффект: мозг работал необычайно быстро, но мысли путались. Однако Фред что-нибудь придумает. У него там много отличных мозгов.

И Миллер.

Миллер сейчас затаскивает бомбу внутрь Эроса. Когда техническое превосходство за врагом, атакуйте его самым примитивным оружием, какое найдете. Возможно, один грустный сыщик с атомной бомбой на тачке проскользнет через их оборону. Наоми говорила: они не чудотворцы. Возможно, Миллер справится и даст им необходимую передышку.

Так или иначе, Холден должен быть рядом, хотя бы чтоб увидеть все своими глазами.

«ФРЕД», — напечатала Наоми.

Холден включил связь. Фред как будто сдерживал ухмылку.

— Холден, — заговорил он, — как вы там держитесь?

«6 *G* СКАЗЫВАЮТСЯ».

— Понятно. Так вот, оказалось, безопасники ООН разнесли сеть «Протогена» в поисках ключа к этой чертовщине. Угадай, кто оказался главным врагом «Протогена» в глазах публики? Ваш покорный слуга. Все мигом прощено, и Земля готова принять меня в свои горячие объятия. Враг моего врага считает меня праведным ублюдком.

«ХОРОШО, РАЗВЕЯЛ МОЮ ХАНДРУ. НЕ ТЯНИ».

— Мысль, что Эрос разобьется о Землю, достаточно страшна. Катастрофа, даже будь он просто

астероидом. Но в ООН следили за передачами с Эроса и обделались от страха. Земля готова выпустить весь ядерный арсенал планеты. *Тысячи* зарядов. Они намерены превратить его в пар. Флот перехватит то, что останется после первого удара, и стерилизует всю область пространства постоянными атомными бомбардировками. Понимаю, риск остается, но другого выхода нет.

Холден сдержал порыв покачать головой. Не хотелось бы застрять, прилипнув одной щекой к креслу.

«ЭРОС УВЕРНУЛСЯ ОТ „НАВУ“. ОН СЕЙЧАС РАЗОГНАЛСЯ ДО ШЕСТИ *G*, А ПО СЛОВАМ НАОМИ, МИЛЛЕР НЕ ЧУВСТВУЕТ УСКОРЕНИЯ. КАК БЫ ОН ЭТО НИ ПРОДЕЛЫВАЛ, ОН НЕ СВЯЗАН НАШИМИ ЗАКОНАМИ ИНЕРЦИИ. ЧТО ПОМЕШАЕТ ЕМУ СНОВА УВЕРНУТЬСЯ? НА ТАКОЙ СКОРОСТИ РАКЕТЫ НИ ЗА ЧТО НЕ УСПЕЮТ СРЕАГИРОВАТЬ И ДОГНАТЬ ЕГО. И КАКОЙ ЧЕРТ СУМЕЕТ В НЕГО ПРИЦЕЛИТЬСЯ, ЕСЛИ РАДАР ЕГО НЕ ЛОВИТ?»

— А вот здесь вступаете вы. Мы хотим, чтобы вы попробовали поймать его лазером. Мы используем «Росинант» как ориентир для наводки.

«НЕ ХОЧУ ВАС ОГОРЧАТЬ, НО МЫ ВЫЙДЕМ ИЗ ИГРЫ ЗАДОЛГО ДО ПОДХОДА РАКЕТ. НАМ ЗА НИМ НЕ УГНАТЬСЯ. МЫ НЕ СМОЖЕМ НАВОДИТЬ ВАШИ

РАКЕТЫ. КАК ТОЛЬКО МЫ ПОТЕРЯЕМ ЕГО ИЗ ВИДУ, НИКТО ЕГО УЖЕ НЕ ВЫСЛЕДИТ».

— Вы могли бы включить автопилот, — сказал Фред. Подразумевая: «Вы все можете умереть в своих креслах».

«ВСЕГДА МЕЧТАЛ О МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ, НО С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ, ЧТО „РОСИ“ СУМЕЕТ ВЫСЛЕДИТЬ ЕГО БЕЗ НАС? Я НЕ СТАНУ ГУБИТЬ КОМАНДУ, ЕСЛИ НЕ ПРИЗНАЮ, ЧТО ПЛАН ХОРОШ».

Фред склонился к экрану, прищурился. Маска впервые соскользнула с его лица, и Холден увидел на нем страх и безнадежность.

— Послушай, я знаю, о чем прошу, но и ты знаешь, каковы ставки. Это все, что у нас есть. И я не хочу слышать от тебя, что это не сработает. Помоги или сдайся, но адвокат дьявола сейчас — просто другое название для мудака.

«Я тут разбиваюсь в лепешку, возможно, калечу себя навсегда, только потому, что не могу сдаться. Так что прости, если я не подпишу свою команду на смерть в ту же минуту, как ты попросил».

Мысль, что все это придется набирать, помогла подавить вспышку ярости. Вместо того чтобы разорвать Фреда в клочья за сомнения в его героизме, Холден просто набрал: «ДАЙ ПОДУМАТЬ»

— и прервал связь.

Оптическая следящая система предупредила его, что астероид снова наращивает скорость. Гигант, усевшийся ему на грудь, растолстел на несколько фунтов, когда Алекс погнал «Роси» следом. Красный тревожный сигнал известил Холдена, что при таком продолжительном ускорении возможна потеря двенадцати процентов команды. А это будет продолжаться. Еще немного, и наберется сто процентов. Он попытался вспомнить максимальное расчетное ускорение «Росинанта». На двенадцати *g* Алекс вел его, уходя от «Доннаджера». Реальный предел — из тех ничего не значащих цифр, которыми можно хвастаться, но которые никогда не пригодятся на деле. Сколько там — пятнадцать *g?* Двадцать?

Миллер вообще не чувствовал ускорения. Какую скорость можно набрать, если ее не чувствуешь?

Едва ли сознавая, что делает, Холден задействовал капитанский блокатор двигателей. Через секунду он перешел в свободное падение и задохнулся от кашля, пока его органы отыскивали положенные им места в теле. Едва он достаточно очухался, чтобы по-настоящему глубоко вздохнуть, Алекс вышел на связь.

— Кэп, это ты заглушил двигатель?

— Ага, я. Мы проиграли. Эрос уйдет, что бы мы ни делали. Гонка только оттягивала неизбежное и угрожала смертью команды.

Наоми повернулась в кресле и послала ему слабую грустную улыбку. Вокруг глаз у нее чернели синяки от перегрузки.

— Мы сделали, что могли, — сказала она.

Холден выбросил себя из кресла с такой силой, что ссадил ладони о потолок, снова оттолкнулся и прилип спиной к переборке, уцепившись за выступ огнетушителя. Наоми наблюдала за ним, забавно сложив губы удивленным колечком. Он знал, что выглядит смешно, как бьющийся в истерике капризный ребенок, но не мог сдержаться. Отпустив огнетушитель, он медленно выплыл на середину поста. Он не заметил, как колотил по переборке свободным кулаком, но теперь разбитая рука болела.

— Черт побери, — сказал он. — Ну просто черт побери!

— Мы… — начала Наоми, но он ее перебил:

— …сделали все, что могли. И кому это интересно? — Холдена охватило жаркое бешенство, и причиной тому был не только «сок». — Я сделал все, что мог, чтобы спасти «Кентербери». Я думал,

что поступаю правильно, позволив «Доннаджеру» нас захватить. Мои добрые намерения не стоят и кучки дерьма!

Лицо Наоми замкнулось. Она смотрела на него из-под опущенных век. Стиснутые губы побелели. «Они хотели, чтобы я тебя убил, — думал Холден. — Хотели, чтобы я убил свою команду в зыбкой надежде, что Эрос не сумеет развить пятнадцати *g*, а я не смог». Вина, ярость и печаль смешались, обернувшись чем-то незнакомым и неуловимым. Он не знал названия этому чувству.

— Вот уж от кого не ожидала жалости к себе, так это от тебя, — натянуто заметила Наоми. — Где наш капитан, который всегда спрашивает: «Что мы можем сделать прямо сейчас, чтобы изменить что-то к лучшему?»

Холден беспомощно повел рукой.

— Покажи, какую кнопку нажать, чтобы спасти Землю, и я ее нажму.

«Если только это не убьет тебя».

Наоми отстегнулась и проплыла к трапу.

— Взгляну, как там Амос, — пояснила она и задержалась, уже открыв люк. — Я — твой офицер связи, Холден. Мониторинг эфира входит в мои обязанности. Я знаю, чего хочет Эрос.

Пока Холден моргал, Наоми скрылась из вида. Люк захлопнулся за ней с грохотом, который не мог быть громче обычного, но все равно таким показался.

Холден заглянул в рубку и велел Алексу отдохнуть и выпить кофе. Пилот остановился на полпути к трапу, хотел что-то сказать, но Холден отмахнулся. Алекс пожал плечами и вышел.

Водянистый ком в желудке укоренился и расцветал в полноценную панику, от которой дрожали руки и ноги. Какая-то злобная, мстительная, мазохистская часть его сознания заставляла в режиме нон-стоп представлять, как Эрос несется к Земле. С воем он явится с неба, словно ожившая картина Апокалипсиса: огонь, землетрясение и ядовитый дождь, пролившийся с небес. Но каждый раз, когда Эрос в его воображении врезался в Землю, перед Холденом вставала картина гибели «Кентербери». Ошеломительно внезапная белая вспышка, и больше ничего, только шум льдинок, барабанящих по обшивке.

Марс выживет — какое-то время. Очаги жизни в Поясе, возможно, продержатся еще дольше. Цивилизация астеров приспособилась делать, что должно, питаясь крохами, вечно балансируя на грани истощения ресурсов. Но в конечном

счете без Земли погибнут все. Человечество давно выбралось из гравитационного колодца. Так давно, что могло бы успеть разработать технологии, перерезавшие бы пуповину, но оно так и не сделало этого. Застой. Человечество, при всем своем стремлении заполнить все пригодные для существования ниши, до каких могло дотянуться, впало в застой. Удовлетворялось кораблями, построенными полвека назад, и технологиями, не менявшимися еще дольше.

Земля была так занята собственными проблемами, что вспоминала о своих далеко залетевших детях, только чтобы потребовать долю от их трудов. Марс занял все население перестройкой планеты, меняя красный цвет ее лица на зеленый. Они пытались создать новую Землю, чтобы покончить с зависимостью от старой. А Пояс превратился в задворки Солнечной системы. Все так были заняты выживанием, что не оставалось времени на создание нового.

«Мы нашли протомолекулу в то самое время, когда она была для нас опаснее всего», — подумалось Холдену.

Это выглядело способом срезать дорогу. Ничего не делая, вознестись к высотам божественности. А человечество так давно не сталкивалось

с угрозами извне, что ни у кого не достало ума испугаться. Дрезден так и сказал: те, кто создал протомолекулу, загрузил ее на Фебу и запустил к Земле, достигли божественных возможностей уже тогда, когда для предков человека вершиной прогресса был фотосинтез и жгутики. И все-таки он принял от них машину уничтожения и повернул ключ, потому что в глубине души люди до сих пор любопытны, как обезьяны. До сих пор норовят ткнуть палкой во все, что найдут, и посмотреть, что из этого выйдет.

Красная пелена, застилавшая Холдену глаза, странно запульсировала. Он далеко не сразу сообразил, что это вспыхивает красная лампочка на панели, сообщая о вызове с «Рави». Оттолкнувшись от ближайшего кресла, он проплыл к посту и открыл связь.

— «Росинант» слушает «Рави», говорите.

— Холден, почему мы встали? — спросила Макбрайд.

— Потому что все равно не успевали и риск потерь в команде становился слишком высоким, — ответил он. Для него самого аргумент прозвучал слабо. Трусливо. Макбрайд словно не заметила.

— Роджер. Я запрошу новые приказания. Если

будут изменения, дам вам знать.

Холден отрубил связь и тупо уставился на панель. Оптика всеми силами старалась не упускать Эрос из вида. «Роси» — хороший корабль. Шедевр техники. С тех пор как Алекс пометил астероид как угрозу, компьютер из сил выбивался, чтобы уследить за ним. Но Эрос был быстро движущимся объектом с низким альбедо и не отражал луч радара. Он мог маневрировать непредсказуемым образом на высокой скорости. Если он захочет исчезнуть, рано или поздно они его потеряют.

Рядом с окном слежения открылась иконка, уведомляющая, что «Рави» включил опознавательный сигнал. Военные стандартно держали их включенными, если не было видимой угрозы или нужды скрываться. Вероятно, радист корвета ООН нажал кнопку просто по привычке. И теперь «Роси» опознал его и вывел на дисплей угроз, пометив зеленой точкой с названием. Холден долго смотрел на него пустым взглядом. Он чувствовал, как округляются у него глаза.

— Дерьмо. — Он подключил общую связь. — Наоми, ты нужна мне в рубке.

— Я, пожалуй, еще задержусь здесь, — ответила она.

Холден хлопнул по кнопке боевой тревоги на

панели. Палубные огни окрасились красным, трижды взревела сирена.

— Старший помощник Нагата, в рубку, — проговорил он. Пусть она потом пилит его. Он только порадуется. А сейчас нельзя было терять времени.

Наоми добралась до рубки меньше чем за минуту. Холден уже пристегнулся к креслу-амортизатору и вызывал журналы связи. Наоми толкнула себя в свое кресло и тоже закрепилась. Она бросила на него вопросительный взгляд: «Так мы все-таки умрем?» — но ничего не сказала. Холден, прежде чем заговорить, нашел то, что искал в журнале.

— Ну вот, — сказал он, — у нас был радиоконтакт с Миллером уже после того, как Эрос пропал с радара. Так?

— Да, верно, — подтвердила она. — Но у его скафандра недостаточно мощности, чтобы пробиться сквозь скорлупу Эроса на большую дальность, так что сигнал усиливал пришвартованный корабль.

— А значит, то, чем Эрос давит радар, не заглушает все радиосигналы вовне?

— Видимо, так. — В голосе Наоми явственней прорезалось любопытство.

— А у тебя есть коды управления пятью грузовиками АВП, оставшимися на поверхности?

— Да, сэр… — И минуту спустя: — О черт!

— Ну вот. — Холден с ухмылкой обернулся к Наоми. — Зачем на «Роси» и на всех остальных кораблях флота в системе имеется выключатель опознавательных сигналов?

— Чтобы помешать врагу навести прицел по лучу передатчика и подорвать их, — ответила она, заражаясь его улыбкой.

Холден развернул кресло и вызвал станцию Тихо.

— Старпом, будьте так добры, воспользуйтесь кодами управления, переданными вам Миллером, чтобы заставить те пять грузовиков снова подключить передатчики. Если наши гости на Эросе не сумеют обогнать радиоволну, думаю, мы решили проблему с ускорением.

— Есть, капитан, — отозвалась Наоми. Холден и не глядя угадывал улыбку в ее голосе, и от нее растаял последний кусок льда в животе. У них есть план. Они могут что-то изменить. — Вызывает «Рави», — сказала она. — Дать связь, прежде чем подключать передатчики?

— Черт, конечно.

Линия щелкнула.

— Капитан Холден, мы получили новый приказ. Кажется, нам придется еще погоняться за этой штукой.

Макбрайд говорила так, словно не ее только что послали на смерть. Стоик.

— Может, имеет смысл подождать пару минут, — сказал Холден. — У нас появилась альтернатива.

Пока Наоми задействовала передатчики пяти пришвартованных к поверхности Эроса грузовиков, Холден излагал свой план Макбрайд и, по отдельной линии связи, Фреду. К тому времени, как Фред сообщил о восторженном одобрении плана им лично и командованием Флота ООН, пять передатчиков пели во все горло, сообщая Солнечной системе о своем местонахождении. Час спустя самый огромный за историю человечества рой межпланетных ядерных ракет вылетел к Эросу.

«Мы победим, — думал Холден, наблюдая за множеством яростно-красных точек на своем дисплее угроз. — Мы побьем эту дрянь. И больше того — моя команда доживет до конца. Никто не умрет».

Кроме…

— Миллер вызывает, — сказала Наоми. — Воз-

можно, заметил, что мы снова включили его корабли.

У Холдена в животе что-то сжалось. Миллер будет там, на Эросе, когда к нему долетят ракеты. Не всем предстоит торжествовать грядущую победу.

— Привет, Миллер. Как дела? — Он не справился с похоронными интонациями.

Голос Миллера звучал отрывисто и сильно заглушался помехами, но не настолько, чтобы Холден по первым же звукам не понял: он собирается обгадить им все торжество.

— Холден, — сказал Миллер, — у нас проблема.

Глава 52
Миллер

Один, два, три.

Миллер ринулся к терминалу, зажал «пуск». Двойная дверь впереди когда-то была одним из тысяч неприметно работающих механизмов. Створки надежно ходили по тонким магнитным направляющим, не отказывая годами. Теперь нечто черное, с текстурой древесной коры, проросло лианами по краям и погнуло металл. За дверями лежал портовый коридор, склады, казино. Все, что было станцией Эрос, а стало авангардом вторжения нечеловеческого разума. И чтобы добраться туда, требовалось открыть застрявшую дверь. Менее чем за пять секунд. В скафандре. Он отложил терминал и проворно потянулся к трещине между створками. Один. Два. Дверь сдвинулась на сантиметр, сверху просыпались черные хлопья. Три.

Четыре.

Он снова схватил терминал и зажал кнопку.

Эта зараза просто отказывалась работать. Миллер сел рядом с тележкой. Эрос шептал и

бормотал, очевидно не замечая крошечного пришельца, скребущегося в двери станции. Миллер глубоко вздохнул. Дверь не шевельнулась. А пройти надо было.

Наоми бы это не понравилось.

Одной свободной рукой Миллер ослабил металлический ремень вокруг бомбы, чтобы позволить ей немного наклоняться взад-вперед. Осторожно, медленно приподнял угол. Потом, не сводя глаз с табло статуса, подсунул под нее ручной терминал, так что металлический угол впился в сенсорный экран над кнопкой входа. Пусковой сигнал остался зеленым. Если станция встряхнется или качнется, у него еще будет пять секунд, чтобы добраться до терминала. Не так уж плохо.

Освободив обе руки, Миллер вцепился в дверь. Сверху просыпался новый черный мусор, а щель разошлась шире, позволив заглянуть внутрь. Коридор за ней был почти круглым в сечении: черная поросль заполнила углы, так что проход напоминал рассеченный кровеносный сосуд. Освещали его только фара на скафандре Миллера и миллионы крошечных светящихся точек, голубыми светляками мельтешивших в воздухе. Когда пульсация голосов Эроса нарастала, огоньки тускнели, затем разгорались снова. Датчик

скафандра доложил, что окружающий воздух пригоден для дыхания, хотя содержит повышенную концентрацию аргона, озона и бензола.

Один светлячок проплыл мимо, двигаясь в не ощутимом для Миллера течении воздуха. Не обращая внимания, Миллер навалился на дверь, по сантиметру расширяя проход. Он уже сумел просунуть внутрь руку и пощупать корку на полу. Она казалась достаточно плотной, чтобы выдержать тележку. Слава богу. Будь здесь по пояс инопланетной грязи, пришлось бы изобретать другой способ транспортировки. А толкать тележку по закругленной поверхности и без того будет непросто.

«Нет покоя злым, — сказала у него в голове Джули Мао, — и нет отдыха добрым».

Он снова взялся за работу.

Пока дверь открылась на ширину прохода, он успел взмокнуть. Плечи и спина ныли. Темная корка продвинулась дальше по коридору, запустила щупальца в шлюз, держась краев, где стены сходились с потолком. Голубые огоньки обживали воздух. Эрос лез наружу не медленнее, чем Миллер — внутрь. А может быть, и быстрее.

Миллер обеими руками подтянул тележку, пристально наблюдая за терминалом. Бомба

качнулась, но не так сильно, чтобы отпустить зажатый пуск. Благополучно перебравшись в коридор, он вытащил терминал.

Один. Два.

Тяжелый ящик немного промял сенсорную пластинку, но она еще работала. Миллер взялся за ручки тележки и потянул ее вперед по неровной органической подстилке, которая отзывалась на движение колес грубыми толчками и дрожью.

Однажды он здесь умирал. Его отравили радиацией. В него стреляли. Эти помещения, или очень похожие на эти, были полем боя. Для него и Холдена. Сейчас Миллер их не узнавал.

Он миновал широкое, почти пустое пространство. Корка здесь была тоньше, местами проступали металлические стены складов. В потолке еще горела одна светодиодная лампа, проливая в темноту холодный белый свет.

Дорожка вывела его к уровню казино — коммерческая архитектура все еще увлекала гостей к тем же местам. Кора наростов почти исчезла, но помещения преобразились. Автоматы патинко были наполовину оплавлены или взорваны, и лишь немногие еще переливались огоньками и просили ввести номер счета, чтобы разразиться радугой цветов и праздничными, торжествую-

щими звуковыми эффектами. Карточные столы виднелись под грибными шляпками из прозрачного вязкого геля. Вдоль стен и соборных сводов потолка по черной ребристой поверхности колебались волосяные пряди, светившиеся на кончиках, но не дававшие света.

Что-то взвизгнуло: скафандр Миллера приглушил звук. Радиовещание станции теперь, когда он находился у нее под кожей, звучало громче и сочнее. В памяти мелькнул давний детский фильм про мальчика, проглоченного чудовищным китом.

Мимо быстро, не дав себя толком разглядеть, пролетело нечто серое, размером в два его кулака. Что-то юркнуло за перевернутый торговый автомат. Миллер понял, чего ему не хватает. На Эросе было полтора миллиона человек, и большая часть их находилась здесь, на уровне казино, ожидая своего личного Апокалипсиса. Однако тел он не видел. Нет, не так. Черная корка, миллионы темных борозд над ним, светившихся мягко, как морские волны, — это и были воссозданные Эросом тела. Переделанная человеческая плоть. Тревожный сигнал скафандра предупредил об опасности гипервентиляции. На краю зрения возникла темнота.

Миллер упал на колени.

«Не вздумай свалиться в обморок, сукин ты сын, — сказал он себе. — Не вздумай вырубиться, а если уж вырубишься, падай так, чтобы зажать своим весом чертов пуск».

Джули накрыла его руку своей. Он почти ощутил успокаивающее прикосновение. Джули права. Это просто тела. Просто мертвые люди. Жертвы. Просто груда мяса для утилизации, ничем не отличающегося от любой нелегальной шлюхи, зарезанной в дешевых борделях Цереры. Или от самоубийц, выбрасывавшихся из шлюзов. Ну, пусть протомолекула жутко изуродовала их плоть. Это не отменяет того, чем все здесь было. Чем был он сам.

«Если ты коп, — сказал он Джули, повторяя хохму, которую обращал к каждому новичку, назначенному к нему в напарники, — ты не можешь позволить себе роскоши что-то чувствовать. Ты должен дело делать».

«Так делай дело», — мягко ответила она.

Он кивнул. Он встал. «Делай дело».

Словно в ответ, звук внутри скафандра изменился, голоса Эроса просвистели сквозь сотни различных частот, прежде чем взорваться резким гомоном — кажется, на хинди. Человеческими го-

лосами. «Пока глас человека не разбудит нас»,[42] — подумал он, не вспомнив, откуда цитата.

«Вот мы и возвращаемся, — обратился он к Джули. — Возвращаемся к тому, что знаем».

Оно разрасталось внутри Эроса, использовало каменную оболочку как экзоскелет, не меняя, не перекрыв выхода в порт. Оно не сдвигало внутренних стен, не перестраивало комнат и переходов уровня казино. Значит, план помещений окажется ему более или менее знаком. Вот и хорошо.

Что бы ни гнало станцию сквозь пространство, оно использовало чертову уйму энергии. Вот и хорошо.

«Просто найди горячее место». Свободной рукой он проверил свой скафандр. Наружная температура — двадцать семь градусов. Жарко, но вытерпеть вполне можно. Он широко зашагал назад к портовому коридору. Температура упала не более чем на сотую градуса, но все же упала. Значит, так. Можно заходить в каждый коридор, выбирать самый горячий и двигаться по нему. Когда он отыщет место, где окажется градуса на три-четыре теплее, это оно и будет. Он подкатит

---

[42] Примечания: 42

«Till human voices wake us» — строка из поэмы Томаса С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфкока».

тележку поближе, отпустит большой палец и сосчитает до пяти.

Нет проблем.

К тому времени, как он вернулся к тележке, на колеса наросло что-то, похожее на мягкий золотистый лишайник. Миллер, как мог, отодрал его, но одно колесо все же стало поскрипывать. Тут уж ничего не поделаешь.

Одной рукой волоча тележку, а другой зажимая кнопку «мертвой руки», Миллер уходил в глубь станции.

«Она моя, — бездумно произнес Эрос. Он завис на этой фразе почти на час. — Она моя. Она… моя».

— Отлично, — буркнул Миллер. — Ну и бери ее.

Плечи у него болели. Тележка скрипела все сильней, ее визг прорезался сквозь безумие проклятых душ Эроса. Палец начинал неметь от непрерывного давления, не позволявшего до времени аннигилировать самого себя. Чем выше он поднимался, тем легче становился, а Кориолисова сила проявлялась заметнее. Здесь было не совсем так, как на Церере, но похоже, и у него возникло ощущение, будто он возвращался домой. Миллер поймал себя на том, что ждет

времени, когда разделается с работой. Он представлял, как возвращается в нору с упаковкой из шести банок пива, и в динамике звучит музыка, а не глоссолалия[43] мертвой станции. Пожалуй, что-нибудь из легкого джаза.

Кто бы мог подумать, что он размечтается о легком джазе.

«Попробуйте, поймайте меня, сосунки, — сказал Эрос. — Нет меня, нет, нет меня. Нет, нет и нет».

Внутренние уровни выглядели и более знакомыми, и более странными. Вдали от общей могилы казино просматривалось больше следов прежней жизни. Еще светились станции «трубы», объявляя об ошибках на линии и рекомендуя проявить терпение. Гудели восстановители воздуха. Пол был сравнительно чист. Среди сохранившейся обыденности еще жутче казались перемены. Темные усики побегов расползались по стенам витками наутилусов. Сверху сыпались черные хлопья, напоминая сажу, подхваченную гравитацией вращения. Гравитация вращения на Эросе сохранилась, в отличие от гравитации огромного ускорения. Миллер предпочитал об

[43] Примечания: 43
Словесное недержание.

этом не задумываться.

Стая паукообразных размером с футбольный мяч проползла по коридору, оставляя за собой слизистый светящийся след. Только задержавшись, чтобы отпихнуть одного подальше от тележки, Миллер опознал в них отрубленные кисти рук с преобразованными, угольно-черными костями запястья, волочившимися позади. Где-то в подсознании он завопил, но вопль казался отдаленным, и его легко было игнорировать.

Миллер невольно зауважал протомолекулу. Для вируса, рассчитанного на анаэробных прокариотов, она прекрасно справлялась. Он остановился, чтобы просмотреть показания датчиков скафандра. Температура с тех пор, как он покинул казино, поднялась на полградуса и еще на десятую — после того, как он вошел в этот холл. Возрастала и фоновая радиация, его несчастная измордованная плоть впитывала все больше и больше радов. Концентрация бензола понизилась, зато скафандр распознал новые молекулы ароматического ряда: тетрацен, антрацен, нафталин, — которые вели себя настолько странно, что сбивали датчики с толку. Значит, он двигается в правильном направлении. Он потянул вперед, тележка сопротивлялась, как усталый ребенок.

Насколько он понял, расположение помещений здесь более или менее напоминало Цереру, а Цереру он знал, как собственное имя. Еще уровень вверх — может, два, — и он попадет в место слияния служебных проводок нижних, обеспеченных гравитацией уровней с системой снабжения, приспособленной к пониженной гравитации. Место, вполне подходящее, чтобы вырастить там командный и контрольный центр. И подходящее помещение для мозга.

«Ушла, ушла, ушла, — сказал Эрос. — И нет меня».

«Забавно, — думал Миллер, — как руины прошлого определяют форму всего, что приходит за ним. Кажется, это правило работает на всех уровнях; одна из вселенских истин. В старину, когда все человечество еще жило в колодце, дороги, проложенные римскими легионами, становились асфальтовыми, а позже — железобетонными, не меняя ни одного изгиба или поворота. Стандартное расположение коридоров на Церере, Эросе, Тихо определялось шахтерскими орудиями, устроенными так, чтобы пропускать земные грузовики и лифты, а те, в свою очередь, примерялись к дорогам, строившимся по ширине оси гужевой повозки».

А теперь пришельцы — создания из неизмеримой тьмы — разрастались вдоль коридоров, труб и вентиляционных и водопроводных отверстий, проложенных руками честолюбивых приматов. Он задумался, что получилось бы, если бы протомолекула не оказалась захвачена Сатурном, а добралась бы до бульона первичной земной жизни. И не нашла бы атомных реакторов, космических двигателей, сложных тканей. Что бы изменилось в ее действиях, если б ей пришлось надстраиваться к другому пути эволюции?

«Миллер, — напомнила Джули, — шевелись».

Он моргнул.

Он стоял в пустом коридоре у входа на эстакаду. И не знал, сколько времени провел там, заблудившись в собственных мыслях. Возможно, годы. Он с силой выдохнул и ступил на эстакаду. Коридоры наверху оказались заметно теплее нижних. Почти на три градуса. Он приближался к цели. Однако здесь не было света. Он оторвал гудящий палец от заветной кнопки, включил слабый фонарик терминала и вернулся к «мертвой руке», не досчитав до четырех.

«Нет и нет и… и… и…»

Эрос взвизгнул, хор голосов, болтавших на русском и хинди, заглушил одинокий голос и тут же

сам утонул в басовитом щелкающем вое. Песня китов? Возможно. Скафандр Миллера вежливо напомнил, что кислорода осталось на полчаса. Он заткнул предупредительный сигнал.

Подстанция заросла целиком. Бледные пряди вились по коридору и свивались в веревки. Насекомые, которых еще можно было узнать: мухи, тараканы, водяные пауки, — волна за волной целеустремленно проползали по белым канатам. Щупальца, напоминавшие гусениц из желчи, раскачивались, оставляя после себя ковер кишащих личинок. Они были такими же жертвами протомолекулы, как и люди, населявшие станцию. Бедолаги.

«Вам не вернуть бритву, — едва ли не с триумфом провозгласил Эрос. — Вам не вернуть бритву. Она ушла, ушла, ушла».

Температура лезла вверх быстрее. Он размышлял несколько минут, прежде чем решил, что в сторону вращения она чуть выше, и потащил тележку туда. Он чувствовал звенящую, дребезжащую мелкую дрожь в костях ладоней. Плечи, отягощенные тяжелой бомбой и перекосившимися колесами, заболели всерьез. Хорошо, что обратно эту дрянь тащить уже не придется.

Джули ждала его в темноте: тонкий белый луч

от терминала пронизывал ее. Волосы Джули все так же плавали, гравитация вращения не действовала на фантомы его воображения. Лицо было серьезно.

«Откуда ей знать?» — спросила она.

Миллер замер. Не раз за свою карьеру, услышав, как замечтавшийся свидетель что-то произнес или рассмеялся невпопад, он понимал, что напал на новый след.

То же было и сейчас.

«Бритву не вернуть!» — каркнул Эрос.

«Комета, занесшая протомолекулу в Солнечную систему, была мертвым ядром, а не кораблем, — заговорила Джули, не шевеля темными губами. — Просто баллистический снаряд. Ледяная пуля с протомолекулой в глубокой заморозке. Ее нацелили на Землю, но пуля промахнулась, отклонившись к Сатурну. И протомолекула ее не отвернула. Не отвела. Не направила».

— От нее этого и не требовалось, — сказал Миллер.

«А сейчас она управляет. Стремится к Земле. Откуда ей знать, что ей нужно к Земле? Откуда исходит эта информация? Где она взяла учебник грамматики?»

«Кто говорит голосом Эроса?»

Миллер закрыл глаза. Скафандр намекнул, что воздуха осталось на двадцать минут.

«Вам не вернуть „Бритву“. Она ушла, ушла, ушла!»

— Твою мать, — выдавил Миллер. — О Господи!

Он выпустил тележку, обернулся назад, к эстакаде, к освещенным широким коридорам. Все содрогалось, сама станция дрожала, как в лихорадке. Нет, конечно, не дрожала. Если кто и дрожал, то он сам. Это все было в голосе Эроса. Все это время. Ему следовало понять.

Может, он и понимал.

Протомолекула не знала английского, русского, хинди — ни одного из языков, на которых бредила. Все это — из памяти мертвецов, из нейронных кодов и грамматических матриц, поглощенных протомолекулой. Поглощенных, но не уничтоженных. Она сохранила информацию, языки и сложные мыслительные структуры, наслоившись на них, как асфальт на римские дороги.

Мертвый Эрос не умер. Джульетта Андромеда Мао жива.

Он ухмыльнулся так, что свело щеки. Рукой в перчатке попробовал послать вызов. Сигнал был слишком слаб. Он перевел канал на корабль с

поверхности, использовал его как усилитель и установил контакт.

В наушниках прозвучал голос Холдена:

— Привет, Миллер. Как дела?

Он говорил мягким, извиняющимся тоном. Работник хосписа, ласковый с умирающим. Вечная искра раздражения вспыхнула в сознании, но он сумел отозваться ровным голосом.

— Холден, — сказал он, — у нас проблема.

Глава 53
Холден

— Собственно, мы вроде как нашли решение проблемы, — ответил Холден.

— Не думаю. Я передаю вам медицинские показания своего скафандра, — сказал Миллер.

Через несколько секунд в маленьком окошке на панели Холдена выстроились четыре колонки цифр. Все выглядело довольно нормально, хотя тут имелись тонкости, которые мог бы правильно интерпретировать только медтехник вроде Шеда.

— Хорошо, — сказал Холден, — все замечательно. Ты малость набрал радиации, но в остальном…

Миллер не дал ему договорить.

— Я страдаю от гипоксии? — спросил он.

Датчик его скафандра показывал восемьдесят восемь миллиметров ртутного столба — достаточно далеко от крайнего предела.

— Нет, — признал Холден.

— Что-нибудь, что могло бы вызвать галлюцинации или бред? Алкоголь, опиаты? Что-нибудь

в таком роде?

— Нет, насколько я вижу. — Холден начал терять терпение. — К чему это все? Тебе что-то мерещится?

— Все как обычно, — ответил Миллер. — Я хотел заранее разобраться с тем, что ты сейчас скажешь.

Он умолк, только рация в ушах Холдена шипела и пощелкивала. Когда после нескольких минут молчания Миллер заговорил снова, голос его звучал по-другому. Не то чтобы умоляюще, но настолько близко к тому, что Холден неловко заерзал в кресле.

— Она жива.

Во вселенной Миллера существовала всего одна «она». Джули Мао.

— Э… ну-ну. Не знаю, что и сказать.

— Тебе придется поверить мне на слово, что это не нервный срыв, не острый психоз. Но Джули здесь. Она ведет Эрос.

Холден еще раз просмотрел медицинские показания, но они по-прежнему оставались в норме, все цифры, кроме дозы радиации, светились спокойным зеленым. Даже химический состав крови не показывал особого стресса, если учесть, что парень доставлял атомный заряд на собственные

похороны.

— Миллер, Джули умерла. Мы оба видели тело. Мы видели, что… сделала с ним протомолекула.

— Откуда нам знать, что такое смерть для протомолекулы?

— Нам… — Холден осекся. — Честно, не знаю. Но отсутствие сердцебиения — не так мало для начала.

Миллер рассмеялся.

— Мы оба смотрели видео, Холден. Думаешь, у тех ребер, разгуливавших на одной руке, билось сердце? Эта дрянь с первого дня играла по незнакомым нам правилам, так с чего бы им теперь измениться?

Холден улыбнулся про себя. Миллер был прав.

— Ладно, так с чего ты взял, что Джули — не просто грудная клетка и пучок щупалец?

— Может, как раз пучок, но я говорю не о ее теле, — сказал Миллер. — Она здесь. Ее разум. Она думает, что летит на своей старой гоночной шлюпке. На «Бритве». Она уже много часов бормочет об этом по радио, просто я только сейчас все сложил. Зато теперь все стало чертовски ясно.

— Зачем она направляется к Земле?

— Не знаю. — В голосе Миллера звучал живой интерес. Более живой, чем когда-либо случалось

слышать Холдену. — Возможно, туда стремится протомолекула и путает ее мысли. Джули заразилась не первая, но она первая достаточно долго прожила, чтобы куда-то добраться. Может быть, она оказалась зародышевым кристаллом, и то, что делает протомолекула, нарастает на ней. Не знаю, но могу узнать. Мне только нужно ее найти. Поговорить с ней.

— Тебе нужно доставить эту бомбу к контрольному пункту и запустить детонатор.

— Я не могу, — сказал Миллер. Конечно, он не мог.

«Это ничего не значит, — подумал Холден. — Пройдет меньше тридцати часов, и вы оба станете радиоактивной пылью».

— Ладно. Ты сумеешь отыскать свою девушку меньше чем… — Холден приказал «Роси» выдать срок предполагаемого попадания приближавшихся ракет, — за двадцать семь часов?

— А что случится потом?

— Несколько часов назад Земля выпустила по Эросу весь межпланетный ядерный арсенал. Мы только что включили позывные пяти грузовиков, которые вы оставили на поверхности. Ракеты наводятся по ним. При нынешнем курсе «Роси» дает двадцать семь часов до попадания. Марси-

ане и Флот ООН спешат следом — стерилизовать район взрыва. Они позаботятся, чтобы ничего не выжило и не ушло из сети.

— Господи.

— Да уж, — вздохнул Холден. — Прости, что не сообщил тебе раньше. Мне было о чем подумать, вот и вылетело из головы.

Молчание на линии на сей раз затянулось.

— Ты мог бы их остановить, — предложил Миллер. — Отключить передатчики.

Холден вместе с креслом развернулся к Наоми. У нее было то же выражение: «Что он сказал?!» — которое он угадывал на своем лице. Она перевела показания меддатчиков на себя, вызвала диагностическую систему «Роси» и запустила полную диагностику. Ясно было без слов: она считала, что с Миллером происходит нечто, не выявляющееся с первого взгляда на результаты анализов. Если протомолекула инфицировала его и использует как уловку…

— И не надейся, Миллер. У нас остался последний патрон. Если мы выпустим его вхолостую, Эрос сможет выйти на орбиту Земли и залить ее бурой жижей. Мы не имеем права так рисковать.

— Послушай… — В тоне Миллера к прежней

мольбе примешивалась нарастающая досада. — Джули здесь! Если я сумею ее найти, поговорить с ней, то, может быть, у меня получится остановить ее без ракет.

— Что, попросишь протомолекулу: будь так добра, не заражай Землю, — хотя она именно для этого и предназначена? Попробуешь воззвать к ее лучшим чувствам?

Миллер секунду помолчал, прежде чем ответить.

— Слушай, Холден, по-моему, я понял, что здесь происходит. Эта штука должна была инфицировать одноклеточные организмы. Простейшие формы жизни, так?

Холден пожал плечами, вспомнил, что связь — не видео, и ответил вслух:

— Предположим.

— Это не прошло, но она умная зараза. Умеет адаптироваться. Она нашла хозяина в человеке, в сложном многоклеточном организме. Аэробного, с огромным мозгом. Совсем не похожего на то, для чего ее создавали. С тех пор она импровизирует. Та каша на корабле-невидимке — это была первая попытка. Мы видели, что она сделала из Джули в той душевой кабине на Эросе. Она обучалась работать с нами.

— К чему ты ведешь? — спросил Холден. Время пока было, до подхода ракет еще оставалось больше суток, но он не сумел сдержать нетерпения.

— Я просто хочу сказать, что Эрос сейчас — не то, что задумывали разработчики протомолекулы. Их первоначальный план наложился на миллиарды лет нашей эволюции. А тот, кто импровизирует, вынужден иметь дело с тем, что под рукой. Брать, что придется. Джули — это матрица. Ее мозг, ее чувства распространились повсюду. Этот полет к Земле представляется ей спортивной гонкой, и она все делает для победы. Смеется над вами, потому что вам ее не догнать.

— Постой, — сказал Холден.

— Она не угрожает Земле, она возвращается домой. Может, даже вовсе не на Землю, а на Луну. Она там выросла. Протомолекула оседлала ее организм, ее мозг. И заразилась ею — так же, как заразила ее. Если мы объясним ей, что происходит на самом деле, может быть, я сумею с ней договориться.

— Откуда ты знаешь?

— Просто интуиция, — ответил Миллер. — У меня хорошая интуиция.

Холден посвистел, пока все сказанное кувыркалось у него в мыслях. От новой перспективы

кружилась голова.

— Но протомолекула все равно будет стремиться выполнить свою программу, — заговорил он. — А чего требует эта программа, мы представления не имеем.

— С уверенностью могу сказать: не уничтожения человечества. Те, кто запустил к нам Фебу миллиарды лет назад, понятия не имели, что такое человек. То, что она пытается сделать, требовало большой биомассы, а теперь она ее получила.

Холден, услышав такое, не сдержался и фыркнул.

— Так что? Они не желают нам вреда? Серьезно? Ты полагаешь, если ей объяснить, что мы предпочли бы не принимать ее на Земле, она так-таки согласится отправиться в другое место?

— Да, — сказал Миллер. — *Она* согласится.

Наоми, оглянувшись на Холдена, покачала головой. Она не нашла в Миллере никаких болезненных изменений.

— Черт побери, я занимаюсь этим делом чуть ли не год, — продолжал Миллер. — Я влез в ее жизнь, читал ее письма, знакомился с ее друзьями. Я знаю ее. Она настолько независима, насколько это возможно для человека, и она нас любит.

— Нас? — переспросил Холден.

— Людей. Она любит людей. Она отказалась от богатой жизни и вступила в АВП. Она поддержала Пояс, потому что считала, что это справедливо. Она ни за что не убила бы нас, если бы понимала, что происходит. Мне просто нужно найти способ ей объяснить. Дай мне шанс.

Холден провел рукой по волосам, поморщился, ощутив накопившийся жир. Пара дней под высокими перегрузками не способствуют регулярным омовениям.

— Не могу, — сказал Холден. — Ставки слишком высоки. Мы будем действовать по плану. Прости.

— Она вас побьет, — сказал Миллер.

— Что?

— Ну, может, и нет. У вас чертова уйма огневой мощи. Но протомолекула сумела обойти законы инерции. А Джули? Она не из тех, кто сдается, Холден. Если начнется бой, я поставлю на нее.

Холден видел короткую запись боя Джули с захватчиками на корабле-невидимке. Защищая себя, она действовала методично и беспощадно. Дралась до последнего. Он видел ее дикий взгляд, когда она почувствовала себя загнанной в ловушку. Если бы не броня на противниках, те понесли бы куда б***о***льшие потери, прежде чем

совладали с ней.

При мысли, что Эрос всерьез вступит в бой, волосы на загривке у Холдена встали дыбом. Пока он просто уклонялся от их неуклюжих атак. А что, если дойдет до *войны?*

— Ты мог бы ее найти, — сказал он, — и использовать бомбу.

— Если не смогу до нее достучаться, — ответил Миллер. — Вот мое предложение. Я ее найду. Я с ней поговорю. Если не договорюсь, я ее вырублю, а вы можете превращать Эрос в пепел. Я не против. Но дайте мне время попробовать сперва по-своему.

Холден встретил взгляд Наоми. Она побледнела. Он хотел бы прочесть ответ на ее лице, понять, что делать, угадав ее мысли. И не смог. Выбор остался за ним.

— Тебе нужно больше двадцати семи часов? — спросил он наконец.

И услышал, как шумно выдохнул Миллер. Благодарность, прозвучавшая в его голосе, была в чем-то даже хуже мольбы.

— Не знаю. Здесь около двух тысяч километров туннелей, а транспортная система не работает. Я вынужден ходить пешком, волоча за собой чертову телегу. Не говоря уж о том, что я сам не

знаю, чего ищу. Но дай срок, разберусь.

— А ты знаешь, что, если твой план не сработает, тебе придется убить себя и Джули?

— Знаю.

Холден задавал «Роси» расчет времени до подхода Эроса к Земле при нынешнем ускорении. Ракеты с Земли шли чуть быстрее. Межпланетные ракеты — в сущности, просто сверхмощные эпштейновские двигатели с атомными боеголовками. Их максимальное ускорение определялось только мощностью самих двигателей. Если остановить ракеты, у Эроса все равно уйдет еще неделя до подхода к Земле — при постоянном ускорении.

Это давало некоторую свободу маневра.

— Подожди, я тут кое-что сделаю, — сказал Холден Миллеру и заглушил звук. — Наоми, ракеты летят по прямой к Эросу, и «Роси» считает, что они перехватят его через двадцать семь часов. Сколько времени мы выиграем, если сменим прямой курс на кривую? И какое отклонение можно допустить, чтобы ракеты все-таки имели шанс перехватить Эрос на достаточном расстоянии?

Наоми наклонила голову к плечу, подозрительно прищурилась на него.

— Что ты собираешься сделать? — спросила

она.

— Может быть, дам Миллеру шанс предотвратить первую межвидовую войну.

— Ты доверяешь Миллеру? — с неожиданной злобой спросила она. — Ты же считаешь его безумцем. Ты вышвырнул его с корабля, потому что счел психопатом и убийцей, а теперь ты позволишь ему говорить от имени человечества с богоравным пришельцем, который намерен разнести нас в клочья?

Холдену пришлось скрыть улыбку. Объяснять разгневанной женщине, как она хороша в гневе, — не самый разумный поступок. Кроме того, ему нужен был от нее трезвый ответ. Иначе как он узнает, на верном ли он пути?

— Ты как-то сказала мне, что Миллер прав, — и это когда я считал его мерзавцем.

— Я не в таком широком смысле это сказала. — Наоми словно обращалась к недоразвитому ребенку. — Я говорила, что он правильно сделал, застрелив Дрездена. Это не значит, что Миллер стабилен. Он сейчас совершает самоубийство, Джим. Он одержим погибшей девушкой. Я даже вообразить не могу, что сейчас творится у него в голове.

— Согласен. Зато он там, на месте, а у него ост-

рый, наблюдательный взгляд, и соображает он отлично. Этот парень вычислил Эрос, основываясь только на названии, которое мы выбрали для своего корабля. Меня это чертовски впечатлило. Он в жизни меня не видел и все-таки понял достаточно хорошо, чтобы выйти на меня через корабль, названный в честь коня Дон Кихота.

Наоми рассмеялась.

— Правда? Вот откуда это имя?

— Так что, когда он говорит, что знает Джули, я ему верю.

Наоми хотела что-то сказать, но прикусила язык и спросила уже тише:

— Ты думаешь, она отобьет ракетную атаку?

— Миллер думает, что она сумеет. И думает, что ее можно уговорить не убивать всех нас. Я должен дать ему шанс. Я у него в долгу.

— Даже если это означает гибель Земли?

— Нет, — ответил Холден, — долг не так велик.

Наоми снова помолчала. Гнев ее остыл.

— Значит, задержать ракеты, а не подорвать на полпути, — сказала она.

— Это даст ему время. Сколько мы можем выиграть?

Наоми нахмурилась, глядя на табло. Он почти видел, как прокручиваются у нее в мозгу вариан-

ты. Она улыбнулась, ярость сменилась озорным взглядом. Так она смотрела, когда была довольна собой.

— Сколько хочешь.

— Чего вы хотите? — переспросил Фред.

— Отвернуть ракеты с курса и дать Миллеру больше времени, но не настолько далеко, чтобы при нужде их нельзя было использовать для уничтожения Эроса, — повторил Холден.

— Это просто, — вставила Наоми. — Я послала подробную инструкцию.

— Дайте мне общий обзор, — приказал Фред.

— Земля наводит свои ракеты по пяти грузовикам на поверхности Эроса. — Наоми выложила схему на экран связи. — У вас есть корабли и станции по всему Поясу. Используйте программу смены позывных, какую давали когда-то нам, и ведите ракеты на эти позывные по длинной дуге, которая в конце концов сойдется с курсом Эроса.

Фред покачал головой.

— Не пройдет. Едва малый штаб командования ООН увидит, что мы делаем, они прекратят наводку ракет по этому коду и попытаются найти другой способ попасть в Эрос, — сказал он, — а на нас тогда по-настоящему рассердятся.

— Что они разозлятся, это точно, — признал

Холден, — а вот отвернуть свои ракеты не сумеют. Прежде чем вы начнете отводить ракеты от курса, мы устроим большую хакерскую атаку на их компьютеры.

— Так что они решат, будто враг пытается их сбить, и отключат возможность перепрограммирования в полете, — понял Фред.

— Точно так, — подтвердил Холден. — Мы им скажем, что собираемся их обмануть, чтобы они перестали слушать, а когда они перестанут слушать, мы их обманем.

Фред снова покачал головой, и во взгляде, который он уставил на Холдена, теперь читался страх человека, очень не желающего пятиться к выходу.

— Ни один черт меня к такому не склонит, — сказал он. — Миллер не совершит чуда, договорившись с пришельцами. Нам все равно придется взрывать Эрос. Зачем оттягивать неизбежное?

— Затем, — объяснил Холден, — что я начинаю думать, не выйдет ли так надежнее. Если мы торпедируем Эрос, не покончив с его командным центром… мозгом или чем там, возможно, это и сработает, но, думаю, наши шансы уменьшатся. Если кто и может прикончить центр, то это Миллер. А он выставил такое условие.

Фред буркнул что-то нецензурное.

— Если Миллер не сумеет договориться, он взорвет бомбу, — продолжал Холден. — В этом я ему верю. Ну, что там, Фред, вы не хуже меня знаете устройство этих боевых ракет. Даже лучше. У них горючего хватит, чтобы дважды облететь Солнечную систему. Мы ничего не теряем, дав Миллеру небольшую отсрочку.

Фред в третий раз покачал головой. Холден видел, как застыло его лицо. Он уже принял решение. Не дав ему сказать: «Нет», Холден заговорил:

— Помните ящичек с образцами протомолекулы и лабораторными отчетами? Хотите знать, какую цену я за него назначу?

— Вы, — медленно выдавил Фред, — совершенно свихнулись.

— Вы хотите его купить или нет? — ответил Холден. — Вам нужен волшебный пропуск за стол переговоров? Моя цена вам известна. Дайте Миллеру шанс, и образцы ваши.

— Хотел бы я знать, как ты его уговорил, — сказал Миллер. — Я уже было решил, что мне кранты.

— Не важно, — перебил Холден. — Мы даем тебе время. Иди, найди свою девушку и спаси

человечество. Мы будем ждать известий.

«И готовиться разнести тебя в пыль, если не получим», — этого он не произнес. Не было нужды.

— Я тут думал, куда нам идти, если я с ней договорюсь, — сказал Миллер. Надежда, светившаяся в нем, словно в обладателе лотерейного билета, почти погасла. — То есть надо же нам будет где-то причалить.

«Если мы выживем. Если я сумею ее спасти. Если случится чудо».

Холден пожал плечами, хотя некому было увидеть его жест.

— Отдай ей Венеру, — посоветовал он. — Это мерзкая планета.

Глава 54
Миллер

«Я не хочу, я не хочу, я не хочу, — бормотал голос Эроса. Джульетта Мао разговаривала во сне. — Я не хочу, и не хочу, и не хочу».

— Давай, — сказал Миллер. — Давай, сукин ты сын. Будь здесь!

Медицинские отсеки пышно заросли черными спиралями с бронзовыми и стальными усиками: они карабкались по стенам, впечатывались в смотровые столы, питались запасом наркотиков, гормонов и антибиотиков из разбитых шкафчиков. Миллер одной рукой разгребал заросли, в шлеме гудел тревожный сигнал скафандра. Воздух внутри, переработанный слишком много раз, приобрел кислый вкус. Большой палец, все еще зажимавший кнопку «мертвой руки», то гудел, то простреливался болью.

Он смахнул похожую на грибницу поросль с уцелевшего аптечного шкафчика и нашел замок. Четыре цилиндра с медицинским газом: два красных, зеленый и голубой. Он осмотрел печати. Протомолекула до них еще не добралась.

Красный — анестезирующий. Голубой — азот. Он выбрал зеленый. Стерильная крышка на подающем соске была на месте. Он глубоко вдохнул полумертвый воздух. Еще несколько часов. Отложив ручной терминал («Один… два…»), сдернул печать («Три…»), вставил сосок в приемник скафандра («Четыре…») и ткнул пальцем в кнопку на терминале. Он стоял, ощущая холод кислородного баллона в руке, а его скафандр пересматривал предполагаемую продолжительность жизни. Десять минут, час, четыре часа. Давление в баллоне уравнялось с давлением в скафандре, и Миллер выдернул сосок из приемника. Еще четыре часа. Он отвоевал себе еще четыре часа. Со времени разговора с Холденом это была третья аварийная подзаправка. Первая случилась на станции пожаротушения, вторая — у резервного восстановителя воздуха. Если бы он вернулся в порт, возможно, нашел бы там в кладовых и в оставшихся на станции кораблях незараженный кислород. Если бы добрался до поверхности — в кораблях АВП воздуха было вдоволь.

Но на это не оставалось времени. Он искал не воздух — он искал Джульетту. Миллер позволил себе потянуться. Мышечные зажимы в шее и спине угрожали перейти в судороги. Уровень

CO^2 в скафандре все еще превышал допустимый, несмотря на насыщение смеси свежим кислородом. Скафандр требовал техобслуживания и замены фильтра. Придется ему потерпеть. Бомба в тележке за спиной многозначительно молчала.

Он должен найти. Где-то в лабиринте коридоров и комнат мертвого города была Джули Мао, гнавшая их к Земле. Он выследил четыре горячих пятна. Три оказались достойными кандидатами для прежнего его плана — провода и черные чужие волокна свивались там в огромные узлы, напоминающие мозг. Четвертым оказался дешевый лабораторный реактор, готовый перегреться. Он уделил пятнадцать минут на аварийное отключение и, может, зря потратил время. Но нигде не было Джули. Даже придуманная Джули исчезла, словно мысль о том, что настоящая девушка еще жива, вытеснила призрака. Миллеру недоставало ее присутствия, хотя бы в форме бесплотного видения.

По медотсеку прошла волна, все щупальца приподнялись и опали, как железные волокна, под которыми провели магнитом. Сердце у Миллера зачастило, адреналин пошел в кровь, однако явление не повторилось.

Он должен был ее найти. И найти скоро. Он чувствовал, как подтачивает его усталость, как мелкие зубки впиваются в подсознание. Он уже мыслил не так ясно, как хотелось бы. Будь это на Церере, он бы пошел в свою нору, отоспался сутки и вернулся к проблеме на свежую голову. Но здесь подобное не годилось.

Полный круг. Он описал полный круг. Когда-то, в другой жизни, он взялся найти ее; потом, потерпев поражение, взялся отомстить. А теперь у него снова появился шанс найти ее и спасти. А если он не сумеет, хлипкая скрипучая тележка за его спиной сгодится для мести.

Миллер покачал головой. Слишком часто теперь повторялись такие минуты, когда он уходил в свои мысли. Он покрепче ухватил тележку с бомбой, навалился на рукоять и двинулся дальше. Станция вокруг скрипела, как скрипели, по его представлениям, древние корабли, когда шпангоуты сгибались под ударами соленых волн или в великом перетягивании каната приливов между Землей и Луной. Здесь кругом был камень, и Миллер мог только гадать, что за силы действуют на него. К счастью, эти силы не прерывали сигнал между его ручным терминалом и грузом. Ему не хотелось бы по случайности распасться на

составляющие атомы.

Становилось все яснее, что ему не обойти всей станции. Он знал об этом с самого начала. Если Джули затаилась — забилась в какую-то нишу или нору, как умирающая кошка, — ему ее не найти. Миллер превратился в игрока, поставившего все деньги на интуицию. Звучание Эроса изменилось, новые голоса напевали что-то на хинди. Детская песенка, которую Эрос гармонизировал с нарастающим хором своих голосов. Теперь, когда Миллер научился слушать, он различал голос Джули, вплетавшийся в другие. Может, он всегда был здесь. Бессилие стало острым, как боль. Она так близко, а ему к ней никак не добраться.

Он потащился обратно к основным коридорам. Госпитальные отсеки — тоже подходящее место для поисков. Правдоподобно. Тщетно. Он заглянул в две коммерческие биолаборатории. Ничего. Он попытал счастья в морге, в полицейских баках. Проверил даже хранилище для улик, где контейнеры с контрабандной наркотой и конфискованным оружием устилали пол, как дубовые листья в одном из больших парков. Все это когда-то что-то значило. Все было частями маленьких человеческих драм, ожидало, что его вынесут к свету, предъявят на суде или хотя бы

на разбирательстве. Все эти мелкие репетиции Судного дня теперь откладывались навечно. И все решения были спорными.

Что-то серебристое пролетело над ним быстрее птицы, потом еще, потом целая стайка пронеслась над головой. Свет играл по живому металлу, блестящему, как рыбья чешуя. Миллер наблюдал за импровизациями чужой молекулы.

«Нечего тебе здесь торчать, — сказал Холден. — Перестань суетиться, выходи на верный путь».

Миллер оглянулся через плечо. Капитан, реальный и нереальный, занял место его внутренней Джули.

«Вот это интересно», — подумал Миллер.

— Я понимаю, — сказал он. — Просто… я не знаю, куда она ушла. И… ну, погляди вокруг. Отличное место, нет?

«Ты сумеешь ее остановить, или остановлю я», — сказал Холден в его воображении.

— Если б только знать, куда она ушла, — ответил Миллер.

«Она не ушла, — сказал Холден. — Никуда не ушла».

Миллер обернулся к нему. Серебряный рой мельтешил над головой, гудя, как насекомые или плохо отрегулированный двигатель. Капитан

выглядел усталым. Воображение Миллера окрасило пятнышками крови углы его губ. И это уже был не Холден. Это был Хэвлок. Тоже землянин. Его старый напарник. А потом это была Мусс, с глазами, мертвыми, как у него самого.

Джули никуда не уходила. Миллер видел ее в комнате отеля, давно, еще когда не верил, чтобы что-то, кроме газов разложения, могло заставить мертвых двигаться. Давным-давно. Они завернули ее тело в мешок для переноски. И унесли куда-то. Ученые «Протогена», заполучив ее, выделили протомолекулу и рассеяли перестроенную плоть Джули по станции, как пыльцу над лугом. Они отдали ей станцию, но прежде должны были подобрать для нее безопасное место.

Надежное хранилище. Пока они не нашли способа распылить ее, им требовалось место, чтобы ее удержать. Как будто *это* можно было удержать. Вряд ли они дали себе труд прибрать за собой после того, как получили то, что им требовалось. Вряд ли эта станция могла еще кому-то пригодиться, значит, есть хороший шанс, что Джули еще здесь. Это сужало возможность выбора.

В госпитале были изоляторы, но «Протоген» едва ли решился бы использовать помещения, где непричастные врачи и сиделки могли заду-

маться над происходящим. Излишний риск.

Хорошо.

Они могли поместить ее на промышленную станцию в порту. Там хватает мест, которые обслуживаются только удаленными манипуляторами. Но и там оставался риск, что ее обнаружат или начнут задавать вопросы прежде, чем ловушка будет налажена.

«Наркотики, — заговорила в его сознании Мусс. — Тебе нужна изоляция и контроль. Извлечь вирус из мертвой девушки и извлечь наркотик из макового семени — может, и разная химия, но все равно преступление».

— Хорошая мысль, — признал Миллер. — И рядом с уровнем казино… нет, не годится. Казино было второй стадией. Первой — радиационная страшилка. Они загнали людей в убежище и сварили их, чтобы досыта накормить протомолекулу, а уже потом заразили уровень казино.

«Так где бы ты стал стряпать наркотики, чтобы поблизости от радиационного убежища?» — спросила Мусс.

Серебряная струйка над его головой завернула влево, потом вправо, пролилась дождем, и каждая капля оставляла за собой дымный след.

— Будь у меня доступ? В резервном центре

контроля жизнеобеспечения. Это закрытое помещение. Туда не заходят, разве что для переборки инвентаря. И все необходимое оборудование там нашлось бы. Довольно удобно.

«А „Протоген“ захватил службу безопасности Эроса еще до того, как заместил ее гангстерами, — с безрадостной улыбкой напомнила Мусс. — Видишь? Я не сомневалась, что ты додумаешься».

Доля секунды, и Мусс пропала, на смену пришла Джули Мао — его Джули. Она улыбалась, была красива. Сияла. Волосы плавали вокруг ее головы, как в невесомости. А потом и она исчезла.

Система скафандра предупредила, что окружающая среда приобретает повышенную коррозийную активность.

— Держись, — сказал он жгучему воздуху. — Я сейчас буду.

От момента, когда он понял, что Джульетта Андромеда Мао не умерла, до времени, когда вскрыл аварийный клапан и втащил свою тележку в резервный центр жизнеобеспечения, прошло не больше тридцати трех часов. Простые чистые линии, упрощенный для снижения уровня ошибок дизайн помещения еще просматривались сквозь наросты протомолекулы. Едва просматривались. Узлы темных нитей и спирали наутилусов

сглаживали углы. Петли свисали с потолка бородатым мхом. Привычные светодиодные лампы еще светили сквозь мягкую поросль, но больше света давали рои голубоватых точек, мельтешивших в воздухе. С первого же шага нога утонула по щиколотку, как в толстом ковре: тележку с бомбой пришлось оставить снаружи. Скафандр докладывал о дикой смеси экзотических газов и молекул ароматического ряда, но Миллер чуял только самого себя.

Все внутренние помещения изменились. Преобразились. Он прошел сквозь зал контроля сточных вод, как ныряльщик вплывает в подводную пещеру. Голубые огоньки роились над ним, несколько штук приклеились к скафандру и мерцали на нем. Он помедлил, прежде чем смахнуть их с лицевого щитка, опасаясь, что они размажутся, как мертвые светляки, но они просто взметнулись и опять закружились в воздухе. Мониторы восстановителей воздуха все еще мерцали и перемигивались, тысячи тревожных огоньков подсвечивали кружево протомолекулы, затянувшее панели. Где-то поблизости текла вода.

Джули была в аварийном расчетном узле, на ложе из темных нитей, протянувшихся от ее

позвоночника и неотличимых от сказочной подушки ее собственных невесомых волос. Крошечные голубые точки светились на ее лице, на плечах, на груди. Костные шпоры, прорвавшие кожу, срослись в высокие, почти архитектурные арки над ней. Ноги пропали, затерялись в черной чужой паутине: она напомнила Миллеру русалку, променявшую свой хвост на космическую станцию. Глаза ее были закрыты, но он видел, как они двигаются под веками. И она дышала.

Миллер стоял над ней. Ее лицо не было лицом Джули из его фантазий. У настоящей женщины оказался более широкий подбородок, и нос не такой прямой, как ему помнилось. Он не замечал, что плачет, пока не попытался смахнуть слезы, ударив перчаткой о щиток шлема. Пришлось поморгать, чтобы зрение прояснилось.

Столько времени. Такой путь. И вот к чему он пришел.

— Джули, — сказал он, опустив свободную руку ей на плечо. — Эй, Джули, просыпайся. Мне придется тебя разбудить.

Аптечка была при нем. Он мог бы впрыснуть ей адреналин или амфетамины, а вместо этого ласково тормошил, как тормошил Кандес сонным воскресным утром, когда та еще была его

женой в далекой, почти забытой жизни. Джули нахмурилась, открыла и закрыла рот.

— Джули. Надо просыпаться.

Она застонала и подняла бессильную руку, чтобы отмахнуться.

— Вернись ко мне, — сказал он. — Пора возвращаться.

Она открыла глаза. Уже не человеческие глаза — в белке свились черные и красные волокна, радужка светилась голубым, как те светляки. Перестала быть человеком, но осталась Джули. Ее губы беззвучно шевельнулись. А потом она произнесла:

— Где я?

— На станции Эрос, — сказал Миллер. — Только она уже не та, что раньше. И даже не *там*, где раньше, но…

Он попробовал рукой постель из нитей и решился пристроиться на краешек. Тело ныло от усталости и ощущалось легче, чем должно было. Не так, как при микрогравитации. Неестественная легкость не имела отношения к усталому телу.

Джули еще раз попробовала заговорить, сбилась, сделала усилие и начала снова:

— Кто вы?

— Да, мы ведь формально не знакомы, верно? Меня зовут Миллер. Я работал детективом на службу безопасности «Звездной Спирали» на Церере. Твои родители нас наняли, хотя это было скорее через «друзей наверху». Мне полагалось тебя найти, сграбастать и отправить обратно в колодец.

— Заказ на похищение? — Ее голос окреп, взгляд сосредоточился.

— Обычное дело, — ответил Миллер и вздохнул. — Хотя я его вроде как завалил.

Веки затрепетали, закрылись, но она продолжала разговор:

— Со мной что-то случилось.

— Да, это точно.

— Я боюсь.

— Нет, нет, нет. Не бойся. Все хорошо. Правда, все перевернулось вверх ногами, но это ничего. Слушай, сейчас вся станция несется к Земле. Очень быстро.

— Мне снилась гонка. Я возвращалась домой.

— Да, только нам надо остановиться.

Ее глаза опять открылись. Она выглядела потерянной, измученной, одинокой. Из уголка глаза скатилась слеза, мерцающая голубым светом.

— Дай мне руку, — попросил Миллер. — Нет,

правда, я хочу, чтобы ты за меня кое-что подержала.

Она медленно подняла руку — водоросль в тихом течении. Он взял свой терминал, вложил ей в ладонь и прижал большой палец к кнопке «мертвой руки».

— Просто держи вот так. Не отпускай.

— Что это? — спросила она.

— Долго объяснять, просто не отпускай.

Тревожный сигнал заорал на него, когда он разгерметизировал шлем. Он отключил сигнализацию. Запах был странным: уксусный, тминный, с сильной примесью мускуса, напомнившей ему о животном в спячке. Джули смотрела, как он отстегивает перчатки. Протомолекула уже вцепилась в него, пробуравила кожу и роговицу глаз, приготовилась сделать с ним то, что сделала с Эросом. Ему было все равно. Он забрал у нее терминал и сплел свои пальцы с ее.

— Ты — водитель этого автобуса, Джули, — произнес он. — Ты знаешь? Я хочу сказать, чувствуешь?

Пальцы у нее были прохладными, но не холодными.

— Я чувствую… что-то, — отозвалась она. — Голод? Нет, не голод, хотя… мне чего-то хочется.

Хочется вернуться на Землю.

— Этого нельзя. Тебе нужно изменить курс, — сказал Миллер. «Что там говорил Холден? „Отдай ей Венеру“». — Поворачивай к Венере.

— Оно не того хочет, — возразила Джули.

— Другого мы ему предложить не можем, — ответил Миллер и чуть погодя добавил: — Нам нельзя домой. Нам нужно на Венеру.

Она долго молчала.

— Ты — боец, Джули. Ты никогда никому не позволяла решать за тебя. Не начинай и теперь. Если мы пойдем к Земле…

— Оно и их съест. Как съело меня.

— Да.

Она взглянула на него.

— А что будет на Венере?

— Возможно, мы умрем. Но не захватим с собой множества других людей и будем уверены, что никто не заполучит эту дрянь. — Он обвел рукой грот вокруг них. — А если не умрем… ну, это будет интересно.

— Не знаю, смогу ли я.

— Сможешь. Ты умнее, чем то, что все это натворило. Ты управляешь. Веди нас к Венере.

Светляки взвихрились над ними, голубой свет чуть запульсировал: ярко-тускло, ярко-тускло.

Миллер видел по ее лицу — она решилась. Огоньки вокруг них вспыхнули ярче, грот озарился мягким голубым сиянием, потом оно померкло, и снова все стало как было. Миллер ощутил, как саднит в глубине горла, словно первое предупреждение о простуде. Он задумался, хватит ли у него времени деактивировать бомбу. А потом он посмотрел на Джули. Джульетта Андромеда Мао. Пилот АВП. Наследница престола корпорации «Мао — Квиковски». Зародышевый кристалл будущего, какое ему и не снилось. Времени у него хватит с избытком.

— Я боюсь, — сказала она.

— Не надо.

— Я не знаю, что будет.

— Никто никогда не знает. И, слушай, ты же будешь не одна.

— Я чувствую что-то в мыслях. Оно чего-то хочет. Я не понимаю. Оно такое большое.

Он задумчиво поцеловал ей руку. В глубине живота зарождалась настоящая боль. Болезненное чувство. Короткий приступ тошноты. Первые схватки перерождения в Эрос.

— Не тревожься, — сказал он. — Все у нас будет хорошо.

Глава 55
Холден

Холдену снился сон.

Он часто видел сны наяву и, когда обнаружил себя на кухне родительского дома в Монтане, беседующим с Наоми, сразу понял, что это сон. Ему не удавалось хорошенько понять, что она говорит, но она все смахивала волосы с лица, жуя печенье и запивая чаем. И хотя сам он не мог даже взять печенину в руки, не то что откусить, зато чувствовал запах и очень ясно вспоминал вкус шоколадного овсяного печенья, которое делала мама Элиза.

Это был хороший сон.

Кухня полыхнула красным, и нечто переменилось. Холден ощутил, как что-то пошло не так, почувствовал, как теплая греза соскальзывает в кошмар. Он пытался заговорить с Наоми, но слова не складывались. Комната снова замигала красным, а Наоми как будто не замечала. Он встал, прошел к кухонному окну и выглянул. При третьей вспышке он увидел, чем она вызвана. Метеоры падали с неба, оставляя за собой огнен-

ные хвосты цвета крови. Откуда-то он знал, что это обломки Эроса, разбившегося в атмосфере. Миллер не справился. Ракетная атака сорвалась.

Джули вернулась домой.

Он обернулся, чтобы сказать Наоми: «Беги!» — но черные плети проломили пол и обвились вокруг нее, пронизали ее тело во многих местах. Они выливались у нее изо рта и из глаз.

Холден хотел броситься к ней, помочь, но не мог двинуться с места и, опустив взгляд, увидел, как проросшие щупальца охватили и его. Одно обвилось вокруг пояса и держало. Другие втискивались ему в рот.

Он проснулся с воплем в темном помещении, освещавшемся красными вспышками. Что-то удерживало его за пояс. В панике он начал срывать это что-то, едва не содрав ногти на левой руке, пока трезвый рассудок не напомнил, где он. В рубке, в кресле поста, пристегнулся, как положено при невесомости.

Он сунул палец в рот, пососал пострадавший ноготь, обломанный о крепление кресла, и глубоко подышал носом. На палубе было пусто. Наоми спала внизу, в своей каюте. Алекс с Амосом, свободные от вахты, надо полагать, тоже спали. Они несколько дней не отдыхали во время гонки за

Эросом на высоком ускорении. Холден скомандовал всем отбой и вызвался на первую вахту.

А потом, как видно, задремал. Нехорошо.

Рубка снова вспыхнула красным. Холден тряхнул головой, разгоняя остатки сна, и сосредоточил взгляд на панели. На ней пульсировал красный огонек, и Холден постукал по экрану, вызывая меню. Это была панель угроз. Кто-то запятнал его прицельным лазером.

Открыв дисплей, он включил активные сенсоры. Единственным кораблем на ближайшие миллионы километров оказался «Рави», и на экране мигал огонек его вызова. Открыв связь, он через секунду услышал голос Макбрайд:

— «Росинант», прекратите маневрирование, откройте внешний люк и приготовьтесь принять десант.

Холден хмуро уставился на панель. Что за дикие шутки?

— Макбрайд, это Холден. Что вы сказали?!

Ее отрывистый ответ не внушал оптимизма.

— Холден, откройте внешний шлюз и приготовьтесь к высадке. Если активируется хоть одна оборонительная система, я расстреляю ваш корабль. Как поняли?

— Не понял, — отозвался он, не сдержав оби-

ды. — Совершенно не понял. И не дам вам себя захватить. Что за чертовщина?

— Я получила приказ Командования ООН взять контроль над вашим кораблем. Вы обвиняетесь во вмешательстве в военные операции ООН, в незаконной передаче кодов и множестве других преступлений. Мне сейчас некогда зачитывать весь список. Если вы немедленно не сдадитесь, мне придется открыть огонь.

— О! — сказал Холден. ООН увидела, что ее ракеты меняют курс, попыталась их перепрограммировать и обнаружила, что они не слушаются.

Конечно, они забеспокоились.

— Макбрайд, — помолчав, заговорил Холден. — Высаживать к нам абордажную команду бесполезно. Мы вам этих ракет вернуть не сможем. Да это и не нужно. Они просто идут малость кружным путем.

Смешок Макбрайд очень походил на короткий лай злобной собаки, готовой укусить.

— Кружным путем? — повторила она. — Вы передали три тысячи пятьсот семьдесят три высокоточные термоядерные межпланетные баллистические ракеты предателю и военному преступнику!

На обдумывание у Холдена ушла минута.

— Вы о *Фреде?* Мне кажется, «предатель» — несколько сильно…

Макбрайд оборвала его.

— Деактивируйте ложные передатчики, уводящие наши ракеты от Эроса, и активируйте позывные с поверхности, или мы расстреляем ваш корабль. На исполнение у вас десять минут.

Связь прервалась щелчком. Холден бросил на консоль злобный, недоверчивый взгляд и включил боевую тревогу. Палубные огни по всему кораблю загорелись яростным красным светом. Трижды рявкнула сирена. Алекс взлетел по трапу меньше чем через две минуты, а Наоми, отстав от него на полминуты, бросилась прямо в кресло командного поста.

Алекс заговорил первым.

— «Рави» в четырехстах километрах, — сообщил он. — По показаниям ладара труба открыта, и он держит нас на прицеле.

Отчетливо артикулируя каждое слово, Холден проговорил:

— Не — подчеркиваю, *не* — открывать нашей трубы и не пытаться взять на прицел «Рави». Просто не своди с него глаз и приготовься к мерам обороны, если покажется, что он собирается стрелять. Никаких провокаций.

— Заводить глушилку? — спросила Наоми.

— Нет, это тоже могут принять за агрессию. Но подготовь пакет защиты и держи палец на кнопке, — велел Холден. — Амос, ты в машинном?

— Роджер, кэп. Здесь все готово.

— Доведи реактор до ста процентов и возьми себе контроль за ОТО. Если увидишь на панели красную точку, тут же открывай огонь. Ясно?

— Роджер, — подтвердил Амос.

Холден выдохнул сквозь зубы и снова открыл связь с «Рави».

— Макбрайд, говорит Холден. Мы не сдаемся, отказываемся принять на борт вашу абордажную команду и не намерены подчиняться вашим требованиям. Что дальше?

— Холден, — отозвалась Макбрайд, — вы прогреваете реактор. Готовитесь к бою?

— Нет, просто хотим уцелеть. А что, будет бой?

Еще один резкий лающий смешок.

— Холден, — спросила Макбрайд, — почему это мне кажется, что вы не принимаете нас всерьез?

— О, ничего подобного, — убедительно произнес Холден. — Я не хочу, чтобы вы меня убили, и, вы не поверите, не хочу убивать вас. Ракеты пошли кружным путем, но из-за этого нам не стоит жечь друг друга. Я не могу удовлетворить ваши

требования и не желаю провести следующие тридцать лет в военной тюрьме. Вы ничего не выиграете, расстреляв нас, однако, если до этого дойдет, я буду защищаться.

Макбрайд отрубила связь.

— Капитан, — позвал Алекс, — «Рави» начинает двигаться. Маневровый искрит. Думаю, они готовятся к атаке.

Дерьмо! Холден был так уверен, что сумеет ее отговорить.

— Ладно, переходи к обороне. Наоми, запускай свой пакет. Амос, держишь палец на кнопке?

— Готов, — отозвался Амос.

— Не нажимай, пока не увидишь снаряда. Не надо их провоцировать.

Резкая перегрузка втиснула его в кресло. Алекс перешел к маневрированию.

— На такой дальности я, может, и сумею увернуться, сбить им прицел, — сказал пилот.

— Уворачивайся и открой трубы.

— Роджер. — Профессиональное спокойствие пилота не скрыло возбуждения от предстоящего боя.

— Я сбила им прицел, — сказала Наоми. — Лазер у них и близко не дотягивает до «Роси». Я просто завалила его шумами.

— Ура раздутому военному бюджету марсиан, — ответил ей Холден.

Корабль внезапно задергался в серии резких маневров.

— Черт, — сдавленным от перегрузки голосом процедил Алекс, — «Рави» открыл огонь из ОТО.

На своем дисплее Холден увидел длинную жемчужную нить приближающихся снарядов. Выстрел прошел мимо — «Роси» показывал расстояние между кораблями в триста семьдесят километров — слишком далеко, чтобы компьютерная система зацепила бешено маневрирующий корабль баллистическими снарядами с другого бешено маневрирующего корабля.

— Ответный огонь? — прокричал по связи Алекс.

— Нет, — выкрикнул в ответ Холден. — Если бы она хотела нас убить, пустила бы торпеды. Не давай ей повода захотеть.

— Кэп, мы ее переигрываем, — сказал Алекс. — У «Рави» просто не хватает скорости. Расчет цели будет готов через минуту.

— Роджер, — ответил Холден.

— Стрелять? — Дурацкий ковбойский акцент в голосе Алекса от напряжения почти пропал.

— Нет.

— Их прицельный лазер отключился, — сказала Наоми.

— Что означает, что они не надеются прорваться сквозь нашу глушилку, — ответил Холден, — и переключились на радарное слежение.

— Менее точное, — с надеждой заметила Наоми.

— Корвет вроде этого несет не меньше дюжины торпед. Чтобы нас убить, хватит одного попадания. А на такой дальности…

Тихий гудок с панели угроз сообщил ему, что «Роси» рассчитал обстрел «Рави».

— Есть гудок! — выкрикнул Алекс. — Стрелять?

— Нет! — сказал Холден. Он знал, что сейчас внутри «Рави» звучит громкое тревожное предупреждение. «Остановись, — всей душой пожелал Холден. — Не заставляй себя убить».

— О, — тихо выдохнул Алекс. — Хо.

Почти одновременно с ним Наоми окликнула его сзади:

— Джим?

Он не успел спросить, потому что Алекс перешел на общую связь.

— Эй, капитан, Эрос вернулся!

— Что? — В голове у Холдена мелькнула дикая

картина: астероид, словно злодей из комикса, подкрадывается к двум сцепившимся кораблям.

— Да-да, — подтвердил Алекс, — Эрос. Только что выскочил на радарный экран. Что бы там ни блокировало наши сенсоры, сейчас оно прекратилось.

— Что он делает? — спросил Холден. — Дай мне курс!

Наоми вывела данные слежения на свой экран и принялась обрабатывать, но Алекс справился на несколько секунд быстрее.

— Ага, — сказал он. — Очень похоже. Он меняет курс. По-прежнему направляется к Солнцу, но уклоняется от Земли.

— Если он удержит курс и скорость, — добавила Наоми, — я бы сказала, что он попадет на Венеру.

— Ух, — вырвалось у Холдена. — Я же пошутил.

— Шутка удалась, — сказала Наоми.

— Ну так скажите кто-нибудь Макбрайд, что ей уже ни к чему в нас стрелять.

— Да, — задумчиво протянул Алекс, — а ведь если мы заставили те ракеты перестать слушаться, значит, мы их и отрубить не сможем. Хотел бы я знать, куда Фред их скинет?

— Черт его знает, — вклинился Амос. — Но Зем-

лю он разоружил. Получится ужасно неловко.

— Непредвиденные последствия, — вздохнула Наоми. — Так всегда бывает.

Ни одно событие в истории не освещалось и не записывалось так широко, как столкновение Эроса с Венерой. К тому времени, как астероид достиг второй от Солнца планеты, на ее орбите обосновалось множество кораблей. Военные пытались отогнать гражданских, но тщетно. Те задавили их числом. Видео падения Эроса поймали армейские камеры, телескопы гражданских кораблей, обсерватории двух планет и пяти лун.

Холден хотел бы оказаться там, чтобы увидеть все вблизи, но Эрос, отвернув, набрал скорость, словно астероиду, увидевшему конец пути, не терпелось закончить странствие. Холден с командой смотрели видео по новостям, сидя в камбузе «Роси». Амос раскопал где-то бутылку эрзац-текилы и щедрой рукой разлил ее по кофейным чашкам. Алекс направил корабль к Тихо на мягкой трети *g*. Спешить было уже некуда.

Все кончилось, они могли смотреть салют.

Холден дотянулся до руки Наоми и крепко сжал ее, когда астероид вышел на орбиту Венеры и словно остановился. Он, кажется, чувствовал, как затаило дыхание все человечество. Никто

не знал, что теперь сделает Эрос… нет, Джули. Никто не говорил с Миллером после того последнего разговора с Холденом, и ручной терминал Миллера не отвечал. Никто не мог сказать, что произошло на астероиде.

Конец был прекрасен.

Эрос на орбите вокруг Венеры раскрылся, как коробочка-головоломка. Гигантский астероид раскололся на дюжину кусков, растянувшихся вдоль экватора планеты длинным ожерельем. Потом каждый из дюжины раскололся еще на дюжину, и еще, и блестящее облако частиц-семян затянуло всю поверхность планеты, чтобы исчезнуть в толстом слое облачности, всегда скрывавшем Венеру от взглядов.

— Ух ты! — едва ли не благоговейно протянул Амос.

— Роскошное зрелище, — сказала Наоми. — Чуточку тревожное, но пышное.

— Они не останутся там навсегда, — сказал Холден.

Алекс вытряхнул в себя последние капли текилы из чашки и долил из бутылки.

— Ты это о чем, кэп? — спросил он.

— Ну, я просто гадаю. Но не думаю, чтобы те, кто создал протомолекулу, хотели всего лишь

сохранить ее здесь. Это была часть большого плана. Мы спасли Землю, Марс и Пояс. Вопрос, что произойдет дальше.

Наоми с Алексом переглянулись. Амос поджал губы. На экране Венера заблестела от играющих по всей планете молний.

— Кэп, — сказал Амос, — не порти мне выпивку!

Эпилог
Фред

Фредерик Люциус Джонсон. Бывший полковник вооруженных сил Земли, палач станции Андерсон, а теперь еще и станции Тот. Неизбранный премьер-министр АВП. Он десяток раз смотрел в лицо своей смерти, терял друзей — убитых, разошедшихся с ним в политике, предавших. Он пережил четыре покушения, из которых известно было только о двух. Он с одним столовым ножом прикончил вооруженного пистолетом убийцу. Он отдавал приказы, унесшие сотни жизней, и отвечал за свои решения.

И все-таки перед публичными выступлениями он до сих пор чертовски нервничал. Нелепо, но факт.

«Леди и джентльмены, мы стоим на перекрестке дорог…»

— На приеме будет генерал Себастьян, — сказала секретарша. — Не забудьте: о муже ее не спрашивать.

— Почему? Я ведь его не убивал. Или убил?

— Нет, сэр. У него шумный адюльтер, и генерал

несколько чувствительна к этому вопросу.

— Тогда, вероятно, она захочет, чтобы я его убил.

— Можете предложить, сэр.

Зеленый зал на самом деле оказался отделан в красный и охру; здесь была черная кожаная кушетка, зеркальная стена и стол с гидропонной клубникой и тщательно минерализованной водой. Глава службы безопасности Цереры, суровая женщина по имени Шаддид, три часа назад проводила его от дока к месту конференции. С тех пор он расхаживал — три шага, поворот, три шага обратно, — как капитан древнего линкора на мостике.

По всей станции в собственных комнатах разместились представители недавно воевавших сторон с личными секретарями. Большинство ненавидело Фреда, но это было не слишком серьезно. Кроме того, большинство его боялось. Конечно, не из-за его положения в АВП. Из-за протомолекулы.

Политический раскол между Землей и Марсом, возможно, устранить не удастся: верность земных сил «Протогену» толкнула их на предательство, последствия которого не загладить извинениями, да и слишком много жизней потеряла каждая

сторона, чтобы будущий мир когда-нибудь стал похожим на прежний. Кое-кто в АВП по наивности радовался, надеясь, что планеты столкнутся к выгоде Пояса. Фред был не настолько глуп. Если три силы — Земля, Марс и Пояс — не добьются настоящего мира, они неминуемо скатятся в настоящую войну. Хотя если Земля и Марс видели в Поясе не более чем досадную помеху, которую можно было спихнуть ногой, разделавшись с настоящим врагом… Впрочем, по правде сказать, антимарсианские настроения на Земле сейчас были сильнее, чем в период открытой войны, а на Марсе оставалось всего четыре месяца до выборов. Значительный сдвиг в политике Марса мог или ослабить напряжение, или неизмеримо усугубить положение дел. Обеим сторонам придется шире взглянуть на вещи.

Фред остановился перед зеркалом, в сотый раз одернул мундир и поморщился.

— С каких это пор, черт меня подери, я превратился в консультанта брачной конторы? — буркнул он.

— Вы все о генерале Себастьян, сэр?

— Нет. Забудьте, что я сказал. Что еще мне нужно помнить?

— Возможно, «Синий Марс» попытается со-

рвать ваше выступление. Крикуны и плакаты, без оружия. Капитан Шаддид посадила нескольких «синих», но кто-то мог проскользнуть у нее между пальцами.

— Учту.

— У вас назначены интервью с двумя политическими программами и с новой станцией, базирующейся на Европе. Корреспондент с Европы, возможно, спросит о станции Андерсон.

— Учту. Что нового с Венеры?

— Там, внизу, что-то происходит, — ответила секретарша.

— Значит, она выжила.

— Вероятно, сэр.

— Потрясающе, — с горечью бросил он.

«Леди и джентльмены, мы стоим на перекрестке дорог. По одну руку весьма реальная угроза взаимного уничтожения, а по другую…

…а по другую оборотень, готовый выползти из колодца Венеры и прикончить вас всех во сне. У меня есть живые образцы, в которых ваша первая, если не единственная, надежда понять, каковы его намерения и возможности, и я запрятал их так, что просто отобрать их у меня вы не сумеете. Это единственная причина, почему хоть кто-то из вас меня слушает. Так что я рассчиты-

ваю на некоторое внимание».

Звякнул терминал секретарши, и она быстро взглянула на него.

— Капитан Холден, сэр.

— Это необходимо?

— Желательно дать ему почувствовать, что он участвует в вашем проекте, сэр. За ним известна склонность к любительским обращениям к прессе.

— Хорошо. Пригласите его.

Недели, прошедшие с тех пор, как Эрос распался на части в густых небесах Венеры, пошли Холдену на пользу, хотя следы долговременных перегрузок, испытанных «Росинантом» в погоне за Эросом, не исчезнут так скоро. Кровь из лопнувших сосудов вокруг радужки рассосалась, синяки под глазами и на шее сошли. Только замедленность походки выдавала сильную боль в суставах, хрящи которых еще не вернулись к естественной форме. В те времена, когда Фред был другим человеком, у них это называлось «перегрузочная развалочка».

— Привет, — сказал Холден. — Отлично выглядите. Видели последнюю передачу с Венеры? Хрустальная башня высотой два километра. Что вы об этом думаете?

— Сам виноват. — Фред поддержал дружеский тон. — Мог бы сказать Миллеру, чтобы взял курс на Солнце.

— Ну да, двухкилометровая хрустальная башня, торчащая из Солнца, никого бы не смутила, — согласился Холден. — Это клубника?

— Угощайся, — сказал Фред. Он с утра ничего не мог есть.

— Итак, — продолжал Холден, набив рот ягодами, — они действительно намерены предъявить мне обвинение?

— В односторонней передаче всех прав на ископаемые и разработку целой планеты по открытому радиоканалу?

— Угу, — промычал Холден.

— Я бы сказал, обвинение тебе могут предъявить законные владельцы этих прав — если удастся вычислить законных владельцев.

— Вы могли бы помочь мне выбраться? — спросил Холден.

— Я буду свидетелем защиты, — сказал Фред, — но не я составляю законы.

— Так чем вы все тут собираетесь заниматься? Что, нельзя объявить что-нибудь вроде амнистии? Мы вернули протомолекулу, разыскали на Эросе Джули Мао, спасли Землю.

— *Вы* спасли Землю?

— Мы помогали, — резко помрачнев, ответил Холден. Смерть Миллера все еще мучила капитана. Фред знал, что он чувствует. — Мы действовали совместными усилиями.

Секретарша Фреда кашлянула и покосилась на дверь. Им пора было идти.

— Я сделаю, что смогу, — пообещал Фред. — На мне висит много дел, но я сделаю, что смогу.

— И еще, Марс не получит обратно «Роси», — сказал Холден. — По закону о правах на спасенное имущество корабль теперь мой.

— Они будут другого мнения, но я сделаю, что смогу.

— Вы все время это повторяете.

— Это все, что я могу сказать.

— И вы им о нем расскажете, да? — сказал Холден. — О Миллере. Он этого заслужил.

— Об астере, который добровольно вернулся на Эрос, чтобы спасти Землю? Еще бы не рассказать!

— Не о каком-то «астере». О нем. О Джозефусе Алоизиусе Миллере.

Холден оторвался от дармовой клубники. Фред скрестил руки.

— Ты читал досье, — сказал Фред.

— Ну да, я не так уж много о нем знал.

— И никто о нем не знает, — сказал Фред, затем заговорил мягче. — Я понимаю, что это жестоко, но мне не нужен живой человек со всеми его сложностями. Мне нужен символ Пояса. Икона.

— Сэр, — вмешалась секретарша, — вам пора.

— Вот что нас до этого довело, — сказал Холден. — Иконы. Символы. Люди без имен. Все эти научники «Протогена» думали о биомассе и популяции. А не о Мэри, что работает в снабжении, а в свободное время разводит цветочки. Никто из них не убивал *ее.*

— Думаешь, они бы не смогли?

— Я думаю, если уж собирались, то должны были знать ее по имени. Знать всех по именам. И вы слишком многим обязаны Миллеру, чтобы не делать из него то, чем он не был.

Фред рассмеялся. Не смог сдержать смеха.

— Капитан, — заговорил он, — если вы хотите сказать, что я должен внести поправку в обращение к конференции и вместо повести об астере, спасшем Землю, сказать что-то вроде: «Нам случайно подвернулся коп с суицидальными наклонностями», — то вы понимаете в происходящем меньше, чем я думал. Самопожертвование Миллера — орудие, и я намерен его

использовать.

— Даже если это лишит его лица? — спросил Холден. — Даже если сделает его совсем другим человеком?

— Особенно если это сделает его другим человеком, — ответил Фред. — Ты помнишь, каким он был?

Холден нахмурился, потом что-то мелькнуло в его глазах. Юмор. Воспоминание.

— Он был настоящей занозой в заднице, да?

— Этот человек мог из явления тридцати нагих ангелов божьих, возвещающих, что секс, оказывается, — вовсе не грех, сделать довольно унылое зрелище.

— Он был хорошим человеком, — сказал Холден.

— Не был, — возразил Фред. — Но он делал свое дело. А я намерен сделать свое.

— Покажите им, — попросил Холден. — И насчет амнистии. Не забудьте насчет амнистии.

Фред шел по изогнутым коридорам, секретарша держалась на шаг позади него. Конференц-зал был рассчитан на мероприятия масштабом помельче. На мелочи. На заседания по вопросам гидропоники, позволяющие ученым сбежать от жен, мужей и детей, чтобы напиться и по-

толковать о проращивании бобовых. На съезды шахтеров, читающих друг другу лекции по минимизации отходов и удалении пустой породы. На конкурсы студенческих оркестров. А сейчас на этих рабочих коврах, в этих каменных стенах будет твориться история. Если обшарпанные унылые залы напомнили ему о Миллере, виноват был Холден. Ибо прежде не напоминали.

Делегации расселись через проход друг от друга. Генералы, политические назначенцы и их секретари с Земли и Марса, две великие силы, сошедшиеся по его приглашению на Церере, в Поясе. На территории, ставшей нейтральной, потому что ни одна из сторон не принимала ее всерьез. Весь ход истории вел их сюда, к этому мгновению, а теперь в ближайшие несколько минут Фреду предстояло изменить его курс. Страх пропал. Улыбнувшись, он шагнул на возвышение, на место оратора.

На кафедру.

Редкие, вежливые аплодисменты. Несколько улыбок, несколько хмурых лиц. Фред улыбался. Он больше не был человеком. Он стал иконой, символом. Повестью о самом себе и о силах, сошедшихся в игре в Солнечной системе.

И на миг он почувствовал искушение. В паузе

между вздохом и первым словом он задумался, что было бы, если б он отказался от заготовленной речи и заговорил о себе как о человеке и о почти незнакомом ему Джо Миллере, об ответственности, которую они несли вместе, о настоящих, небезупречных, сложных людях, какими они были на деле.

Эта был бы благородный путь к поражению.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — Мы стоим на перекрестке дорог. По одну руку — весьма реальная угроза взаимного уничтожения. По другую…

Он выдержал эффектную паузу.

— …по другую — звезды.